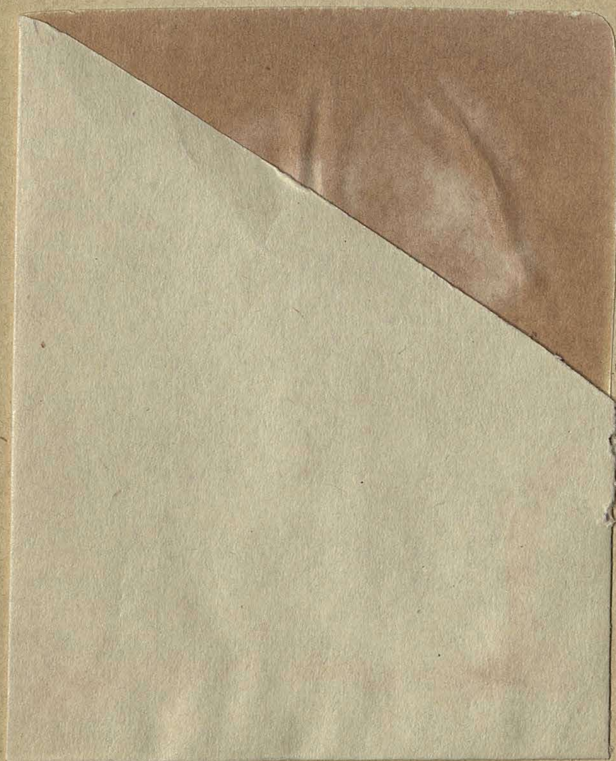


Ѡ црскомъ інтересѣ

И нынѣ всеусердно твоего милосердия прошу дабы има
мое сокрушенно от иных лицъ был паче же от нелѣ
бывших правду понеже писахъ неслыханымъ

паче же да будетъ воля бжия и твоя премудрая цар
ская воля аминь

Яко аще кто восхощетъ угодити то не можетъ
мамоне услужити ничимже разстоудетъ аще
кто и црю вѣрно потщитися услужитъ то
всему миру имать ненавистенъ быти.

Всенижайший и мизирнейший рабичищъ
преданный же всеусердный обличитель Іоанно
Посошковъ уписанно о зрения людского
прилѣжным трудомъ воописал то
ему црскому величеству предлагаю,

Аминь.

1724 г.

Февраля 24

А вмѣсто у насъ в россіи чинитца тѣмъ неправо
другъ друга обманываетъ и другъ друга обидитъ то
товары худые запродаетъ добрыми а вмѣсто добрыхъ
продаетъ худые и цѣну беретъ неправую и между со
бою согласия нималаго не имѣютъ другъ друга ѣдятъ

А буде не сочинитъ нарѣшение всякихъ дѣлъ новаго уло-
женья то и правому суду быть невозможно понеже
у всякого судьи свой умъ, и какъ кому понравитца
такъ и судитъ, а надобно такъ его учредить чтобъ и не
весьма смысленной судья могъ право судить:

Видѣлъ я по степямъ много тамъ парослянов дикия въ человѣка вышиною. а иные сажени
и двѣ были да все погорели и пропали а щебъ
не пожары то и при степныхъ мѣстехъ леса
великие были:/

Великий архипастырю достохвальные Христовы церкве, и наш великий святителю
всероссийский. Благоволи сие писание прияти, и изъявленных в нем нужнонужд
всенарочну рассмотрити: понеже бо, яко нется наша христианская нужда суть ли от
стна: того бо ради изъезднях ти, твою нашу духовную нужду чрез сие писание предаю.

Обаче егда потщашася еси, и бог помощь ти о ясных же явно, яко изъявлях. Истинны
Царь изволиша ради всенародные пользы. Означенные указы, по благоразумию твоему
устроили, то многие люди спасутся: понеже бо яко от сна пробудятся.

Писавый убогий мирянин
села Покровского крестьянин. Иоанн Посошков.

Писавый Иоанн Посошков главу сию
поноси твоя поносить,
кроме погрешений недознаний и су-
мнительных прощения просит.

Желаем покрова твоего благопри-
прошенны жити,
И за то вечне престанем людьми
достойне тя блажити.

СОЧИНЕНІЯ

ИВАНА ПОСОШКОВА.

СОЧИНЕНІЯ

ИВАНА ПОСОШКОВА.

ИЗДАНЫ,

НА ИЖДИВЕНІИ МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,

МИХАЙЛОМЪ ПОГОДИНЫМЪ,

ПРОФЕССОРОМЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Много Нѣмцы насъ ушлѣе науками, а наши остротою по благодати Божіей, не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно. (*Слова Посошкова изъ донесенія Боярину Головину*).

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.
1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Февраля 6 дня 1842 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ*.

По опредѣленію Императорскаго Общества Исторіи и Древностей, учрежденнаго при Московскомъ Университетѣ. 1842 года Мая 31.

Членъ Комитета *С. Шевыревъ*.

КНИГА
О
СКУДОСТИ И О БОГАТСТВѢ,

СІЕ ЕСТЬ ИЗЪЯСНЕНІЕ,

ОТЪ ЧЕГО ПРИКЛЮЧАЕТСЯ СКУДОСТЬ, И ОТЪ ЧЕГО ГОБЗОВИТОЕ БОГАТСТВО УМНОЖАЕТСЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Крестьянинъ Иванъ Посошковъ, жившій въ царствованіе Императора Петра Великаго, извѣстенъ былъ въ нашей Литтературѣ по тремъ краткимъ своимъ сочиненіямъ, или лучше запискамъ: 1, *О ратномъ поведеніи*, представленная Боярину Головину; 2, *О духовныхъ дѣлахъ*, Митрополиту Стефану Рязанскому; 3, *Наставленіе сыну*, отправленному въ путешествіе. Первая и третья напечатаны были вмѣстѣ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Г. Розановымъ, подъ заглавіемъ: *Россіянинъ прошедшаго вѣка*; а вторая К. Ѳ. Калайдовичемъ въ Русскихъ Достопамятностяхъ, въ 1814 году.

Новиковъ въ Словарѣ Русскихъ писателей (1783) собщилъ извѣстіе, (повторенное Митрополитомъ Евгеніемъ), что Иванъ Посошковъ написалъ книгу *О скудости и богатствѣ*.

Счастливый случай доставилъ мнѣ въ руки эту книгу въ числѣ прочихъ, купленныхъ Т. Ѳ. Большаковымъ на аукціонѣ въ Петербургѣ, въ 1840 году, послѣ покойнаго И. И. Лаптева, извѣстнаго собирателя отечественныхъ древностей.

Подъ заглавіемъ, которое обѣщаетъ читателямъ не болѣе какого нибудь нравственнаго разсужденія, сочи-

неніе Посошкова заключаетъ въ себѣ, какъ увидѣлъ я съ первыхъ страницъ, полное изслѣдованіе о состояніи Россіи во время Петра I, — и радость моя не имѣла границъ. Чѣмъ далѣе я читалъ, тѣмъ болѣе удостовѣрялся, что не было ни одного государственнаго вопроса, до котораго бы Посошковъ не коснулся, о которомъ бы не думалъ, и не дошелъ до положительнаго мнѣнія. Многія важныя политическія мѣры, коими прославилось царствованіе Екатерины II и Александра I, были предлагаемы уже Посошковымъ. Скажу болѣе: тѣ великіе вопросы, кои занимаютъ теперь Правительство, судя по разнымъ его дѣйствіямъ, напримѣръ о кодификаціи, о размежеваніи, объ отношеніи крестьянъ къ помѣщикамъ, были за сто лѣтъ предметомъ размышленій великаго Русскаго Политика-самоучки; иныя предоставляются еще будущему времени, какъ-то обезпеченіе Духовенства, торговля обществами и проч.; съ другой стороны многія злоупотребленія, кои старается искоренить благодѣтельное Правительство, предупреждались его мѣрами, напримѣръ черезполосность. Родясь лѣтъ за пятьдесятъ до Политической Экономіи въ Европѣ, Посошковъ постигалъ живо ея правила и училъ своихъ соотечественниковъ, только не отвлеченными положеніями системы, а по дѣйствительнымъ явленіямъ жизни.

Нечего говорить, что нѣкоторыя другія мѣры Посошкова, напримѣръ о почтахъ, пыткахъ, казняхъ, и проч. въ теченіи времени обветшали, сдѣлались неудобными, вслѣдствіе измѣнившихся отношеній Россіи

внѣшнихъ и внутреннихъ, распространенія ея предѣловъ и вступленія въ систему Европейскихъ Государствъ, — и теперь имѣютъ только значеніе историческихъ достопамятностей.

Почитаю себя счастливымъ, что могу, при содѣйствіи просвѣщеннаго Начальства, издать вполнѣ этотъ драгоцѣнный историческій памятникъ, высокое произведеніе здраваго Русскаго смысла.

Долгомъ поставляю принести усердную благодарность и Императорскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, которое приняло на свой счетъ издержки изданія. Принеся уже столько пользы отечественной Исторіи изданіемъ Свода Арцыбышева, Лѣтописей Псковской и Супрасльской, дѣлъ по Мѣстничеству и многихъ важныхъ разсужденій, оно пріобрѣтаетъ теперь новое право на общую признательность любителей Исторіи.

Къ сочиненію О скудости и богатствѣ, я разсудилъ заблаго присоединить и прочія записки Посошкова, изъ коихъ двѣ сдѣлались уже библіографическими рѣдкостями, дабы въ этомъ изданіи публика имѣла вполнѣ всѣ доселѣ извѣстныя сочиненія Посошкова.

Прежде нежели предложу ихъ читателямъ, считаю нужнымъ, основываясь на нихъ, представить краткое *изслѣдованіе объ жизни сочинителя.*

Посошковъ происходилъ изъ крестьянъ.

Въ донесеніи своемъ Боярину Головину, (о которомъ ниже) онъ говоритъ: «истинно не лгу, что отъ самаго желанія сердечнаго писалъ сіе, а не отъ достовѣрства; понеже земледѣлецъ есмь, а не воинъ,» и пр. (см. ниже с. 288).

Подъ донесеніемъ, которое было подано Митрополиту Стефану Яворскому послѣ 1703 г., и дошло до насъ въ подлинникѣ, Посошковъ подписался: «убогій мірянинъ, села Покровскаго крестьянинъ Иванъ Посошковъ.» (с. 313).

Въ концѣ этого посланія онъ говоритъ также: «ей неученый есмь человѣкъ; къ сему же еще и земледѣлецъ есмъ.» (с. 313)

Когда Посошковъ родился и когда умеръ?

На этотъ вопросъ можно отвѣчать приблизительно, принимая въ помощь для соображеній годъ 1708, когда сынъ его отправленъ былъ въпутешествіе (с. 293): сыну вѣроятно было тогда около 20 лѣтъ, покрайней мѣрѣ неболѣе (с. 293), слѣдовательно онъ родился около 1690 года, слѣдовательно Посошкову отцу должно быть тогда не менѣе 20 лѣтъ, слѣдовательно онъ родился около 1670, и никакъ не послѣ, а можетъ быть ранѣе. Съ этимъ числомъ сходятся хорошо и прочія: въ 1701 году Посошковъ могъ, имѣя 30 лѣтъ отъ роду, представлять свое донесеніе Головину, а въ 1724 г. написать сочиненіе О скудости и богатствѣ, имѣя отъ роду около 55 или 60 лѣтъ, если онъ женился 30, и родился въ 1665 году. Умеръ же онъ послѣ

1724 года, въ которомъ былъ еще въ полной силѣ души и тѣла.

Гдѣ онъ жилъ?

О селѣ Покровскомъ, котораго крестьяниномъ онъ называетъ себя въ 1703 году, нельзя сказать ничего достовѣрнаго, но въ послѣднее время, то есть около 1724 года, когда Посошковъ писалъ книгу О скудости и богатствѣ, онъ жилъ безъ сомнѣнія около Новагорода, куда часто ѣздилъ, какъ видно изъ книги, близь посада Устрики, который встрѣчается у него еще чаще. Это селеніе находится на озерѣ Ильменѣ, въ 20 верстахъ отъ Старой Русы, и 100 отъ Новагорода, что случилось мнѣ узнать во время послѣдней поѣздки въ Петербургъ, отъ Новогородскихъ крестьянъ.

Вотъ еще одно собственное имя, служащее указаніемъ его мѣстопребыванія: «въ прошломъ 719 году ѣдучи къ себѣ на заводъ,» говоритъ Посошковъ, «на Держковомъ волоку» (с. 163) и проч. Держковъ волокъ въ 60 верстахъ отъ Боровичей къ сѣверу, какъ я слышалъ отъ нихъ же.

До 1700 года Посошковъ подавалъ какой-то проэктъ финансовый, о денежномъ дѣлѣ, о коемъ упоминается въ донесеніи боярину Головину (см. ниже с. 282).

Въ 1700 году, какъ видно оттуда же, Посошковъ представлялся въ Преображенскомъ, на Сержантскомъ дворѣ, Императору Петру I, который «изъ своихъ царскихъ устъ изрекъ (ему), чтобъ сдѣлать рогатки огнестрѣльныя въ три ряда» (с. 268), и проч.

Въ 1701 году Посошковъ написалъ предложеніе Боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину о *ратномъ поведеніи.*

Неизвѣстно, какой успѣхъ имѣло это предложеніе. Вѣроятно никакого, ибо онъ многія изъ своихъ мыслей повторяетъ опять въ книгѣ О скудости и богатствѣ. Еслибъ оно имѣло успѣхъ, то Посошковъ не преминулъ бы упомянуть тамъ, къ чему имѣлъ много поводовъ. Молчаніе его убѣждаетъ въ противномъ.

Изъ этого донесенія видно также, что рогатки, заказанной ему И. Петромъ I онъ не представлялъ еще тогда Государю, ибо говоритъ въ донесеніи: «и буде доволишь тотъ образчикъ объявить.» (с. 268), и проч.

Однакожъ Посошковъ сдѣлался извѣстнымъ, и въ 1708 году сынъ его посланъ былъ въ чужіе краи для ученія, по повелѣнію Императора Петра I, (с. 293).

Въ десятыхъ годахъ Посошковъ написалъ *отеческое завѣщательное поученіе*, изъ котораго видно, что онъ имѣлъ уже тогда порядочное состояніе, и могъ давать сыну по 100 ефимковъ, или гульденовъ по 150 Голландскихъ, что составляло около тысячи рублей тогдашнихъ. (с. 299).

Въ время сочиненія О скудости и богатствѣ, т. е. въ 1724 году Посошковъ имѣлъ уже самъ крестьянъ, или по крайней мѣрѣ заводъ * съ приписанными людьми ** и землею. ***

* «Въ прошломъ 719 г. ѣдучи къ себѣ на заводъ. (с. 163)

** «У меня человѣкъ пять шесть сбѣжало прошлаго 722 года.» (с. 96) «Мой человѣкъ поймался за лошадь мою (въ военномъ обозѣ), то лошадь у него отняли, да его же Капитанъ Мавринъ высѣкъ ботоги.» (с. 44)

*** «Кто есмь я, да и за мною съ полтораста четвертей есть, а платежу моего нѣтъ съ нихъ Великому Государю ни малаго.» (с. 203)

Въ 1719 году онъ подавалъ еще просьбу Князю Дмитрію Михайловичу Голицыну о позволеніи построить заводъ винокуренный, и взять водку на подрядъ, но получилъ отказъ, и былъ даже посаженъ въ тюрьму, что и выставляетъ примѣромъ произвольныхъ наказаній со стороны судей. (с. 48).

Посошковъ нашелъ еще гдѣ-то сѣру, и по причинѣ крайней нужды правительства сообщилъ о своемъ открытіи Князю Борису Алексѣевичу, который обѣщалъ наградить его за эту Государственную услугу такъ, чтобы ни дѣтямъ его, или внучатамъ прожить не довелось, но далъ только 50 рублевъ, чѣмъ Посошковъ очень обижался (с. 153).

Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько открытій, не принесшихъ ему однако же никакой пользы: «И у меня вымысловъ пять-шесть было нажиточныхъ, а покормиться мнѣ не дали, и всѣ мои вымыслы пропали ни за что.» (с. 142).

По всѣмъ симъ показаніямъ мы видимъ, что въ послѣдніе годы Посошковъ имѣлъ порядочное состояніе, пріобрѣтенное безъ сомнѣнія трудами и оборотами.

Въ этомъ-то смыслѣ и говоритъ онъ о себѣ въ одномъ мѣстѣ: «и я аще и не весьма послѣдній человѣкъ, а суда не испыталъ, какой же сыщетъ судъ кто мизирнѣе меня?» (с. 35). А въ другомъ, что въ селѣ Устрикѣ попы, *поопасясь* его, отслужили двѣ обѣдни на святой недѣлѣ вмѣсто одной, какъ это у нихъ бывало прежде (с. 27).

Впрочемъ онъ не пользовался никогда особенною

значительностію, и подвергался очень часто всякимъ оскорбленіямъ, хоть и называетъ себя не послѣднимъ человѣкомъ. Мы видѣли, что Князь Голицынъ сажалъ его подъ караулъ (с. 48).

Въ 1721 году Капитанъ Невельской опечаталъ было все его имѣніе, и выгналъ его съ квартиры въ Новѣгородѣ, по той только причинѣ, какъ говоритъ онъ, что его хозяинъ «приличился въ свидѣтельствѣ,» грозился выбросить всѣ животы на улицу, а жену, которая поупрямилась было оставить домъ, грозился «выволочь за косу.» «Жена моя» говоритъ Посошковъ, «убоявся увѣчья и такого великаго безчества, по чужимъ дворамъ больше двухъ недѣль скиталась.» Воевода Князь Юрій Яковлевичь Хилковъ едва упросилъ Капитана снять печать и свести караулъ.

Вотъ еще подобный случай:

1721 года Полковникъ Дмитрій Ларіоновъ сынъ Порецкой, говоритъ Посошковъ, «будучи въ Новѣгородѣ въ канцеляріи провинціальнаго суда, бранилъ меня скверною бранью, и называлъ воромъ, и похвалялся посадить меня на шпагу. И за что посадить хотѣлъ, вины своея не малыя не знаю. И то руганіе мнѣ отъ него было и шпагою похвальныя слова при судейскомъ столѣ, а судей въ то время уже не было, токмо былъ тутъ нотаріусъ, Романъ Семеновъ; и то мнѣ руганіе и похвальныя его слова отъ нотаріусъ и приказные подъячіе и дворяне многіе слышали, и я наутро принесъ судіямъ челобитную, что въ брани и въ похвальныхъ словахъ его полковника допросить, и онъ

Порецкой въ допросъ не пошелъ. Я де судимъ въ военной коллегіи, а у насъ де въ Новгородѣ отвѣчать не буду (с. 35).»

Эта незначительность видна изъ того, что онъ не могъ дойти до Кабинетъ-секретаря Г. Макарова съ однимъ своимъ предложеніемъ. «Въ 718 году написалъ я доношеніе Е. И. В. о новоначинающихся деньгахъ.... И для поданія приходилъ я къ Господину Алексѣю Васильевичу Макарову, и за жестокими караульщики не могъ получить, еже бы то доношеніе его милости вручить, и поѣхалъ онъ къ лекарственнымъ водамъ. И тако то доношеніе мое и осталось у меня, и я послѣди того времени отдалъ курьеру (?) Егору Сергѣеву, который въ домѣ его Алексѣя Васильевича пребываетъ, и просилъ его, дабы по времени вручилъ ему; и вручилъ ли онъ то мое доношеніе ему Алексѣю Васильевичу или нѣтъ, прото то не вѣмъ, или самъ прочелъ не вѣмъ (с. 251).»

Курьеръ Макарова былъ вожделѣннымъ Меценатомъ для нашего политика!

Замѣчательно, что сына своего онъ готовилъ въ духовное званіе, и даже думалъ, что тотъ могъ бы сдѣлаться Архіереемъ (с. 19). Что могло побудить его къ избранію такого рода жизни для сына? Думалъ ли онъ указать сыну путь, гдѣ тотъ наиболѣе могъ принести пользы отечеству?

Сочиненіемъ книги О скудости и богатствѣ Посошковъ занимался три года «утаенно отъ зрѣнія людскаго,» и кончилъ его, какъ видно изъ окончательнаго обра-

щенія къ Императору Петру I, Февраля 24, 1724 года (с. 259).

Почему далъ ему такое частное названіе, не соотвѣтствующее общему содержанію? Можетъ быть для того, чтобъ съ перваго раза возбудить любопытство и привлечь вниманіе Государя, какъ къ предмету самому важному и нужному въ государственномъ управленіи, преимущественно же при обстоятельствахъ того времени.

Неизвѣстно, какой успѣхъ имѣло оно. Нельзя даже сказать навѣрное, нашелъ ли Посошковъ случай представить его Государю, или оно осталось также у него въ рукахъ, какъ и предложеніе Кабинетъ-Секретарю Макарову, до котораго онъ не могъ дойти «за многими караульщиками.»

Припомню, что сочиненіе надписано 24 Февраля 1724 года, слѣдовательно только за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Императора Петра I.

Посошковъ написалъ еще нѣсколько разсужденій, о коихъ упоминается въ этихъ, но онѣ видно пропали, или скрываются въ какихъ нибудь книгохранилищахъ и сборникахъ. Вотъ ихъ заглавія или предметы: 1, денежное письмо, (с. 282) 2 отеческое наставленіе сыну, кажется между прочихъ о обязанностяхъ Духовенства, (с. 18) 3 о винной продажѣ и питейномъ сборѣ, 4 донесеніе о новыхъ деньгахъ, 1719 года (с. 256).

Примѣтно вообще, что онъ любилъ писать, и при всякомъ случаѣ или поводѣ никакъ не могъ утерпѣть, чтобъ не предложить своихъ мыслей, съ которыми обращался вездѣ: къ Митрополиту Стефану Яворско-

му, къ Боярину Головину, къ Кабинет-Секретарю Макарову, и наконецъ къ самому Императору Петру I,— и кажется по большей части безъ успѣха. *

Въ этомъ заключаются всѣ извѣстія о жизни Посошкова, важныя и неважныя, кои собрать можно изъ его сочиненій. Развѣ прибавить, что Посошкову случилось быть, неизвѣстно по какимъ дѣламъ, во многихъ странахъ Россіи. Мы замѣтили уже, что онъ ѣздилъ часто въ Новѣгородъ, (с. 70, 92, 116, 201, и проч.) Видно также, что онъ бывалъ въ Пензѣ (38), Мценскѣ, Черни, (177), Алексинѣ (с. 901) на Ладожскомъ озерѣ (210), въ Москвѣ, (29) въ Петербургѣ (с. 41, 211), былъ кажется иногда употребляемъ правительствомъ, (с. 34), напримѣръ при отысканіи мастеровъ для чеканенія денегъ, (с. 213) для дѣланія пороха, (153) и пр., и находился въ различныхъ сношеніяхъ со многими извѣстными лицами его времени: Княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, Княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, Львомъ Кириловичемъ Нарышкинымъ, Княземъ Юрьемъ Ярославскимъ Хилковымъ, Господиномъ Корчминымъ, кромѣ Боярина Ѳедора Алексѣевича Головина.

Семейство его составляли: жена, единственный сынъ Николай и нѣсколько родственниковъ.

---

* Страшенъ мы сей глаголъ, что дерзнулъ о такомъ дѣлѣ великомъ писати, но презѣльная моя горячесть понудила мя на сіе дѣло: Богъ бо ми свидѣтель, что не ради какого поисканія или прибытка желая себѣ, но токмо самыя ради любви, юже имѣю къ Е. И. В., ибо я отъ юности своея бѣхъ таковъ, и *лучши ми каковую либо пакость на себя понести, нежели видя что не полезно умолчати* (с. 215).

Впрочемъ лучшая біографія Посошкова есть его сочиненія. Тамъ онъ весь съ своими понятіями, мыслями, чувствованіями. Читая его, видишь во всякой страницѣ, что онъ былъ напитанъ страхомъ Божіимъ, и преданъ отъ всей души Христіанской Религіи; сознавалъ человѣческое достоинство, любилъ всѣхъ людей, и заботился объ ихъ счастіи не только въ сей жизни, но и будущей; уважалъ книжное ученіе, то есть просвѣщеніе, образованіе, и почиталъ оное главнымъ условіемъ всѣхъ гражданскихъ успѣховъ; пламенно любилъ отечество, былъ преданъ неограниченно и безусловно Верховной власти въ лицѣ Государя, зналъ, понималъ всѣ способности Русскаго человѣка, и терпѣть не могъ, или покрайней мѣрѣ не имѣлъ никакой довѣренности къ иностранцамъ.

Замѣтимъ еще остроуміе и иронію, Русскія свойства, кои часто проглядываютъ у него въ сочиненіи, не смотря на важность предмета, и наконецъ, при всей скромности, самолюбіе, которое обѣщало ему счастіе и благоденствіе Россіи, въ случаѣ, еслибъ принята была «его девятерица.»

Касательно образованія, онъ говоритъ о себѣ: «азъ весьма мизиренъ и ученію школьному неискусенъ, и како по надлежащему достоитъ писать, ни слѣда нѣсть во мнѣ, ибо самой простецъ есмь.»

Это повторено и во многихъ другихъ мѣстахъ. Впрочемъ онъ былъ свѣдущъ въ книгахъ Священнаго Писанія, и вообще слишкомъ любознателенъ, такъ что

не оставлялъ безъ вниманія и разсужденія ни одного предмета, который ему представлялся.

Касательно ученой части его сочиненій, предоставляю подать голосъ Профессорамъ Политической Экономіи и Юриспруденціи. Пусть они по безпристрастномъ разсмотрѣніи назначатъ ему принадлежащее мѣсто въ Исторіи своихъ наукъ, и воздадутъ подобающую честь.

Объ изложеніи. Главное раздѣленіе въ книгѣ О скудости и богатствѣ на девять главъ сдѣлано очень основательно, и обнимаетъ всѣ части государственнаго управленія: 1 о Духовенствѣ, 2 о военныхъ дѣлахъ, 3 о правосудіи, 4 о купечествѣ, 5 о художествахъ, (о промышленности мануфактурной), 6 о разбойникахъ, (объ уголовномъ дѣлѣ), 7 о крестьянствѣ, 8 о дворянствѣ и землѣ, 9 о царскомъ интересѣ. Но въ каждой главѣ порознь мысли иногда слѣдуютъ не въ строгомъ порядкѣ, и встрѣчаются часто повторенія *.

Къ чести его сказать должно только то, что языкъ его, не смотря на пеструю смѣсь церковнаго съ простонароднымъ, подъ преимуществомъ перваго, очень ясенъ, и не найдется никакого простолюдина, совершенно необразованнаго, который не понялъ бы Посошкова отъ слова до слова, не смотря часто на трудность предмета, равно какъ и нѣтъ у него ни одного положенія, которое нужно бы

* Желающіе прочесть краткое извлеченіе изъ его сочиненія, со всѣми главными мыслями, въ порядкѣ, можетъ быть болѣе естественномъ, благоволятъ обратиться къ 3 N Москвитянина на сей 1842 годъ.

дополнять или пояснять. Онъ сказалъ все, что хотѣлъ. Важное и рѣдкое достоинство для законодателей.

Теперь отдамъ отчетъ объ изданіи и спискахъ, мною употребленныхъ.

Сочиненіе О скудости и богатствѣ издано по двумъ спискамъ: первый достался мнѣ послѣ Г. Лаптева, какъ сказалъ я выше; второй получилъ отъ П. М. Строева. Оба списка довольно хороши, особенно второй, и современны, или покрайней мѣрѣ близки къ подлиннику, какъ читатели могутъ судить изъ прилагаемыхъ снимковъ; почти совершенно сходны между собою, и легко могли быть исправлены въ нужныхъ, весьма немногихъ случаяхъ, посредствомъ сравненій. Нѣсколько важныхъ разнорѣчій отмѣчены въ примѣчаніяхъ. Мѣстъ или словъ пять-шесть осталось непонятными.

Правописаніе употребилъ я нынѣшнее, кромѣ случаевъ, дающихъ поводъ судить о произношеніи или нарѣчіи.

Мой списокъ писанъ въ четвертку, однимъ почеркомъ и состоитъ изъ 243 четвертокъ. (См. снимокъ 1).

Списокъ Строевскій писанъ въ поллистъ тремя почерками, и состоитъ изъ 134 поллистовъ. Этотъ списокъ приготовлялся видно къ спѣху всѣми тремя писцами въ одно время потетрадкамъ малымъ отъ двухъ до трехъ листовъ. (См. снимокъ 2).

Наставленіе о ратномъ поведеніи напечаталъ я съ своего прекраснаго и безъ сомнѣнія современнаго

списка, въ осьмушку (50 осьмушекъ) (см. снимокъ 4), сличеннаго съ Розановскимъ изданіемъ.

Отеческое поученіе напечатано съ Розановскаго изданія, а списка нѣтъ ни одного.

Донесеніе Митрополиту Стефану Яворскому съ изданія Калайдовича, который печаталъ съ подлинника, хранящагося въ библіотекѣ Синодальной типографіи (см. снимокъ N 3). Немогу не замѣтить что рука Посошкова (N 3) очень похожа на руку, коею написано Донесеніе, мнѣ принадлежащее, (N 4), такъ что едва-ли Донесеніе не есть собственноручное?

Въ заключеніе я долженъ упомянуть здѣсь о сомнѣніяхъ, кои возбудило сочиненіе Посошкова, даже до своего обнародыванія. Разнеслись слухи, что оно принадлежитъ не крестьянину Ивану Посошкову, но Князю Борису Алексѣевичу Голицыну, Боярину Головину, какому-то Новогородскому дворянину; наконецъ, что оно явилось только въ царствованіе Императрицы Екатерины II, въ эпоху созванія его Депутатовъ.

По моему мнѣнію въ этомъ дѣлѣ *всего важнѣе сочиненіе, само по себѣ, кѣмъ бы ни было написано, а вопросъ о сочинителѣ есть вопросъ любопытный, но гораздо менѣе важный.*

Впрочемъ я не знаю, на чемъ основываются разнесшіеся слухи, и потому не могу судить, что въ нихъ есть достовѣрнаго. На вопросъ мой о доказательствахъ, предложенный чрезъ Москвитянина, никто не пред-

ставилъ отвѣта. Въ ожиданіи его я могу сказать, что сочиненіе рѣшительно противорѣчитъ упомянутымъ слухамъ, и что предъявители сомнѣній видно его не читали. Вотъ доказательства.

1. Князь Борисъ Алексѣевичь Голицынъ не можетъ быть сочинителемъ, ибо сочинитель жалуется на этого Боярина въ одномъ мѣстѣ за то, что сей послѣдній именно обѣщалъ наградить его щедро за открытіе сѣры, и не наградилъ.

Князь Борисъ Алексѣевичь Голицынъ былъ человѣкомъ самымъ приближеннымъ къ Императору Петру I, спасалъ его въ Преображенскомъ, руководилъ всѣми первыми его дѣйствіями, и едва ли имѣлъ нужду скрывать свое имя предъ бывшимъ своимъ воспитанникомъ. Подъ сочиненіемъ подписанъ 1724 годъ, въ немъ говорится объ указахъ и мѣрахъ 1718 и 1719 годовъ, когда Князя Бориса Алексѣевича не было въ живыхъ (+1713).

2. Боярину Ѳеодору Алексѣевичу Головину не могло оно принадлежать, ибо ему представлено Посошковымъ другое сочиненіе, уже прежде извѣстное, которое повторено съ прибавленіемъ и исправленіемъ въ этомъ.

3. Дворяниномъ вообще, Новогородскимъ или какимъ бы то нибыло, сочиненіе не могло быть написано, ибо проникнуто все плебейскимъ духомъ, противъ притѣсненій и злоупотребленій дворянскихъ того времени. Сочинитель слишкомъ коротко знакомъ съ простонароднымъ бытомъ, и судя по всѣмъ признакамъ принадлежалъ къ низшему сословію.

4. Не можетъ быть, чтобъ сочиненіе явилось только при И. Екатеринѣ, потому что всѣ три рукописи, у меня хранящіяся, писаны прежде ея царствованія, какъ читатели увидятъ изъ приложенныхъ снимковъ. Представленіе же о ратномъ поведеніи, гдѣ большая часть чиселъ означена даже Славянскими буквами, принадлежитъ по почерку, безъ сомнѣнія, къ началу царствованія Петра I.

Сомнѣніе наводятъ еще нѣсколько иностранныхъ словъ, разсѣянныхъ въ сочиненіи, напр. аристократъ, демократъ, компанія. Отвѣчаю: нѣтъ между ними ни одного, которое бы не встрѣчалось въ печатныхъ книгахъ, при Петрѣ I изданныхъ, или объ которыхъ Посошковъ не могъ бы слышать отъ своего сына, путешествовавшаго по Европѣ.

Другіе удивляются силѣ сужденій, обширности взгляда, и заключаютъ, что сочиненіе не могло принадлежать простолюдину. На это отвѣчаю, что при Петрѣ I различіе между образованіемъ бояръ и простолюдиновъ не было такъ разительно, какъ нынѣ, ибо происходило изъ одного и того же источника.

Читая сочиненіе, видишь, что сочинитель былъ человѣкъ грамотный, обладавшій яснымъ взглядомъ на вещи, познаніемъ дѣла, къ нему близкаго, Русскимъ толкомъ въ сильной степени, умомъ творческимъ—это явленіе важное, рѣдкое, удивительное, но естественное и возможное между простолюдинами, какъ и между дворянами, какъ въ древнее, такъ и въ новое время.

Надѣюсь, что читатели согласятся со мною про-

читавъ книгу и изслѣдованіе объ жизни Посошкова, и видѣвъ тамъ, сколько лицъ извѣстныхъ сочинитель выставляетъ въ сношеніяхъ между собою, слишкомъ опредѣленныхъ.

Однимъ словомъ, я не вижу никакой причины, *до предъявленія сильныхъ доказательствъ*, въ угодность произвольнымъ догадкамъ, отнимать сочиненія у сочинителя, который подъ ними подписался, и невольно при семъ случаѣ вспоминаю стихи Поэта:

«О люди жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха,
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйной вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье.»

Михаилъ Погодинъ.

1842.
Мая 30.

КНИГА

О СКУДОСТИ И О БОГАТСТВѢ,

СІЕ ЕСТЬ ИЗЪЯВЛЕНІЕ,

ОТЪ ЧЕГО ПРИКЛЮЧАЕТСЯ НАПРАСНАЯ СКУДОСТЬ, И ОТЪ ЧЕГО ГОБЗОВИТОЕ БОГАТСТВО УМНОЖАЕТСЯ.

Азъ, мизирный Его Императорскаго Величества рабичищъ, мнѣніе свое сицево предлагаю о собраніи Царскихъ сокровищъ, сице, еже вѣрнымъ Его Величества рабомъ тако подобаетъ пещися, ежебы елико о собраніи казны старатися толико, но ежебы и собранное туне не погибало, и нетокмо собраннаго, но и несобраннаго прилежно смотрѣти, дабы даромъ ничто нигдѣ не лежало и не погибало.

Подобне и о всенародномъ обогащеніи подобаетъ пещися безъ утятія усердія, дабы и они даромъ и напрасно ничего не тратили, но жили бы отъ піянственнаго питья повоздержнѣе, а во одеждахъ не весьма тщеславно, но посредственно; чтобы отъ излишняго украшенія своего, наипаче же женъ своихъ и дѣтей своихъ, въ скудость не приходили, но вси бы по мѣрности своей въ приличномъ богатствѣ разширялись.

Понеже не то царственное богатство, еже въ царской казнѣ лежащія казны много, ниже то царствен-

ное богатство, еже синклитъ Царскаго Величества въ златотканныхъ одеждахъ ходитъ; но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствы, а не внѣшними одеждами или позументнымъ украшеніемъ: ибо украшеніемъ одеждъ не мы богатимся, но тѣ государства богатятся, изъ коихъ тѣ украшенія привозятъ къ намъ, а насъ во имѣніи тѣми украшеніями истончеваютъ. Паче-же вещественнаго богатства надлежитъ всѣмъ намъ обще пещися о невещественномъ богатствѣ, то есть, о истинной правдѣ; правдѣ * — отецъ Богъ, и правда вельми богатство и славу умножаетъ, и отъ смерти избавляетъ; а неправдѣ отецъ діаволъ, и неправда не токмо вновь богатитъ, но и древнее богатство оттончеваетъ, и въ нищету приводитъ, и смерть наводитъ.

Самъ бо Господь Богъ рекъ: *Ищите прежде царства Божія и правды Его;* и prиречe глаголя: *яко вся приложатся вамъ*, то есть, богатство и слава. (Матѳ. гл. 6, ст. 33). И по такому словеси Господню подобаетъ намъ паче всего пещися о снисканіи правды; а егда правда въ насъ утвердится, и твердо вкоренится, то не можно царству нашему Россійскому не богатитися и славою не возвыситися. То бо есть самое царства украшеніе и прославленіе и честное богатство, аще правда, яко въ великихъ лицахъ, тако и въ мизирныхъ, она насадится и твердо вкоренится; и вси, яко богати, тако и убозіи, между собою любовію имутъ жить, то всякихъ чиновъ люди по своему бытію въ богатствѣ довольни будутъ. Понеже правда никого обидить не пускаетъ, а любовь принудитъ другъ другу въ нуждахъ помогати; и тако вси обогатятся, а царскія сокровища со излишествомъ

* Въ подл. правда, въ спискѣ Стр. это слово пропущено.

наполнятся; и аще и поборъ какой прибавочной случится, то, не морщася, платить будутъ. И аще Великій нашъ Монархъ Петръ Алексѣевичь, по данной ему отъ Бога благодати и по самодержавной своей власти, вся нижеписанная моего мнѣнія предложенія въ бытіе произвести повелитъ, то я чаю, и безъ прибавочныхъ поборовъ преизлище царская сокровища наполнятся. И тако на Бога надежду имамъ еже и настоящихъ прежнихъ со крестьянъ поборовъ убудетъ.

По моему мнѣнію сіе дѣло невеликое и весьма нетрудное, еже царская сокровища наполнити богатствомъ, за еже Царь, яко Богъ, еже восхощетъ во области своей можетъ сотворить: но то великое многотрудное есть дѣло, еже бы народъ весь обогатить; понеже безъ насажденія правды, и безъ истребленія обидниковъ, и воровъ, и разбойниковъ, и всякихъ разныхъ явныхъ и потаенныхъ грабителей, никоими мѣрами народу всесовершенно обогатитися не возможно.

Первѣеже предложимъ расположеніе о духовномъ правленіи, потомъ о воинскомъ и о прочихъ мірскихъ дѣлехъ, и о здравомъ и гобзовитомъ и постоянномъ собраніи интереса Его Императорскаго Величества.

1. Священство столпъ и утвержденіе всему благочестію и всему человѣческому спасенію; ибо безъ него никаковыми мѣрами до царства небеснаго никакому человѣку дойти невозможно. Они наши пастыри, они и отцы, они и вожди,—а въ книжномъ ученіи и разумѣніи не весьма довольни; и сего не вѣмъ, чего ради тако дѣется, токмо мню, аще и страшно ми изрещи, дабы архіерейская клятва на мя не пала, а наипаче невѣмъ, како ми вописати, понеже азъ признаваю, еже отъ оплошки архіерейскія тако чинится: понеже полагаются на служебниковъ своихъ въ по-

ставленіи поповстѣмъ; тіи бо пріимутъ отъ новоставленика дары, и затвердятъ ему во псалтыри псалмы два-три, и передъ Архіереемъ заставятъ то тверженное читати, а той ставленикъ ясно и внятно и поспѣшно пробѣжитъ, и Архіереи, того не вѣдая ухищреннаго подлога, посвящаютъ во пресвитеры, и отъ такова порядка у иныхъ грамота и плоха. А по моему мнѣнію, ащебы кой ставленикъ и въ школѣ учился, обаче надлежитъ его испытати, каковъ онъ въ разумѣ и во всякомъ разсужденіи, да тогда уже его посвящать бы. А буде которой и грамматикѣ учился, а смыслу и разсужденія нѣсть въ немъ, и таковыхъ во пресвитеры посвящать, мнѣ ся мнитъ, отнюдъ не надлежитъ. Паче ученія надлежитъ во пресвитерахъ искать умнаго разсудительства, чтобы онъ могъ пастыремъ быть словесныхъ овецъ: аще бы попы, яко градскіе, тако и сельскіе, были разумительны, то никоими дѣлы раскольникомъ въ простомъ народѣ множитисябъ было невозможно, и нимало возникнути былобъ имъ некако; и о семъ речется въ настоящей главѣ.

2. Военной людъ — стѣна и твердое забрало царству, а камандиры ихъ и судіи военнаго правленія не имутъ попеченія о нихъ, чтобы они ни голодни, ни холодни были, но всѣмъ бы довольны; зѣлобо о нихъ слышно, что отъ недостатку великую нужду подъемлютъ; ибо инымъ солдатамъ на мѣсяцъ и по десяти алтынъ не приходитъ, то чѣмъ ему прожить, гдѣ ему взять шуба или рукавицы и иныя потребности, такожде и харча на что ему купить? и въ такой скудости живучи, какъ ему и не своровать, и какъ ему изъ службы не збѣжать? нужда не токмо къ бѣжанію принудитъ, но измѣнить готовъ будетъ; а измѣня и ратникомъ на своихъ будетъ. О солдатехъ и о драгу-

нехъ надлежитъ весьма великое попеченіе имѣть, и пилно того смотрити, дабы они пищею и одеждою были не скудны, а егда тѣмъ будутъ довольны, то они и въ службѣ будутъ исправнѣе; и сего ради, яко главныхъ полковъ, такъ и послѣднихъ и нововыбранныхъ полковъ, вси не были бы не голодни, ни холодни.

А и сіе едва право ли учинено по нѣмецкомуль артикулу, или нашихъ камандировъ вымыселъ, еже солдату или драгуну мундиръ дадутъ, а послѣди за весь тотъ мундиръ изъ жалованья и вычтутъ, и того ради вычету инымъ солдатамъ и по десяти алтынъ на мѣсяцъ не приходитъ, и мню я, что Его Императорскому Величеству не весьма извѣстно, и о всемъ пространнѣе речется въ настоящей главѣ о воинствѣ.

3. Древній Россійскихъ людей обычай былъ, еже въ приказахъ имѣть челобитчиковъ множество, и такъ бывало ихъ много, что иногда никоими дѣлы до судьи дойти худосильному не мочи; къ томужъ, насажаютъ колодниковъ множество, а рѣшенія имъ не чинятъ, да, перековавъ, распустятъ по улицамъ милостыни просить; и тѣмъ они Россійское царство безчестятъ, что ни въ коемъ государствѣ толикаго числа колодниковъ не сыщется, сколько у насъ; и сіе чинится ни отъ чего иного, токмо отъ нерадѣнья судейскаго, и о семъ пространнѣе речется во главѣ судейства.

4. Купечество у насъ въ Россіи чинится вельми неправо: другъ друга обманываютъ и другъ друга обидятъ, товары худые закрашиваютъ добрыми, и вмѣсто добрыхъ продаютъ худые, а цѣну берутъ непрямую, и между собою союзства нималаго не имѣютъ, другъ друга ѣдятъ, и тако вси погибаютъ, а въ зарубежныхъ торгахъ компанства между собою не имѣютъ, и у иноземцевъ товары покупаютъ безъ согласія своего товарыщества.

А торгъ дѣло великое! Надобно судьямъ всѣмъ объ нихъ попеченіе имѣть неоскудное; понеже купечествомъ всякое царство богатится, а безъ купечества никакое и даже малое государство быть не можетъ; и того ради подъ великимъ охраненіемъ блюсти ихъ надлежитъ, и отъ обидъ ихъ оберегати, дабы они ни отъ кого обидимы не были, и во убожествобъ не входили, и Его Императорскому Величеству приплодъ бы несли со усердіемъ; и о семъ пространнѣе речется въ настоящей главѣ.

5. И въ художественныхъ мастерствахъ весьма дѣется у насъ въ Россіи неисправно; въ началѣ, егда кой человѣкъ отдается въ наученіе къ мастеру, и поставитъ срокъ, къ которому ему выучиться, и аще мастеръ не скроется и научитъ его скоро, то онъ не доживъ срока и станетъ прочь отбиваться, и отшедъ, станетъ дѣлать собою; и аще хуже мастерскаго станетъ дѣлать, то онъ цѣны сбавитъ, да и мастерство все погубитъ. И за такимъ порядкомъ въ Россіи у насъ и нѣтъ самого добраго мастерства; и о художествѣ пространнѣе речется въ настоящей главѣ.

6. Разбойниковъ у насъ въ Россіи, паче иныхъ государствъ, множество; ибо не токмо по десяти или двадцати человѣкъ, но бываетъ по сту и по двѣсти человѣкъ въ артели и больше, (и аще ихъ весьма не истребити, то царству нашему Россійскому ни коими дѣлы обогатитися не возможно). А вся сія чинятся отъ неправаго судейства; ибо егда какова вора или разбойника приведутъ, то аще и попытаютъ его, да посадятъ въ тюрьму, да кормятъ его лѣтъ десять или больше; а въ такое протяженіе времени многіе уходили, а ушедъ пуще стараго воровали, а иныхъ разбойниковъ судьи, вмѣсто смерти, паки отпускали на

старые ихъ промыслы, и на то надѣясь, безбоязненно воровали и о истребленіи ихъ въ настоящей главѣ речется.

7. Надлежитъ же и о крестьянствѣ воспомянуть, чтобъ и ихъ отъ разоренія и обидъ поохранить, и въ лѣностибъ пребывать имъ не попускать, дабы отъ лѣности во всеконечную скудость не приходили; аще бо кои крестьяне живутъ и въ хлѣбныхъ мѣстахъ, обаче и тѣ бы зимою даромъ не лежали, но трудились бы, овые въ лѣсахъ, овыежъ въ домовыхъ рукодѣльяхъ, и иніи же въ подводахъ съѣздили, а лежа, своего припасеннаго хлѣба, не потрудився, не ѣлибъ, и дней бы своихъ даромъ не теряли; а у коихъ крестьянъ лошадей добрыхъ нѣтъ, и въ подводы наняться не начемъ, тѣ шлибъ въ людейскія работы, и работали бы изъ найму или изъ хлѣба, а даромъ бы не жили; и о семъ пространнѣе въ настоящей главѣ речется.

8. Дворяне при животѣ своемъ и по смерти сродниковъ своихъ земли дѣлятъ на малые разные жеребьи, одну пустошь раздѣляютъ частей на десять и больше, и въ томъ лище ссора, да бѣда, да смертное убійство, и такое обыкновеніе весьма нездраво.

А и сіе не токмо не право, но и весьма гнило, еже землямъ достовѣрнаго измѣренія и межъ не сдѣлано, и колико ея подъ рукою Монарха нашего есть, а платежа съ нее и малаго нѣтъ. Дворяне накупаютъ пустошей, да въ наймы отдаютъ, и многія деньги на каждой годъ кортомы съ нея берутъ, а Великому Государю ни по деньгѣ на годъ не платятъ; и о семъ о всемъ пространнѣе въ настоящей главѣ речется.

9. Россійское Царство на пространнѣйшемъ мѣстѣ стоитъ, и многонародно оно есть, а собраніе казны

въ царскія сокровища весьма негобзовито собирается; ибо въ военное время не достаетъ того собранія на военные расходы; а пространства земли въ немъ толико, еже и исчислити неможно, а нѣтъ съ нея ни малаго особливаго собранія. Аще бы съ нея учиненъ платежъ по ней самой малой, чтобъ лище никто на ней даромъ не жилъ, то и одного землянаго платежа милліоное собраніе бы было, и было бы оно недвижимо; земля самый гобзовитый данникъ ему Великому нашему Монарху была бы, и никогда измѣны бы ему не было. И аще прямо вся собранія исправятся, и собиратели будутъ прямо собирати, то тако мочно нашему Великому Государю довольну казною быть и безъ знаметныхъ (?) поборовъ, еже на каждый годъ милліона по два-три за всякими расходы въ царскихъ сокровищахъ и оставатися будетъ; и о семъ въ настоящей главѣ царскаго интереса речется.

Во изъявленіи моемъ семъ предложилъ девять главъ, а вся сія девятерица главъ состягаются къ насажденію правды, неправды же и всякаго воровства ко истребленію; и аще на всю сію девятерицу съ высоты Богъ милостивно призритъ, а съ низоты Императора нашего Великаго изволеніе всеусердное произыдетъ; то не токмо едина царская сокровища со излишествомъ наполнятся, но и весь народъ обогатится, и вражды многія прекратятся; и егда сія девятерица оснуется и твердо укоренится, то, яко рѣка, тещи имать повсягодно, неумолчно и неизмѣнно.

ГЛАВА I.

О ДУХОВНОСТИ.

Въ духовномъ чину аще будутъ люди неученые, и въ писаніи неискусные, и вѣры христіанскія всесовершеннаго основанія невѣдущіе, и воли Божіей неразумѣющіи, ктому же аще будутъ пьяницы и инаго всякаго безумія и безчинства наполнены, то благочестивая наша христіанская вѣра вся исказится и весьма испразнится, и вмѣсто древняго, единосогласнаго благочестія, вси разыдутся въ разногласные расколы и во иныя еретическія вѣры.

Отъ пресвитерскаго небреженія уже много нашего Россійскаго народа въ погибельныя ереси уклонилось; большая бо часть склонилась въ погибельный путь, въ древнемъ же благочестіи уже малая часть остается; ибо въ великомъ Новѣгородѣ едва и сотая часть обрящется ли древняго благочестія держащихся.

А пресвитеровъ аще и много во градѣ, обаче не пекутся о томъ, еже бы отъ таковыя погибели ихъ отвратити и на правый путь направити; но есть еще и такіе пресвитеры, что и потакаютъ имъ, и того ради церкви всѣ уже запустѣли, и такъ было до ны-

нѣшняго 723 года въ церквахъ пусто, что и въ недѣльный день человѣкъ двухъ-трехъ настоящихъ прихожанъ не обрѣталося. А нынѣ Архіерейскимъ указомъ, слава Богу, мало по малу начинають ходить ко святой церкви. Гдѣ бывало человѣка по два-три въ церкви, а нынѣ и десятка по два-три бываетъ по воскреснымъ днямъ, а въ большіе праздники бываетъ и больше, и то страха ради, а не ради истиннаго обращенія. И впредь аще подкрѣпленія не будетъ, то вси по прежнему ходить по церквамъ не будутъ; вельми бо въ нихъ вкоренилась раскольницкая ересь.

А вся сія гибель чинится отъ пресвитеровъ: ибо не токмо отъ люторскія или отъ Римскія ереси, но отъ самого дурацкаго раскола не знаютъ чѣмъ оправити себя, а ихъ бы обличить, и научить, какъ имъ жить, и отъ пропасти адскія како имъ избыть, но и запретить крѣпко не разумѣютъ, или не смѣютъ, или на пенязи склоняются, и небрегутъ о семъ.

Не постави, Господи Боже мой, сего моего словесе во осужденіе, еже дерзнулъ поносительно на пастырей своихъ писати; самъ вѣсь, ни предъ Богомъ, ни предъ Царемъ, ни предъ простымъ народомъ чѣмъ исправенъ; но токто едино отъ мнѣнія моего припало желаніе, да негли изъ сего моего изъявленія Богъ израститъ нѣкое исправленіе.

Видѣлъ я въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Кирилловича Нарышкина, что и Татаркѣ противъ ея заданія отвѣту здраваго дать не умѣлъ, что же можетъ рещи сельской попъ, иже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не вѣдаетъ.

И ради таковыя священнической неисправности надлежитъ о священницѣхъ великое попеченіе приложити, дабы пресвитеры были всему благочестію опора,

и отъ ересей забрало, и отъ адскихъ волковъ оборона, и людей Божіихъ отвлачилибъ отъ погибельныхъ вратъ.

И ради таковаго исправленія пресвитеру подобаетъ, подобно Апостоламъ Христовымъ, чтобъ они ни о здравіи своемъ, ни о богатствѣ, ни о пищѣ своей тако не пеклися, како о спасеніи душъ человѣческихъ, понеже Богъ всѣхъ погибшихъ взыщетъ на нихъ.

И ради таковаго исправленія мнѣ ся мнитъ Его Императорскому Величеству надлежитъ постаратися о грамматикѣ, чтобъ принудить ее выправить добрымъ расположеніемъ и самымъ добрымъ истолкованіемъ, и тако дробно разобрать, чтобъ всякія скрытности ясно откровенны были, и чтобъ и безъ учителя можно познать всякіе падежи и склоненія, и тако, исправя оную, напечатать бы ихъ тысячъ пять-шесть, или и десятокъ.

Нынѣ есть напечатано въ Москвѣ тысячъ пять-шесть грамматикъ, да Богъ вѣсть какія; на печатномъ дворѣ коммандиры напечатали ее толь просто, что безъ учителя и орѳографіи не можно растолковати и научитися, чтобъ по ней правописаніе разумѣть. Къ томужъ еще и бумагу положили въ нихъ самую плохую, коя ни куда, кромѣ черныхъ писемъ по нуждѣ, что развѣ на такой бумагѣ календари печатать, потому что они на одинъ только годъ печатаются, а грамматика — дѣло высокое и прочное: и того ради и печатать ее надлежитъ на самой доброй бумагѣ, чтобы она прочна была.

И во всѣхъ епархіахъ построить бы школы пространныя, и въ тѣ школы собрать всѣхъ поповыхъ и дьяконовыхъ и дьячковыхъ и пономарскихъ дѣтей, отъ градскихъ и отъ уѣздныхъ, отъ десяти-лѣтныхъ

даже до двадцати-пяти лѣтныхъ; и буде которые отцы добромъ ихъ въ школы отпустить не похотятъ, то брать бы ихъ и неволею, и учить грамматикѣ и всякаго книжнаго разума.

И положить о семъ недвижимый предѣлъ: буде кой человѣкъ школьнаго ученія не принесъ, и грамматическаго разумѣнія не научился, таковыхъ бы отнюдь во пресвитеры и діаконы не посвящати: то кіи причетники церковные пожелаютъ пресвитерства, то будутъ и тридцати-лѣтные въ школы и безъ понужденія прихода учитися и ученіемъ своимъ будутъ поспѣшать. И таковые люди годы въ два-три научитися могутъ; понеже себя ради будутъ поспѣшати и со охотою учитися имутъ. И который изъ нихъ ученіе грамматическое твердо пріиметъ, а лѣтами своими еще младъ, то таковыхъ надлежитъ и риторикѣ поучить, или и философіи; и тіи не токмо во пресвитерскій санъ, но и во Архіерейство будутъ годны и учителями могутъ застати.

И таковымъ способомъ вся Россія можетъ умудритися не весьма многими лѣты; и сіе преславное дѣло трудно токмо начати, да основати, а тамо будетъ оно уже и само правитися; понеже ученіе грамматическое и прочихъ наукъ умнымъ и острымъ людемъ вельми охотно и любезно бываетъ.

Аще сіе утвердится, еже во пресвитерство неучившихся въ школахъ не посвящати, то не мочно будетъ того миновати, еже бы желающему пресвитерства не поучитися въ школѣ, то я чаю, что другъ друга будутъ ученіемъ своимъ и предваряти.

А аще и въ монастыряхъ, во архимандриты и во игумены, не бывшихъ въ школьномъ ученіи не посвя-

щати же, то многіе и иноки будутъ грамматическаго ученія касатися, и всякому книжному разумѣнію внимати; а въ возрастѣ сущимъ паче грамматическаго ученія потребно книжное разумѣніе, и того ради вельми потребно и инокамъ до школы ходити. и тамо отъ духовнаго учителя учиться и вразумлятися всякому благочестію и страху Божію, и священная писанія толковати, и всякому доброму нраву навыкати и въ доспытацыяхъ подтверждатися.

А егда грамматики и всякаго благоразумія научатся и книгъ Божественнаго писанія начтутся, то не то что раскольнику, но и Лютору и Римлянину, могутъ отпоръ дати и уста ихъ заградити: понеже всѣ они отъ истинаго христіанства совратились, и бродятъ вси, яко козлята, по непроходимымъ дебрямъ и по неудобнымъ возшествія стреминамъ, и тако въ далекіи пути зашли, что и возвратитися къ прежнему благочестію не могутъ. И егда священничестіи дѣти и прочіе церковники научатся грамматическаго ученія, и книжнаго разумѣнія навыкнутъ всесовершенно, то и о паствѣ своей прилежнѣе будутъ пещися, дабы адскіе волки не распудили ихъ.

А нынѣ истинно таковыхъ пресвитеровъ много, что не то, чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ, что то есть реченіе вѣра, и не до сего ста, но есть таковые, что и церковныя службы, како прямо отправити, не знаютъ; да и знать не по чему: печатнаго двора справшики отъ многаго питья и отъ роскошнаго житія утыли, и не хощутъ яснаго изъявленія о всякомъ церковномъ служеніи напечатать, чтобы всякой могъ разумѣти, какъ что отправляти. Но токмо той пресвитеръ мало-мало и можетъ прямо от-

правляти, кой довольное время побудетъ въ городѣ при соборѣ, или при разумномъ пресвитерѣ въ подначальствѣ, тотъ то лише можетъ по надлежащему службу церковную отправити; а буде кой подъ началомъ не много побылъ, то ничего по книгамъ отправити не можетъ.

А по прямому дѣлу надлежало было о всякомъ служеніи напечатать въ тѣхъ же служебныхъ книгахъ ясно, дабы и простолюдинъ могъ разумѣти, какъ что отправити. А нынѣ многіе на угадъ отправляютъ, какъ кому примыслится. И сіе стало не весьма добро, что такъ дѣется; того ради и во градѣхъ въ церквахъ многое несогласіе бываетъ, а о сельскихъ и дивить нечего.

И ради совершеннаго въ церквахъ служенія и исправленія о всякой службѣ надлежитъ въ тѣхъ же служебныхъ книгахъ напечатать мѣлкою печатью толкостное расположеніе, какъ коя служба или дѣйство какое начать, и какъ отправить и совершить. И аще обо всемъ будетъ ясно напечатано, то во всѣхъ церквахъ не токмо въ градскихъ однѣхъ, но и въ засельскихъ всякое служеніе отправлятися имать согласно.

И ради всесовершеннаго исправленія не можно пробыть еже бъ не напечатать тонкостнаго расположенія о всякомъ священнодѣйствіи, а въ состроенныя школы послать учителей иноческаго чина и мірскаго, кои грамматическаго ученія искусны и другихъ учительныхъ книгъ, кіи книжнаго разумѣнія искусни и церковнаго круга навычны, и кіи въ Божественномъ писаніи учинятся знающіе, еже непоемныя реченія могли разсуждати.

И грамматическіе бы учители учили своего ученія грамматическаго до обѣда, или рещи, до полудни; а

съ полудни бы тѣ другіе учители, иже Божественнаго писанія искусни, учили бы ихъ страху Божію и книжному чтенію и церковному обхожденію, паче же того, какъ Бога знать, и какъ его почитать, и какъ къ нему молитвы своя приносити, и Божественная литургія съ каковымъ страхомъ служити, и въ дѣйствіяхъ тоя святыя литургіи какъ къ Богу умъ свой возводити, и дѣтей своихъ духовныхъ пасти, чтобы отъ паствы ихъ адскіе волки не расхитили, и сверхъ того ученія давалибъ имъ книги читать духовныя и гражданскія и бытейскія. И того ради надлежитъ Библіи напечатать не малое число, и во всѣ школы книгъ по пяти-шести разослать; такожъ маргаритовъ, соборниковъ учительныхъ, евангеліевъ толковыхъ и апостольскихъ бесѣдъ, четьихъ-миней, а ради церковнаго служенія мѣсячныя минеи и прочихъ, кіи въ церковномъ служеніи употребляются, дабы въ школѣ будучи научилися прежде пріятія священства всего церковнаго служенія и управленія здраваго. И ради утвержденія въ вѣрѣ, и ради охраненія отъ люторскія и кальвинскія и отъ прочихъ иконоборцевъ напечатать книгъ колико надлежитъ *Камень Вѣры*, иже блаженной памяти Преосвященный Рязанскій Митрополитъ Стефанъ Яворскій сочинилъ, и книгъ по пяти-шти въ школу отослать; и чтобъ тотъ многоцѣнный камень желающіе пресвитерства затвердили его на память, чтобы о всякомъ отвѣтѣ помнить изустъ сказать. Такожде и иноки, желающіе во благочестіи жить, а негли случится коему во Архіереяхъ быть, и въ томъ санѣ будучи весьма паче пресвитерскаго той святой Камень во устѣхъ имѣти, чтобы тымъ каменемъ могли изоустно еретическія челюсти сокрушати.

Радиже обличенія раскольнича книгу Розыскъ и Зеркало очевидное, иже раскольниче ....словіе об-

личаютъ, и всю ихъ неправость ясно показуютъ, паче же книгу, названную Пращею, дабы изъ той пращи каменіемъ духовнымъ испущеннымъ далече ихъ прогнати и безъ вѣсти ихъ сотворити, дабы они во дворъ овецъ стада Христова не влѣзли, и Христовыхъ овецъ не вреждали бы; и тыихъ книгъ Розыска и Пращи и Зерцало, буде будетъ принято къ печати книгъ, по пяти-шти въ школу разослать же.

А не худо бы и на иныя еретическія вѣры, на Римлянскую, на Унеатскую, на Армянскую, и на древнія ереси, яко на Аріянскую, на Несторіеву, на Аполлинаріеву, на Евтихіеву, на Севирову и на прочія, кіи уже истребишася, напечатать изъявленія, дабы наши пастыри вси та лукаваго діавола стрѣлы разумѣли и возразить ихъ чѣмъ знали. И аще пресвитеры будутъ всѣхъ вѣръ еретическихъ силу знати, и будутъ разумѣть, чѣмъ ихъ обличить, и чѣмъ себя отъ нихъ оградить, то свое стадо могутъ отъ ихъ волковъ * адскихъ охранить.

А буде кой пресвитеръ еретическихъ вѣръ въ конецъ знать не будетъ, то уличити ему ихъ ереси невозможно; того ради и св. Апостолъ Павелъ написалъ: еже подобаетъ въ насъ ересемъ быти; явѣ есть, яко того ради написалъ, дабы мы вѣдая ихъ ереси, могли ихъ уличать, и ихъ же оружіемъ самихъ ихъ побѣждати, и зная ихъ ереси, могли бы мы отъ нихъ остеречи себя.

И всѣ школьники читали бы книги неспѣшно, но съ самымъ вниманіемъ, дабы чтомое могъ разумѣти и памятовати, и кой ученикъ невнятно будетъ читати, то той учитель, кой ко чтенію и вразумленію книжному приставленъ, непрестанно ихъ понуждалъ и вра-

* Въ Стр. спискѣ *полковъ*.

зумлялъ, какъ имъ разумѣтельно читать, и, чего не знаютъ, толковалъ бы имъ, и кои книги кто читаетъ, отъ тѣхъ бы книгъ спрашивалъ ихъ по одинакому, * и внималъ бы, каково кто понятно сказываетъ, и той учитель въ памятну книгу записывалъ, кто каковъ есть.

И буде кой ничего сказать не помнитъ, и тому бы чинилъ наказаніе, и велѣлъ бы ему въ другой разъ прочести; и буде въ другой разъ прочтетъ, а что читалъ, не помнитъ, то явѣ есть, еже тотъ во пресвитерство не будетъ годенъ. А кіи внятно и памятно будутъ читать, тѣмъ надлежитъ давать читать книги церковнаго круга, мѣсячныя Минеи и Тріоди и Осьмогласники, и протчія иже во святей церковной службѣ управляются, а чаю, не худо бы и лѣтописныхъ книгъ давать имъ почитать, чтобы обо всемъ знали, что доселѣ бывало.

И тыи школьники по чтеніи книжномъ подъ вечеръ, по часу-мѣста, учились бы писать, чтобы всѣ школьники читать и писать добрѣ умѣли скорописью и уставомъ.

А въ день недѣльный велѣли бы имъ чинить между собою доспытацыи отъ священныхъ писаній, а учители оба бы слушали и внимали, кто каковъ въ разумѣ и въ разумѣніи Святаго Писанія, и каково кто разсуждаетъ, все бы то впредъ для памяти записывали, а и того смотрѣли бы, кто къ какому дѣлу склоненъ, къ духовному ли или къ свѣтскому.

И буде кой ученикъ склоненъ къ духовности и писанія святая разсуждаетъ здраво, то тѣхъ бы отличали во особливость, и давать имъ книги читать о чинѣ священства, и учить ихъ уже прилежнѣе, какъ имъ стадо

* Въ Стр. *по одиначкамъ.*

Христовыхъ овецъ пасти, и какъ имъ духовныхъ дѣтей въ паствѣ своей блюсти.

И аще книга Отеческаго завѣщанія принята и печатана будетъ, юже азъ сыну своему Николаю сочинилъ, то надлежитъ готовящемуся во пресвитерство и ее читать; понеже тамо положено отчасти, какъ пресвитеру духовенство свое вести, и не токмо единому пресвитеру, но како и простому монаху жить, и какъ въ Архимандритахъ будучи, какъ братія пасти, и какъ себя вести, и что подобаетъ и Архіерею творити, и каковымъ способомъ раскольниковъ истребляти, и какъ и миряномъ душеполезно жити, и какъ и дѣтей своихъ малыхъ учити, дабы отцу не на пагубу они были, и какъ между собою любовь хранити, и какъ правду творити, и какъ Бога любити, и какъ молитвы свои къ нему приносити, и какъ Ему угождати; вся суть тамо изъявлена, по елику Богъ даровалъ ми разумѣти.

И егда куды потребуютъ пресвитера, то изъ тыихъ бы учениковъ отсылать во пресвитерство не по отечеству, ни по богатству, ниже по прошенію прихожанъ, но по разуму и по истинному священства достоинству, и достоинство бы того школьника подписывались оба тыи учители, еже онъ годенъ во пресвитерской санъ.

И послать ко всѣмъ Архіереямъ, чтобы ни единаго ставленика безъ свидѣтельства учительскаго во пресвитерство не посвящали. Прежнее архіерейское слушаніе ставленичье вельми ми не понравилось; понеже архіерейскіе служителіе у новоставлениковъ пріемлютъ дары, и принявъ дары, дадутъ ему затвердить по Псалтири нѣкоторые псалмы, и заложа дадутъ при Архіереѣ тому ставленику прочести. Архіерей, видя твердо и разумно читающа Псалтирь, возмнитъ, яко-

бы и по всякомъ чтеніи таковъ, благословитъ его въ пресвитерство. И тако тѣ служителіе Архіереевъ своихъ въ порокъ приводятъ. И я сына своего въ семъ поостерегъ, написалъ ему въ томъ же своемъ завѣщаніи, аще случится ему быть во архіерействѣ, чтобы онъ въ слушаніи ставлениковъ на служителей своихъ не покладывался, но самъ бы всякаго своего ставленика свидѣтельствовалъ, и книгу не Псалтырь, но давалъ бы незнаемыя книги читать, а потомъ бы и на словахъ его спросилъ; и на разглагольныхъ рѣчахъ всячески познать мочно, каковъ кто смышленъ или несмысленъ.

Въ Новѣгородѣ видалъ я прошлаго 720 года новоставленика такова въ діаконствѣ на литоргіи, не могъ единыя страницы во Евангеліи прочести, ежебы разовъ пяти-шести не помѣшатися. Служилъ онъ въ подначальствѣ въ соборѣ Николая Чудотворца, иже на дворищи; и такъ онъ и отпущенъ во свояси.

А иноковъ, кіи возжелаютъ архимандричества, то тыихъ Архіерею наипаче надлежитъ на словахъ дробно распрашивати, како онъ Божественная писанія разсуждаетъ, и како онъ общую братію намѣрился пасти, дабы ему предъ Богомъ ставъ, рещи: Се азъ и дѣти, ихъ же далъ еси; или токмо единаго себя хощетъ Богу представити. И аще хощетъ токмо единаго себя спасти, то таковаго не подобаетъ во Архимандриты поставляти; понеже Архимандриту не токмо о инокахъ, но и о мірскихъ жителяхъ попеченіе имѣти и на спасеніе наставляти надлежитъ. И того за хотящимъ архимандритства смотрѣти, не лакомъ ли ко имѣнію, и не падокъ ли къ питью, и не склоненъ ли къ блуду, чтобъ будучи во архимандритствѣ, не нанесъ бы на тотъ свой чинъ пороку; и того ради надлежитъ первѣе освидѣ-

*

тельствовать братіею, въ коемъ монастырѣ онъ жилъ, а потомъ и мірскихъ людей надлежитъ спросить, кіи при томъ монастырѣ живутъ; аще отъ всѣхъ будетъ похваленъ, то, буде въ писаніи доволенъ, надлежитъ возвести въ таковый чинъ.

Да въ Завѣщаніижъ своемъ написалъ я сыну своему, чтобы новоставленнаго пресвитера, несовершенно научившася всякаго священнодѣйствія, изъ подъ начала отнюдь бы не отпускать, дабы на Архіерея пореченія какова за неисправность его не понести.

Въ томъ моемъ Завѣщаніи написахъ всякое пресвитерское дѣло какъ что ему управляти, и какъ дѣтей своихъ духовныхъ исповѣдывати, и какъ богатыхъ и убогихъ пасти; елико ми Богъ вразумилъ, вся написалъ. И того ради мнится мнѣ вельми ко исправленію священническаго бытія то Завѣщаніе потребно будетъ.

И аще коея церкви поповъ сынъ возжелаетъ отцу своему наслѣдникомъ быти, а по свидѣтельству учителей своихъ явится къ тому чину негоденъ, то аще и заручная объ немъ челобитная будетъ, отказать ему; но таковыхъ ко гражданству отсылать. А кіи ко обученію непоемны, а во нравѣ добры, и страхъ Божій въ себѣ имутъ, то тѣхъ поставлять въ церковной причетъ въ дьячки и въ пономари. А кой изъ нихъ будетъ понарочитѣе, того мочно въ діаконство вчинить. А въ пресвитерство отсылать самыхъ достаточныхъ, и въ писаніи разсудительныхъ, и во нравѣ кроткихъ, чтобъ онъ былъ свѣтъ міру, а не тьма. И таковыхъ достойныхъ священства, аще и пономарскіе дѣти или крестьянскіе, отсылать во пресвитерство къ церквамъ, а не по отечеству, ни по заступѣ. А буде кой и разуменъ на всякое разсужденіе, а нравомъ неключимъ, и таковыхъ не токмо въ

пресвитеры, но и въ причетъ церковной отнюдь не отсылать, но таковыхъ развѣ отсылать къ приказнымъ дѣламъ, или камо ни есть, кромѣ священства и причта церковнаго.

А который и весьма добръ, да пить будетъ любить, то и таковыхъ во священный чинъ отнюдь не отсылать же; понеже пьянство великъ порокъ пресвитеру наноситъ. И причетникамъ не весьма оно добро. И не токмо новоставленныхъ пресвитеровъ, но и старыхъ, кои уже и состарѣлись въ пресвитерѣхъ, враждаетъ оно. И того ради надлежитъ предѣлъ учинить сицевый: аще кой пресвитеръ, напившися до пьяна по улицѣ ходя, или гдѣ и сидя, будетъ кричать нелѣпостно и бранно, и сквернословити или дратися съ кѣмъ, или пѣсни пѣть, то таковыхъ имать, и въ архіерейской приказъ отводить, и за такое нелѣпотство ихъ наказывать удрученіемъ въ архіерейскихъ и монастырскихъ работахъ, и сверхъ удрученія обложеніемъ штрафа или отъятіемъ священнодѣйствія, или какъ о томъ уложено будетъ отъ Архіереевъ, дабы пресвитеры и діаконы чрезмѣрно до пьяна не напивались. А буде каковымъ случаемъ и напьется до пьяна, то шелъ бы во утишное мѣсто и выспался, а народу бы себя отнюдь не открывалъ, что онъ пьянъ. А буде кой попъ или діаконъ, паче же аще инокъ, пойдетъ пить на кабакъ или въ корчму, то таковыхъ надлежитъ наказать сугубо, дабы на духовной чинъ пороку не наносили.

И аще священный чинъ отъ таковыхъ неключимствъ исправится, то яко новый свѣтъ въ Россіи возсіяетъ. И тако ихъ надлежитъ изучити, чтобы во время исповѣдыванія дѣтей своихъ духовныхъ паче всего научали о Богопочтеніи и о благовѣріи, како твердо въ

немъ стояти, дабы ни на каковы блазни Люторскія и Римлянскія не слонялися, и съ раскольниками бы никакова разглагольства не знаючи не разговаривали; и на той же исповѣди учили бы, какъ молитвы свои къ Богу возсылати съ Богомысліемъ, и како святыя иконы почитати, и каковая честь имъ отдавати, и како духовный чинъ почитати, и какъ за Царя и за вся Христіаны Бога молити, како обходитися въ мірѣ со клевреты своими и съ сосѣдьми, и въ каковомъ наказаніи дѣтей своихъ родныхъ ростити, и какъ ихъ страху Божію учити, чтобъ родивъ дѣтей плотію, отъ Бога вложенную душу вѣчно не погубити, и каковымъ имъ къ сродникамъ и чужероднымъ любительнымъ быти, и чтобъ никому зла никакова не дѣлати; понеже вси мы по Христѣ братія есмы.

И о семъ всѣхъ бы своихъ дѣтей духовныхъ увѣщавали, чтобы они дѣтей своихъ юныхъ, не токмо градскіе, но и поселяне учили бы грамотѣ, и всякому бы благонравію научали, а по улицамъ играть и безъ дѣла шататися не попущали съ великимъ и твердымъ запрещеніемъ; чтобы то ихъ наказаніе въ дѣтяхъ духовныхъ незабвенно было, но вси бы отцы и матери дѣтей своихъ, въ страсѣ Божіи возращали, и о семъ на всякой исповѣди подтверждали бы, что бы имъ незабвенно было.

И аще тако въ духовности будетъ строитися, то во всемъ народѣ свѣтъ возсіяетъ благоразумія; понеже вси людіе отъ такова отцовъ своихъ духовныхъ твердаго и прилежнаго попеченія яко отъ сна возбудятся, ибо вси стали бы прямо разумѣти, какъ Бога знати, и какъ его молити, и какъ угодниковъ Божіихъ почитати, и како въ помощь себѣ призывати, и како все свое житіе христіанское вести.

Тако бо пастыремъ духовнымъ надобно о паствѣ своей пещися, дабы вси праведно жили, и не токмо чтобы чужое похищати, но и не желалибъ чужаго ничего; и аще и на пути кто что обрящетъ лежащее, искалъ бы оброневшаго, или во устроенное мѣсто относили; и чего себѣ не хощутъ, тогобы отнюдь никому иному не токмо творили, но и не желали бы. И тако живуще вси, и въ мірскомъ житіи будучи, не далече бы отъ царства Божія были.

И аще уставлено будетъ, еже попамъ сельскимъ и причетникамъ ихъ пашни по прежнему не пахать и сѣна не косить, но пещися имъ токмо о церковной службѣ, да о паствѣ духовной, а вмѣсто пашни давать имъ,—дворянамъ и хрестьяномъ, кои у нихъ въ приходѣ,—отъ своего приплоду десятая доля, то пресвитерамъ въ той же исповѣди и дѣтей своихъ духовныхъ твердо подтверждати, чтобы неизмѣнно отъ всякаго приплоду, колико себѣ отложать на пищу, то безъ утайки и безъ жалѣнія отдѣляли бы десятую долю какъ изъ хлѣба, такъ изъ мяса и изъ винъ * и съ прочаго харчу, и отсылали бы къ церкви на пищу пресвитерамъ съ причетники и нищимъ, кои при церквахъ живутъ.

А колико отдѣлятъ хлѣба или скота или инаго чего на продажу, то изъ того бы отдѣляли Великому Государю на пошлину такуюжъ десятину. И отцамъ духовнымъ твердо дѣтямъ своимъ духовнымъ заказывать, чтобы отнюдь ничего не таили: и буде правдою будутъ яко Богу, тако и Царю отдѣлять десятину, то Богъ ихъ благословитъ всякимъ изобиліемъ; понеже уровнятся они древнимъ законникамъ, иже отъ всего своего притяжанія давали десятину.

О семъ я неизвѣстенъ, какъ дѣется въ прочихъ земляхъ, чѣмъ питаются сельскіе попы, а о семъ весь-

* Въ Стр. вмѣсто изъ винъ—*изъ яицъ*.

ма извѣстенъ, что у насъ въ Россіи сельскіе попы питаются своею работою, и ни чѣмъ они отъ пахатныхъ мужиковъ неотмѣнны; мужикъ за соху и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ. И отъ такова ихъ земледѣлія многіе Христіане помираютъ не токмо сподобившися пріятія тѣла Христова, но и покаянія лишаются, и умираютъ яко скотъ. И сіе, како бы поисправити, не вѣмъ: жалованья Государева имъ нѣтъ, отъ міру никакого подаянія имъ нѣтъ же, и чѣмъ имъ питатися, Богъ вѣсть. А я мнѣніе свое предлагаю сицевое: аще возможно учинить тако, чтобы прихожанъ всѣхъ у всякія церкви одесятствовать, чтобъ отъ всякія своея пищи отдѣляли церковникамъ десятину или дватцатину, какъ о семъ Царское и Архіерейское произыдетъ изволеніе, тобы таковымъ порядкомъ были сыти и безъ пашни. А и правильно имъ безъ пашни быть: понеже они слуги суть Божіи, и подобаетъ имъ по Господню словеси питатися отъ церкви, а не отъ земледѣлія.

А аще пресвитеру земля пахать, то церкви святей будетъ солгать, и паства своя истерять. Пресвитеру не токмо земля пахать, но и торгомъ ему никаковымъ не подобаетъ торговать, и мастерства ему художественнаго дѣлать не надлежитъ, дабы и отъ того помѣшательства церковной службѣ и паствѣ духовной не чинилось; понеже они отъ мірскаго житія отдѣлены суть на службу Божію, и того ради о ничесомъ иномъ кромѣ службы церковныя и паствы духовныя пещися имъ не подобаетъ.

А и питатися имъ по повелѣнію Божію надлежитъ отъ церкви, а не отъ работы, и не отъ рукодѣлія своего; и егда службы церковныя, ни потребы не случится, тобы забавлялися чтеніемъ книгъ Боже-

ственнаго писанія, илибы что полезное писали, ко спасенію человѣческому или ко украшенію церковному. Самъ бо Господь Богъ въ самомъ началѣ священства, егда изведе Израиля изъ земли Египетскія и введъ въ Обѣтованную землю, всѣмъ Израильтянамъ землю по жребьямъ ихъ повелѣлъ давать, а Іереямъ и служителемъ церковнымъ не повелѣ земли давати. * Явѣ есть, дабы прилежны были церковному служенію, и повелѣлъ имъ питатися отъ церкви, а не отъ земледѣльства. Кольми же паче въ новой благодати подобаетъ о служеніи церковномъ пещися пресвитерамъ, понеже и души человѣческія имъ быша вручены.

А у насъ сельскіе попы обременены земледѣльствомъ, и того ради не тако пекутся о служеніи церковномъ, яко о пашнѣ своей, а паства душевная уже въ сторонѣ стала быть, и того ради многое множество Христіанъ православныхъ умираетъ безъ покаянія и безъ причащенія тѣла Христова; сельскіе бо пресвитеры самые люди простые: взростетъ онъ въ деревнѣ, деревенскія дѣла и смышляетъ. А что Богъ взыщетъ всякія погибшія души на нихъ, того не смышляютъ, и коль у Бога душа человѣческа велика, ничего того не знаютъ.

И аще сія моя изреченія вознепщуетъ кто, яко бы азъ написалъ сіе на осужденіе и на поруганіе пресвитерамъ, и о семъ Богъ есть свидѣтель, что не ругавія ради написалъ сія, но ради исправленія; и самъ не безъ страха, что въ такое дѣло великое вступилъ; обаче буди Божія воля: Онъ вся вѣсть, чесо ради тако дерзнухъ.

И аще Великій нашъ Монархъ благоволитъ по Господню повелѣнію пресвитеровъ отъ земледѣльныя работы освободити; то надлежитъ указомъ Его Импе-

* Послѣдняго предложенія въ спискѣ Строева нѣтъ.

раторскаго Величества опредѣлити, чтобы какъ помѣщики, такъ и крестьяне ихъ, и дворцовыхъ волостей, и архіерейскіе и монастырскіе, всѣ отъ приплоду своего хлѣбнаго, который ему надлежитъ на пищу себѣ употребити, и отъ того хлѣба отдѣлялибъ десятую часть, и давали пресвитерамъ съ причетники во время молоченья съ гумна своего; и во вся дни живота своего тако бы творили неизмѣнно, дабы благословилъ ихъ Богъ, и всего бы у нихъ усугубилъ. И аще сіе дѣло сперва повидится и тяжеловато, а егда обыкнутъ, и Божіе благословеніе въ нихъ почіетъ, и нивы у нихъ будутъ готовы, * то всю ту тягость забудутъ, что того десятиннаго хлѣба отдѣлено пресвитеромъ съ причетники. И что того хлѣба за расходомъ останется, и тотъ хлѣбъ употреблять нищимъ и странникамъ на пропитаніе.

А ради нищихъ больныхъ яко въ городѣхъ, тако и въ селѣхъ и на погостѣхъ построить больницы и богадѣльни по приходѣ смотря, и питать ихъ тѣмъ остальмъ хлѣбомъ, какъ о томъ изволеніе Царское состоится.

А которыми землями владѣли и пахали попъ съ причетники, и тѣ земли, мнится мнѣ, еже бы ихъ отдать въ наймы, и тѣми деньгами строить церковное строеніе и нищимъ больницы.

А кой хлѣбъ надлежитъ продать помѣщику или крестьянину, и съ того хлѣба отдѣлялибъ такожде десятую часть Великому Государю на пошлину; такожде и отъ скота, который опредѣленъ будетъ продать, то и съ тоя цѣны такожде отдѣлять десятую часть въ пошлину; а кую скотину употребитъ кто себѣ на пищу, то и съ тое скотины отдѣлить десятую долю въ церковь на пищу служителямъ церковнымъ и въ богадѣльни; такожде и въ меду, и въ ма-

* У Стр. *гобзовиты.*

слѣ, и рыбѣ, и въ яицахъ, и во всякихъ прибыткахъ, отъ всего неизмѣнно про себя употребляемомъ * отдѣлять къ церкви десятая доля, а отъ продажнаго отдѣлять Великому Государю въ пошлину десятая же часть.

И тако творя, уподобимся мы древнимъ благочестивымъ законникамъ, ибо будемъ, яко Богу, тако и Царю, отъ, всякаго приплода давать десятину, и тѣмъ подаяніемъ пресвитеры и съ причетники безъ земледѣльства довольны всякою пищею будутъ. А отъ подаянія молебнаго и иныхъ потребъ будутъ пресвитеры и со причетники своими домы своя и одежды строить.

И аще тако устроится, то могутъ пресвитеры и повседневно утреннія и литоргіи служить, и на всякую потребу всегда будутъ готови; и тако творя, пресвитеры будутъ всесовершенные слуги Божіи, и за Царя и за вся люди богомольцы.

А нынѣ вси сельстіи попы, аще у коея церкви попа и два-три, то мало церковной службы у нихъ бываетъ. Въ Новогородскомъ уѣздѣ, въ Устрицкомъ погостѣ случилось мнѣ быть: у тоя церкви три попа, да дьяконъ, а на Святую Пасху только по два дни литоргія была, а тутошніе жители сказывали, что больше одной обѣдни на Святой Недѣлѣ прежде сего не бывало, то де тебя поопаслись, что двѣ обѣдни были; и жилъ я ту недѣлю, ничимъ ни отмѣнну отъ простыхъ недѣль: ни обѣдень, ни вечерень, ни утренних не было.

А у коихъ церквей по одному попу, то, чаю, и во весь годъ обѣденъ десятка другаго не отслужитъ; понеже аще пашни ему не пахать, то голодну быть.

* Вѣроятно ошибка въ обоихъ спискахъ, вмѣсто *употребляемаго*.

И ради земледѣльства поповскаго стоятъ Божіи церкви яко пустыя храмины безъ славословія Божія, а православные Христіане за ихъ земледѣльствомъ умираютъ ничѣмъ же отмѣнно отъ скота. И сельскіе пресвитеры ничѣмъ не отмѣнны отъ простыхъ мужиковъ: мужикъ за соху, и попъ за соху, и въ праздничной день, гдѣ было идти въ церковь на славословіе Божіе, а попъ съ мужиками пойдетъ овины сушить; и гдѣ было обѣдню служить, а попъ съ причетники хлѣбъ молотитъ,—и въ таковыхъ суетахъ живуще не токмо стадо Христово пасти, но и себя не упасти.

А аще по вышеозначенному о нихъ устроитъ Богъ, то во святыхъ церквахъ всегда служба будетъ, и пещися будутъ о паствѣ словесныхъ овецъ, а уже не о пашнѣ. Отслужа церковную службу, книги бы читали, и по домамъ дѣтей своихъ духовныхъ ходили и смотрѣли, какъ они живутъ, исправно ли въ его приказаніи, и не погрѣшились ли въ чемъ. И тако на всякой мѣсяцъ всякаго своего сына посѣщалъ бы и подкрѣплялъ ихъ, чтобы памятовали то, чему его на исповѣди училъ, и, что ему приказалъ, незабытно бы исправлялъ. И въ тѣхъ посѣщеніяхъ отнюдь бы ничему не касался, и вина бы не пилъ, что онъ ради надзиранія духовныя паствы ходитъ, а не ради потребы, и чтобъ тѣ пресвитеры уподобились святымъ Апостоломъ: туне бы ихъ посѣщали и на спасеніе наставляли.

А кому дастъ Богъ смыслъ въ книжномъ писаніи, то между дѣлъ книги бы пѣвчія писали и охочимъ людемъ продавали; а егда съ потребою куда позовутъ, то всякое свое дѣло бросивъ, шелъ бы съ поспѣшеніемъ дабы исправить та нужда, понюже требуютъ его. И тако творя, вси бы сельскіе попы были пастырьми

совершенными, и въ крестьянскомъ житіи свѣтъ бы возсіялъ.

А нынѣшняя паства вельми, вельми неисправна, и сего вельми опасно есть, чтобъ Богъ не взыскалъ на главныхъ пастырехъ, понеже кіи пресвитеры и во градѣ живутъ, и тіи не весьма знаютъ, въ чемъ грѣхъ, или въ чемъ спасеніе, и того ради прихожанъ своихъ къ покаянію не принуждаютъ, и какъ кому жить душеспасительно, не наставляютъ; и отъ того многіе люди въ невѣдѣніи своемъ погибаютъ.

Я истинно таковыхъ стариковъ много и при Москвѣ видалъ, что лѣтъ подъ шестдесятъ и больше житія своего имѣютъ, а у отцовъ духовныхъ на исповѣди не бывали, не ради раскольничества, но ради непонужденія пресвитерскаго. Такой у нихъ обычай былъ, что не состарѣвся, деревенскіе мужики на исповѣдь не хаживали. И тако иніи и не доживъ до старости и умирали; а сіе чинилось не отъ чего инаго, токмо отъ нерадѣнія пресвитерскаго. И о таковомъ нашемъ неисправномъ житіи помыслить ужасно! И вся сія Царскимъ изволеніемъ и Синодскимъ радѣніемъ исправитися могутъ.

А нерадѣть о томъ великомъ и страшномъ дѣлѣ вельми яко Царю, тако и Архіереомъ опасно есть; ибо чрезъ уста Святаго пророка Іезекіиля: «Тако духъ Святый возгремѣ, еже хощетъ Богъ всѣхъ погибшихъ душъ человѣческихъ взыскати отъ руки господствующихъ ими.» (Іезекіиля гл. 33).

И сего ради ужасно такова грома, отъ Бога изшедшаго: и яко духовнымъ властѣмъ, тако и мірскимъ надлежитъ великое попеченіе приложити, дабы та неисправность исправити, и отъ тогобы избыти, нежебы не взыскалъ Богъ погибающихъ душъ на правителяхъ господствующими ими.

И мое мнѣніе тако мысли моей касается, яко вся наша погибель и спасеніе залежитъ во пресвитерахъ: аще они будутъ несмысленніи, то и люди паствы его будутъ несмысленніи, а аще пресвитеры будутъ благоразумніи и святи, то и люди паствы его вси будутъ разумительны, и святости близко: ихъ бо наставленіемъ всякаго благоразумія могутъ наполнитися, и въ Христіанствѣ прямо и твердо стояти. И души своя отъ вѣчной погибели соблюдати. И за твердымъ ихъ наставленіемъ вси благодатію Божіею приближатся къ царствію небесному.

И егда пресвитеры во ученіи своемъ исправятся и всякаго благонравія навыкнутъ, тогда и одежда имъ прежняя своя гнусная и многошвейная годствуетъ измѣнити; и не токмо градскіе, но и сельскіе попы, и дьяконы не токмо гнусныя и раздранныя носили, но и сѣрмяжныя бы сѣрыхъ и бѣлыхъ суконъ некрашеныхъ отнюдь не носилибъ, но носилибъ рясы широкорукавыя и длинныя. И буде кому сукна нѣмецкаго купить не въ мочь, то дѣлалибъ изъ яренку; а буде и того не въ мочь, тобы сѣрмяжныя сукна бѣлыя красили въ вишневую или въ лазоревую краску. А въ непотребномъ одѣяніи пресвитерамъ и діаконамъ отнюдь ходить не подобаетъ; понеже они слуги суть Божіи, и предстоятъ у престола Божія жертвы приносяще за Царя и за вся Христіаны.

И за ихъ близость къ Богу самъ Господь Богъ еще и въ ветхозаконной церкви не токмо священникомъ, но и служителемъ церковнымъ, повелѣлъ въ чистыхъ одеждахъ служити. Кольми же паче подобаетъ въ новой благодати священному чину чистоту во всемъ имѣть, яко въ тѣлѣ, тако и въ душѣ, подобно и во одеждѣ, и во всякомъ своемъ и житейскомъ исправленіи, чтобы они яко жи-

тіемъ своимъ, тако и одеждою были отъ простолюдиновъ отмѣнными; не одною верхнею одеждою, но и нижнею и всѣмъ своимъ уборомъ: шапка бы была съ бобромъ или съ лисицею круглая, сапогибъ были низкіе, переды круглые, а лаптей бы отнюдь ни въ каковыхъ мѣстахъ не носили. И съ запрещеніемъ отсѣщи сіе, ежебы отнюдь къ престолу Божію въ лаптяхъ не приступали; сіи бо не токмо чинъ свой, но и Божіей чести уятіе творятъ. Ради бо чести Божіей повелѣно пресвитерамъ у престола Божія служить во украшенныхъ ризахъ, и по тому уставу иной пресвитеръ во время служенія своего возложитъ на ся одежду златотканную, а на ногахъ лапти растоптанные, и во всякомъ калѣ обваленные, а кафтанъ нижній весь гнусенъ. И на такое пресвитерское убраніе зря, кто не удивится, что злато мѣшаютъ съ блатомъ. И Царево дѣло надлежитъ вести честно, а Божіе наипаче.

Пресвитеру подобаетъ быть всегда трезву и слово ко всякому человѣку имѣть умилительное, взоръ кроткій, ступаніе ногъ тихое, и къ людемъ, кіи имъ словеса не полезна, отнюдь бы тыихъ не говорили, но что на пользу, тобъ только и говорили. А тако творя подобни будутъ Апостоламъ Христовымъ, и за такое ихъ житіе вси люди будутъ ихъ почитать, и, что уложено будетъ имъ на пропитаніе давать, то съ радостію будутъ имъ давать.

А о семъ Его Императорское Величество соизволитъ таколи, како я мнѣніе свое изъявилъ, или кто инъ иначе примыслитъ, тако да будетъ. Аминь.

ГЛАВА II.

О ВОИНСКИХЪ ДѢЛАХЪ.

Въ военномъ дѣлѣ аще людъ будутъ военнаго артикула не весьма навыкли, и въ ружьѣ силы неразумѣющіи, къ тому же аще и стрѣлять цѣльно неумѣющіе, то весьма таковые въ военномъ дѣлѣ будутъ неспоры и непріятелю нестрашны; а аще же къ тому и пищею будутъ неизобильны, то и напаче плоха будетъ у таковыхъ служба. Есть слухъ, что инымъ солдатамъ и по десяти алтынъ денежнаго жалованья не приходитъ на мѣсяцъ, а о таковой ихъ скудости, чаю, что никто Великому Государю не донесетъ, но чаю, доносятъ, будто бы вси сыты и всѣмъ довольны. Годовъ тому съ шесть или съ семь назадъ на Вышнемъ Волочкѣ новобранному солдату за вычетомъ досталось на мѣсяцъ двѣ гривны, и онъ принявъ деньги, вынялъ ножъ, да брюхо у себя и порѣзалъ. И сіе явѣ есть, еже не отъ радости тако онъ учинилъ, что и животъ свой ему не смилился. И о таковой причинѣ коммандиры ихъ, чаю, что никогда Его Царскому Величеству прямо о томъ не донесутъ, что онъ отъ великія своея скудости въ жалованьѣ такъ надъ собою учинилъ.

И отъ такова порядка и отъ безкормицы служба вельми неспора; потому что голодной идучи и за солому защемляется, * а не то что ему непріятеля гнать и черезъ колоды и черезъ ручьи скакать: голодный человѣкъ подобенъ осиновому листу, и отъ малаго вѣтра шатается; у голоднаго и работа худа, а не то что служба.

А истинно слыхалъ я отъ солдатъ и такую рѣчь, что ради смерти своей; и отъ таковыхъ какая спорина въ службѣ, что не желаетъ непріятеля убить, но желаетъ самъ убіенъ быти; дабы ему вмѣсто здѣшнія нужды тамо каковое либо упокоеніе за принятіе смерти своея пріяти.

А аще всѣмъ довольны и военному дѣлу научены будутъ добрѣ, а дана имъ будетъ воля и потачка яко рядовымъ, тако и офицеромъ ихъ, то паки дѣло военное неспоро у нихъ будетъ; ибо аще что и во арміи не по нраву имъ будетъ, то пакости оныхъ ** опасно: самовольство никогда добра не дѣлаетъ, кромѣ пакости.

И при квартирахъ солдаты и драгуны такъ несмирно стоятъ, и обиды страшныя чинятъ, что и изчислить ихъ не можно; а гдѣ офицеры ихъ стоятъ, то и того горше чинятъ: дрова жгутъ нагло, а буде дровъ не достанетъ, то и надобно лѣсъ рубить; а буде кто станетъ говорить, что де вамъ по указу Великаго Государя велѣно дрова свои жечь, то жесточае будутъ чинить; и того ради многіе и домамъ своимъ не рады, а во обидахъ ихъ суда никакъ сыскать негдѣ: военный судъ аще и жестокъ учиненъ, да и жестоко доступать его; понеже далекъ онъ отъ простыхъ людей: не токмо простолюдинъ доступитъ по

* У Стр. *зацѣпляется.*

** У Стр. *отъ нихъ.* Впрочемъ здѣсь должна быть ошибка въ обоихъ спискахъ.

нему, но и военный человѣкъ не на равнаго себѣ нескоро судъ сыщетъ.

Въ прошломъ 721 году присланъ былъ въ Новгородъ Преображенскаго полку офицеръ капитанъ Иванъ Моисеевъ, сынъ Невельской, для розыску во взятыхъ лудинахъ, которые присланы были изъ Москвы въ Новгородъ на продажу, и къ тому камочному дѣлу приличился Новгородецъ, посадскій человѣкъ Петръ Тереньтьевъ, токмо во одномъ свидѣтельствѣ, а я и ничему неприличенъ; а тотъ Невельской взялъ его Петра на постоялой свой дворъ, а держалъ подъ карауломъ больше двухъ недѣль. И аще до него Петра дѣла нѣтъ, а онъ прислалъ писаря своего съ солдаты, и животы его Петровы запечатаны, а меня изъ задней горницы выбили, и жена моя стала говорить: покажи де указъ, почему ты насъ изъ хоромъ выживаешь вонъ, и животы наши печатаешь; и ее солдаты сильно выгонили вонъ изъ горницы, и стали и изъ двора вонъ выбивать, и мы поупрямились, не пошли вонъ. И онъ Невельской прислалъ съ такими грозами: буде вы изъ двора вонъ не выидете, то-де прiѣду самъ, и совсѣмъ де вымечу на улицу, а жену де твою за косы выволоку вонъ. И жена моя убоявся увѣчья и такого великаго безчества, по чужимъ дворамъ больше дву недѣль скиталась; а я на томъ Петровомъ дворѣ по приказу воеводы Князя Юрiя Яковлевича Хилкова жилъ.

И того Капитана Невельскаго называютъ добрымъ и разумнымъ человѣкомъ, а такiя обиды чинилъ; и Петръ побывалъ у него съ гостинцемъ, то онъ его животы отпечаталъ, а моихъ не распечаталъ: знатное дѣло, что и съ меня хотѣлось нѣчто сорвать, и едва упросилъ его Воевода Князь Юрья Яковлевичъ, что приказалъ распечатать и караулъ свесть.

И тогожъ 721 года Полковникъ Дмитрій Ларіоновъ, сынъ Порецкой, будучи въ Новѣгородѣ въ канцеляріи провинціяльнаго суда, бранилъ меня скверною бранью, и называлъ воромъ, и похвалялся посадить меня на шпагу; а за что посадить хотѣлъ, вины своея ни малыя не знаю. И то руганіе мнѣ отъ него было и шпагою похвальныя слова при судейскомъ столѣ, а судей въ то время уже не было, только былъ тутъ Нотаріусъ Романъ Семеновъ; и то мнѣ руганіе и похвальныя его слова онъ Нотаріусъ и приказные подъячіе и дворяне многіе слышали, и я наутро принесъ судьямъ челобитную, чтобъ въ брани и въ похвальныхъ словахъ его Полковника допросить; и онъ Порецкой въ допросъ не пошелъ: я де судимъ въ военной коллегіи, а у васъ въ Новѣгородѣ отвѣчать не буду.

И я, аще не весьма послѣдній человѣкъ, а суда не сыскалъ. Какъ же сыщетъ судъ кто мизирнѣе меня? Только что о обидахъ своихъ жалуйся на служивой чинъ Богу.

А аще учиненъ будетъ судъ равный, каковъ простолюдину, таковъ и безъ понаровки и офицеру; то и нехотя всѣ прыткость свою отложатъ, и будутъ ко всякому чину склонны, и не токмо на квартирахъ, но и на пути по прежнему никого обидить не будутъ.

И аще служивые вси яко рядовые солдаты и драгуны Его Императорскаго Величества указу ослушны не будутъ, и обижать перестанутъ, и начнутъ со всѣми чины въ любови быть,—также, аще и офицеры ихъ въ таковое же послушаніе внидутъ, и со всѣми чинами въ любви будутъ, — и къ тому еще у всѣхъ полковъ пѣхотныхъ военной артикулъ гораздо будетъ твердъ, еже ни отъ какого замѣшанія непріятельскаго имъ не смѣшатися, — то на бою будутъ яко каменная стѣна.

А будеже въ ружьѣ будутъ силу знать, и у фузей огнивы будутъ имѣть огнистые и кремни приправные, чтобъ осѣчки никогда не было, и фузеи каковы чисты свону, * пачежъ того внутри, и къ струнѣ внутрь приправленной; ** то таковое ружье вельми надежно, и къ стрѣлянію цѣльно, и въ ратоборствѣ споро; а къ тому, аще и стрѣлять будутъ не по прежнему на вѣтеръ, но въ самое дѣло, чтобъ ни пуля, ни порохъ даромъ не пропадалъ, и аще толь твердо научатся съ руки стрѣлять, чтобъ никакого бѣгуна скачущаго на конѣ не упустили, — то таковые солдаты, на бою непріятелемъ вельми будутъ страшны, не токмо на сухопутномъ бою, но и на водяномъ будутъ страшны.

И ради морскаго бою вельми учить молодыхъ солдатъ, чтобъ они навыкли съ руки въ цѣль бить безъ погрѣшенія, чтобъ и на малыхъ шлюбкахъ ѣдучи могли и во время волненія въ цѣль безъ погрѣшенія убивать; и аще тако затвердятъ, то самая честная морская битва будетъ, и чаю, что и на весь свѣтъ славнабъ и ужасна была.

Къ томужъ, аще и рукобитное ружье будетъ имѣть самое острое, то и въ таковомъ ружьѣ спорыня будетъ немалая; понеже острое ружье хотя чуть коснется кишкамъ и прочимъ внутреннимъ, то той человѣкъ живъ быти уже не можетъ, и никто излечить его не можетъ; а съ пустымъ ружьемъ аще и сквозь утробу человѣчью проколетъ, то та рана залечить можно; потому что она кишокъ не повредитъ; а самое острое ружье — смертная язва.

И таковымъ солдатамъ, мнится мнѣ, не худо бы предъ рядовыми солдаты и жалованья прибавить: рядовому солдату въ годъ жалованья 16 рублевъ, а тѣмъ,

* У Стр. *свонну.*

** У Стр. *приправлено.*

которые будутъ изъ фузей съ руки въ 20-ти саженяхъ по шапкѣ бить безъ погрѣшенія, то таковымъ, видится, можно дать и по 20 рублевъ на годъ, дабы, на то смотря, и иные острились на такоежъ умѣніе. А буде въ таковой же мѣрѣ будутъ по цѣли подвижной убивать безъ погрѣшенія, и таковымъ, видится, можно и по 25 рубл. на годъ дать; понеже таковой солдатъ заслужитъ за два или за три человѣка неумѣющихъ.

И на сухопутномъ бою, на сходѣ съ непріятелемъ, аще таковыхъ солдатъ тысяча человѣкъ выстрѣлятъ, то на худой конецъ повалилибъ непріятельскихъ людей сотъ пять-шесть; то каковъ бы ни былъ непріятель жестокъ, умякнулъ бы, и нехотя рожу свою отворотилъ бы назадъ. Я чаю, что другаго запалу не стали бы дожидатися, стали бы смекать, какъ бы на бѣгу уйтить.

Есть слово похвальное про Фины, что де такъ крѣпко на бою стоятъ, что убьютъ де человѣка, а другой на его мѣсто и станетъ; и то не дивно, буде убьютъ у ста человѣкъ одного или двухъ человѣкъ, то плохо * заступать, а будеже у ста человѣтъ да убьютъ пятьдесятъ или шестдесятъ человѣкъ; то я не знаю, какъ бы и тѣ славные Фины могли заступить. А будеже на побѣгъ не пойдутъ, но станутъ на мѣстѣ томъ укрѣплятися, и дождутся другаго запалу, то и побѣжати будетъ некому, но вси тутъ уснутъ.

Я сего не могу знать, что то за повычай древній солдатской, что только одно ладятъ, чтобы всѣмъ вдругъ выстрѣлить будто изъ одной пищали: и такая стрѣльба угодна при потѣхѣ или при банкетѣ веселостномъ, а при банкетѣ кровавомъ тотъ артикулъ не годится; тамъ не игрушку надобно дѣлать, а самое дѣло, чтобъ даромъ пороха не жечь и свинцу на вѣтеръ не метать, но весь тотъ припасъ шелъ бы въ

* Такъ въ обоихъ спискахъ. Не ошибка ли вмѣсто *можно?*

дѣло, почто сошлися. Я много слыхалъ отъ иноземцевъ военныхъ похвалы такой, такъ де жестоко билися, что во огнѣ де стояли часовъ съ шесть, и никто де никого съ мѣста сбить не могли. И сія похвала нѣмецкая — у нихъ бы она и была; а намъ дай Боже ту похвалу нажить: съ Русскими де людьми биться нельзя; ежели де единожды выпалятъ, то де большую половину повалятъ. И такая битва не въ шесть часовъ, но въ одну минуту.

И если Богъ изволитъ тако Русскимъ нашимъ солдатамъ научитися, что ни одинъ бы пули даромъ не терялъ, и таковыхъ солдатъ если тысячъ десятокъ набрать, то я знаю, что и съ двадцатью тысячами не пошелъ бы никто на битву съ ними: отъ Русскаго солдата будто отъ лютаго звѣря всякой бы непріятель бѣжалъ безъ оглядки.

Подъ Азовымъ на Швартовъ полкъ набѣжали Татары, и солдаты, по приказу своего полковника, понѣмецки всѣ однимъ разомъ выпалили, и всѣмъ полкомъ неубили и десяти челоловѣкъ, и тѣ Татарове увидѣли, что почали ружья заправлять, вскочили вдругъ, ружья имъ заправлять не дали, и всѣхъ, что овецъ погнали въ свою землю и съ полковникомъ. А еслибы не на вѣтеръ стрѣляли, да половина бы выстрѣлила, а другая бъ въ запасѣ была, тобы не погнали что овецъ. А ащебы всѣ умѣли цѣльно стрѣляти, то и на худой конецъ ста два-три убилибъ, то и Татарове не смѣлибъ толь смѣло на цѣлой полкъ навалиться; а еслибъ сотъ пять-шесть у нихъ убили, тобы они къ чорту забѣжали, что и сыскать бы ихъ негдѣ было. Татарове смѣлы, пока большаго урону нѣтъ; а егда сотню другую человѣкъ потеряютъ, то и они щеку свою отворачиваютъ: любятъ они даромъ взять.

Былъ я еще въ молодыхъ лѣтѣхъ на Пензѣ, и та-

мошніе жители, служивые люди, усмотрѣли во мнѣ, что я гораздо цѣльно стрѣляю, то, истинно не лгу, что говорили мнѣ: останься де ты здѣсь въ лѣто, то де мы Татаръ не будемъ бояться; и я сталъ говорить, еже одному мнѣ съ ними нечего дѣлать. И они мнѣ сказали; видимъ де мы, что ты скоръ стрѣлять и пулей даромъ не теряешь, а Татары де напорчиво напираютъ, что мы не умѣемъ никого изъ нихъ убить, а тебя де видимъ, что ты и по лицу убиваешь, а отъ нихъ де выѣзжаютъ нартики и сажень въ десяти разъѣзжаютъ, а мы де уставя пищали, да стоимъ передъ ними, а ты де хотябъ одного изъ нихъ убилъ, то бы они уже не стали такъ наѣзжать, а еслибы де человѣкъ дву-трехъ убилъ, то бы де и всѣ изчезли.

И по такому примѣру аще бы Богъ изволилъ таковыхъ бойцевъ тысячь десятокъ-другой набрать, то вѣдаю я, что сталибъ всѣ непріятели трусить; а если же къ таковымъ бойцамъ да состроить рогатки огнестрѣльныя съ запальными пищальми; то изъ таковыхъ пищалей встрѣтилъ бы непріятеля сажень во стѣ, и пока къ сраженію сходятся, а у нихъ бы начальныхъ людей, кои предъ полкомъ выступаютъ, поубавилъ бы; а егда саженяхъ въ 30 будутъ, то бы встрѣтилъ ихъ рогаточною стрѣльбою; а кои у рогаточной стрѣльбы останутся, то тѣхъ бы тѣ солдаты изъ своихъ фузей подхватили, и отъ тоя стрѣльбы, кои остальцы будутъ, то бы ихъ ручнымъ боемъ прокололи; а буде устремятся на побѣгъ, то конные, такіе жъ огнестрѣльные драгуны, проводили бы ихъ до упокоенія вѣчнаго.

И къ таковой бы огнестрѣльной пѣхотѣ да устроить конныхъ бойцевъ хотя одну тысячу человѣкъ таковыхъ, чтобы, на конѣ скачучи или рысью бѣгучи, стрѣлять могли по цѣли впредь себя, и на обѣ сто-

роны и назадъ себя; то таковая и одна тысяча замѣнитъ у дѣла паче десяти тысячъ, а дѣло бы у нихъ споряя и двадцати тысячь было; потому что противо таковыхъ бойцевъ, я невѣмъ, кто бы могъ устояти, и чтобы по прежнему во огни цѣлой день стояти, но и въ четверть часа скучатъ; яко то могу разумѣти, что и двухъ запаловъ не вытерпятъ, но всѣ остальцы будутъ смекать, какъ бы голова своя унести.

И аще бы Богъ помогъ таковыхъ воиновъ набрать тысячь пять-шесть, то непочтобъ пятьдесятъ тысячъ войска коннаго держати и кормить напрасно. И аще, какъ пѣхота, такъ и конница, не будутъ даромъ пулей терять, то отъ таковыхъ бойцовъ непріятелю трудно будетъ и на убѣгъ бѣжать, а и догонять таковыхъ бойцовъ непріятель не посмѣетъ.

И таковымъ воинамъ подобаетъ и ружье самое доброе и цѣльное имѣть, и имѣлъ бы конный воинъ ружья при себѣ, фузею да пару пистолетовъ длинныхъ, да коротышковъ карманныхъ пару же, да копейцо при сѣдлѣ самое острое имѣть подъ ногою ратовище аршина въ три или въ полчетверта.

И таковымъ воинамъ подобаетъ одежда носить красная; понеже они огнистые люди, яко огнь малой многія древеса пожигаетъ, тако и сіи. Аще на пространномъ и свободномъ мѣстѣ, то и малыми людьми, аще Богъ помощь свою имъ пошлетъ, могутъ многихъ поразити.

И таковые бойцы при свободныхъ мѣстѣхъ десятію тысящами заслужилибъ за пятьдесятъ тысячъ, и аще и не таковы будутъ умѣтельны стрѣлять, ежели бы ни одной пули даромъ не потерять.

Обаче надобно служивой людъ беречи, чтобы имъ нужда ни хлѣбная, ни одежная некасалася. Зело отъ нихъ слышно, еже къ нимъ на мѣсяцъ и по десяти алтынъ не приходитъ; то чѣмъ ему пронииматися, гдѣ ему взять

шуба и иныя потребности, и харчу на что ему купить? и въ таковой скудости будучи, какъ ему не своровать и какъ ему изъ службы не бѣжать? нужда пригонитъ къ побѣгу, а иной и измѣнить будетъ готовъ.

О солдатѣхъ и о драгунѣхъ надлежитъ великое попеченіе имѣти, и тщательно того смотрѣти и при квартирахъ, чтобы они ни пищею, ни одеждою не скудны были, а при арміи и наипаче подобаетъ ихъ довольствовати, чтобъ они радующеся служили. И егда всѣмъ будутъ довольны, то служба ихъ будетъ исправнѣе яко въ главныхъ полкахъ, тако и въ послѣднихъ и въ новобранныхъ. Аще будутъ вси пищею и одеждою довольны, то вси, радуясь, будутъ служить.

А сіе мнится мнѣ, не весьма прямо учинено, аще съ нѣмецкаго переводу взято, еже мундиръ солдату или драгуну дать, а послѣди за весь тотъ мундиръ изъ жалованья мѣсячнаго и вычесть. И отъ таковыхъ вычетовъ какъ солдатамъ въ нуждѣ не быть; жалованья ему на мѣсяцъ учинено только тридцать алтынъ, а за вычетомъ только дается ему десять алтынъ или меньше; и изъ таковаго малаго жалованья чѣмъ ему шуба и шапка, и рукавицы, и чулки или онучи купить? И мнѣ мнится и вычеты отставить, и по гривнѣ на мѣсяцъ денегъ надлежитъ прибавить, чтобы имъ было исправить свои нужды. Мнѣ мнится, аще вычеты оставлены будутъ, то гораздо радостнѣе и радѣтельнѣе будутъ служить.

Я истинно видѣлъ: въ Санктпетербургѣ солдатъ купилъ мяса на послѣдней недѣлѣ Рожественскаго мясоѣда, и говоритъ: хотя бы де для заговенія оскоромиться, и сіе не самая ли нужда, что во весь мясоѣдъ ѣлъ сухой хлѣбъ. И буде и въ службѣ будучи при арміи такую же нужду принимаютъ, то трудна ихъ служба.

Я мню: аще бы пищею и одеждою довольни были; то чаю, что и служба у нихъ вдвое спорядя была. А егда голоденъ и холоденъ, и ходитъ скорчася; то онъ какой воинъ, что служа воетъ?

А буде кой солдатъ или драгунъ и отъ довольной сытости да станетъ плутать, изъ службы сбѣжитъ; то поймавъ его распросить, отъ чего онъ бѣжалъ? И буде нехотя служитъ, то учинитъ ему смертная казнь, или вмѣсто смертныя казни наложитъ ему на лбу херъ или иной какой знакъ, чтобы онъ всякому знатенъ былъ, что онъ бѣглецъ; то уже тотъ впредь не побѣжитъ, потому что за такимъ знакомъ никто его на дворъ не пуститъ, и ни къ какой его работѣ нигдѣ не пріимутъ, и гдѣ кто его не увидитъ, аще не при полкѣ, то поймать его можетъ, и связавъ, отослать къ суду; а судъ ему уже смертенъ.

А буде же пойманный солдатъ скажетъ, что бѣжалъ онъ отъ обиды офицера своего, то надлежитъ разыскать; и буде обида будетъ явна, то надлежитъ дать кара офицеру, а солдата отъ хера свободить; многіе бо солдаты и драгуны на офицеровъ своихъ жалуются, что великія имъ обиды чинятъ, а управы на нихъ не сыщутъ.

И ради общежительства любовнаго аще Великій нашъ Монархъ повелитъ судъ устроити единъ, каковъ земледѣльцу, таковъ и купецкому человѣку, убогому и богатому, таковъ и солдату, такожъ и офицеру, ничимъ же отмѣненъ, и полковнику и генералу, — и чтобъ и судъ учинить близостной, чтобъ всякому и низкочинному человѣку легко бы его доступать, како на простолюдина, тако и на служиваго, — то по таковому уставу не то что офицеровъ, солдатъ изобижать, но и земледѣльцовъ не будутъ обидить. Аще увидятъ прямой правый судъ, то вси прежнюю свою гордость

и азарничесто и обиды всѣ отложатъ, и будутъ со всѣми чинами любовно обходиться, и на квартирахъ будутъ стоять смирно, и чего имъ не указано, не станутъ того дѣять, и указы Его Императорскаго Величества не станутъ ничтожить; ибо тѣжъ люди, да вси измѣнятся. И за то всякому чину будутъ милы, и въ квартирномъ стояніи вси будутъ имъ рады, яко свойственникамъ. Сей же судъ, мнѣ мнится, не весьма правъ, еже простолюдину о обидѣ своей на солдата у солдатажъ милости просить, а на офицера у офицеражъ. Старая пословица есть: еже воронъ ворону глаза не выклюнетъ! Сіе бо есть явное дѣло, что солдатъ на солдата никогда не почнетъ, а офицеры и давно не промѣняютъ своего брата и на солдата, а не то что на простолюдина; всегда бо свой своему по неволѣ другъ, и нельзя имъ другъ другу и не наровить: потому нынѣ тотъ виненъ, а на иной день будетъ и онъ виненъ. И потому не можно имъ праваго суда на своего брата изнести. А аще судъ будетъ по нынѣшнему и разный, служивымъ особливый, а прочимъ чинамъ особливыежъ, да будутъ единой главной конторѣ подсудны и во всемъ послушными, то можетъ правда установитися.

Обаче ради нелицепріятнаго суда надлежитъ судьямъ быть особливымъ, кромѣ солдатъ и офицеровъ; чтобъ уже былъ судъ всѣмъ безъ понаровки; и судьямъ страшной, жестокой указъ предложить, дабы никаковому лицу ни понаровки, ни посяжки не чинили, а неправедно, ни самаго земледѣльца безвинно осудить, или и челобитной у него не принять, не смѣли. Прежній судъ у солдатъ тако былъ: буде солдаты кого убьютъ или ограбятъ, то онижъ будутъ и правы; а кого били или и грабили, то тогожъ и виноватымъ дѣлали. И хотя кто солдата поймаетъ, то

и самъ не радъ будетъ; ибо аще и съ поличнымъ приведетъ съ нимъ, то поимшій же битъ будетъ. Мой человѣкъ поймался за лошадь мою: ту лошадь у него отняли, да егожъ капитанъ Мавринъ высѣкъ батоги: для чего де ты обозъ останавливаешь, тыбъ за лошадью шелъ въ Санктпетербугъ: тамъ бы де и судъ на него дали. И тотъ судъ далекъ сталъ и труденъ: лошадь дана 4 рубля, а послать туда бить челомъ, то больше того еще приложить; и та лошадь была у подводчика, а не у солдата, только подъ обиходомъ офицерскимъ, а и тутъ суда не сыскалъ.

А и сіе изложеніе, мню я, что не весьма здраво изложено еже и служивому на служиваго бить челомъ служивымъ же офицерамъ: и буде на равнаго себѣ бьетъ челомъ, то всячески дадутъ судъ; а будешь на офицера, то и мыслить нечего, что суда не сыщешь; какъ ни есть, а изволочатъ. Буде кто не вельми докучливъ, то его минами (?) проволочатъ; а буде кто докучливо станетъ бить челомъ, того посылками удручать, что нерадъ будетъ и челобитью своему.

И то стало быть худой судъ; и того ради надлежитъ всячески потщатися о правомъ судѣ, дабы никто къ Богу не воздыхалъ, и на судью порѣченія никакого бы не наносилъ, и чтобъ Богу никто не жаловался, но всякомубъ человѣку винѣ рѣшеніебъ чинить на землѣ, а до небеснаго суда и не допустить бы. И аще судъ у насъ въ Россіи устроится праведный, и приступъ къ нему будетъ близостный и нетрудный, то никто никого суду Божію предавати не будетъ, но кійждо по винѣ своей и судъ и награжденіе пріиметъ на земли.

ГЛАВА III.

О ПРАВОСУДІИ.

Богъ правда: правду Онъ и любитъ. Аще кто восхощетъ Богу угодить, то подобаетъ ему во всякомъ дѣлѣ правда творити; наипаче бо всѣхъ чиновъ надлежитъ судьямъ правда хранити не токмо въ однихъ дѣлахъ, но и въ словахъ лживо ничего не говорити, но что прилично къ правдѣ, то и говорить, а лживыхъ словъ судья никогда не говорилъ бы.

Понеже судья судитъ именемъ царскимъ, а судъ именуется Божій; того ради всяческій судья подобаетъ ни о чемъ тако не старатися, яко о правдѣ, дабы ни Бога, ни Царя, не прогнѣвати.

Буде судья судъ повѣдаетъ неправый, то у Царя пріиметъ временную казнь, а отъ Богу вѣчную, не токмо на тѣлѣ, но и на душѣ казнь вѣчную понесетъ.

А буде судья повѣдаетъ судъ самый правдивый и нелицепріятный по самой истинѣ яко на богатаго, тако на самаго убогаго и безславнаго, то отъ Царя будетъ ему честь и слава, а отъ Бога милость и царство небесное.

Судія бо аще будетъ дѣлать неправду, то ни постъ, ни молитва его не поможетъ ему, понеже уподобится лживому діаволу.

А буде же будетъ дѣлать прямую правду, то подобенъ будетъ Богу; понеже Богъ самая правда. И аще судья не погрѣшитъ въ судѣ, то паче поста и молитвы поможетъ ему правосудіе его: писано бо есть, яко правда избавляетъ отъ смерти.

Судьѣ не подобаетъ ни о чемъ у Бога милости просити токмо о томъ, дабы Богъ ему открылъ, како между людьми Божіими судъ правдивъ судити, дабы отъ недознанія своего праваго не обвинить, а виноватаго не оправити.

Мой умъ не постигаетъ сего, како бы прямое правосудіе устроити; но елико ми Богъ даруетъ, готовъ, написавъ предложити, токмо не безъ страха есмь о семъ, еже азъ весьма мизиренъ и ученію школьному неискусенъ, и како по надлежащему достоитъ писать, ни слѣда нѣсть во мнѣ, ибо самый простецъ есмь, но токмо возложився на Его Божію волю, дерзнулъ мнѣніе свое изъявити простотнымъ письмомъ.

Первое мнѣніе свое о судѣйствѣ предлагаю сицевое: егда кто отъ Его Императорскаго Величества опредѣленъ будетъ ко управленію судному, то подобаетъ ему умолить пресвитера, дабы Господу Богу всенощное пѣніе отправилъ, и литоргію и молебное пѣніе Богу Отцу нашему небесномубъ воспѣлъ, и въ томъ моленіи просилъ бы объ откровеніи въ дѣлахъ у Господа Бога со слезами, ежебы Богъ подалъ ему познавати правость и винность во всякомъ дѣлѣ; и во всемъ томъ правленіи надлежитъ всего себя вручить Богу, и ежебы онъ не допустилъ до какого либо искушенія, и чтобъ отъ неправости какой не впасти бы въ каковыя напасти. А не худо бы и на всякой день, воз-

ставъ отъ ложа своего, тотъ (?) новосочиненный Богу Отцу нашему небесному канонъ прочитывати съ богомысліемъ, дабы дѣла его судныя строились по волѣ Его Божіей, и не допустилъ бы Богъ до какова либо искушенія, и избавилъ отъ всякаго лукаваго дѣла.

И положить себѣ надлежитъ уставъ недвижимый такой, ежебъ, вшедъ въ канцелярію и сѣдши на мѣсто, перьвѣе: повелѣлъ бы колодниковъ, что ихъ есть, поставить предъ себя на лицо, и спросилъ бы всѣхъ порознь, кто въ чемъ сидитъ, и у коего подъячего дѣло его, то справиться съ дѣломъ; а буде дѣло до кого невеликое, то тогобъ часа и рѣшить его; а буде коего дѣло рѣшитъ того часа не возможно, то велѣлъ бы того свободить на поруки, или на росписку, или за пристава, и положилъ бы срокъ, когда коему явиться. А что ежедневно являться, то самое бездѣлье, излишня волокита: сталъ бы онъ на положенной срокъ. А въ приказѣ бы кромѣ разыскныхъ дѣлъ отнюдь бы никого не было, и до коего сроку кто будетъ свобоженъ, то судьябъ написалъ въ памятную свою книжку, чтобы того числа рѣшить его. И тотъ срокъ судьѣ вельми надлежитъ памятовать, чтобы на себя пороку не навести.

И тако на всякой день судьѣ годствуетъ колодниковъ пересматривать, чтобы не былъ кто напрасно посаженъ. Издревлѣ много того было, что и кого подъячій посадитъ, безъ судейскаго вѣдома, а иного и приставъ посадитъ, и безъ вины просидитъ много времени. И аще кой судья сего смотрить не будетъ, то взыщется на немъ вина въ главной конторѣ, коя на управу неправымъ судьямъ учинена будетъ.

А древняго у судей обыкновенія такого не было, ежебы колодниковъ самому судьѣ пересматривати, и дѣла ихъ безъ докуки разсматривати; только одни

подъячіе перекликаютъ и то того ради, что всѣ ли цѣлы, а не ради рѣшенія; и того ради много и безвинно сидятъ, и помираютъ голодомъ.

Въ прошломъ 707 году при моемъ видѣньѣ привелъ въ Преображенское слуга боярской дѣловаго человѣка за то, что онъ сказалъ за собою слово Государево, и Князь Ѳедоръ Юрьевичъ спросилъ у него о словѣ, и онъ сказалъ: я де желаю Великому Государю служить въ солдатѣхъ, а помѣщикъ де велѣлъ меня за то сковать, и я де того ради и сказалъ за собою слово Государево. И Князь Ѳедоръ Юрьевичь и отослалъ его въ солдатство; а которой человѣкъ его привелъ, посаженъ былъ въ острогъ, и сидѣлъ тотъ приводецъ недѣль съ пятнадцать съ великаго поста до Петрова дни. И то пришелъ ихъ стряпчій, да вынялъ на росписку. А по правому разсужденію не довелось было и единаго дня его держать, а и росписки было брать не для чего: все сіе затѣйки приказныхъ людей, а людемъ Божіимъ такимъ задержаніемъ и напрасными росписками чинятъ великой убытокъ.

До кого дѣла нѣтъ, непочто того роспискою вязать. Тако и по всѣмъ приказамъ чинятъ.

Въ прошломъ 719 году сыщикъ Ислѣнтьевъ въ Устрикѣ у таможеннаго цѣловальника взялъ съ работы двухъ человѣкъ плотниковъ за то, что у нихъ паспортовъ не было, и отослалъ ихъ въ Новгородъ, и Новѣгородѣ судья Иванъ Мякнинъ кинулъ ихъ въ тюрьму, и одинъ товарищъ, годъ пересидя, умеръ, а другой два года сидѣлъ, да едва едва на росписку свободилъ. И тако многое множество безъ разсмотрѣнія судейскаго людей Божіихъ погибаетъ.

На что бодряе и разумнѣе господина Князь Дмитрія Михайловича Голицына! Въ прошломъ 719 году подалъ я ему челобитную, чтобъ мнѣ заводъ построить вино-

курной и водку взять на подрядъ; и не вѣдомо чего ради велѣлъ меня за караулъ посадить; и я сидѣлъ цѣлую недѣлю, и стало мнѣ скучно быть, что сижу долго, а за что сижу, не знаю. Въ самое заговѣнье Госпожинское велѣлъ я урядпику доложить о себѣ; и онъ Князь Дмитрій Михайловичъ сказалъ: давноль де онъ подъ карауломъ сидитъ? урядникъ сказалъ: уже де цѣлую недѣлю сидитъ; и тотъ часъ и велѣлъ меня выпустить. И я, кажется, и не послѣдній человѣкъ; и онъ Князь Дмитрій Михайловичъ меня знаетъ; а просидѣлъ цѣлую недѣлю ни зачто. Кольми же паче коего мизирнаго посадятъ, да и забудутъ. И тако многое множество безвинно сидятъ и помираютъ безвременно! А по мѣлкимъ городамъ многіе и дворяне приводятъ людей своихъ и крестьянъ, и отдаютъ подъ караулъ.

И того ради какъ по приказомъ, такъ и по городамъ, надобно имѣть росписи, что есть колодниковъ, и чтобы безъ записки въ роспись никакого бы колодника ни въ приказѣ, ни въ тюрьмѣ не держали; а буде въ пересмотрѣ явится кто въ роспись не вписанъ, то кто его посадилъ безъ записки, надлежитъ жестоко наказать, дабы впередъ такъ не дѣлали. А и старыхъ колодниковъ буде по вся дни пересматривать судья за многодѣліемъ не управится, то не отложно пересматривать понедѣльно, а наипаче по понедѣльникамъ. А приказныхъ сидѣльцовъ въ приказѣ и пересматривати; а тюремныхъ сидѣльцовъ, въ тюрьму пріѣхавъ, и пересматривати накрѣпко: нѣтъ ли какого незаписнаго колодника или нѣтъ ли уходца изъ записныхъ?

Я истинно удивляюсь, что то у судей за нравъ, что въ тюрьму посадя, держатъ лѣтъ по пяти-шти и больше!

Если бы судья и воеводы новоприводныхъ колодниковъ ежедневно пересматривали, то бы сего уже не было, и никому бы безвинно посадить и подъ карауломъ держать было никакъ.

А и дѣламъ всѣмъ, по моему мнѣнію, надлежитъ всякому судьѣ учинить росписи же, и ту роспись по вся дни прочитать, и подъячихъ понуждать, чтобъ отъ челобитчиковъ докуки не ждали, но тобы и помнили, чтобъ дѣло не лежало безъ дѣланія, и готовили бы къ слушанію. И егда кое дѣло къ слушанію готово, то судьѣ съ товарищи слушать не дожидаясь отъ истца или отвѣтчика докуки о вершеньѣ.

Судьѣ надобно помнить то, чтобы даромъ и единаго дни не пропустить, чтобъ дѣла какого изъ той росписи не вершити, и слушавъ, чинить рѣшеніе немедленно, дабы люди Божіи во излишнихъ волокитахъ напрасно не мучились.

А и дѣла къ слушанію готовить, по мнѣнію моему, надлежитъ сице: который подъячій изъ коего дѣла дѣлалъ выписку, тотъ бы и подписалъ подъ тою выпиской: я (имркъ) выписку сію дѣлалъ, и истецъ по сему и по сему правъ; а буде истецъ виненъ, а отвѣтчикъ правъ, то такожде именно подписать, почему онъ правъ и почему другой виноватъ.

И судьямъ то дѣло выслушавъ высмотрѣть хорошенько правды и неправды, и ради лучшаго разумѣнія сдѣлать изъ дѣла выметку коротенькую, и росписать именно правости и винности, и высмотря ту выметку и посмотрѣть подъяческаго оговору, кого онъ правитъ. И буде подъяческій оговоръ съ судейскимъ сходенъ, то и ладно такъ; а буде у подъячего оговоръ сдѣланъ разумнѣе и правильнѣе, то такого подъячего надобно поберегать. А буде дѣлъ пять-

шесть или десятокъ сдѣлаетъ, и оговоры его правильны, то надлежитъ его и честью повысить.

А буде же подьячій сдѣлаетъ вопреки правдѣ, то учинить ему наказаніе неоскудное; а буде же дѣлалъ такой приговоръ по пристрастію, то лютѣ, лютѣ, наказать и жалованье убавить; а буде же въ другой рядъ также неправо подпишетъ, то уже и казни подпадетъ.

И егда кто богатый или самый убогій челобитную о обидѣ своей или и въ каковомъ ни есть случаѣ подастъ, то, по моему мнѣнію простотному, надлежитъ ее судьѣ принять, и замѣтить число подачи, а къ запискѣ ее въ протоколъ не отдавать, и самому судьѣ вычести ее со вниманіемъ и чтобъ чтенное памятовать. И высмотря челобитную втонкость, взять того челобитчика въ особое мѣсто, и спросить его сице: «Друже! подалъ ты челобитную о обидѣ своей, праволь ты на него бьешь челомъ?» И аще онъ речетъ самою правдою, то надлежитъ ему молвить: «Господа ради самъ ся осмотри ты, чтобы тебѣ не впасти въ напасть и въ великой убытокъ, паче же убытку въ грѣхъ не впади; чтобы тебѣ во второе Христово пришествіе праведнымъ Его судомъ осуждену не быть,» и сказать: «мы судимъ овогда право, овогда же и неправо; понеже мы не сердцевѣдцы, а тамо не нашъ гнилой судъ будетъ, но самый чистый и здравый, и всякая ложь и правда будетъ явна, и не токмо большія дѣла, но и самая малая крупина будетъ обнажена, понеже самъ сердцевѣдецъ Богъ имать судити. Святый Апостолъ Павелъ глаголетъ: яко страшно есть впасти въ руцѣ Бога жива (ко Евреемъ гл. 9, ст. 31); и сего ради ты, друже мой, самъ въ себѣ помысли, дабы тебѣ не впасти въ Божій судъ. Вельми надобно Божія суда страшитися; понеже Богъ ни на

каковыя лица не смотритъ, но на самое дѣло; и аще ты сего человѣка изубытчишь напрасно, и на нашемъ судѣ аще и правъ будешь, а тамо оправданіе наше будетъ тебѣ въ большее осужденіе, буде напрасно его изубытчишь, а и насъ на грѣхъ приведешь. И аще ты самъ предъ нимъ чѣмъ виненъ, а надѣясь на свою мочь потолочишь его, то уже самое горшее осужденіе пріимеши. И аще тогда и каятися будешь, да ничего себѣ не поможеши; и того ради нынѣ осмотрись, дабы тебѣ въ вѣчную погибель не вринутися. Кто предъ Богомъ не грѣшенъ, и кто передъ Царемъ не виненъ! Такожде и между собою како бы въ чемъ не поссоритися, Господа ради не входи въ большую ссору, не приложи болѣзни къ болѣзни, и суперника своего не вводи въ большой убытокъ. Если ты и правъ будешь, то не безъ убытку тебѣ будетъ; а если же да неправъ будешь, то его изубытчишь, а себя и наипаче въ великую напасть ввалишь: понеже всѣ убытки его, что онъ ни скажетъ, безсрочно доправлено на тебѣ будетъ, да въ казну заплатишь пошлины, а приказнымъ людемъ дашь заработныя деньги. Пойди себѣ съ добрыми людьми подумай, и какъ ни есть, хотя на себя поступя, а лучше помирись, а челобитную его у себя поблюди, дондеже о миру договоръ учинять.»

И потомъ отвѣтчика велѣть сыскать. И егда отвѣтчикъ приведенъ будетъ, то такожде на словахъ его пораспросить: чѣмъ онъ виненъ, и спросить его за вѣрою, чтобы онъ сказалъ всю правду, какъ что было, и за что у нихъ стало.

И буде онъ тебѣ повинится, то ты для памяти вину его у себя записать, и за повиновеніе надлежитъ надъ нимъ милость показать, како бы ихъ смиритъ, а до большихъ бы убытковъ не допустить. А аще повинится

въ малой винѣ и о прочемъ скажетъ съ клятвою, что написалъ на него излишнее, то уже судьѣ надлежитъ болѣе пораздробить истца на словахъ, и поискать правды всякими примѣрами. И буде отвѣтчикъ прямо сказалъ, то въ истцѣ * можно поклепной искъ познать.

А буде отвѣтчикъ за такимъ великимъ притужанiемъ вины своей ничего не скажетъ, и клятвою закрѣпитъ, что онъ не знаетъ, не вѣдаетъ, напалъ де на него челобитчикъ напрасно, и то что онъ нискажетъ, записать, и всячески на словахъ его пороздробить, какъ кого на тотъ часъ Богъ вразумитъ.

А аще кто умно будетъ разговаривать, то на тонкостныхъ словахъ можно познать, правдуль сперва сказалъ или неправду; и буде признается въ немъ вина, то надлежитъ его и наипаче принудить съ великимъ притужанiемъ, чтобъ онъ помиловалъ себя и помирился.

А буде признана будетъ истцова неправда, что ищетъ онъ нападкомъ, то надлежитъ его понуждать къ миру, чтобы онъ ни отвѣтчика, ни себя въ убытокъ бы не валилъ, а вражду свою порвалибъ безъ допросовъ, чтобы имъ обоимъ убытку напраснаго не было.

А буде же истецъ или отвѣтчикъ будетъ гордо говорить, и на миръ идти не похочетъ, и таковому сказать: «добро то буде ты правъ будешь, а буде же явишися виненъ, то тогда ни малыя милости отъ насъ не получишь. Однако же аще ты и весьма правъ, а лучше безъ большихъ убытковъ помириться, потому что и худой миръ лучше добрыя брани, а живите себѣ въ любви: вѣдаешь ли ты о семъ, что идѣже любовь, ту и Богъ; а идѣже вражда, тамъ дiаволъ; и дать имъ сроку дни на три или на четыре. И аще во всемъ помирятся, то пришли бы они оба предъ судiю и

* Такъ у Стр., а въ моемъ спискѣ кажется ошибочка *выше*.

объявили бы о мирѣ своемъ, и тотъ ихъ миръ записать въ книгу, на то устроенную, и записать именно, о чемъ у нихъ было дѣло подлинникомъ, а не перечнемъ, и къ той запискѣ приложили бы руки, а челобитную подрать и отдать челобитчику; и мировыя пошлины взять съ нихъ по указу; и въ мировой книгѣ подъ запискою ихъ и подъ взятіемъ пошлинъ закрѣпилъ бы самъ судья или воевода.

А аще кои соперники въ миръ не пойдутъ, то чинить имъ допросъ по указу передъ судьею, и кто кого чѣмъ будетъ уличать, надлежитъ судьѣ слушать и внимать, и на словахъ обоихъ ихъ надобно судьѣ поводить, и искать въ нихъ правды, и на многихъ и тонкостныхъ словахъ означится правда и неправда.

И буде одинъ изъ нихъ силенъ и честенъ и словесенъ, а другой бѣденъ или не бѣденъ, да безсловесенъ, къ тому же аще и мало смыслящъ, то судьѣ надобно на сильное лицо не стыдясь возстати, аще во убогомъ или и неубогомъ, да безсловесномъ истцѣ или отвѣтчикѣ призначится правость; а который многословіемъ своимъ не дастъ ему въ словахъ выправиться, то всячески, ради любви Божія, помощи подобаетъ безсловесному и сильному не давать его безсловеснаго изобидѣти; понеже судъ именуется Божій, то тако надлежитъ и чинить, чтобы судъ былъ подобенъ Божію суду, нелицепріятенъ.

И чтобы на судѣ и на допросѣхъ были истцы и отвѣтчики сами, а не наемные ябедники; понеже ябедники ябедничествомъ и многословіемъ и самую правду заминаютъ и праваго виннымъ поставляютъ, а виноватаго правымъ, и такъ правду заминаютъ, что и судьи словъ ихъ разобрать не могутъ; и кой не ябедникъ, а ябедникъ буде мѣшать ему не будетъ, то онъ больше правду будетъ говорить, а будежъ и мол-

витъ какое слово неправое, то онъ и сомнется. И того ради не у ябедника скорая винность и правость познать можно. И того ради супернику не надобно давать словъ его заминать; а и подъячему, кой записываетъ, торопить его, ни спорить, ничего не надобно: какъ онъ знаетъ, такъ пусть и выправляется, только бы лишь постороннихъ и къ тому дѣлу неприличныхъ словъ не говорилъ бы.

И егда будутъ въ допросахъ, и станутъ на одной ставкѣ другъ друга уличать, то судьѣ при семъ надобно держать ту записку, которая записана въ конторѣ въ первыхъ ихъ разговорахъ, и смотрѣть прилежно, не будетъ ли истецъ или отвѣтчикъ съ первыми своими словами разбиваться. Буде станетъ говорить не такъ какъ на одинъ сказалъ, то во измѣнныхъ словахъ паче перваго надлежитъ въ словахъ раздробить, чтобы дощупаться самыя правды. И аще безсловеснаго явятся слова съ первыми сходны, а умнаго словесника явятся рознь; то всячески надобно безсловесному помогати, и сильному не дать его тѣснить и обиду чинить.

А буде во время допроса подойдетъ кто съ стороны, и станетъ въ какихъ либо словахъ учить, то того учителя надлежитъ взять подъ караулъ; и буде безхитростно поучилъ, то штрафомъ его обложить; а буде нарочно, на то уготовавшись, пришелъ, то и розыску подлежитъ.

И того ради во всякой канцелярiи надлежитъ сдѣлать особные чуланцы, чтобъ во время допроса никто постороннiй тутъ небылъ, а и судьѣ бы никто не мѣшалъ.

И за обидимаго и самому судьѣ надлежитъ быть стряпчимъ, обиднику же быть жестокимъ судiею и немилостивымъ. Такъ надобно здраво судить, чтобъ аще и самый свойственникъ ближнiй подъ судъ при-

личится, а по дѣлу виненъ будетъ, то отнюдь не надлежитъ его щадить, чтобы во второе свое пришествіе Господь Богъ не сталъ пересуживати, и за неправый судъ не быть осуждену самому судьѣ на вѣчное мученіе.

И у коихъ суперниковъ учинится какая ссылка общая или необщая, то паче судныя записки прилежно и разсмотрительно надлежитъ въ нихъ поискать прямыя правды; потому что ни въ чемъ таковыя лжи не обрѣтается, колико въ свидѣтельствѣ.

А что въ проклятыхъ повальныхъ обыскахъ, то самъ сатана сидитъ, а Божія правды ни слѣда нѣтъ: всѣхъ свидѣтелей пишутъ заочно; а и попы и дьяконы не видятъ тѣхъ людей, на коихъ кто послался, и на словахъ не слыша, да руки къ обыскамъ прикладываютъ.

И ради истребленія таковыя ябедническія неправды надлежитъ первѣе по обыкновенію приказному взять у нихъ сказки за руками, и чтобъ подъячіе ихъ въ словахъ не разбивали и не научали бы, какъ лучше сказать, но дали бы имъ въ словахъ волю, и что ни скажутъ, добро или худо, сходно или несходно, такъ бы и писали, и чтобы къ тѣмъ сказкамъ приложили они руки, а дьякъ или секретарь закрѣпилъ бы тогожъ часа, дабы послѣди нельзя имъ перемѣнить тѣхъ сказокъ. А буде кой скажетъ: за мною де тѣжъ рѣчи, то такъ и записать, что сказалъ тѣжъ рѣчи и за мною, кои первой третій скажетъ.

А кто послался на повальный обыскъ, то по прежнему взять у нихъ свидѣтельство за тамошними руками. И егда тѣ обыски приняты будутъ въ приказъ, то надлежитъ велѣть имъ привести изъ тѣхъ свидѣтелей человѣкъ двухъ или трехъ изъ разныхъ деревень, а буде большой сыскъ, со всякаго десятка по человѣку достовѣрнаго свидѣтельства.

И егда свидѣтели явятся въ канцелярію и судьѣ, тѣ обыски принявъ и высмотря ихъ, взять изъ тѣхъ свидѣтелей одного въ контору, и поставя его предъ образъ Божій и рещи: «ты, другъ мой, написанъ свидѣтелемъ, и скажи ты мнѣ такъ, какъ тебѣ на второмъ Христовѣ пришествіи стать, и не моги ты ни единаго лживаго слова сказать: аще неправду скажешь, то себя погубишь; и ты самъ себя побереги, не моги ты ни убавишь, ни прибавишь, какъ что видѣлъ, такъ и сказывай. Я тебѣ сказываю, что если ты мнѣ солжешь и скажешь по дружбѣ или изо мзды неправду, то кто тебя принудилъ солгать виновенъ будетъ платежу, а тебѣ за неправое твое свидѣтельство по новоизложенному Его Императорскаго Величества указу отсѣчь голову; и ради незабытныя памяти и инымъ свидѣтелемъ на показаніе голову твою возложатъ на колъ, и поставятъ ее при входѣ въ канцелярію, дабы всѣми всегда зримо была, и колико лжесвидѣтелей ни явится, всѣхъ рядомъ головы на колѣ тыкать, а пожитки всѣ ихъ взяты будутъ на Великаго Государя, а жены и дѣти будутъ отданы въ вѣчную работу. И того ради самъ ты себя и дѣтей своихъ побереги: буде ты подъячему сказалъ и ложно, то ты теперь исправься и скажи мнѣ самую правду, какъ ты что видѣлъ или слышалъ отъ кого, или только отъ кого слышалъ, кто на тебя послался; а буде нынѣ прямую правду мнѣ скажешь, то себя избавишь ты отъ смерти, а что подъячему ложно сказалъ, въ томъ прощенъ будешь.»

И аще кто скажетъ предъ судьею прямо, что онъ по наученію того суперника, кой на него слался, сказалъ ложно; то та вина раздѣлить на двое: половину тому лжесвидѣтелю, а другую учителю, и учинить имъ наказаніе равное, и по жестокомъ наказаніи запятнать

ихъ на лицѣ и на рукѣ лжесвидѣтельнымъ пятномъ; и буде впредь въ такомъ же ложномъ свидѣтельствѣ явится, то безотложно чинить казнь смертную.

И кто въ какомъ дѣлѣ ни принесетъ повинную, то таковыхъ отъ наказанія жестокаго чинить облегченіе, и на такія дѣла и книгу имѣть особливую, чтобъ кромѣ повинныхъ иныхъ никакихъ дѣлъ не писать, что можно было бы безъ замедленія сыскать хотя въ десять лѣтъ. А буде кто въ такой же винѣ явится впредъ, то чинить ему указъ уложенный.

А будеже предъ судьею въ конторѣ не повинится и въ словахъ своихъ станетъ мяться, то таковаго надобно съ великимъ притужаніемъ напорно всякими образы разными допрашивать: давно ли то было, и товарищи его, кои въ росписи написаны, всѣ ли тутъ были, и прежде ли его они пришли или послѣ, или всѣ они вмѣстѣ пришли, и откуду пришли, и гдѣ они сошлися, и отъ чего у нихъ сталось, и какъ кончилось, и о коемъ часѣ дни или ночи и въ какой хороминѣ или на дворѣ или въ иномъ какомъ мѣстѣ, и буде въ хоромахъ, то въ коемъ мѣстѣ, въ переднемъ ли углу или у дверей или у печи или за столомъ, и сидячи или стоя, и раноль или поздно, и на дворѣ ведрено ли въ то время или ненастливо было, и послѣ того случая какъ разошлися, и кто изъ нихъ прежде пошелъ отъ него, или кто остался, или всѣ вмѣстѣ пошли, и колико ихъ было, и всѣхъ ли онъ знаетъ или никого не знаетъ?

И какъ кого Богъ вразумитъ, надлежитъ въ самую тонкость свидѣтелей допрашивать и всѣ тѣ дробныя рѣчи записывать именно, какъ кто о чемъ ни скажетъ; потому что въ свидѣтельствѣ безъ мѣры много ложныхъ свидѣтелей бываетъ, а на тонкостныхъ распросахъ мудро ему ложь свою укрыть будетъ, и до-

прося, отвести его въ особое мѣсто, чтобы онъ ни съ кѣмъ никакого слова не промолвилъ.

И потомъ, другаго свидѣтеля взявъ, допросить, и у того допросу никто бы постороній не былъ, но токмо подъячій одинъ кой будетъ записывать; и буде грамоты кто умѣетъ, то руку бы приложилъ; а буде кой не умѣетъ, то печать бы свою приложилъ, чтобъ послѣди спорить не сталъ.

А буде какимъ случаемъ тотъ допрашиванный свидѣтель промолвитъ съ товарищами слово какое, ко лжи подтвердительное, то надлежитъ распросить его уже и въ застѣнкѣ: чего ради такую рѣчь имъ промолвилъ?

И колико ихъ свидѣтелей ни будетъ, всѣхъ допрашивать таковымъ же образомъ; а буде не всѣ свидѣтели придутъ, то никого изъ нихъ не допрашивать, пока всѣ на лицо не будутъ.

А по таковому тонкостному допросу вся будетъ правда и неправость явна. И будебъ кои свидѣтели былибъ ложные, то какъ бы они ни ухищряли, а въ таковыхъ допросѣхъ утаить будетъ не можно: при Даніилѣ Пророцѣ и два свидѣтеля не могли своей лжи сокрыть, и за то оба смерти преданы. А если гдѣ случится свидѣтелей пять-шесть; то хотя бы они всѣ цѣлый годъ твердили какъ имъ сказать, то не могутъ неправаго свидѣтельства сочинить, но всѣхъ ихъ ковъ явѣнъ будетъ.

А буде же въ свидѣтельствѣ случится токмо одинъ человѣкъ, то такожде надлежитъ его сперва, по приказному обыкновенію, подъячему допросить, потомъ по вышеписанномужъ изъявленію взять его въ контору, и распросить его такимъ же тонкостнымъ допросомъ или и вяще того, какъ на тотъ часъ Богъ вразумитъ судію; понеже въ одномъ свидѣтелѣ много-

трудно прямую правду сыскать. Обаче, допрося его, отдать подъ караулъ, и ввести въ контору того, кого оправитъ, и распросить его именно противо свидѣтельскаго порядка безъ уятія дробныхъ вопрошеній, но и еще приложить тонкостнѣйшихъ допрошеній, дабы и въ одномъ свидѣтелѣ можно бы правду и неправду сыскать, и просить его о томъ свидѣтелей: прежде ли суперника его пришелъ къ нему или послѣ, и пришедъ, въ коемъ онъ мѣстѣ сѣлъ или стоялъ, и отъ него вмѣстѣ ли съ тѣмъ суперникомъ пошелъ вонъ, или прежде или послѣ?

И буде тотъ истецъ и отвѣтчикъ въ вопросѣхъ своихъ размолвится; то паки взять того свидѣтеля и объявить ему размолвку, и пристрастить его гораздо, чтобы онъ сказалъ самую правду безъ пытки. И буде повинится, чтобъ онъ наученъ на такое ложное свидѣтельство, то по вышеписанномужъ вину разложить на обоихъ, кто его научалъ и на него, послушника лжи.

А буде тѣми допросами разнять не мочно, то привести въ контору того, кого свидѣтель винитъ. А буде тотъ суперникъ видя себѣ обличеніе прямое, повинится, то и конецъ дѣлу; и будеже не повинится и скажетъ съ клятвою, что свидѣтель на него свидѣтельствуетъ ложно, и ради изысканія правды и его спросить тѣмъ же порядкомъ вдробь, какъ они въ то время случились съ суперникомъ онымъ, и свидѣтель тотъ, какъ тутъ прилучился быть, при немъ ли пришелъ, или до него тутъ былъ, и чтобъ сказалъ всему тому дѣлу начало и конецъ, и всему тому дѣлу весь порядокъ, какъ что было.

А буде съ третьимъ у него будетъ различіе въ порядкѣ того случая, то паки взять въ контору свидѣтеля, и примѣняясь къ различнымъ словамъ, спросить его обо всемъ снова инымъ уже порядкомъ; и буде

сомнется въ словахъ своихъ, и явится въ порядкѣ томъ разность, то немедля и въ застѣнокъ, и спросить уже и съ пристрастіемъ и съ розыску. Если явится, что онъ на лжи свидѣтельствовалъ по дружбѣ иль по свойству, а не изъ найму, то мнится мнѣ, мочно ему отъ смерти быть и свободну, а наказаніе весьма жестокое и чинить, какъ о томъ уложено будетъ; а знакъ не токмо на рукѣ, но и на лицѣ положить такое, чтобъ онъ всѣмъ людемъ знатенъ былъ, что онъ лжесвидѣтель, и никтобъ ему не вѣрилъ.

И ради таковыхъ допросовъ изыскательныхъ надлежитъ судьѣ пріѣзжать по обѣдѣ, чтобъ допрашивать всякими разными порядками не торопясь, не такъ допрашивать какъ сѣмо написано, но смотря по дѣлу и по случаю, и на самое дѣло зря, а не наизустъ; ибо дѣла не видѣвъ, не можно о всемъ вполности написать; сѣмо означено токмо для примѣру, какимъ порядкомъ что чинить. И къ тому примѣняясь, надлежитъ у Бога милости просить всякому судьѣ, чтобъ вразумилъ его, какъ ему правда сыскать, и какъ неправда познать; и во время допроса не надлежитъ въ судейскую палату излишнихъ людей пускать, чтобы въ допросѣхъ помѣшательства никакого не чинили. И егда истцовы и отвѣтчиковы и свидѣтелей допросы кончатся, и правда вся означится, то немедленно надлежитъ и вершить его, чтобы, за тѣмъ дѣломъ волочась, люди Божіи не разорились, и напрасно не убытчились. Буде же кои люди повинны будутъ смерти, то и ихъ держать долго не надлежитъ: токмо для покаянія недѣлю мѣста или дней десять, дабы въ тые дни постился и молился, и въ грѣхахъ своихъ каялся.

А буде кои люди явятся богохульцы, иже тѣло Христово и животворящую Его кровь въ скверну вмѣняютъ, и ругающеся мерзостію запустенія нари-

цаютъ, то таковому не надлежитъ живу быти ни сутокъ, но изъ застѣнка вышедъ, вершить его; потому что таковыхъ самъ Богъ еще при Моисеѣ повелѣлъ предавать смерти.

(Осмотрись, старичокъ, и эту рѣчь вельми! нѣсть грѣхъ, побѣждающъ Божію человѣколюбію!) *

А буде кто изъ таковыхъ хульниковъ проситься будутъ на покаяніе, вѣрить тому не подобаетъ; понеже нѣсть таковымъ покаянія; самъ бо Царь Богъ усты своими рекъ: (Матѳ. гл. 12, ст. 31, 32) Аще кто Духа святаго восхулитъ, не отпустится ему той грѣхъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. А тыи богохульницы явно Духа Святаго восхулиша, иже дѣйства Духа Святаго хулятъ, и силу Его Божественную снижаютъ и отъемлютъ, якобы нынѣ Духъ Святый ни накакая церковная дѣйствія не сходитъ и не дѣйствуетъ.

Вси бо богохульцы послѣдуютъ діаволю; како діаволъ что ни речетъ, то все ложь; ничимъ же разни и богохульцы: что не скажутъ, то все ложь; какъ законы ихъ ложны, такъ и слова ихъ всѣ лживы.

И буде вступятся за нихъ духовнаго чина или мірскаго, и будутъ просить, чтобы изъ таковыхъ богохульцовъ отъ смерти свободить, и буде поручатся въ томъ, что они совершенно каются, и хотятъ къ православной древней вѣрѣ приступити, неложно то въ поручной записи написать именно, что впредь ему богохульникомъ не быть и людей Божіихъ изъ древней вѣры въ новыя свои разновѣрія не привлачить, но и старыхъ своихъ товарищей, отпадшихъ отъ благочестія обращать на истинную христіанскую древнюю вѣру, и аще кого увѣщаетъ, на покаяніе приводилъ бы въ приказъ къ запискѣ. А буде обращать отъ своего

* Этихъ словъ у Стр. нѣтъ. Не принадлежатъ ли они переписчику въ моемъ спискѣ?

заблужденія не будетъ, то онъ лестно покаялся; и за то поручиковъ его оштрафовать надлежитъ, а его въ вѣчное заточеніе отослать или уже повершить его.

А буде же кто по покаяніи своемъ будетъ учить своему зловѣрію, то уже отнюдь сроку ему не давать его жестокой смерти, а поручниковъ его оштрафовать съ наказаніемъ.

А разбойниковъ, мнится мнѣ, больше трехъ пытокъ не для чего пытать, дабы во многихъ пыткахъ не продолжилось ихъ сидѣнье. Вора и разбойника отнюдь держать долго не надобно: что долѣ онъ сидитъ, то болѣ отъ него пакости. И каковой воръ въ первомъ и въ послѣднемъ застѣнкѣ говоритъ согласно, то и приведъ его къ плахѣ, паки спросить: правдуль на нихъ сказалъ? И буде и при самой смерти то же скажетъ, то его вершить, а по оговорныхъ людей послать, и какъ прилично будетъ, такъ и розыскивать и послѣди его.

Аще такой краткостной судъ будетъ ворамъ и разбойникамъ, то имъ страшнѣе жестокихъ смертей будетъ; понеже кой разбойникъ ни попадется, то уже взвороту ему не будетъ, и по прежнему долго жить не станетъ; что попалъ, то и пропалъ. А долгое сидѣніе великая была имъ потачка; а и каторга имъ не великая угроза: потому что и изъ каторги уходятъ. А аще въ недѣлю конецъ будетъ, то всякой воръ и разбойникъ страшенъ будетъ.

И егда приведутъ какого вора, а тутъ есть какой воръ давной сидѣлецъ, то новоприведеннаго отнюдь къ нему сажать не надобно не распрося, но посадить его особливо, чтобъ ни съ кѣмъ онъ не видѣлся, а послѣ и распросу не весьма спускать надобно; потому что многіе съ приводу всю правду сказываютъ и въ убойствѣ винятся, а егда старые колод-

ники подкрѣпятъ, то уже и станетъ себя сговаривать, и со огня ужъ не будетъ виниться; и тако иные на свободу выходятъ.

А буде воры оговорятъ въ товариществѣ своихъ жителей домовыхъ, то въ домѣхъ ихъ во всѣхъ клѣтяхъ перепскать накрѣпко, нѣтъ ли какого платья или иной какой рухляди, коя ему не свойственна.

И буде у кого явится приличнѣ къ воровству, то и безъ свидѣтельства будетъ онъ явленъ; а буде никакой прилички не сыщется, то сосѣдей всѣхъ допросить накрѣпко: вѣдаютъ ли за нимъ какое воровство, и чтобы сказали безъ утайки; и сказать тѣмъ сосѣдямъ именно: буде въ воровствѣ вѣдаетъ, а не скажетъ, а послѣди явится, что вѣдали, —какова смерть вору, такова и вамъ будетъ.

И аще и ничего сосѣди ближніе не скажутъ, обаче спросить и дальныхъ; и буде и дальные сосѣди скажутъ, что онъ доброй человѣкъ, то положа на рукѣ его такой знакъ, что былъ онъ въ оговорѣ и отпущенъ на свободу. А буде предь иные воры оговаривать его будутъ, то надлежитъ уже и его пытать.

А буде, посланный по воровъ учинитъ ворамъ какую понаровку, и понаровка его будетъ явна, точію * достоинъ будетъ и смерти.

Мнѣ мнится: если бы новоприводныхъ воровъ послѣ приказнаго распросу не медля ни часа и въ застѣнокъ бы, чтобы онъ не надумался, то онъ оторопѣетъ и скажетъ правдивѣе; а егда надумается, то уже прямой правды не скажетъ. И аще кой воръ въ приказномъ распросѣ винился, а съ пытки станетъ запираться, то надлежитъ его жестокими муками мучить, чтобы онъ сказалъ, кто его научилъ себя сговаривати; и егда скажетъ научившаго его, то взявъ того

* У Стр. *то чаю.*

учителя, жесточайшими пытками пытать, чтобы онъ сказалъ то, чего ради онъ училъ сговаривать съ себя, и учинить ему наказаніе жесточайшее.

А которымъ ворамъ надлежитъ животъ дать, тѣхъ просто отнюдь не отпускать, а учиня наказаніе, уставленное на обѣихъ рукахъ и на лицѣ положить клейма, чтобъ онъ былъ всѣмъ людемъ явенъ, въ какой винѣ былъ; и буде впредъ хотя мало приличится къ таковомужъ дѣлу, то уже конецъ извѣстной.

И о семъ судьямъ вельми надлежитъ пещися, чтобы въ тюрьмахъ колодниковъ не много было; то бы добро, ежебы и единаго узника не было: худа судьямъ похвала, что колодниковъ много держатъ, но та самая честная похвала, чтобъ ни одного не было.

То судьѣ прямая честь, ежебы не токмо колодниковъ, но и челобитчиковъ въ канцеляріяхъ не много шаталось. Я не знаю, что въ семъ за краса, еже такъ въ канцелярію челобитчиковъ натѣснится, что до судьи и дойти не мочи.

То бы добро, ежебы предъ судьею человѣка два-три или пять-шесть стояло, и то, коимъ дѣло есть, а кому дѣла нѣтъ, тобы поклонъ отдавъ, да и шелъ бы вонъ, а челобитчикомъ бы не мѣшалъ, такожде и судьѣ въ разсужденіи препоны бы не дѣлалъ.

По моему мнѣнію надлежитъ такъ судьямъ учинить, чтобы не то, что предъ ними, но и въ подъяческихъ столахъ, никто бы безъ дѣла не шатался.

И подъячимъ всѣмъ надлежитъ приказать съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, чтобы челобитчиковъ отнюдь долго не волочили; и о семъ всякой судья за подъячими смотрѣлъ бы прилежно, чтобы они безъ подлиннаго повелѣнія ничего бы не дѣлали. И буде кому надлежитъ выписка, или и иное какое дѣло дѣлать, то всякой бы подъячій своему дѣлу срокъ положилъ,

и челобитчику велѣлъ на положенной срокъ приходить къ себѣ; а до сроку отнюдь бы въ приказѣ не шатался; и для вѣрности давалъ бы подъячій челобитчикомъ росписные ярлыки, и въ тѣхъ ярлыкахъ писалъ бы именно, къ коему числу то его дѣло онъ изготовитъ. И буде на тотъ срокъ онъ не сдѣлаетъ, и челобитчикъ придетъ передъ судію съ срочнымъ ярлыкомъ, и по тому ярлыку судьѣ надлежитъ призывать подъячаго, и спросить, чего ради онъ того дѣла по слову своему не сдѣлалъ? И буде какое принесетъ о себѣ оправданіе явное и приличное, а не самовольное медленіе. и тому надлежитъ дать сроку; и буде и къ тому сроку не сдѣлаетъ, то уже надлежитъ дать ему наказаніе и со штрафомъ.

И аще въ коей канцеляріи тако устроено будетъ, то въ томъ приказѣ никогда людей много шататься не будетъ. А челобитчики вмѣсто излишнія волокиты будутъ управлятися; купецкіе люди — купечествомъ, а мастеровые — за рукодѣліемъ своимъ; и отъ того въ народѣ пополненіе будетъ.

А гостинцовъ у истцовъ и у отвѣтчиковъ отнюдь принимать не надлежитъ; понеже мзда заслѣпляетъ и мудрому очи. Уже бо кто у кого приметъ подарки, тѣ всячески ему будетъ пособствовать, а на другаго посягать; и то дѣло уже никогда право и здраво разсуждено не будетъ, но всячески будетъ на одну сторону криво. И того ради отнюдь почетки ни малыя судьѣ принимать не годствуетъ, дабы въ неправомъ разсужденіи предъ Богомъ и Царемъ не согрѣшить.

А кто предъ судьею придетъ и будетъ стоять молча, и таковаго человѣка надлежитъ судьѣ спросить тихимъ гласомъ: какого ради дѣла стоитъ? И егда скажетъ онъ о дѣлѣ своемъ, то надлежитъ дѣло его паче докучливаго управить, потому что многіе лю-

ди бываютъ самые смирные и застѣнчивые; и аще самая крайняя * нужда, помощника ему нѣтъ, а самъ подокучить не смѣетъ; и того ради всячески ему помогати. И буде есть ево правость, то и наипаче подать ему руку помощи; понеже, таковыхъ безсловесныхъ многословные ябедники вельми изобижаютъ, и многорѣчіемъ своимъ и правду ихъ заминаютъ. А буде кто бѣдной человѣкъ, и на пути кого либо побьетъ челомъ о обидѣ своей, а дѣло его невеликое, вагою ниже рубля; то, буде мочно, то тутъ бы его и рѣшилъ, а въ приказъ бы не волочилъ его.

Въ канцеляріи жъ егда случится дѣлъ каковыхъ слушать, то надлежитъ слушать не одними ушами, но и самымъ умомъ; такожде и товарищи бы всѣ слушали съ прилежнымъ вниманіемъ, и во время слушанія ни съ каковымъ дѣломъ побочнымъ не надлежитъ пропускать къ себѣ, и ни съ кѣмъ ни о чемъ не разговаривать; дабы отъ неприлежнаго вниманія ума судейскаго не отводили. Такъ надобно разсмотрительно судить, чтобы никакой судья послѣди того вершенія не могъ перевершить; наипачежъ того годствуетъ страшиться, дабы Богъ того суда пересуживать не сталъ, и за неправое сужденіе не отослалъ бы въ вѣчное мученіе.

И егда все то дѣло прочтутъ, то главному судьѣ никакую сторону оговаривать не надобно, но токмо еже и вразумѣлъ, то держать въ мысли своей; и егда товарищи мнѣнія свои подпишутъ, то, высмотря ихъ мнѣнія, и свое объявитъ; и аще мнѣнія ихъ съ его мнѣніемъ согласны, то прочесть подьяческіе оговоры, и буде и подьяческіе оговоры сходнымъ жъ, то нечего много и разсуждать, но такъ его и вершить.

А буде же въ оговорѣхъ чьихъ разнь явится, то

* У Стр. *кровная.*

надлежитъ наипаче потолковати, и хотя и въ другой разъ прочесть, и разногласіе разобрать не торопясь; и кой приговоръ правѣе явится, то, высмотря, гораздо, вершить.

И въ вершеніи первѣе бы подъячіе приговоръ закрѣпили, а потомъ товарищи судейскіе, а послѣди всѣхъ главный бы судья закрѣпилъ, чтобы уже ни прибавить, ни убавить было невозможно. А буде кое дѣло спорно и къ разсужденію не поемно, то надлежитъ подлинное дѣло отдать въ другой столъ, который на то устроенъ, и подъячіе въ немъ сидѣли бъ самые свидѣтельствованные и ко всякимъ дѣламъ разумительные; и велѣть ему сдѣлать изъ подлиннаго дѣла выметку, и по выметкѣ разобрать, сдѣлать выписка полная, а другая перечневая, и подъ выпискою подписать ему свое мнѣніе; и аще и по той выпискѣ разобрать будетъ не мочно, то аще и отречено въ древнихъ указѣхъ, еже по окончаніи суда въ пополненіе ни челобитенъ, ни доношеній принимать не велѣно, а мнѣ ся мнить, не то что челобитенъ не принимать, но и неволею брать у нихъ изъяснительныя сказки, дабы незатмѣнно мочно рѣшить ихъ дѣло, или пополнительныя челобитныя, или и снова судъ дать, дабы можно безъ погрѣшенія его вершить.

А буде кой подъячій подпишетъ мнѣніе свое неправо: станетъ праваго винить, а виноватаго править, или какую фальшу сочинять, правому ль къ винѣ или винному къ правости, то надлежитъ тонкостнѣе у него выспросить, и съ товарищи своими прилежно разсмотрѣть и выразумѣть. И буде означится его неправость и коварство, то таковаго надлежитъ и въ застѣнкѣ распросить, чего ради такъ онъ дѣлалъ. А буде же объявилъ онъ самую правду, то надлежитъ его жалованье прибавить, и честію его при иныхъ повы-

сить; понеже, чего судьи разобрать не могли, а онъ разобралъ, и ясно показалъ самую правду.

А буде кой истецъ или отвѣтчикъ станетъ судейское вершеніе спорить, а оправданія себѣ не сыщетъ, то на немъ за неправой споръ пошлины и проѣсти вдвое доправить; а буде послѣ втораго вершенія станетъ спорить, то взять уже на немъ пошлинъ и проѣстъ вчетверо, а судьямъ доправить съ него безчестье.

Я по своему мнѣнію судное дѣло и управленіе вельми поставляю высоко паче всѣхъ художествъ, на свѣтѣ сущихъ. И того ради никакому человѣку, не токмо малосмысленному, но и самому разумному не подобаетъ судейства или начальства искать, но всячески отъ него отрицатися; понеже весьма тяжелоносно оно.

Не велико, кажется, что изъ города въ уѣзды посылаютъ солдатъ по дворянъ и по иныхъ всякихъ чиновъ людей, и дѣла прямаго аще и на алтынъ нѣтъ, а по кого пошлютъ, то самое легкое дѣло, что рубли два-три убытку сдѣлаютъ, а иному рублевъ и десять учинятъ убытку, и тѣмъ людей Божіихъ весьма убытчатъ.

Хотя малая какая справка приказная, то не хотятъ подождатъ до инаго времени, но какъ сдумаютъ, такъ и посылаютъ безсрочно; и того отнюдь не чинятъ, чтобъ послать о томъ, еже взять писменное вѣденіе, или о чемъ надлежитъ взять на письмѣ отповѣдь; но только то у приказныхъ людей вытвержено, что поволоки со всякою отповѣдью въ городъ. И аще кто живетъ отъ города въ верстахъ во стѣ-другомъ, то и путь рубли по два-три убытку будетъ; а въ распутную пору, то будетъ рублевъ и пять-шесть истраты. А кто сотъ въ пяти-шти случится, то и съ десятью рублями врядъ изняться. А приказные люди людскихъ убытковъ не изчисляютъ: они только свою тягость

изчисляютъ, а людская—ни вочто. А если въ дѣловую пору пришлютъ, то и безъ хлѣба сдѣлаютъ; и отъ таковыхъ посылокъ вельми много людемъ пакости чинится, а судьи о семъ попеченія нималаго не имѣютъ, чтобъ имъ людей Государевыхъ въ чемъ поберечь, и до убытка какого не допустить.

А кто хощетъ прямо Его Императорскому Величеству порадѣть, то людей его паче себя надлежитъ беречь, чтобъ въ убожество не приходили, и того ради ни малаго бы убытку имъ не чинили. Всякому судьѣ надобно недреманно смотрѣть за всѣми непрестанно; то и смекать, какъ бы правду прямую учинить, и чтобъ никого не озлобить и не разорить. Истинно не имѣютъ нималаго попеченія, чтобы въ чемъ людей отъ убытку поберечь!

А и сіе здраволи господа судьи разсуждаютъ, еже изъ-за Санктпетербурга изъ губернской канцеляріи годы по три и по четыре присылки были жестокія по Новгородскихъ служителей, кои были въ бурмистрахъ и въ цѣловальникахъ у денежныхъ сборовъ, чтобы ѣхать по отчетъ; и ѣздили года по три и почетыре и больше. А пріѣхавъ, да тамъ поживутъ недѣль десятокъ, и денегъ десятка по два-три всякой изсоритъ, да и назадъ. И кои лѣтъ пять-шесть ѣздили, то я вѣдаю, что рублевъ по сотницѣ проѣздили кромѣ гостинцевъ. А съ гостинцами будетъ и по другому сту. И отъ того людемъ чинится великое разореніе и народное оскуденіе. Буде считать, то не почто откладывать изъ году въ годъ; а буде не считать, то волочить не почто.

А начто бы того лучше: въ коемъ городѣ кто служилъ, то тамъ бы ихъ и считать, и считать бы не десять лѣтъ спустя, но принявъ казну, да приходныя и расходныя книги, да и считали бы туточные судьи

безотложно, тобы всякому служителю легко было служить, и отсчитаться не трудно, потому что всякое дѣло изъ памяти еще не вышло. А десять лѣтъ спустя, я не знаю, какой счетъ прямой будетъ? только приказнымъ людямъ покормки; а въ скоромъ отчетѣ и разоренія бы не было служителемъ, и отслужа, всякой бы за свой промыселъ принялся, и отъ такова управленія никогда бы во всеконечное убожество купеческіе люди не приходили бы.

Въ Нѣмецкихъ земляхъ вельми людей берегутъ, а наипаче купецкихъ людей; и того ради у нихъ купеческіе люди и богаты зело. А наши судьи нимало людей не берегутъ, и тѣмъ небреженіемъ все царство въ скудость приводятъ; ибо въ коемъ царствѣ люди богаты, то и царство то богато; въ коемъ царствѣ люди будутъ убоги, то царству тому не можно слыть богатому. Я сего не могу не знать, что то у нашихъ людей за разумъ, что ничего въ прокъ государству не прочатъ, только прочатъ имѣніе себѣ, и то на часъ, а государству такъ они прочатъ, что ни за что многія тысячи рублевъ теряютъ. Буде по какой причинѣ возьмутъ пожитки чьи на Государя, то взявъ властно что въ огонь бросятъ; ибо взявъ ихъ, положатъ въ палату, да держатъ въ заперти годъ или больше, да станутъ цѣнить; то коя шуба соболья была рублевъ сотъ въ пять, ажно вынутъ — гной одинъ, что и пяти рублевъ не стоитъ. И если бы о семъ предѣлъ положить сицевый: аще у кого подъ судомъ тако учинятъ, то сгноенные пожитки доправить на тѣхъ начальникахъ, кои то учинятъ, то стали бы беречь и нехотя. Такова ради ихъ управленія тѣ пожитки съ сего свѣта губятъ, напрасно, въ невозвратную погибель. А надобно судьямъ вельми сего смотрѣть, чтобы ничто, ничье, нигдѣ, даромъ не пропадало; понеже все, что есть въ

народѣ богатства — богатство царственное; подобнѣ и оскудѣніе народное оскуденіе царственное. *

Я и сего не могу разумѣть, чего ради бурмистровъ и иныхъ сборщиковъ весьма требуютъ, и не дочеты безвременно правятъ? Буде какой человѣкъ какимъ недоразумѣніемъ нѣсколько казны утратитъ, или и на свою потребу взялъ, и у отчету въ платежѣ не достанетъ, то мнѣ мнится, надлежитъ у него взять сказки, какъ онъ тѣ деньги заплатитъ. И буде скажетъ, что вскорѣ заплатитъ, то и добро такъ; а буде скажетъ въ годъ или въ два или въ три, то безвременно разорить его не надобно, но взять на немъ на тѣ деньги по указу процентъ.

И отъ того Великому Государю пополненіе интереса, а люди будутъ цѣлы, и промысловъ своихъ не отбудутъ; а безвременные правежи яко на крестьянъ, тако и купечеству, явное разореніе, царству — истощеніе, а не собраніе.

Царская собранія не истощатся, аще и не круто будутъ собратися, всячески свое мѣсто наполнятъ, а крутое собраніе не собраніе, но разореніе. И буде на комъ и недочетъ какой явится, то только для извѣстія надлежитъ писать въ Коллегію, чтобъ тамъ явно было, на комъ что останется недостаточныя казны. И отъ такого порядка казнѣ Великаго Государя будетъ великое пополненіе и царственное украшеніе; понеже никто разоренъ не будетъ, и въ нищету пригнанъ не будетъ же, и домъ его цѣлъ будетъ. А по прежнему уставу за недоимку дворъ и пожитки отберутъ, да оцѣнивъ вполъ или въ треть или въ десятую долю, да и продадутъ; и тако совсѣмъ его разорятъ.

А по новому, состоявшемуся Его Императорскаго Величества указу, на тѣ доимочныя деньги на всякой

* Послѣдняго предложенія въ сп. Стр. нѣтъ.

годъ на сто рублевъ придетъ прибыли по десяти рублевъ. Итако казна Великаго Государя будетъ цѣла и съ приплодомъ, а люди будутъ всѣ цѣлы и ничѣмъ невредимы.

И кои люди держатъ на откупу кабаки или что и иное, и аще и срокъ пройдетъ платежу, то не по него, ни по порутчиковъ посылать отнюдь не надобно, потому что въ томъ излишнемъ задержанiи умножаться будетъ царской интересъ. А посылками судьи промышленникамъ чинятъ великiе убытки, а Царскому Величеству не прибыль чинятъ, но токмо препятiе Его Величеству интересу.

Сего судьямъ прилежно надлежитъ смотрѣть, буде дѣло важное и вельми нужное; а буде и важное, да къ скорости не нужное, то мочно ему и посрочить. Во всякомъ дѣлѣ надобно смекать, чтобы Ему Великому Государю прибытокъ былъ, а напраснобъ ничего не пропадало.

А буде кто похочетъ коликаго числа на промыслъ денегъ, то потребованiю надлежитъ изъ казны дать; только того смотрѣть, чтобъ можно ему вѣрить, и на такую дачу учинить особливую книгу.

А у крѣпостныхъ дѣлъ на иманцовъ изъ Царской казны денегъ, или какихъ товаровъ, или въ подрядныхъ дѣлахъ, по моему мнѣнiю, отнюдь имать не надлежитъ, но во устроенной на то книгѣ иманцу росписатися, а подъ его рукою подписались бы поручники и свидѣтели по обычаю. А ежели Царю брать на своихъ природныхъ рабовъ записи, вельми несличнo, и чести Царской не прилично. Писать надлежитъ народу между собою; того ради буде противъ записи кто не устоитъ, то по записамъ другъ на друга бьютъ челомъ, и ищутъ судомъ.

И Царю несличнo на людяхъ своихъ судомъ искать;

но аще кто винен будетъ, то вся можетъ имѣнія его взять. а не токмо имѣнія, но и смерть и животъ въ руцѣ его есть. И того ради отнюдь не надлежитъ Царю людей своихъ записьми крѣпостными крѣпить: только бы онъ руку приложилъ, то и крѣпость на него.

И аще у кого имѣнья будетъ изъ казны рублевъ тысячъ на десять или и на сто тысячъ, то надлежитъ во устроенной на то книгѣ расписаться, и буде онъ человѣкъ не весьма полной, то и поручники тутъ же бы подписались, а свидѣтелямъ подписываться не надобно для того, что судья закрѣпитъ. И аще тако устроено будетъ, то въ иманьѣ великое поспѣшеніе иматъ быти; ибо коего дня понадобится, того дня и совершится.

А и въ купеческомъ дѣлѣ не весьма потребно во иманьѣ товаровъ писать у крѣпостныхъ дѣлъ крѣпости; понеже въ писаніи крѣпостей великое чинится замедленіе. На что того лучше, что не токмо у иноземцевъ Христіанскія вѣры, но и у бусурманъ, въ Турской землѣ, не то что во стѣ рубляхъ, но и въ десяти тысячахъ и вящше не пишутъ записей по нашему на цѣлыхъ листахъ, но токмо распишется иманецъ, да тому и вѣрятъ, и вмѣсто нашего листа напишетъ строки двѣ или три. А у насъ, пока не правда не искоренится, то для вѣрности надлежитъ подъ иманцовою рукою поручникамъ подписываться и со свидѣтелями, то и межъ купечествомъ единодневная бы сдѣлка была, и купечеству великая бы способность сталабыть. А у крѣпостныхъ дѣлъ чинится великая волокита, и торгу остановка, и излишняя трата.

Мнѣся мнитъ: паче всякаго дѣла надлежитъ старатися о правомъ судѣ, и аще правосудіе у насъ уставится, то всѣ люди будутъ боятися неправды: всему добру основаніе — нелицепріятный судъ! тогда и собраніе Царскія казны будетъ сугубо.

И того ради надлежитъ сочинить правосудную книгу съ подлиннымъ разсужденіемъ на всякія дѣла. А буде не сочинить на рѣшенье всякихъ дѣлъ новаго изложенія, то и правому суду быть невозможно, понеже у всякаго судьи свой умъ; и какъ кому понравится, то такъ и судитъ. А надобно такъ его усудить, чтобъ и не весьма смышленный судья могъ право судить.

И правосуднаго ради уставу надлежитъ древняго суда уложеніе и новоуставленныя гражданскія и военныя, печатныя и письменныя, новостоявшіяся и древнія указныя статьи, собрать, и по приказамъ изъ прежнихъ, вершенныхъ дѣлъ, выписать такіе приговоры, на которыя дѣла ни въ Уложеньѣ ни въ новоуказныхъ статьяхъ рѣшенія не положено. И къ таковымъ вершеніямъ примѣняясь надлежитъ учинить пункты новые, дабы впредь такія дѣла не наизусть вершить, и въ Сенатъбы не вносить, но на всякія дѣла были указныя статьи ясныя съ совершеннымъ расположеніемъ. И къ тѣмъ Русскимъ разсужденіямъ прежнимъ и нынѣшнимъ приложить изъ Нѣмецкихъ судебниковъ, и кои статьи изъ иноземныхъ уставовъ будутъ къ нашему правленію пригодны, то тѣ статьи взять, и присовокупить къ нашему судебнику. И лучшаго ради исправленія надлежитъ и Турецкой судебникъ перевести на Славянской языкъ, и прочіе ихъ судебные и гражданскаго устава порядки управительные переписать, и кои сличны намъ, тобы тые и отъ нихъ принять; слышно бо о нихъ, яко всякому правленію расположено у нихъ ясно и праведно паче Нѣмецкаго правленія. И того ради и дѣла у нихъ скоро и право рѣшатъ, и бумаги, по нашему, много не тратятъ, а и хлѣба напрасно не теряютъ, а наипаче купечество праведно хранятъ.

И къ сочиненію тоя судебныя книги избрать человѣка два или три изъ духовнаго чина самыхъ разумныхъ и ученыхъ людей, и въ Божественномъ писаніи искусныхъ, и отъ гражданства, кіи въ судебныхъ и воиныхъ правительныхъ дѣлахъ искусны, и высокаго чина, кои негорды и ко всякимъ дѣламъ нисходительны, и отъ иныхъ чиновъ, кои невысокоумны, и отъ приказныхъ людей, кои въ дѣлахъ разумны, и отъ дворянства, кіи разумны и правдолюбны, и отъ купечества, кіи во всякихъ дѣлахъ перебылибъ, кіи и отъ солдатъ смышлены, и въ службахъ и въ нуждахъ натерлися и правдолюбивые, изъ людей боярскихъ, кіи за дѣлы ходятъ, и изъ фискаловъ. А мнится мнѣ: не худо бы выбрать изъ крестьянъ, кои въ старостахъ и въ сотскихъ бывали, и во всякихъ нуждахъ перебывалибъ, и въ разумѣ смысленные. Я видалъ, что и въ Мордвѣ разумные люди есть, то како во крестьянехъ не быть людемъ разумнымъ?

И написавъ тыи новосочиненые пункты всѣмъ народомъ освидѣтельствовать самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ, дабы въ томъ изложеніи какъ высокороднымъ, такъ и нискороднымъ, и какъ богатымъ, такъ и убогимъ, и какъ высокочинцамъ, такъ и низкочинцамъ, и самымъ земледѣльцамъ, обиды бы и утѣсненія отъ недознанія коегождо ихъ бытія въ томъ новоисправленномъ изложеніи не было.

И написавъ совершеннымъ общесовѣтіемъ, предложить Его Императорскому Величеству, да разсмотритъ его умная острота. И кіи статьи Его Величеству угодны, то тѣ тако да и будутъ; а кіи непотребны, тыи да извергнутся, или исправить по пристоинству надлежащему. И сіе мое реченіе многіе вознепщуютъ, яко бы азъ Его Императорскаго Величества самодержавную власть народосовѣтіемъ снижаю;

азъ не снижаю Его Величества самодержавія, но ради самыя истинныя правды, дабы всякой человѣкъ осмотрѣлъ въ своей бытности, нѣтъ ли кому въ тыихъ новоизложенныхъ статьяхъ каковыя непотребныя противности, иже правости противна. И аще кто узритъ какую неправостную статью, тобы безъ всякаго сомнѣнія написалъ, что въ ней неправость, и ничего не опасаяся, подалъ бы ко исправленію тоя книги; понеже всякъ рану свою въ себѣ лучше чуетъ, нежели во иномъ комъ. И того ради надобно всякимъ людямъ (въ ?) свои бытности выстеречи, дондеже книга не совершится; а егда она совершится, то уже никто не можетъ помочи; того бо ради и дана свободность, дабы послѣди не жаловались на сочинителей тоя новосочиненныя книги. Того то ради надлежитъ ю вольнымъ голосомъ освидѣтельствовать, дабы всякая статья ни отъ кого порочена не была, но всякъ бы себя выстерегъ, и чтобы впредъ никому спорить было не мочно, но въ вѣки вѣковъ было бы ненарушимо оно.

Правосудное установленіе самое есть дѣло высокое, и надлежитъ его такъ разсмотрительно состроити, чтобы оно ни отъ какого чина незыблемо было. И того ради безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоими дѣлы невозможно; понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, кому-ждо по силѣ его: овому далъ много, овомужъ менѣе. Обаче нѣсть такого человѣка, ему же бы не далъ Богъ ничего; и что далъ Богъ знать малосмысленному, того не далъ знать многосмысленному; и того ради и самому премудрому человѣку не надлежитъ гордиться и умомъ своимъ возноситься; и малосмысленныхъ ничтожить не надлежитъ, коихъ въ совѣтъ призывать надобно; понеже малосмысленными человѣки многащи Богъ вѣ-

щаетъ, и того ради наипаче ничтожитъ ихъ душевредно есть; и того ради во установленіи правосудія вельми пристойно изслѣдовать многонароднымъ совѣтомъ.

И аще и съ самымъ многотруднымъ многосовѣтіемъ учинена она будетъ, вскорѣ печатать ихъ не надлежитъ, но первѣе попробить на дѣлахъ; и буде никакой вредности въ правленіи томъ не будетъ, то быть ему тако; а буде въ какой статьѣ явится нѣкакая неисправность, то о ней надлежитъ поразсудить и поправить ее; и того ради не худо бы года два-три посудить по письменнымъ или по печатнымъ маленькимъ тетрадкамъ. И донележе тоя новосочиненная книга строится, многія бы статьи и опробились.

И аще и иное какое дѣло съ таковымъ смиреніемъ снисходительнымъ будетъ строиться, то самъ Богъ при таковомъ дѣлѣ иматъ быти, и помощь свою ко исправленію подастъ; понеже всегда Богъ со смиренными пребываетъ, и отъ гордыхъ и высокоумныхъ отвращается. А правосудное дѣло самое святое и богоугодное; и того ради всячески надлежитъ подщатися, дабы судъ Царевъ былъ яко Божій; Богъ бо всѣмъ намъ судья есть праведный и на судѣ Его нѣсть лицепріятія; тако и на Царевѣ судѣ не треба быть лицепріятію. Богъ есть правосуденъ; того ради и въ человѣцѣхъ требуетъ праваго суда. И азъ о правосудіи тако мню, еже Царю не тако полезенъ постъ и молитва, яко правосудіе.

И аще Его Императорское Величество укажетъ правосудное изложеніе, избравъ изъ стараго уложенія и изъ иныхъ многихъ примѣровъ, сочинить новое, и пространное по своему природному глубокоумію, и по данной ему отъ Бога благодати, благоволитъ и моего малосмыслія объявленная дѣла разсмотрити, и аще

кіи угодны явятся пріяты будутъ, то * по пробѣ аще оно за многія дикія дѣла не вредно будетъ, то напечатать ихъ великое множество, дабы не токмо въ городѣхъ, но и въ селѣхъ безъ того бы судебника не былобъ, чтобы всякъ его читалъ и волю Его Императорскаго Величества вѣдалъ, и ничего бы противно Его Величества волѣ не дѣлалъ, и отъ всякихъ неправыхъ дѣлъ отдалился бы. И впреди тоя книги надлежитъ сдѣлать всѣмъ дѣламъ изъявленіе, и разобрать ихъ по азбукѣ и по чину дѣлъ разноличныхъ, чтобы всякой человѣкъ безъ труда на всякое дѣло указъ и совершенное рѣшеніе могъ во едину минуту обрѣсти.

И аще суду и всякому правленію, како его правити, совершеннаго основанія письменнаго не учинить, и въ томъ правленіи самыя неподвижныя твердости не устроить, то колико о правомъ судѣ не старатися, а правосудія прямаго уставити будетъ не возможно.

А и основаніе положа, мнится мнѣ, надлежитъ утвердить его жестокимъ указомъ и недвижимымъ. Аще кто великородный или и худородный высшаго суда, или и нижняго въ коемъ городѣ или уѣздѣ главный комиссаръ, или подчиненный, или иной какой правитель или и посыльщикъ, наипаче же аще сыщикъ или фискалъ, не противъ того новаго изложенія станетъ что чинить своимъ вымысломъ, и хоть малую статью нарушитъ, то казнить его неотложно, какъ о томъ уложено будетъ. И ради самыя твердости надлежитъ судьямъ и просьбы ни отъ каковыхъ лицъ не принимать, дабы правосудію нималаго нарушенія не было. И аще кто и вельми заслужилъ, и вознадѣясь на заслуги, да по прежнему обыкновенію учинитъ какую обиду, аще и самому мизирному человѣку, то и тому былъ бы судъ неотмѣненъ и за вину чи-

* *То* у Стр. нѣтъ; впрочемъ это мѣсто по обоимъ спискамъ не ясно.

нить указъ неизмѣнный по изложенію, чему онъ подпадетъ, а заслугъ его въ зачисленіе вины его не зачислять, чтобъ тотъ правосудный уставъ нерушимъ былъ.

А аще кой человѣкъ нехитростной винѣ какой подпадетъ, и отъ надлежащаго наказанія и отъ казни аще надлежитъ послабить ему, то таковому на рукѣ положить знакъ; да аще паки въ таковой же винѣ явится, то уже безъ всякаго милосердія учинить ему указъ надлежащій неизмѣнно.

И аще въ таковой твердости неподвижно правосудіе годовъ пять-шесть постоитъ неизмѣнно безъ нарушенія, то всѣ, яко малочинцы и худородные, тако и великочинцы и великородные и заслуженые люди будутъ страшны, и не токмо по прежнему обиды чинить, но и неправдъ будетъ остерегаться, и со всякимъ тщаніемъ будутъ дѣлать правду.

И ради самыя твердости въ судахъ и во всякомъ правленіи, чтобъ отъ правосудія ни много, ни мало судьи не колебались, надлежитъ учинить особливую канцелярію, въ которой бы правитель былъ самый ближній и вѣрный Царю. Еже бы онъ былъ око Царево, вѣрное око, иже бы надъ всѣми судьями и правителями былъ вящій, и за всякими бы правительми смотрѣлъ властительно, и никогобъ онъ кромѣ Бога, да Его Императорскаго Величества не боялся.

А къ той канцеляріи приходъ бы былъ самый свободной, а самъ бы тотъ правитель былъ низокъ, и ко всякимъ бы людемъ былъ низходителенъ, и не тяжелъ бы онъ былъ; аще и не по вся дни, обаче, улуча время, по коллегіямъ ходилъ бы и смотрилъ, каково кто дѣло свое управляетъ, и нѣтъ ли каковыя въ дѣлахъ неисправности, и нѣтъ ли какихъ жалобщиковъ.

Такожде, обходя судебныя мѣста, и челобитчиковъ бы спрашивалъ, не чинятъ ли кому какова нападка

и излишней волокиты, и не осудилиль кого не противъ данпаго имъ изложенія, и не взялъ ли кой судья или подъячій излишняго взятка?

И у всѣхъ коллегій и канцелярій прибить печатные листы со объявленіемъ такимъ: буде судья или подъячій какую учинитъ въ дѣлѣ неправду, то приходилли бы въ ту канцелярію, то всякому лицу тамъ будетъ управа.

Такожде, буде кто изъ сильныхъ лицъ изобидитъ кого убогаго, или судья гражданскій, или военный офицеръ чѣмъ солдата или драгуна изобидитъ, а онъ суда на него не сыщетъ, то тутъ бы изобиженный искалъ обороны.

А буде кой судья или комиссаръ или фискалъ неправду какую сдѣлаетъ, какую гибель Царской казнѣ похищеніемъ или небреженіемъ, и аще кто о томъ подлинно увѣдомится, то доносилибъ въ той канцеляріи не обинуяся, и никого не опасаясь, потому аще и на господина своего, или на командира, аще и сильнаго, уже выдачи изъ той надзирательной канцеляріи не будетъ, только бы вѣрно доношеніе было, и доносили бы не догадками своими или мнѣніемъ своимъ, не усмотря самое дѣло; и за такое доношеніе доносители великимъ жалованьемъ пожалованы будутъ.

А судьямъ и всѣмъ приказнымъ людемъ Государево жалованье денежное и хлѣбное надлежитъ отставить, чтобы въ томъ жалованьѣ казна Великаго Государя напрасно не тратилась. Я чаю, что судьямъ и приказнымъ людемъ на всякой годъ тысячъ десятка по два-три исходитъ, а пропадаетъ оно даромъ, ни за одну деньгу гинетъ; потому что они не много дѣлаютъ даромъ, а аще бы и даромъ дѣлали, то что Великому Государю прибыли?

Мнѣ мнится лучше учинить пропитанія ради глав-

нымъ судьямъ и приказнымъ людемъ учинить окладъ съ дѣлъ, почему съ какого дѣла брать за работу; и уложить именно почему брать съ рубля на виноватомъ, и почему съ рубля имать съ праваго, и почему брать съ рубля въ прiемѣ денегъ въ казну, и почему съ раздачи жалованной, и почему съ купецкихъ и подрядныхъ дѣлъ, и почему съ каковыя выписки, или съ указу какого, иль съ грамоты, или съ памяти. И такъ надобно усудить, чтобъ ни самаго малаго дѣла не обойтить, чтобы никакого дѣла даромъ не дѣлали, и бралибъ самое праведное по расположенiю. И по таковому новоизложенному уставу давать вси будутъ охотно, а приказные люди будутъ дѣла дѣлать, охотнѣе и волочить уже не будутъ; потому что буде сдѣлаютъ во уреченное время, то приметъ себѣ мзду противъ указу полную, а буде по уреченному числу не сдѣлаетъ, то возьметъ половину, а буде же гораздо заволочитъ, то и всея своея лишится мзды. И того ради всякой подъячiй будетъ съ попеченiемъ дѣлать, а челобитчикамъ будетъ вельми полезно.

И тако надобно расположить, чтобы отъ рублеваго дѣла даже до многотысячнаго всякимъ разнымъ дѣламъ учинить указъ опредѣленный, и чтобы всякой человѣкъ по своей работѣ плату бралъ, а сверхъ указнаго числа отнюдь бы ни единыя деньги не брали.

А буде кто сверхъ указнаго числа лишку хотя малое число что возьметъ, то взять на немъ штрафу за всякую излишнюю копейку по рублю. А кто и дастъ сверхъ указнаго числа излишные, то и на немъ по рублю же за излишнюю копейку имать штрафу.

И аще тако устроится, то въ приказной работѣ никому обиды не будетъ, яко истцу, тако и отвѣтчику, и всякому челобитчику вѣстно будетъ, что отъ чего кому дать. И такого ради устава и волокитъ никакому дѣлу чинить не будутъ; но всякой для себя по-

спѣшать будетъ. Обаче ради лучшаго исправленія надлежитъ расположеніе учинить и дѣламъ всякимъ: буде кто одноденное дѣло проволочитъ три дни, то дать ему противо указныя дачи половину; а буде же одноденное дѣло проволочитъ недѣлю, то лишенъ будетъ всего своего взятія за труды; а буде проволочитъ двѣ недѣли, то чинить ему наказаніе неотложное; а о большихъ дѣлахъ, котораго не мочно меньше недѣли сдѣлать, а онъ проволочитъ двѣ недѣли, то також де дать ему половину; а буде проволочитъ недѣли четыре, то лишенъ будетъ всего своего труда; а буде проволочитъ недѣль шесть, то нещадно бить его батоги. И всякимъ дѣламъ чинить расчисленіе по величеству дѣла и по количеству дней; и ради достовѣрнаго свидѣтельства брать челобитчикамъ у подъячихъ ярлыки, записавъ, въ коемъ числѣ взялъ отъ протокола челобитную или иное что, и къ коему числу обѣщался сдѣлать; и буде къ тому сроку не сдѣлаетъ, то по тому указъ учинить; и буде къ сроку тому сдѣлалъ, то взять ему за работу сполна; а буде за срокъ проволочилъ толикоежъ число, то взять половину; а будежъ за срокъ вдвое того проволочилъ, то ему ничего за работу не давать, а за вящшую волокиту и наказаніе чинить неотложное.

О семъ всѣмъ судьямъ и приказнымъ людемъ задать страхъ великой и жестокой, чтобы никто сверхъ указнаго числа ни отъ какого дѣла сверхъ работныхъ указныхъ денегъ никакихъ гостинцевъ не принималъ бы.

А аще запрещенія о излишнемъ иманіи и даяніи не учинитъ, то указнаго числа взятіе ни во что имъ будетъ, и будутъ брать паче прежняго, также какъ нынѣ у крѣпостныхъ дѣлъ за гривенное дѣло берутъ по полтинѣ и больше.

И того ради у крѣпостныхъ дѣлъ надлежитъ учинить такоежъ расположенíе, почему съ каковыя крѣпости брать за работу, а въ казну съ крѣпостей брать только пошлины, а письменныя деньги отставить, а брать по указу писцу и надсмотрщику за свои труды самимъ, почему кому надлежитъ. И буде тогожъ дни напишетъ, коего взялъ, то взять ему полную плату, а буде въ двои сутки напишетъ, то взять половину, а буде въ трои сутки напишетъ, то уже не брать за работу ничего, а отдать тѣ крѣпости безъ платы; а буде кто въ трои сутки написавъ, да возьметъ за работу, аще и не сполна, взять на немъ штрафъ сторично. *

И писать бы не токмо крѣпостныя, но и приказныя всякія письма, писали бы строкъ по пятидесяти и больше на страницѣ. Сíе вельми дивно, что во всемъ свѣтѣ пишутъ мѣлкимъ письмомъ, а на насъ всѣ окрестныя государства бумаги напасти не могутъ. И аще зрится дѣло сíе невелико, что бумаги беречь, а по моему мнѣнiю оно не весьма мало; потому что отъ крупнаго письма и отъ небреженія рублевъ тысячъ по десятку ни за одну деньгу изъ царства пропадаетъ. У Нѣмецъ, аще она и дома дѣлается, а и жители тамошнiе богатѣе насъ, обаче бумагу вельми берегутъ; они не токмо бумаги, но и всякой вещи берегутъ; и того ради они и богати, что умѣютъ бережно жить.

А мы пока сами ся не осмотримъ и всякія вещи не токмо изъ инаго царства принесенныя, но аще и домашнія вещи беречь не станемъ, то никогда богаты не будемъ.

И ради подкрѣпленія отъ излишнихъ дачъ приказнымъ людямъ и о излишнихъ тратахъ пищія бумаги, напечатать листы, и у всѣхъ коллегій и у кан-

* У Стр. *вторичной*.

целярій тѣ листы прибить, дабы всѣ люди прочитали, и никакихъ бы излишнихъ тратъ ни себѣ, ни людямъ не дѣлали. Пчела-муха весьма не велика, и собираетъ она медъ не корчагами, но самыми малыми крупицами; обаче множество ихъ собираютъ многія тысячи пудъ; тако и собираніе богатства царственнаго: аще вси люди будутъ жить бережно, и ничего напрасно тратить не будутъ, но всякія вещи будутъ отъ погибели хранить, то тое царство можетъ весьма обогатитися.

А буде кто покусится взять излишнее въ другой рядъ, то и штрафъ на немъ взять сугубый: за рубль по 200 руб., наказаніе на козлѣ, а за третью вину либо смерть, либо въ вѣчную работу къ рудокопнымъ дѣламъ.

А аще кой судья и не по взятку, но по дружбѣ или по чьей просьбѣ учинитъ не по новоизложенному уставу, то безъ всякаго милосердія учинить ему определенный указъ, какъ о томъ уложено будетъ.

А аще кто изъ-за взятка нарушитъ тотъ новоизданный уставъ, то мнится мнѣ, надлежитъ и домъ его совсѣмъ разорить, и на нѣсколько лѣтъ сотворить его пустъ, и прибить на томъ домѣ письмо со изложеніемъ вины: еже за нарушеніе правосуднаго изложенія господину того дома учиненъ указъ, а домъ его оставленъ пустъ, и живущаго въ немъ нѣсть, но токмо мышеве и нетопыри да вогнѣжаются въ немъ. И таковое штрафованіе будетъ въ роды родовъ памятно.

А аще судей малыхъ и великихъ не казнить, и великими штрафы ихъ не штрафовать, то и правое изложеніе учиня правды и праваго суда уставить будетъ не возможно.

А аще ради установленія правды правителей судебныхъ и много падетъ, быть уже такъ. А безъ урону, я не чаю, установитися правдѣ, а прямо рещи—и невозможно правому суду установитися, аще сто другое

судей не падетъ: понеже у насъ въ Руси неправда вельми застарѣла.

А не такимъ страхомъ не чаю я того злаго коренія истребить: аще бо коя и земля вельми задернеетъ, и дондеже того тернія огнемъ не выжгутъ, то не можно на ней пшеницы сѣяти: тако и въ народѣ злую застарѣлость зломъ надлежитъ и истребляти. А аще не тако, то, по моему мнѣнію, не токмо въ судѣхъ, но и во всякомъ правленіи правды не будетъ.

И аще великородныхъ судей поберечь отъ жестокихъ казней, то лучше изъ начала ради уставленія правды въ судьи посадить изъ низкихъ чиновъ, а паче изъ приказныхъ людей, кои въ дѣлахъ искусны и страхъ Божій въ себѣ имутъ. И съ ними посадить, гдѣ пристойно, и изъ военнаго чина, кіи отъ службы отставлены, и изъ купечества, въ которыхъ острота умная есть. И за таковыхъ низкородныхъ, аще кто и согрѣшитъ, стоять за нихъ и упрашивать никто не будетъ, да и сами они паче высокородныхъ боятися будутъ. А высокородные на уложенные уставы мало смотрятъ; но какъ кто восхощетъ, такъ и дѣлать будетъ по своей природной пыхѣ.

И тѣмъ низкороднымъ судьямъ надлежитъ дать такое величество, чтобы они никаковыхъ лицъ не боялись, кромѣ Бога да Царя, и дѣлабъ всѣ свои дѣлали по новосочиненному Его Императорскаго Величества указу неизмѣнно, и отъ своего ума не мудрствовали бы, и ни на едину черту сверхъ указу не прибавливали бы и не убавливали. И аще что потребное усмотритъ кто, то доносилибъ до Царскаго Величества, донележе то новое изложеніе еще не напечатано.

А буде изъ приказныхъ людей въ судьи выбрать некого, то бы изъ дворянъ мѣлкихъ, кои остроумны и въ дѣлахъ искусны, и боящіеся Бога. А за на-

рушеніе новоизложеннаго указа извѣстная и неотложная имъ смерть объявить, дабы они судили, а о смерти своей помнили.

И таковымъ порядкомъ аще Богъ на ны призритъ и помощь свою низпошлетъ, то мочно правосудію устроитися и у насъ въ Россіи. Намъ сіе вельми зазорно: не точію у иноземцевъ, свойственныхъ христіанству, но и бусурманы судъ чинятъ праведенъ; а у насъ вѣра святая, благочестивая, и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуды не годная, и какіе указы Его Императорскаго Величества ни состоятся, вси ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаетъ.

И донележе прямое правосудіе у насъ въ Россіи не устроится, и всесовершенно не укоренится оно, то никакими мѣрами отъ обидъ богатымъ намъ быть, яко и въ прочихъ земляхъ, невозможно, такождо и славы добрыя намъ не нажить; понеже всѣ пакости и непостоянство въ насъ чинится отъ неправаго суда и отъ нездраваго разсужденія, и отъ неразсмотрительнаго правленія и разбоевъ. И инаго воровства много чинится, и всякія многія обиды содѣваются въ людехъ ни отъ чего инаго, токмо отъ неправаго суда; и крестьяне, оставя свои домы, бѣгутъ отъ неправды, и Россійская земля во многихъ мѣстахъ запустѣла, и все отъ неправды, и отъ нездраваго и отъ неправаго разсужденія. И какія гибели ничинятся, а все отъ неправды!

И самыя правды и праваго и здраваго разсужденія ни милостію, ни жесточію, ни измѣнными судьями, ни иными каковыми вымыслы, мнѣ мнится, учинить не возможно, аще прежде не сочинить всякимъ великимъ и малымъ дѣламъ расположенія недвижимаго сочиненіемъ особливымъ, понеже древніе уставы всѣ обветшали, и отъ неправыхъ судей всѣ исказились.

И аще Богъ на дѣло сіе милостивно призритъ, и помощь свою святую низпослетъ, и что ни случится въ мірѣ дѣлъ, на вся тая аще изложатся рѣшенія подлинная, новоисправная, и коемуждо дѣлу собственное рѣшеніе, то и немудрый судья можетъ здраво судити; а безъ основательнаго изложенія ничему полезному и къ правдѣ склонному быть не возможно.

Яко бо зданія высокаго безъ твердаго основанія не утвердити, тако и правды совершенныя безъ основательнаго изложенія никоими мѣрами уставити не возможно; понеже въ насъ неправда вельми твердо вкоренилась: кто съ кого сможетъ, тотъ того и давитъ; а кои люди ядовитые, то маломочныхъ вконецъ разоряютъ; а судьи сильниковъ * и ябедниковъ аще и видятъ, что напрасно нападаютъ, а воспретить не смѣютъ.

Того ради вельми трудно правду установить, и не токмо всѣмъ правда творити, но чаю, что изложеніе правое трудно сочиняти: понеже сильные люди, кіи обыкли обижать, не возложатъ на себя сила, но всячески будутъ препинати, дабы не весьма имъ отъ праваго суда потиснутымъ быти; и того ради всячески будутъ тщатися, дабы имъ, по прежнему, мочно было убогихъ и маломочныхъ обижать и разорять.

И аще препинатели правосудію явятся прежде начинанія правосуднаго, то всячески надлежитъ ихъ отсѣкати, дабы начинанію правды препинанія нималаго не чинили.

А ради совершенныя правды ни коими дѣлы древнихъ уставовъ не измѣня самого правосудія насадить и утвердити не возможно: въ правителяхъ бо вельми трудна вещь, ежебы ихъ отъ неправды отвратити, и правда въ нихъ насадити; понеже неправда въ нихъ вельми вкоренилась и застарѣла, и отъ мала даже до

* У Стр. *сильни ковъ*.

велика всѣ стали быть поползновенны: овые ко взяткомъ, овые же, боящеся сильныхъ лицъ, и ниже боящеся Бога и бѣдниковъ, * а ини того боясь, да еще впредъ пріиметъ той власть таковуюжъ, какову онъ имѣетъ, и чтобы тогда такожде послабилъ. И того ради всякія дѣла Государевы и неспоры, и сыски неправы, и указы Его Императорскаго Величества недѣйствительны: ибо вси правители дворянскаго чина своей братьи знатнымъ наровятъ, а власть имутъ и дрезновеніе токмо надъ самыми маломочными людьми, а нарочитымъ дворяномъ не смѣютъ и слова воспретительнаго изрещи, но какъ кому что угодно, такъ то и чинятъ; и за тѣмъ всякія дѣла и неисправны суть.

Се бо колико послано указовъ во всѣ городы о недоросляхъ и молодыхъ дворянскихъ дѣтяхъ; и аще коего дворянина и на имя указано выслать, то и того нескоро высылаютъ, но, по старому уложенію, дождався третьяго указу, и буде ничѣмъ отбыть не могутъ, то уже вышлютъ. И въ таковомъ ослушаніи и указовъ Царскаго Величества въ презрѣніи, иные дворяне уже состарѣлись въ деревняхъ живучи, а на службѣ одною ногою не бывали.

И мнѣ мнится сіе вельми странно, что Царскому указу ослушну быть, и въ Уложеніи напечатано, что третьяго указа дожидатися. И сіе учинено самая потачка плутамъ и Царскаго Величества презирателемъ. И отнынѣ надлежитъ такъ учинить: буде по первому указу зазывному не поѣдетъ кто, то другая позывка чинить со штрафомъ; колико иску, толико и штрафу взять на немъ; а челобитчику съ другой позывки числить проѣстъ ** по указу.

* У Стр. *лицъ, инниже боящеся ябедниковъ.*

** У Стр. этого слова нѣтъ.

А буде по кого посланъ будетъ съ указомъ Его Императорскаго Величества солдатъ или иной какой посыльщикъ, а онъ укроется, или отобьется, съ или дороги уйдетъ, то и по первой посылкѣ винить и штрафовать, и истцу проѣсти числить съ того времени, и искъ весть безъ суда, и безъ очныя ставки доправить, то отъ таковаго указа и отъ перваго ноги задрожатъ и опрометью побѣжитъ къ отвѣту; и попрежнему не станутъ третьей присылки ждать.

Тѣмъ прежнимъ указомъ такъ дворяны избалованы: въ Устрицкомъ стану есть дворянинъ Ѳедоръ Макеевъ, сынъ Пустошкинъ, уже состарѣлся, а на службѣ ни на какой и одною ногою не бывалъ; и какія посылки жестокія по него ни бывали, никто взять его не могъ: овыхъ дарами угобзитъ, а кого дарами угобзить не можетъ, то притворитъ себѣ тяжкую болѣзнь, или возложитъ на себя юродство и въ озерѣ по бородѣ попуститъ (?). И за такимъ его пронырствомъ иніи и съ дороги отпущали; а егда изъ глазъ у посыльщиковъ выѣдетъ, то юродство свое отложитъ, и домой пріѣхавъ, яко левъ рыкаетъ. И аще и никаковыя службы Великому Государю кромѣ огурства (?) не показалъ, а сосѣды всѣ его боятся; дѣтей у него четыре сына выращены, и меньшому его есть лѣтъ семнадцать, а по 719 годъ никто ихъ въ службу выслать не могъ, а въ томъ 719 году, не вѣмъ, по какому случаю, двухъ его сыновъ записали въ службу. Обаче всѣ записные и незаписные большую половину дома живутъ; а какимъ способомъ живутъ, то я не могу сказать.

И не сей токмо Пустошкинъ, но многое множество дворянъ вѣки свои проживаютъ: въ Алексинскомъ уѣздѣ видѣлъ я такого дворянина, именемъ Ивана Васильева сына Золотарева. Дома сосѣдямъ своимъ страшенъ яко левъ, а на службѣ хуже козы. Въ Крым-

скомъ походѣ не могъ онъ отбыть, чтобъ нейтить на службу, то онъ послалъ вмѣсто себя убогаго дворянина, прозваніемъ Темирязева, и далъ ему лошадь да человѣка своего; то онъ его именемъ и былъ на службѣ, а самъ онъ дома былъ, и по деревнямъ шестерикомъ разъѣзжалъ, и сосѣдей своихъ разорялъ.

И сему я вельми удивляюсь, какъ они такъ дѣлаютъ: знатное дѣло, что въ полкахъ воеводы и полковники скупы съ нихъ берутъ, да мирволятъ имъ.

И не токмо городовые дворяне, но кои и по Москвѣ служатъ, и называются царедворцами, а и тѣ множайше Великому Государю лгутъ: егда нарядъ имъ бываетъ на службу, то иніи напишутся въ сыскъ за бѣглыми солдатами, и взявъ указъ и заѣдетъ въ свои вотчины, да тамъ и пробудетъ военную пору; а иные напишутся въ вынмщики, по дворамъ вино корчемное вынимать, и ко инымъ всякимъ дѣламъ бездѣльнымъ добившись, да тако и проживали военную пору.

А и нынѣ, если посмотрѣть: многое множество у дѣлъ такихъ брызгалъ, что могъ бы онъ одинъ пятерыхъ непріятелей гнать, а онъ добившись къ какому дѣлу наживочному, да живетъ себѣ, да наживаетъ пожитки, ибо овые добившись въ коммиссары и въ четверщики и въ подкоммиссарья и въ судьи и во иныя управленія, и живутъ въ покоѣ да богатятся; а убогіе дворяне служатъ, и съ службы мало съѣзжаютъ; иніи лѣтъ по двадцати и по тридцати служатъ; а богатые лѣтъ пять или шесть послужатъ, да и промышляютъ, какъ бы отъ службы отбыть да добитися къ дѣламъ; и добившись къ дѣламъ, вѣкъ свой и проживаютъ.

Яко же видѣть: Сергѣй Степановъ сынъ Унковской лѣтъ всего съ пять служилъ, да добился къ дѣламъ, и лѣтъ съ пятнадцать живетъ у дѣлъ; а нынѣ живетъ онъ въ Устрикѣ коммиссаромъ, да наживаетъ. А

нынѣ ему врядъ быть лѣтъ сорокъ, и такой волотъ, еще бы въ лучшую службу и въ великанахъ бы могъ служити, тако бы онъ не вышелъ указныя мѣры; и знатное дѣло, что отставленъ онъ не съ большимъ 20-ти лѣтъ отъ службы. И посему откуду не посмотришь, нѣтъ у Великаго Государя прямыхъ радателей; но всѣ судьи криво ѣдутъ: кому было служить, тѣхъ отставливаютъ, а кто не можетъ служити, заставливаютъ. Въ Новгородѣ у сѣдѣльнаго дѣла приставленъ коммандиромъ Иванъ Ивановъ сынъ Ушаковъ. И я его засталъ въ 710-мъ году у того дѣла лѣтъ не съ большимъ двадцать былъ; и нынѣ не съ большимъ ему тридцать лѣтъ, а службу едва и знаетъ ли, что она? А и дядя его Иванъ Наумовъ сынъ Ушаковъ у дѣлъ больше десяти лѣтъ, а такой человѣкъ и отнынѣ лѣтъ десятокъ и больше могъ бы служити. И тако, вси, кои богатые, отъ служебъ лыняютъ, а бѣдные и старые служатъ; а солдаты * и сытые, хотя и молоды, да служить не хотятъ. Ивана Артемьева, сына Мусина Пушкина, дѣти Марка да Григорій, написаны въ Преображенской полкъ въ солдаты, и едва на службѣ и бывали ли, а отпущены ужъ къ дѣламъ, а молоды же: не съ большимъ по двадцати лѣтъ; и тако годъ за годъ, да и весь свой вѣкъ проживутъ.

И я о семъ мню, что Ему Великому Государю о семъ не весьма извѣстно; но дѣлаютъ все правители, что здоровыхъ молодиковъ отпускаютъ, и аще и съ докладу отпускаютъ, да докладываютъ непрямо, но притомъ ** доложатъ, только слово у него Великаго Государя изъ устъ вытянутъ, да и дѣлаютъ, что хотятъ; и, чаю, запишутъ въ указъ, якобы по имянному Его Императорскаго Величества указу отпущенъ онъ

* Слова *солдаты* у Стр. нѣтъ, и кажется вѣрнѣе.

** У Стр *примпомъ*. (?)

или посланъ къ такому-то дѣлу. И гдѣ было отъ такихъ молодиковъ службѣ быть, а они, заѣхавъ въ городъ, живутъ себѣ да прохлаждаются, и не то, что службы, но чаю, и караулу мало знаютъ, и живутъ у дѣлъ вмѣсто военнаго дѣла, учатся, какъ наживать, да вѣкъ свой безъ службы провожать; а о томъ ни они, ниже тѣ правители, кои ихъ отпустили, ни мало не пекутся, чтобъ они навыкали воинскому дѣлу, какъ непріятелей побѣждать; научатъ тому, какъ бы имъ наживать и службы отлынять. А прежде сихъ временъ многіе дворяне, на службѣ не бывъ, да добились къ дѣламъ, и живутъ у наживочныхъ дѣлъ. Якоже видѣть: въ Устрицкомъ стану есть дворяне два брата, Романъ да Сергѣй Ивановы, дѣти Чоглоковы. Сказываютъ про нихъ, что нигдѣ на службѣ не бывали, а какимъ-то случаемъ добились въ судьи, и одинъ сидѣлъ на Устюжнѣ Желѣзной судьею годы съ три и больше, а другой братъ сидѣлъ на Вышнемъ Волочкѣ, и сказывали о себѣ высоко, будто они по имянному Его Императорскаго Величества указу въ судьи пожалованы. И того ради всякъ ихъ боялся, и на кого ни нападутъ, всякъ имъ уступалъ, и передъ ними не смѣли никто и слова молвить. А съ нынѣшняго Московскаго смотру невѣсь зачѣмъ судейство ихъ позамялось: писали они съ Москвы о себѣ, будто по прежнему судьями имъ быть, обаче то ихъ намѣреніе не состоялось: знатное дѣло, что не могли перелѣзть. И я сему не могу вѣры нять, чтобъ такихъ здоровяковъ, и въ службѣ не бывавшихъ, Великій Государь въ судьи пожаловалъ. Видимъ мы всѣ, что Его Величество даромъ никого не жалуетъ, а жалуетъ за службу да за выслугу. А они такіе здоровяки, что на службѣ заслужили бы человѣкъ за десять; потому что они люди бога-

тые, и моглибъ около себя держать и неимущихъ дворянъ. Отъ сего бо служба не весьма спора, что здоровые и богатые и въ самыхъ совершеннымъ мужества лѣтахъ дома живутъ, а убогіе и хворые на службѣ служатъ, а отъ маломочнаго и голоднаго и служба плоха.

Сему я вельми удивляюсь, что какъ Монархъ нашъ старается, и страсть даетъ безъ пощады великую, а неимутся; ибо многое множество здоровыхъ молодиковъ подъ прикрытіемъ; правители хранятъ овыхъ защищеніемъ своимъ, овыхъ же и при себѣ держаніемъ, якобы споможенія ради дѣлъ царственныхъ, а самою вещію, како бы какое время прошло безъ службы. А иные и въ службу записаны, а какимъ-то промысломъ пріѣхавъ въ домы свои живутъ.

И сего ради мнится мнѣ: не худо бо всѣмъ людемъ указъ Великаго Государя сказать, чтобъ у пріѣзжаго съ службы или отъ каково дѣла сосѣдямъ всѣмъ требовать у него отпускнаго паспорта; а буде паспорта отпускнаго нѣтъ, то надлежитъ его отослать въ городъ подъ карауломъ. А буде въ паспортѣ написанъ срокъ, колико ему времени быть въ домѣ, то всѣмъ сосѣдемъ смотрить, чтобъ за срокъ и единаго дня не жилъ. А буде видятъ кого безъ паспорта или и съ паспортомъ, да за срокъ будетъ жить, а они сосѣди умолчатъ, то за молчаніе сосѣдъ ближнихъ штрафовать.

А кои дворяне въ службѣ не записаны и ни въ какой службѣ не бывали, и буде какимъ пролазомъ добиваются начальства, и буде кто, какого чина ни буди, хотябъ дворянинъ, хотябъ холопъ его или чужой чей, или церковникъ, хотя и крестьянинъ, подлинно увѣдаетъ, что пожалованъ въ судьи иль въ коммиссары или во иное какое правленіе, или кто и безъ

начальства въ домѣ своемъ живетъ и крестьянами владѣетъ, и Великому Государю никаковыя службы не показалъ, то у таковыхъ бы людей отнимать и отдавать тѣмъ, кои Царскому Величеству служатъ. И доводчику дать четвертая доля изо всего владѣнія его или половина, чтобъ лучше радѣли и о таковыхъ лежебокахъ доносили.

И аще таковыхъ указовъ напечатать множество, и разослать не то, что по городамъ токмо, но и по селамъ и по всѣмъ погостамъ, и велѣть дьячкамъ въ недѣльные дни, по отпѣніи литоргіи, дня по три и по четыре прочитать всѣмъ въ слухъ, чтобъ всѣ въ слухъ тотъ Его Императорскаго Величества указъ вѣдали, и лежебоковъ бы не таили, то однимъ годомъ всѣхъ кроющихся дворянъ и дѣтей ихъ явныхъ сотворятъ.

Если бы Господь Богъ помощь свою низпослалъ къ намъ, ежебы изъ судей и фискаловъ и изъ прочихъ правителей древнюю страсть неправды искоренити, то всякое бы дѣло не токмо Царское, но и мірское споробъ было.

И о семъ азъ мню: аще и самыя жесточайшія казни высшимъ и нижнимъ судьямъ чинити, а древняго уложенія не измѣнить, и всѣмъ дѣламъ новаго регула не учинить, то не можно правдѣ въ приказныхъ дѣлахъ установися.

Видимъ мы вси, какъ Великій нашъ Монархъ о семъ трудитъ себя, да ничего неуспѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору аще и самъ-десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ; то како дѣло его споро будетъ? И аще кого онъ и жестоко накажетъ, ажно на то мѣсто готовы. * И того ради, не измѣня древнихъ порядковъ, колько ни бившись, покинуть будетъ.

* У Стр. *сто готово.*

Не токмо суда весьма застарѣлаго не разсыпавъ его и по дробну не разсмотря не исправитъ, но и хоромины ветхія не разсыпавъ всея, и не разсмотря всякаго бревна, всея гнилости изъ нея не очистити. А судебное дѣло не токмо одному человѣку, но и множество умныхъ головъ надобно созвать, дабы всякая древняя гнилость и малѣйшая кривость исправити: тяжка бо есть судебная статья.

Се бо и самъ Господь Богъ Ветхаго Завѣта не отставя, Новаго не насадилъ. Но егда Ветхій отставилъ, то Новый водрузилъ. И тако онъ укоренился, еже и адовы врата одолѣти не могутъ. Тако правосудія никто разрушить уже не можетъ, аще древнія неправды всѣ отсѣчены будутъ вконецъ.

Се бо нынѣ колико новыхъ статей издано, а немного въ нихъ дѣйства; ибо всѣхъ ихъ древностная неправда одолѣваетъ. И того ради по старому: кто съ кого сможетъ, тотъ того и забижаетъ, а суда по старому на сильнаго сыскать не можно.

На что нынѣшняго жесточае указу, иже сочиненъ о бѣглыхъ крестьянѣхъ, а немного и въ немъ исправленія будетъ, понеже тотъ указъ токмо на однихъ маломочныхъ людей. И сильнымъ людемъ онъ ничтоженъ есть: старыхъ не отдадутъ, а вновь кто къ нимъ придетъ, принимать будутъ. Се бо и у меня человѣкъ пять-шесть сбѣжало; однако и за тѣмъ указомъ мѣсто себѣ сыскали; и се уже другой годъ сбѣжали прошлаго 722 года Іюля 9 числа, а и понынѣ живутъ. А аще бы указу боялись, то бы никто ихъ не принялъ. О бѣглыхъ людехъ такъ надлежитъ учинить, чтобъ какъ маломочные, такъ и сильные близко къ себѣ не припускали. И мочи́ль не мочи́ль, тако укрѣпить, якоже ниже явится. А въ вышепомянутой статьѣ господа удумали смѣху достойно: вмѣстноель то дѣло,

что подлымъ людямъ уложили, еже бѣглыхъ крестьянъ отвозить къ помѣщикамъ ихъ на подводахъ, и денегъ за всѣ годы, сколько у него крестьянинъ жилъ, по двадцати рублевъ на годъ съ ними же отвозить, и отдавать прежнимъ ихъ помѣщикамъ. А о своихъ уложили легохонько: буде жили за кѣмъ бѣглые люди по пріему прикащиковъ ихъ или старостъ, а буде приняли безъ письменнаго ихъ господскаго повелѣнія, то высѣчь того прикащика или старосту кнутомъ, а пожилыхъ на тѣхъ владѣльцахъ не имать ничего; и то сталъ наружной приводъ: * у нихъ господъ есть населено бѣглыхъ крестьянъ въ Понизовыхъ мѣстахъ и въ Украиныхъ всецѣлыя села великія, иже есть въ нихъ дворовъ ста по два и по три и больше. И сіе не самой ли ихъ разсказъ, чтобъ толикое множество населить безъ вѣдома господина своего. И мнѣся мнитъ: съ таковыхъ силняковъ надлежитъ предъ убогими вдвое взять. И въ тѣхъ селахъ живутъ никого боясяя: хотя кой и помѣщикъ и увѣдаетъ, то развѣ изъ-подъ руки на нихъ посмотритъ, а взять и помыслить нельзя; и воеводы въ такія вотчины и посыльщиковъ посылать не смѣютъ; а прикащикъ и староста, кои принимали, давно умерли; и кнутомъ бить некого. И сего ради сей указъ вельми сдѣланъ прямой правдѣ противенъ.

Тобы указъ прямъ былъ, если бы написанъ былъ какъ богатому, такъ и убогому, едино равенъ, и написанъ бы онъ былъ съ подлиннымъ расположеніемъ и съ яснымъ изъявленіемъ, за какую вину брать зажилыхъ денегъ по сту рублевъ, и за какую вину брать по двадцати рублевъ, и за какую вину и не довелось брать зажилыхъ денегъ. И по нашему простолюдинскому мнѣнію, аще не измѣнится той указъ,

* У Стр. *проводъ*.

то великія пакости людемъ сочинятся: многіе бо дворяне маломочные и купецкіе весьма разорятся; понеже, аще кто и не на вѣковое житье кого приметъ, но наиметъ * на недѣлю или на мѣсяцъ за деньги, или въ деревню въ пастухи, не вѣдая, что онъ бѣглой, наймутъ только на лѣто, а не на вѣчное усвоеніе, то помѣщикъ его возьметъ сто рублевъ зажилыхъ, да на немъ же будетъ сносныхъ животовъ искать елико хощетъ. И отъ такого расположенія многіе и безъ вины разорятся.

Мнѣ же ся мнитъ, сія статья надлежитъ расположить сице: аще кто бѣглаго человѣка приметъ на житье къ себѣ въ сроки во крестьянство или въ дворовые люди и въ бобыли, и принялъ хотя самъ помѣщикъ, хотя прикащикъ его, хотя староста, единаче зажилыя деньги брать на помѣщикѣ томъ, въ чьей деревнѣ жилъ, потому: чья земля, того и бѣда. А прикащикъ или староста невиненъ, потому что онъ не къ себѣ его принялъ, но господину своему; того ради и бѣда господину, а не прикащику его. Нестаточное, чтобъ прикащику или старостѣ безъ воли помѣщика своего принять кого на житье.

Подобне и купецкой человѣкъ аще приметъ кого въ вѣковое житье, а не на время, то всячески надлежитъ на таковыхъ править по сту рублевъ, аще и недѣли у него не жилъ.

Аще кто станетъ насильно владѣть чьимъ человѣкомъ дворовымъ или крестьяниномъ, то мнѣся мнитъ, таковыхъ и тяжчайше бѣглыхъ людей штрафовать.

А если же кто найметъ работать на годъ, а записи у крѣпостныхъ дѣлъ не возьметъ, то довольно и двадцати рублевъ съ него взять, потому что онъ не въ

* У Стр. прибавлено *поработать*.

вѣчное владѣніе его принялъ, но на время изъ-за платы денежныя.

А буде же кто найметъ на день или на недѣлю въ домъ или гдѣ и инамо (?) поработать, то на таковыхъ наемщикахъ поручныхъ записей брать никакъ, и таковые ни малому платежу неприличны, потому что они наняты на мало время.

А аще за наемщиковъ поденныхъ и недѣльныхъ и мѣсячныхъ брать зажилыя деньги, то всенародное разореніе будетъ. Токмо то надлежитъ учинить, чтобъ крестьяне всякаго званія, по прежнему просто, не токмо на годъ, но и на недѣлю, ни куды бы ни въ подводы отъ жилищъ своихъ просто не ходили, но всѣ бы Государевыхъ властей и властелинскихъ и монастырскихъ у сотскихъ своихъ брали бы отпуски за ихъ печатьми. Такожде и помѣщичьи крестьяне безъ письменныхъ отпусковъ никуды бы не исходили; а съ письмомъ таковымъ кто у кого ни наймется изъ денежныя заплаты, то нанявый отъ всякаго платежа свободенъ.

Мнѣ же ся мнитъ: ради самыя правды надлежитъ о бѣглыхъ крестьянехъ такъ учинить, чтобы какъ богатымъ и сильнымъ, такъ и убогимъ и маломочнымъ безобидно было. И я правѣе сего не могу предложить, еже написать сице: всякаго званія сильные и безсильные послали бы во всѣ свои вотчины, кои поблизности и кои и въ дальности, и въ Понизовыя новыя и старыя свои вотчины, и во Украйныя займища къ прикащикомъ своимъ и старостамъ указы, чтобы безъ отлагательства новыхъ и старыхъ пришлыхъ людей выслали за проводниками, кои лѣтъ и по пятидесять или больше жили за ними, и отдалибъ руками съ женами и съ дѣтьми и со внучаты ихъ старымъ помѣщикамъ, чьи они были. И не то, что по сту рублевъ

на годъ, но и по сту копѣекъ не надобно, толькобъ со всѣми ихъ животы движимыми отпустили бы; то и тому старые помѣщики вельми будутъ рады.

И во исправленіи тоя отдачи дать хотя на годъ сроку или больше, чтобы всѣ сильные и безсильные совсѣмъ исправились въ отдачѣ. И аще сице состоится Его Императорскаго Величества указъ, то всѣ помѣщики рады будутъ и безъ зажилыхъ денегъ будутъ благодарны; и такъ бы всѣ господа вотчины свои очистили, чтобъ нижадныя души не оставили у себя пришлыхъ людей ни мужеска, ни женска полу.

А буде кто за тою отдачею оставитъ у себя хотя малыхъ робятъ, не то что многое число, но и хотя одного, а послѣ отдачи обличится, то на господинѣ взять за женскую голову 100 рублевъ, а за мужескую 200 рублевъ, а прикащику, да старостѣ, по 50 ударовъ кнутомъ, а крестьяномъ всѣмъ по 10 ударовъ за тое утайку, чтобъ и впредь Государевъ указъ помнили, и чего спросятъ, не таили бы.

И за сицевымъ указомъ, чаю я, что и высокія персоны не станутъ старыхъ бѣглецовъ держать, а вновь, чаю, поопасутся; не то что сами господа и прикащики, и крестьяне всѣ будутъ страшны.

А буде кто не похотя отвозить пришлыхъ людей, да въ водѣ потопитъ или инако какимъ случаемъ умертвитъ, то за всякую голову по десяти человѣкъ повѣшено* будетъ. А кто пожиткамъ ихъ коснется, то на немъ доправлено будетъ десятерицею, и отдано будетъ тому, чьи тѣ крестьяне были. И сицевымъ образомъ чаю, что всѣ бѣглые крестьяне возвращены будутъ, и во всей Россіи пустоту всю населятъ, а во

* У Стр. *повелѣно* Вѣроятно въ моемъ спискѣ ошибка, а у Стр. пропускъ.

иныхъ мѣстахъ и со обиліемъ наполнилось бы тѣми пришлецами.

И сильнымъ персонамъ и то будетъ забѣдно, что аще и безъ зажилыхъ денегъ, но токмо съ женами и съ дѣтьми и со внучаты ихъ и съ пожитками ихъ крестьянскими отдать ихъ, то вѣдаю, что и о томъ будутъ охать; а тутъ имъ было легко приговорить, еже въ прежнемъ указѣ написано, чтобы мѣлкимъ помѣщикомъ отвозить съ женами и съ дѣтьми и съ зажилыми деньгами, а самимъ, вѣдаю, что и подводъ будетъ жаль дать. И того ради, чаю, что будутъ всячески сію статью спорить, чтобы сицевому указу не быть: любятъ они на чужой спинѣ * ѣхать.

А буде не сице сдѣлатъ о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, то не чаю я концу быть, ежебы бѣглыхъ всѣхъ возвратить на старыя мѣста и пустота бъ наполнить. Аще нынѣ высокимъ персонамъ послабить въ дачѣ бѣглыхъ крестьянъ, то они старыхъ всѣхъ зажмутъ, а и вновь принимать будутъ, и правосудіе прямое за такою ихъ силою въ Россіи у насъ не состоится: статья видится и не вельми тяжка, что чужое отдать безъ наддачи, а высокимъ персонамъ покажется за великую бѣду. И аще сицевый Его Императорскаго Величества указъ состоится, что всѣмъ, какъ низкому, такъ и высокимъ персонамъ всѣхъ пришлыхъ людей вывесть съ женами и дѣтьми и со внучаты, то я чаю, что однимъ годомъ вся пустота во всѣхъ деревняхъ наполнится, и чаю, что иныя и порозжія пустоши будутъ населять. И егда пустота вся наполнится людьми, то интересъ Царскаго Величества умножится, и егда жилѣе будетъ земля, то и купецкіе промыслы разширятся; только развѣ останутся тѣ бѣглецы, кои бѣжали за рубежи. А и тѣхъ,

* У Стр. *землѣ*.

если Его Императорскаго Величества указъ состоится, что послать и за рубежи къ тамошнимъ жителемъ, то и они, чаю, что ослушны Его Величеству не будутъ: вышлютъ всѣ, у кого колико ихъ есть. А буде кои на Королевское имя записались, то наипаче Короли и Курфирсты тамошніе съ Царскимъ Величествомъ о всѣхъ бѣглыхъ пришлецахъ ссориться не будутъ, и колико у кого есть, чаю, что поскорѣе нашихъ вельможъ; * а изъ Черкасскихъ маетностей мочно, чаю, и посылкою взять.

Въ старомъ Уложеніи напечатано: буде кто похотя кого изубытчить, побьетъ челомъ напрасно, и егда сыщется, что билъ челомъ онъ напрасно, то взять на томъ проѣсти и волокиты по гривнѣ на день; и кто въ прямомъ дѣлѣ побьетъ челомъ, проѣсти такожъ гривна на день хотя въ рублѣ, хотя во стѣ рублехъ, хотя въ тысячѣ или въ десяти тысячахъ рублей, то числить также гривну на день. И въ томъ древнемъ расположеніи какая правда? Если прямо разсудить, то надобно всему размѣръ положить, поколику проѣсти числить на день въ рублевомъ дѣлѣ, и поколику въ десяти рублевомъ, такожде и во стѣ рубляхъ и въ тысячѣ, и вяще тысячи; надлежитъ расположить именно то, поколику проѣсти брать на день съ какого иску, и то чинить по записямъ и по инымъ случаямъ въ прямыхъ искѣхъ.

А буде кто нападетъ нагло похотя кого изубытчить, и егда допряма сыщется, еже напалъ онъ напрасно, то чего онъ искалъ, безъ всякаго милосердія доправить на немъ тоже число, чего онъ искалъ, и отдать тому, на кого онъ билъ челомъ, а и проѣсть по величеству иску располoжа, доправить на немъ же, и отдать ему же отвѣтчику, да на немъ же допра-

* Вѣроятно въ обоихъ спискахъ пропущено слово.

вить пошлинъ вдвое, дабы впредъ было ему и инымъ такъ дѣлать не повадно.

Паки, егда кого обвинятъ въ десяти тысячахъ, то указано стоять на правежѣ сто мѣсяцевъ, и того времени будетъ девять годовъ и два мѣсяца; а егда выстоитъ тѣ лѣта на правежѣ, то тотъ виноватой принесетъ челобитную, чтобъ ему тѣ дни собирать въ переводъ, и въ томъ переводѣ повелѣно дать сроку на толико жъ лѣтъ. И истецъ, волочась, волочась, да иску своему не радъ будетъ; и то стала самая явная ворамъ и ябедникамъ потачка.

Мнѣ же ся мнитъ: тыи статьи стараго Уложенія обѣ надлежитъ отставить, и сдѣлать такъ, чтобъ каковъ искъ ни былъ малъ или великъ, и егда кого обвинятъ въ иску, (то допросить его, чтобы онъ далъ сказку), * когда онъ деньги принесетъ; и буде неколико времени поволитъ ему истецъ дать во исправѣ сроку, то истецъ воленъ, хотя на годъ дастъ сроку; а приказнымъ порядкомъ больше недѣли на сто рублевъ дать не мочно, а въ тысяча рублевъ на десять недѣль, а больше того иль меньше, то давать по расчисленію платежа.

А буде скажетъ, что платить нечемъ, то послать всѣ его пожитки движимые и недвижимые описать, и оцѣня, велѣть продать съ наддачею, а цѣновщикамъ велѣть цѣнить прямою настоящею цѣною. А буде цѣновщики половинною цѣною оцѣнятъ, то за такую неправую оцѣнку бить ихъ кнутомъ; а буде выше настоящія цѣны оцѣнятъ, то отдать имъ цѣновщикамъ, а у нихъ деньги принять; и колико тѣхъ денегъ соберется, отдать истцу.

А и нынѣшній указъ о нищихъ учиненъ не весьма здраво потому: велѣно штрафовать тѣхъ, кои милос-

* Слова въ скобкахъ взяты изъ списка Стр.; въ моемъ пропускъ.

тыню подаютъ. И тѣмъ никогда не унять, да и не возможно унять, и то положенiе и Богу не безъ противности: Богъ положилъ предѣлъ, что давать милостыня, а судьи наши за то штрафуютъ; а имъ штрафовать давальцовъ не надлежитъ. Но надлежало по тому указу Его Императорскаго Величества нищихъ всѣхъ перехватить и допросить, чьи они крестьяне, или посадскiе, иль какiе иные люди. И чьи они скажутся, то надлежало ихъ разсылать на тѣ мѣста, откуда они пришли; а они, то оставя, давальцовъ штрафуютъ.

И сiю статью правильнѣебъ такъ учинить: кои хворы и увѣчны и престарѣлые, тѣмъ бы учинить покой, а кои ходятъ здоровые крестьяне и крестьянки и дѣти ихъ, и тѣхъ, если повелѣно будетъ, всякого чина людемъ хватать хотя въ городѣхъ, хотя въ деревнѣ; какой человѣкъ ни увидитъ нищаго здороваго, то хватя бы его, привелъ въ приказную палату, и записалъ, гдѣ его взялъ, и записавъ, отдалъ бы ихъ изъ приказу тому, кто его привелъ. А буде онъ не возьметъ, то кто его востребуетъ, отдавалъ бы вовсе, чей бы онъ ни былъ. А буде никто не возьметъ, то отсылалъ бы ихъ къ каковымъ дѣламъ Государевымъ. То дворяне лище заслышутъ, часу не будутъ мѣшкать — заберутъ къ себѣ, и по мiру ходить уже не будутъ пускать. И такимъ способомъ однимъ годомъ или и меньше нищiе бродить не будутъ, и по улицамъ ходить не станутъ.

А скитаючись по мiру, аще у кого буде наймется поработать, и за работу свою деньги возьметъ, а тѣ помѣщики увѣдавъ то, что нанявшись пожилъ мѣсяцъ мѣста иль другой, то они скажутъ, что онъ будто сбѣжалъ, и записавъ поимку, будетъ бить челомъ на того, у кого онъ изъ найму работалъ, о зажилыхъ

по указу, и тѣмъ не токмо купецкимъ людемъ, но и дворяниномъ чинятъ убытки великіе. А иные и посадскіе такіе люди есть лежебоки, что живутъ своими домами, а не хотя ни торговать, ни работать, ходя по міру, милостыню собираютъ; а иные сковавшись ходятъ будто тюремные сидѣльцы, и набравъ милостыни, да дома лежа ѣдятъ. А иные сами и промышляютъ, а дѣтей своихъ посылаютъ милостыни просить. И таковымъ нищимъ, освидѣтельствовавъ, надлежитъ и наказаніе дать неоскудное, чтобы даромъ хлѣба не ѣлъ. А буде кто промысломъ своимъ прокормить себя не можетъ, то шелъ бы на поденную работу, или бы пошелъ въ люди жить, а дѣтей бы своихъ роздалъ мастеровымъ людемъ въ наученье, и научась мастерства, могли и отца своего кормить; а скитаясь по міру иного ничего не научатся, только что воровать и тунеядцами быть. И таковые люди уподобились червію, что ничего не дѣлаютъ, а хлѣбъ въ свѣту губятъ даромъ.

Такожде и по тюрьмамъ насажено у судей множество людей, и тѣ люди тюремные сидѣльцы ничего же не дѣлаютъ, только сидятъ, лежатъ, да хлѣбъ ядятъ яко червіежъ. И сія дѣла, яко нищихъ, тако и тюремщиковъ, не надобно судьямъ въ презрѣніе полагать, но и вельми надобно пещися, и не токмо однимъ судьямъ, но и подъячимъ, чтобъ дней своихъ никакіе люди даромъ не теряли, и хлѣбабъ даромъ не ѣли. Богъ не на то хлѣбъ намъ далъ, чтобы намъ его яко червію съѣвъ, да во тлю претворити. Но надобно хлѣбъ ядши дѣлать, прибытокъ Богу и Царю своему, и всей братьѣ и себѣ; дабы не уподобитися непотребному червію, иже токмо въ тлю вся претворяетъ, а пользы ни малыя людямъ кромѣ пакости не содѣваетъ.

Въ Россіи, во всѣхъ городѣхъ и въ селехъ и дерев-

нях, нищихъ и тюремныхъ сидѣльцовъ, чаю, что наберется тысячъ десятка два-три или больше, и каждой годъ хлѣба они съѣдятъ на худой конецъ что тысячъ пятьдесятъ четвертей или шестьдесятъ. И если положить на человѣка съ хлѣбомъ и съ харчемъ и съ одеждою ихъ на самой малой окладъ по шти рублевъ на годъ коемуждо человѣку, то такими тунеядцами казны на кійждо годъ въ тлю претворится близъ дву-сотъ тысячъ рублевъ; и такая великая гибель чинится вся отъ нерадѣнія судейскаго. Въ поборѣхъ за гривну изъ человѣка хотятъ душу вытянуть, а гдѣ многія тысячи погибаютъ напрасно, того нимало несмотрятъ, не внимаютъ тому, какъ бы въ чемъ прокъ сдѣлать къ пополненію царственнаго интереса богатства; но токмо то считаютъ, что на лицо принимаютъ, то и въ прибыль почитаютъ. А что тѣмъ собираніемъ своимъ бѣдъ надѣлаютъ людемъ, понеже самому Великому Государю надѣлаютъ убытковъ множество, то ничего того не смотрятъ, и не радѣютъ о томъ.

Самое основаніе собранію то радѣтельное, еже Его Императорскому Ветичеству кто потщится казну собирати, а людей не разоритъ. А сего всѣмъ правителемъ паче собранія смотрить, чтобы ничто нигдѣ даромъ не пропадало, и никакіебъ люди даромъ хлѣба не ѣли, но вси бы трудились, и плодъ приносили.

Вси бо люди и управители нарицаются Царскому Величеству радѣтели и слугами вѣрными наричутъ себя, а если здравымъ окомъ посмотришь на нихъ, то вси ихъ радѣнія вопреки явятся прямому радѣтелю: не то, что чего собраннаго беречи, но и не собраннаго смотрить, пильно, чтобы ничто нигдѣ не тратилось, и дней бы своихъ никто даромъ не терялъ.

И всякія собранныя вещи не токмо въ Царскихъ сокровищахъ, но и во всемъ мірѣ за богатыми и за убогими прилежно смотрѣть, чтобы нигдѣ ничто и ихъ даромъ не пропадало, и излишняго ничего нигдѣ не тратили; то такой человѣкъ прямой будетъ царственному богатству собиратель.

И всякому правителю во своей провинціи или канцеляріи, аще кто восхощетъ Государю своему порадѣти, не надобно ему много пить и въ прохладу жить, и по лѣсамъ зайцовъ ловить, но о томъ все свое попеченіе имѣть, како бы скоряе дѣло вершить; и чтобъ въ приказѣ и въ тюрьмѣ лишнихъ дней не сидѣли, и хлѣба бы напрасно безъ работы не ѣли, но всѣ бы были у дѣлъ своихъ; кои по винѣ достойны смерти, то тѣхъ не для чего томить, и даромъ хлѣбъ въ нихъ тратить, но надлежитъ ихъ вершить.

А по кабакамъ надобно смотрить, чтобы ярыжки голые безъ работы не жили тутъ; а буде кои для работы годны, то брать на нихъ крѣпости, чтобы имъ никакимъ дурнымъ не промышлять, и зернію не играть, и пристани никакимъ лишнимъ людемъ не держать, чтобы безъ работъ никакой человѣкъ не былъ.

А кои люди надлежатъ какого наказанія, то таковыхъ не надлежитъ и дня единаго въ тюрьмѣ или въ приказѣ держать, чтобъ онъ дней своихъ даромъ не терялъ; и коихъ надлежитъ послать на рудокопные дѣла * и на иныя черныя работы, то и тѣхъ долго держать не для чегожъ, но запятнать вѣчнымъ или временнымъ пятномъ, отсылать ихъ кои куды надлежатъ не мотчавъ, ** чтобъ они даромъ хлѣба не ѣли.

А кромѣ приказа всякому коммандиру во своей командѣ смотрѣть накрѣпко, чтобы никто нигдѣ даромъ

* У Стр. прибавлено *заводы*. ** У Стр. *не мѣшкавъ*.

нешатался, и робяты молодые кромѣ праздничныхъ * дней отнюдь бы по улицамъ ни козмами, ни кубарями, ни иными какими играми не играли, а и въ мужествѣ сущіи никаковыя вещи напрасно не тратили, и яицами бъ не билися; и никакого чина люди и дворяне безъ письменнаго указу хлѣба бы въ вино не переводили, и за крестьянами своими сами бы смотрили, и прикащикомъ и старостамъ накрѣпко бы заказали, чтобы никакой крестьянинъ гулякомъ не былъ ни лѣтомъ, ни зимою; не токмо большіе, но и малые робята даромъ не шатались бы, но оные учились бы грамотѣ, а иные рукодѣлію, каковое водится во крестьянѣхъ, учились бы; буде кой топоромъ еще не сможетъ владѣти, тобы прясть учились, и научась, шли бы на полотняные дворы, и тамъ бы зимою изъ найму или изъ хлѣба работали, а лѣтомъ полевую работу работали. И аще въ юности навыкнетъ работать, то и подъ старость гулякомъ не будетъ.

А сіе и не безъ грѣха есть, что за самыя малыя вины да въ тюрьму сажаютъ, а иныхъ и безвинно сажаютъ: инаго посадятъ и на часъ, да забудутъ, то онъ въ забвеніи просидитъ и годъ мѣста. И ради памятованія надобно всякому судьѣ безотложно навсякой день колодниковъ своихъ всѣхъ пересматривать, и всѣхъ ихъ ставить передъ себя на лицо; то нельзя будетъ подъячему иль приставу посадить за хоженное свое. (?) И смотря колодниковъ всѣхъ бы новоприводныхъ самъ допрашивалъ, кто въ какомъ дѣлѣ приведенъ; и буде дѣло до кого малое, то того бы часа и рѣшеніе ему учинить; то бы онъ промышлялъ, а въ приказѣхъ сидя дней своихъ не терялъ.

И аще всѣ судьи будутъ управлять колодниковъ, повсядневно пересматривать, и рѣшеніе имъ чинить

* Эта строка дополнена изъ сп. Стр.

немедленно, то и тюремные дворы не надобны будутъ. Отъ неуправленія судейскаго вельми много въ мірѣ пакостей и разоренія чинится, и погибаютъ многіе напрасно; ибо многіе въ заключеніи сидя, съ голоду и отъ всякія нужды, умираютъ безвременною смертію.

И о колодничьемъ сидѣньѣ, мнится, надлежитъ предѣлъ учинить сицевый: буде кто взятъ будетъ въ розыскномъ дѣлѣ, то рѣшить его въ недѣлю и больше что въ двѣ, а въ истцовыхъ дѣлахъ держать больше сутокъ весьма отнюдь не надобно. А буде за сутки будетъ кой судья въ истцовомъ дѣлѣ держать, то кормить того колодника судьѣ своимъ хлѣбомъ, и если учинено будетъ тако, то по нынѣшнему держать долго не будутъ. А сіе весьма надлежитъ отставить, чтобы по улицамъ перекованнымъ колодникамъ ходя милостыни не собирать. Нынѣ, истинно, стыдное дѣло, что въ нищихъ, да въ колодникахъ, пройти не возможно!

Въ старомъ управленіи судебныхъ дѣлъ было уставлено: буде въ какомъ займѣ или иманьѣ изъ казны денегъ поручатся поручики въ тысячѣ рубляхъ человѣкъ десять или двадцать, а писали въ записяхъ взять тѣ деньги на заимщикѣ и на поручикахъ, кто изъ нихъ въ лицахъ будетъ, и по такому обыкновенію аще заимщикъ не исправится, то высмотря изъ поручиковъ, которые посытѣе, да буде не умѣетъ за себя стать, то на одномъ на немъ и доправятъ, и совсѣмъ его разорятъ. А иной заимодавецъ немилостивый какъ срокъ придетъ платежу, а заимщикъ не исправится, то не даетъ сроку ни на недѣлю, всѣхъ поручиковъ захватитъ въ приказъ; и егда обвинятъ ихъ, то всѣхъ ихъ разорятъ до основанія; буде денегъ не принесутъ вскорѣ, то пожитки у всѣхъ заберутъ безсрочно, и оцѣня дешевле половины, и всѣ распродадутъ за без-

цѣнокъ. И тако тѣхъ поручиковъ разорятъ и межъ дворъ пустятъ; и отъ такого порядка многое множество народа въ нищіе пошли, и то стало быть самое царственное разореніе.

Аще и сдѣлать такъ, чтобы во всякія поруки ручались поручики по своей силѣ-мочи; и аще въ великомъ займѣ тысячномъ или многотысячномъ станутъ ручаться, то всякой поручикъ ручайся по своей силѣ; буде кой можетъ тысячу рублевъ заплотити, тобы въ томъ и ручался, и въ рукѣ своей именно бы написалъ, что онъ ручается въ тысячѣ рубляхъ. А кто тысячу рублевъ не сможетъ, то всякой бы по своей могутѣ, кто и во стѣ рубляхъ, кто больше иль меньше. А буде кто больше десяти рублевъ заплатить повытку своего не сможетъ, то въ десяти рубляхъ подписалсябъ; и егда заимщикъ платежемъ не исправится, то больше десяти рублевъ съ него бы не было взятья. И тако, всякой поручикъ, что въ рукѣ своей написалъ, то и заплатитъ, и по такому регулу никогда бы поручики отъ порученія своего не разорялись, и ручаться бы стали охотнѣе.

Въ старомъ Уложеньѣ напечатано, еже сажать въ нѣкоторыхъ дѣлахъ за вину въ тюрьму годы на три, на четыре и больше, и та статья мнѣ возмнилась весьма непристойна. И о чемъ посадить въ тюрьму, да морить лѣтъ пять иль шесть, то лучше приложить ему наказанія или инаго какова штрафу, а дней житія человѣческаго терять не надобно. Человѣкъ на волѣ будучи иной подлѣ себя и постороннихъ человѣкъ пять-шесть или больше можетъ прокормить, а въ тюрьмѣ сидячи, и себя прокормити не можетъ, но вмѣсто червя будетъ хлѣбъ ѣсть и во тлю претворитъ безъ прибытку.

Въ Новѣгородѣ въ прошломъ 718-мъ году пойманъ

Ямбургскихъ стеклянныхъ заводовъ того стекляннаго дѣла ученикъ Иванъ Семеновъ въ томъ, что онъ самъ себѣ паспортъ написалъ своею рукою, и дважды онъ въ томъ разыскиванъ, что не писывалъ ли кому иному паспортовъ или иныхъ какихъ писемъ. И кромѣ того своего паспорта не явилось, и видя, что иной вины никакой нѣтъ, то бросили его въ тюрьму; и сидѣлъ въ тюрьмѣ при Иванѣ Мякининѣ три годы, а рѣшить его не могъ. Знатное дѣло, что дать тому ученику было нечего; а онъ Мякининъ любилъ деньги, а даромъ онъ никому ничего не дѣлалъ. И буде кто больше принесетъ, то и правъ будетъ его судейскимъ разсужденіемъ: онъ будучи въ судействѣ, не смотрилъ на правду, но смотрилъ на деньги. И такимъ судейскимъ гнилосудіемъ пять лѣтъ безъ одного мѣсяца просидѣлъ въ тюрьмѣ, и вся та пять лѣтъ погибла. А если бы онъ Мякининъ не алтыничалъ, да по указу учиня ему наказаніе, свободилъ, то бы онъ ста дватри прибыли въ царствѣ сдѣлалъ бы, а сидя въ тюрьмѣ, хлѣбъ ѣлъ лежа, и тотъ хлѣбъ пропалъ даромъ.

И ради совершеннаго таковыхъ дѣлъ исправленія, надобно у Бога всещедраго милости просить, чтобы онъ человѣколюбивый Богъ на дѣло сіе милостивно призрилъ, и возложась на Его Божію волю, надлежитъ для установленія самыя правды первѣе состроить судебную книгу съ тонкостнымъ расположеніемъ на великія и малыя дѣла, какъ кои рѣшить. И такъ надобно его устроить, чтобъ никакого дѣла наизустъ не вершить, но всякимъ бы дѣламъ рѣшеніе наказанія и милости ясно означено было: за что какая жесточь, и за что какая милость, чтобы по тому расположенію и малосмысленный судья могъ прямо дѣла разсуждать.

ГЛАВА IV.

О КУПЕЧЕСТВѢ.

И купечества въ ничтожность повергать не надобно, понеже безъ купечества никаковое не токмо великое, но и малое царство стоять не можетъ. Купечество и воинству товарищъ: воинство воюетъ, а купечество помогаетъ, и всякія потребности имъ уготовляетъ.

И того ради и о нихъ попеченіе неоскудное надлежитъ имѣть: яко бо душа безъ тѣла не можетъ быти, тако и воинство безъ купечества пробыть не можетъ; не можно бо ни воинству безъ купечества быть, ни купечеству безъ воинства жить. И царство воинствомъ расширяется, а купечествомъ украшается. И того ради и отъ обидниковъ вельми надлежитъ ихъ охранити, дабы не малыя обиды имъ отъ служивыхъ людей не чинилось. Есть многіе несмысленные люди — купечество ни во что ставятъ, и гнушаются ими, и обидятъ ихъ напрасно. Нѣтъ на свѣтѣ такого чина, коему бы купецкой человѣкъ не потребенъ былъ бы.

И такъ купечество годствуетъ блюсти, чтобъ не токмо отъ обидниковъ постороннихъ, но и они между собою другъ бы друга не обидѣли, и въ купечество

ихъ иночинные люди отнюдь бы не вступали, и помѣшательства ни малаго имъ не чинили, но дать имъ торгъ свободный, дабы отъ торговъ своихъ сами полнились, и Его Императорскаго Величества интересъ умножали.

Егда бо торгъ данъ будетъ Русскому купечеству свободной чтобъ не токмо иночинцы, но и иноземцы въ торгу Русскимъ людемъ помѣшательства нималогобъ не чинили, то и пошлинный сборъ будетъ не въ томъ сочисленіи. Я такъ мню, что при нынѣшнемъ сборѣ пошлины будутъ собираться вдвое или втрое; а нынѣ отъ розночинныхъ промышленниковъ пропадаетъ ея большая половина.

Буде кто коего чина нибудь аще отъ синклита, или отъ офицеровъ, или отъ дворянства, или изъ приказныхъ людей, или церковные причетники, или и крестьяне похотятъ торговать, то надлежитъ имъ прежній свой чинъ отставить, и записаться въ купечество, и промышлять уже прямымъ лицемъ, а не пролазомъ, и всякіе торги вести купечески съ платежемъ пошлинъ, и иныхъ какихъ поборовъ съ купечества, равно со всѣмъ главнымъ купечествомъ, и безъ согласія купеческаго командира утайкою, по прежнему, воровски ничего не дѣлать, а пошлиннаго платежа ни мало не таить.

Надобно всякому чину прямо себя вести, чтобы предъ Богомъ не грѣшить и предъ Царемъ въ винѣ не быть; и какъ жить такъ надлежитъ и слыть: аще воинъ, то воинъ и да будетъ, и аще инаго званія человѣкъ, то всякъ бы свое званіе и да хранилъ бы цѣло.

Самъ Господь Богъ рекъ, глаголя: (Матѳ. гл. 6, ст. 24): Единъ рабъ не можетъ дву господинамъ служити. Тако и воину и инаго чина человѣку всякому свой чинъ прямо вести, а въ другой предѣлъ не вступати: аще бо кому къ купечеству прилпнутися, то въ военномъ

дѣлѣ солгатъ будетъ. Самъ же Спаситель нашъ рекъ, глаголя: яко идѣже сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ. А Святый Павелъ Апостолъ глаголетъ: (гл. 2, ст. 41), яко никто воинъ обязуйся куплями угоденъ будетъ воеводѣ. А по простонародному реченію есть глаголъ приличенъ сему, еже глаголется: одно взять— либо воевать, либо торговать.

И посему воину и всякому иночинцу отнюдь купечествовать не подобаетъ; но буде у кого желаніе къ купечеству припадетъ, то уже въ тотъ чинъ и вписатися надлежитъ.

И сего ради аще не учинить о семъ предѣла, еже постороннихъ торговцевъ изъ господъ и изъ прочихъ приказныхъ и вотчиныхъ людей и изъ крестьянъ не унять, то весьма обогатитись купечеству не возможно, и собранію пошлинной казны умножиться не отъ чего будетъ.

А аще Господь Богъ у насъ въ Россійскотъ Царствѣ устроитъ сице: еже судьи и вси правители будутъ кійждо управлять свое дѣло съ прилежаніемъ, а въ купечество не вступати, не токмо ихъ отъ обидниковъ защищать, также и военнымъ людямъ, ни офицерамъ, ни солдатомъ, въ купечество не вступати же, и ничѣмъ ихъ не обижати, токмо пещися о своемъ дѣлѣ военномъ, такожде и приказные люди пеклись бы о своихъ приказныхъ дѣлѣхъ, а въ купечество отнюдь бы не вступалижъ, а и мастеровые люди питались бы своимъ рукодѣльемъ, а въ купечество и ти не вступались бы, такожде и крестьяне знали бы свою крестьянскую работу, а въ купеческое дѣло ни мало не прикасались бы. А буде кой крестьянинъ можетъ рублевъ на сто торговать, тотъ бы чей ни былъ крестьянинъ, Государевъ ли, или Царицынъ, или митрополій, или монастырскій, или сенатскій, или дворянскій, или

какого званія ни былъ, а торгу на сто рублевъ имѣетъ, тобы записался въ купечество. И аще и тамъ повелѣно будетъ имъ жить на сторонѣ, * а уже пахоть ему не пахать и крестьяниномъ не слыть, но слыть купеческимъ человѣкомъ, и надлежитъ уже быть подъ вѣденіемъ магистратскимъ, и съ торгу своего пошлина платить, въ мѣлочные сборы, или по окладу своего торгу уколомъ, то такъ тому и платить неизмѣнно.

А дворяне ради себя паслибы своихъ крестьянъ неотложно, и прикащикамъ своимъ и старостамъ наказалибъ накрѣпко, чтобъ крестьяне его ни мало къ торгу не прикасались бы, и никогда бы даромъ ни лѣтомъ, ни зимою не гуляли, но всегдабъ были въ работѣ, а къ купечеству ни малымъ торгомъ отнюдь не касались бы, такожде и сами дворяне никаковому торгу не касались бы. А буде кой крестьянинъ и богатъ, то бы онъ пустоши нанималъ, да хлѣбомъ насѣвалъ, и тотъ излишній хлѣбъ продавалъ бы, а самъ у иныхъ крестьянъ ни малаго числа для прибыту своего не покупалъ бы; а буде купитъ хотя одну осьмину, а кто свой братъ-крестьянинъ или и тотъ, кто продалъ, пришедъ въ таможню, извѣститъ, то у того торгаша взято будетъ штрафу сто осьминъ, а кто о томъ донесетъ, дать десять минъ. А буде кто купитъ для продажи десять четвертей, то взято будетъ на немъ штрафу тысяча четвертей, а кто доведетъ, тому сто четвертей. А буде коему крестьянину припадетъ охота къ купечеству чѣмъ бы онъ ни былъ, явился бъ въ магистратѣ, и сказалъ, что могу я торговать на сто рублевъ или на двѣсти или и вящше, то указомъ Его Императорскаго Величества взять будетъ въ купечество.

Аще сіе Богъ устроитъ, еже всякаго званія чело-

* У Стр. *на старинѣ*. Впрочемъ въ обоихъ спискахъ это мѣсто не ясно.

вѣкъ будетъ пещися о своемъ дѣлѣ, то всякія дѣла будутъ споры, а купечество такъ обогатится, что не въ примѣръ нынѣшнему богатству. А пошлины будутъ съ нихъ собираться не то что вдвое, но, чаю, что нынѣшняго сбора и втрое больше будетъ или вящше.

Потому что нынѣ торгуютъ бояра, дворяне и люди ихъ и офицеры и солдаты и крестьяне, то всѣ тѣ торгуютъ безпошлинно, а и купецкіе люди за ихъ имены множество провозятъ * безпошлинно же. И я не чаю, чтобы нынѣ и половина прямо пошлинъ собиралося, да и собрать ее не мочно, аще не отставить во всемъ ** торгу отъ господъ и отъ служивыхъ людей, потому что прикоснулись торгу лица сильныя, а кои и несильны, то магистрату неподсудны.

Я о семъ всесовершенно знаю, что въ одномъ Новгородскомъ уѣздѣ крестьянъ, кои торгуютъ, будетъ сто-другое, а пошлинъ ни по деньгѣ не даютъ. И аще кой сборщикъ, увидя ихъ похочетъ пошлину взять, то дворяне за нихъ вступятся, и чуть живыхъ оставятъ, и на то смотря, никакіе цѣловальники и прикоснуться къ нимъ не смѣютъ. И есть такіе богачи, что сотъ по пяти-шти имѣютъ у себя торгу, а Великому Государю не платятъ не по деньгѣ.

И если вся сія устроится, то яко отъ сна купечество возбудится.

А сей древній купецкихъ людей обычай вельми есть неправъ, еже и между собою другъ другу неправду чинятъ, ибо другъ друга обманываютъ.

Товары яко иноземцы, тако и Русскіе, на лице являютъ добрые, а внутрь положены или содѣланы плохи, а иные товары и самые плохіе, да закрасивъ добрыми, продаютъ за добрые, и цѣну берутъ неправедную, и неискусныхъ людей тѣмъ обманомъ вельми

* У Стр. *производятъ*. ** У Стр. *вовсе*.

изъянять, и въ вѣсахъ обвѣшиваютъ, и въ мѣрахъ обмѣриваютъ, а въ цѣнѣ облыгаютъ, и тое неправду и въ грѣхъ не поставляютъ, и отъ такого неправаго порядка незнающимъ людемъ великія пакости чинятся.

А кои обманываютъ, послѣди за неправду свою и сами всѣ пропадаютъ, и въ убожество вящшее приходятъ; и тако вси отончеваютъ.

А аще бы въ купечествѣ самая христіанская правда уставилася, еже добрые товары за добрые бы и продавали, а средніе за средніе, а плохіе за плохіе, и цѣну брали по пристоинству товару прямую настоящую, почему коему товару цѣна положена, а излишнія бъ цѣны ни у какого товара не то что взять, но и не припрашивалибъ, и ни стара, ни мала, ни несмысленнаго не обманывалибъ, и во всемъ поступалибъ самою правдою, то благодать бы Божія возсіяла на купечествѣ, и Божіе благословеніе почило бы на нихъ, и торгъ бы ихъ святой былъ.

И ради неподвижныя въ купечествѣ правды надлежитъ во всѣхъ рядахъ устроить сотскихъ и пятидесятскихъ и десятниковъ, и въ коей лавкѣ сидитъ сотской, то надъ дверьми лавочными прибить дощечка окруженная, покрытая бѣлилами, дабы всѣмъ она знатна была, и на такой дщицѣ написать сице: сотской; такожде надъ лавкою пятидесятскаго и десятскаго, чтобы купующіе, купя какой товаръ, знали гдѣ тотъ товаръ показать, прямоль отвѣсилъ или обмѣрялъ, и товаръ доброй или плохой и настоящуюль цѣну взялъ.

А буде взялъ цѣну не противо настоящія цѣны излишнюю, то за всякую излишнюю копѣйку взять на немъ штрафу по гривнѣ или по двѣ, и высѣчь батоги или плетьми, чтобъ впредъ такъ не дѣлалъ; а буде

въ другой разъ такъ же учинитъ, то доправить штрафу сугубо, и наказаніе учинить сугубоежъ.

А буде кто неправо отвѣситъ или неправо отмѣряетъ, или не такой товаръ дастъ, какого купецъ требовалъ, и вмѣсто добраго худой продастъ, то таковому жесточае чинять наказаніе, и штрафъ противо товарныя цѣны взять десятерично.

А буде въ такой неправости помирволитъ продавцу сотской или пятидесятской или десятской, то взять штрафъ на десятскомъ въ десять мѣръ, а на пятидесятскомъ въ 50 мѣръ, а на сотскомъ во 100 мѣръ, и наказаніе чинить кнутомъ, по колику ударовъ уложено будетъ; и дать тѣмъ сотскимъ и пятидесятникамъ инструкціи съ великимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ они за своими десятскими смотрѣли неоплошно, дабы они никаковому десятнику понаровки ни малыя не чинили, и плохо бы сего не клали, но боялись бы яко огня, дабы не дошло до великихъ лицъ, и чтобы десятскіе и по лавкамъ досматривали, чтобы никакова товару худаго добрымъ не закрашивали, но каковъ кой есть, таковъ бы продавали, доброй за доброй, середній за середній, а плохой бы за плохой, и вѣсили бы и мѣряли самою правдою, а излишнія цѣны ни у какого товару не прибавляли бы и не прикрашивали бы. Но что чего стоитъ, того бы и просили, а и заморскіе товары, сукна и камки и прочія парчи, мѣряли бы и продавали съ перваго конца, а не съ задняго. И какой купецъ не пришелъ, богатъ или убогъ, аще разуменъ или ничего не смыщлящь, всѣмъ бы единаче правдою продавали, и ни у рубля, ни у десяти рублевъ единыя копѣйки не имали и не припрашивали бы.

(Спорить нельзя—одной цѣны уставить вѣсъ (вѣр. *всему*) товару: имя одно, да доброта не одна; ину пору да и

поплоше 1) * и самыя ради безпорочныя правды не худо бы всякимъ товарамъ вѣсовымъ и локотнымъ положить цѣна уставленная, чтобъ она какова была въ первой лавкѣ, такова бы и въ послѣдней.

А что съ кого надлежитъ за какую вину взять штрафу, и тотъ бы штрафъ собирали сотскіе не отлагая до инаго дня, когда кто провинится, тогда бы и платили, и принявъ штрафу, записывалибъ въ закрѣпленую книгу, и помѣсячно относили бы ихъ въ контору надлежащую, а со иноземцы пріѣзжими на ярмаркахъ безъ воли главнаго купеческаго правленія коммандира, ни великаго, ни малаго торгу не чинили бы. А буде кто хотя на одинъ рубль дерзнетъ пріѣзжимъ иноземцамъ продать какого нибудь товару безъ воли вышняго своего коммандира, то взять съ него штрафъ сторично; за всякой взятой рубль по сту рублевъ, и наказаніе учинить кнутомъ, колико уложено будетъ ударовъ дать, дабы помнилъ и впредъ такъ не дѣлалъ.

И съ воли командира своего и по согласію купечества поставя цѣну товару своему, отпускали бы за моря и за прочіе рубежи Русскіе товары, какъ богатые, такъ и убогіе съ воли коммандира своего по общему согласію компанства, чтобы никому обиды не было.

И егда иноземецъ сторгуетъ какова товара Русскаго многое число или малое, то всѣмъ Русскимъ людемъ, какъ богатымъ, такъ и убогимъ, комуждо изъ своихъ товаровъ поверстався по количеству товаровъ своихъ, ** чтобъ ни богатому, ни убогому обиды не было.

А буде кто не похочетъ товару своего для малыя продажи расчинать, и то какъ кто похочетъ, въ томъ воля мочно дать.

* Словъ въ скобкахъ, впрочемъ безсвязныхъ, не достаетъ у Стр.

** Такъ не ясно въ обоихъ спискахъ.

И тако творя, между всѣми купецкими людьми будетъ мирно и согласно, а цѣны никому уронить будетъ нельзя, и почему какому товару цѣну съ общаго согласія наложатъ, то уже иноземцы по той цѣнѣ и нехотя возьмутъ.

А буде иноземцы похотя нашимъ товарамъ цѣну снизить, и товаровъ по наложенной цѣнѣ брать не станутъ, то надлежитъ у маломочныхъ товары всѣ богатымъ за себя снять.

А буде купецкіе люди за недостаткомъ денежнымъ не соймутъ, то выдать бы имъ деньги изъ ратуши и отпустить ихъ восвояси, и впредъ до указу таковыхъ товаровъ не возили бы хотя годы два-три или больше, донележе со иноземцы торгу не будетъ, промышляли бы инымъ каковымъ промысломъ. И пока иноземцы по наложенной цѣнѣ товаровъ нашихъ пріимать не будетъ, до тѣхъ времени отнюдь нималаго числа такихъ товаровъ на иноземческіе торги не возили бы.

И буде иноземцы восхотя нашихъ купцовъ принудить къ своему умыслу, ежебы нашихъ Русскихъ товаровъ цѣною не взвысить, а своихъ не снизить, оставя торгъ, поѣдутъ за море безъ нашихъ товаровъ, то и свои они товары съ коими пріѣхали повезли бъ всѣ съ собою назадъ; а въ анбары съ кораблей не сторговавшись отнюдь класть имъ не попускать бы, хотя за амбары вдвое или втрое наемныя деньги давать станутъ, или гдѣ въ домѣ похотятъ сложить, отнюдь того имъ не попускать; то когда нашихъ товаровъ не брать, то и своихъ товаровъ оставлять имъ не для чего: какъ привозили, такъ пусть и назадъ повезутъ.

А въ другое лѣто буде пріѣдутъ, то надлежитъ намъ на свои Русскіе товары ко уставленной прошлогодней цѣнѣ приложить на рубль по гривнѣ или по четыре алтына, или какъ о томъ указъ Великаго Госу-

даря состоится, како бы купечеству слично было, и деньги бы въ томъ товарѣ даромъ не прогуляли.

А буде два года иноземцы съ торгомъ не будутъ, то на прежнюю цѣну наложить еще толико же, колико на первый годъ наложено. И такъ колико годовъ ни проволочатъ они упрямствомъ своимъ, то на каждой годъ по толико и тѣ накладки на всякой рубль налагать не уступая ни малымъ чѣмъ, чтобъ въ купечествѣ деньги въ тѣхъ залежалыхъ товарѣхъ не даромъ лежали, но проценты бы на всякой годъ умножалися.

И аще въ тѣхъ процентахъ товарамъ нашимъ возвысится, что коему прежняя цѣна была рубль, а во упорствѣ иноземскомъ возвысится въ два рубли, то такову цѣну уже впредъ за упрямство ихъ держать, не уступая ни малымъ чѣмъ.

И аще иноземцы упрямство свое и отложатъ, и станутъ товары свои возить къ намъ по прежнему, и нашихъ товаровъ къ себѣ востребуютъ, а уже цѣны на Русскіе товары прибавленныя отнюдь не убавлять, и въ предбудущіе годы по такой же наложенной цѣнѣ продавать, почему въ упорствѣ ихъ иноземской наложилась.

И буде двойныя цѣны за наши товары не похотятъ намъ дать, то и ихъ товары передъ ними: мы благословеніемъ Божіимъ можемъ безъ ихъ товаровъ пробыть.

Обще же я мню: хотя они и хитры въ купечествѣ и въ иныхъ гражданскихъ расправахъ, а аще увѣдаютъ нашего купечества твердое положеніе о возвышеніи цѣны, то не допустятъ до двойныя цѣны: будутъ торгъ имѣть повсягодно, видя бо наше твердое постоянство всячески упрямство свое прежнее и гордость свою всю и нехотя отложатъ: нужда пригоняетъ и къ поганой лужѣ. Для насъ хотя они вовсе товаровъ своихъ къ намъ привозить не будутъ, мню, можемъ

прожить безъ товаровъ ихъ; а они безъ нашихъ товаровъ и десяти лѣтъ прожить не могутъ. И того ради подобаетъ намъ надъ ними господствовать, а имъ рабствовати предъ нами, и во всемъ упадокъ предъ нами держать, а не гордость. Сіе странное дѣло, что къ намъ пріѣхавъ съ своими бездѣлками, да нашимъ матеріяльнымъ товарамъ цѣну уставляютъ низкую, а своимъ цѣну ставятъ двойную, а инымъ товарамъ и выше двойныя цѣны.

И не до сего ста, но и деньги нашего Великаго Государя цѣнятъ, до чего было имъ нималаго дѣла не надлежало: имъ надлежитъ деньги цѣнить своихъ государей, потому что они власть имутъ надъ своими владѣльцы. А нашъ Великій Императоръ самъ собою владѣетъ, и въ своемъ государствѣ аще и копѣйку повелитъ за гривну имать, то такъ и можетъ правитися. Мы въ своемъ царствѣ съ воли Монарха своего вольны на привезенные ихъ товары цѣну налагать. А буде имъ нелюбо, то на ту цѣну не отдавай, воленъ онъ и отдать и не отдать; намъ силою у него не отнять, а въ томъ мы можемъ стоять, несторгованному и негодному на сухомъ берегу мѣста не дать; либо назадъ вези, либо въ кораблѣ держи.

Время было уже имъ прежняя своя гордость и отложить; плохо имъ было надъ нами ломаться, тогда, когда сами наши Монархи въ купеческія дѣла не вступали, но управляли бояре. И пріѣхавъ они иноземцы засунутъ сильнымъ персонамъ подарокъ рублевъ во сто-другое, то за сто рублевъ сдѣлаютъ они иноземцы прибыли себѣ полмилліону, потому что бояре неставили купечества ни въ яичную скорлупку; бывало на грошъ все купечество промѣняютъ!

А нынѣ, слава Богу, Монархъ нашъ вся сія разсмотрилъ; и подлѣзть имъ уже никакъ, ежебы имъ по

прежнему своему хотѣнію уставить и на своемъ поставить.

И если они иноземцы отъ упрямства своего годы два-три и пять-шесть торговаться съ нами не будутъ, то купечеству нашему великая и неисчислимая прибыль будетъ, потому которые товары покупались у насъ въ Руси по рублю, то будетъ уже въ покупкѣ по полтинѣ или и меньше, а иноземцамъ меньше уставленныя цѣны за иноземческое упрямство сбавить отнюдь не можно. Потому что такая цѣна уставилась за ихъ непокорство; они на свои товары безъ причины наложили цѣну высокую и тѣмъ насъ вельми изневожили, а имъ изневога не отъ насъ, но отъ своего имъ упрямства. Они въ причину поставили Русскія наши деньги, до чего имъ ни малаго дѣла нѣтъ. Деньги наши когда въ ихъ землю придутъ, то хотя они нашу копѣйку и за деньгу не возьмутъ, то въ томъ они вольны; ихъ земля, ихъ и воля. А въ нашей землѣ нѣтъ имъ ни малыя власти, но воленъ нашъ Монархъ; а по его Монаршеской волѣ и мы имѣемъ нѣкую часть воли. А они, пришедъ въ нашу землю, цѣня наши деньги, да всякимъ своимъ товарамъ цѣну возвысили: червонные были безъ гривны по сроку алтынъ, а нынѣ по два рубля, ефимки были по осьмнадцати алтынъ, а нынѣ по осьми гривенъ; мѣди пудъ былъ по три, а нынѣ по семи и по восьми рублевъ, олово было не съ большимъ по три рубля, а нынѣ выше шести рублевъ; горючая сѣра была по полтинѣ пудъ, а нынѣ втрое выше продаютъ. Бумага писчая, коя была стопа по восьми гривенъ, ту нынѣ продаютъ по два рубля; оконечныхъ стеколъ ящикъ покупали по три рубля, а нынѣ продаютъ по десяти рублевъ. Колико ни есть заморскихъ товаровъ, на всѣ наложили они цѣну двойную, да и тройную, и тѣмъ они хощутъ Россій-

ское Царство пригнать къ оскуденію, и издѣваясь надъ нами, вмѣсто матеріяльныхъ товаровъ возятъ къ намъ разныя питья, да похваляютъ ихъ, то питье честное и весьма похвальное, дабы слыша ихъ такую похвалу, больше у нихъ покупали, и денегъ бы имъ больше давали, а намъ бы то ихъ питье выпить, да ...., а иное и выблевать; да привозятъ къ намъ стеклянную посуду, чтобъ намъ купивъ, разбить, да бросить. И намъ если заводовъ пять шесть построить, то мы всѣ ихъ государства стеклянною посудою наполнить можемъ.

И того ради весьма надлежитъ намъ себя осмотрить: ихъ Нѣмецкихъ разсказовъ намъ не переслушать; они какую бездѣлицу не привезутъ, то надсѣдаясь хвалятъ, чтобы мы больше у нихъ купили, и уже чего не затѣютъ: и пиво наваря, да наливъ въ бутылки привозятъ, да продаютъ бутылку по десяти алтынъ; а намъ мочно та бутылка наложить на алтынъ или на двѣ копѣйки.

И аще нашимъ товарамъ высокая цѣна уставится или и не уставится, то въ воли Монарха нашего; какъ онъ поволитъ, такъ то и будетъ неизмѣнно *.

А ихъ заморскіе товары весьма надлежитъ принимать купечеству нашему по разсмотрѣнію, и по согласію общему, и съ воли командира своего, а не по прежнему, самовольно, и выбиралибъ, кои товары были прочны и самые были добрые, а плохихъ отнюдь не принимали, и тѣ принятые товары такожде дѣлили между собою по количеству своихъ товаровъ съ общаго совѣта, чтобы ни кому и малыя обиды не было.

А буде же иноземцы на тотъ отборной товаръ еще сверхъ настоящія цѣны наложатъ цѣну излишнюю, то

* Послѣдній періодъ кажется некстати по обоимъ спискамъ.

и того отборнаго товара съ наложеніемъ прибавочной ихъ цѣны не брать бы у нихъ ничего, но брать по настоящей цѣнѣ, какова до того отбиранія установилась.

А буде заупрямятся, и давать тѣхъ товаровъ по настоящей цѣнѣ не похотятъ; то отказать имъ: пусть весь свой товаръ повезутъ назадъ, а плохихъ и непотребныхъ товаровъ и на полцѣны отнюдь бы не принимать ни малаго числа для того, чтобы они дураками насъ не называли, и въ товарахъ нашихъ надъ нами не издѣвались бы.

А наипаче такихъ товаровъ не принимать, которые купя выпить, да ......, или принявъ разбить и бросить. Стеклянную посуду мочно намъ къ нимъ возить, а не имъ къ намъ; и всякіе товары, кои непрочны и портятся, якоже обшивныя ихъ иноземческія пуговицы принимать и на полцѣны не надобно; понеже пока человѣкъ кафтанъ носитъ, то обшивныя пуговицы двое или трое перемѣнитъ. И того ради годствуетъ принимать пуговицы мѣдныя плотныя, кои паяны не оловомъ, или кои и безъ пайки, да насажаны на деревянные болвашки, или оловянныя серебромъ посеребряны на жестяныхъ чашкахъ. Такожде кои вмѣсто стальныхъ привозятъ визмутовыя пуговицы, то и такихъ принимать не надобножъ для того, что онѣ непрочны. А принимать самыя прочныя, съ коими бы мочно было кафтана два-три износить; буде и стеклянныя черныя, да сдѣланы на желѣзныхъ самыхъ плотныхъ ушкахъ, то таковыя мочно брать; потому что онѣ весьма потребны, платья не дерутъ, а къ носкѣ прочны, цѣна имъ не высокая; буде станутъ ушки дѣлать у нихъ гораздо плотны, то онѣ партищъ пять-шесть переносятъ.

А и во всякихъ товарѣхъ смотрить того накрѣпко,

чтобы былъ проченъ, и парчи всякія, кои бываютъ къ носкѣ прочны, тѣ и брать, а кои на клею камчицы и атласцы и штофцы, хотя кои и цвѣтны, таковыхъ и на полцѣны принимать не надобно, и никому бы изъ такихъ парчей и платья дѣлать надлежитъ призапретить; потому что въ нихъ деньгамъ переводъ.

И не токмо шелковыхъ, но и гарусныхъ, кои неплотны и къ носкѣ непрочны, чулки и парчевыя вещи, кои скоро пропадаютъ, таковыхъ никогдажъ принимать не надобно; такожде и линтовъ, кои весьма тонки и плохи, хотя самою малою цѣною не доведется жъ брать; но брать тѣ линты, кои весьма плотны, хотя и цѣною выше, только бъ къ носкѣ были прочны; и съ мишурою битью никакихъ линтовъ не принимать; потому что въ нихъ никакого проку нѣтъ, токко денежная напрасная трата.

Такожде и платковъ шелковыхъ Нѣмецкихъ и Персидскихъ не надлежитъ же покупать намъ; потому что и въ нихъ токмо одна денежная трата, а самыя потребы ни полу нужныя нѣтъ: дать за него рубль или полтора рубля и годомъ платка два-три истеряетъ, и на другой годъ толико жъ надобно, и лѣтъ въ десятокъ иной щеголь платковъ съ пятдесятъ; и хотя по рублю положитъ платокъ, то пятьдесятъ рублевъ истратитъ, и на всякой годъ, и въ той бездѣлицѣ изъ царства тысячъ десятка по два-три пропадутъ, а на утираніе носа и на утираніе на лицѣ пота гораздо потребнѣе платки льняные, нежели шелковые; и шелковые токмо одни хвасты, да иноземцамъ обогащеніе.

И если заказъ о шелковыхъ платкахъ будетъ, то никто ихъ не востребуетъ, и будутъ по прежнему полотняными платками утиратися.

Нѣмцы никогда насъ не поучатъ на то, чтобы мы бережно жили, и ничего бъ напрасно не теряли; только

то выхваляютъ, отъ чего бъ пожитокъ какой имъ припалъ, а не намъ. Они не токмо себя, но и прочихъ свою братію всякими вымыслы богатятъ, а насъ больше въ скудость пригоняютъ; и того ради надобно намъ разумѣя разумѣть о всякихъ ихъ дѣлахъ яко о купецкихъ, тако и о военныхъ и о художныхъ дѣлахъ: не тутъ то у нихъ правда, что на словахъ ладогозятъ; надобно смотрить ихъ на дѣлахъ, а не на словахъ, и смотрить прозрительнымъ * окомъ.

А кои у насъ въ Россіи обрѣтаются вещи, якоже соль, желѣзо, иглы, стеклянная посуда, зеркалы, очки, оконечныя стеклы, шляпы, скипидаръ, робячьи игрушки, вохра, черлень, прозелень, пульментъ, то всѣмъ тѣмъ надобно управляться намъ своимъ, а у иноземцовъ отнюдь бы никаковыхъ тѣхъ вещей ни на полцѣны не покупать.

А и суконъ солдатскихъ, мнится мнѣ, у иноземцовъ покупать не надобно жъ, потому что наши Русскія сукна аще и дороже заморскихъ станутъ, обаче тыи деньги изъ царства вонъ не выидутъ. Того ради и сукнами намъ потребно прониматися своими жъ, что бы тѣ деньги у насъ въ Россіи были.

И правителемъ не токмо однихъ купецкихъ дѣлъ, но и градскихъ, надлежитъ смотрить того накрѣпко, чтобы нетребнаго и непрочнаго ничего изъ-за моря и изъ-за рубежей въ Русь не покупали, но покупали бъ такія вещи, кои прочны, и коихъ въ Россіи у насъ не обрѣтается, или безъ коихъ пробыть не мочно.

Намъ надобно не парчами себя украшать, но надлежитъ добрымъ нравомъ, и школьнымъ ученіемъ, и христіанскою правдою, и между себя истинною любовію и непоколебимымъ постоянствомъ, яко къ благочестивой христіанской вѣрѣ, тако во всѣхъ дѣлахъ, и

* У Стр. *пронзительнымъ*.

за таковое украшеніе не томко на земли, но и на небеси будемъ славны.

А и сіе въ купецкихъ людяхъ дѣется весьма неправильно, еже аще которой человѣкъ проча себѣ и дѣтямъ своимъ построитъ полаты, и аще онъ построилъ ихъ и одолжась, а сосѣды и клевреты его вси, вмѣсто ежебы его за то паче перваго любити и благодарити, что сдѣлалъ отъ бочнаго огня преграду и царственную учинилъ украсу, вознегодуютъ на него, и налягутъ на него тяжелыми податьми и службами, и то стало быть діавальская ненависть: за что было надлежало ему польготить, потому, что онъ строя палаты изубытчился, а они вмѣсто льготы нападутъ на него съ разореніемъ.

А мнится: не худо бы и Царскимъ указомъ сіе подтвердити, чтобы лѣтъ на пять-шесть или и больше построившимъ палаты въ Царскихъ поборахъ давать льготы, и въ тѣ льготныя лѣта въ службы никаковы не выбирать бы; дабы онъ поправился, и на то смотря, стали бъ иные тщатися палаты строить

Паки и сіе мнится: не весьма право посадскіе люди многіе украшаютъ себя паче мѣры своей, а женъ своихъ и дѣтей и наипаче того со излишествомъ украшеній, и въ томъ украшеніи излишнемъ себя истощеваютъ.

Паки мнѣ мнится—не худо бы расположить, чтобы всякой чинъ свое бы опредѣленіе имѣлъ: посадскіе люди все купечество собственное свое платье носили; чтобы оно ничѣмъ ни военному, ни приказному согласно не было. А нынѣ ни коими дѣлы по платью не можно познать, кто какого чина есть, посадскій или приказный или дворянинъ или холопъ чей; и не токмо съ военными людьми, но и съ царедворцы распознать не можно.

А мнится быть то самое прямое дѣло, чтобы не то

что отъ царедворцовъ или отъ солдатъ, но и между собою надлежитъ имъ различіе имѣть.

Первая статья купецкаго чина, кіи высше тысячи рублевъ, даже до десяти тысячь пожитки у себя имѣютъ, тіи бо носили на верхнихъ кафтанахъ отъ сукна кармазиннаго, кой купуется выше дву рублевъ, а камзолы луданые и стофные и прочія шелковыя парчи, кои безъ золота, безъ атласа и безъ изпещренія разныхъ цвѣтовъ, а разноцвѣтныхъ парчей купечество и на малыхъ своихъ дѣтей не надѣвали бы; пуговицы носили бы серебреныя позолоченыя, а позументовъ бы и снуровъ золотыхъ и серебряныхъ, ни пуговицъ обшивныхъ, отнюдь бы не было и на малыхъ ихъ дѣтяхъ; а покроемъ надлежитъ, мнится, всему купечеству имѣть: верхніе кафтаны были бъ ниже подвязки, чтобъ оно было служиваго платья длиннѣе, а церковнаго чина покороче, а штаны бы имѣли суконныя и триповыя, а камчатыхъ и парчевыхъ отнюдь бы не было у нихъ, а на ногахъ имѣли бы сапоги, а башмаковъ тотъ чинъ отнюдь не носили же бы, а на головахъ бы носили лѣтомъ шляпы, и носили бы ихъ аще и пуховыя, а полъ по служивому маниру не заворачивали бы, а зимою носили бы шапки съ околыши лисьими и разсомашными, а собольихъ бы отнюдь не носили. Собольи шапки носили бы гости, да гостинныя сотни, кіи выше десяти тысячъ имутъ у себя пожитку. А среднія статьи, кіи имутъ у себя пожитки ото ста рублевъ даже до тысячи, то тіи бы носили сукна Англійскія, кіи около рубля покупается аршинъ, а камзолы китайчатые и суконные носить, а пуговицы серебряныя бѣлыя и мѣдныя, паяныя мѣдью и серебромъ посеребреныя; а на головахъ лѣтомъ носили бы шляпы безъ заломовъ, а зимою шапки лисьи и бобровыя, а покроемъ особымъ отъ первостатейнаго ку-

печества, а на ногахъ — сапоги. А нижняя статья, кіи отъ десяти рублевъ имѣютъ пожитка только до ста рублевъ, тіи бы носили сукна Русскія крашеныя лазоревыя и иными цвѣтами, хотя валеныя, хотя неваленыя, только бы были крашеныя, а некрашеныя носили бы работные люди и крестьяна.

И по одежномъ расположеніи аще инѣмъ повидится дѣло невеликое, мнѣ же мнится — велико оно: первѣе, что чинъ отъ чина явенъ будетъ, и всякъ свою мѣрность будетъ знать; другое, что у всякаго чина денежныя истраты излишнія не будетъ; третіе, что царству наполненіе будетъ немалое.

И платенное расположеніе, я чаю, что иноземцы вельми будутъ спорить того ради, что разходу парчамъ ихъ будетъ гораздо меньше. И о всемъ семъ, какъ воля Его Императорскаго Величества произыдетъ, тако и будетъ; и расположить бы всѣ статьи особливостно, не токмо матеріяльными статьями, но и покроями, и утвердить бы накрѣпко, чтобы впредъ неподвижну быти. И того ради штрафомъ подтвердить и страхъ предложить, дабы никто не дерзалъ на измѣненіе предѣла сего.

У кого пожитку на тысячу рублевъ есть, тотъ бы себя не ругалъ, но благодаря Бога, носилъ бы достойное платье по пристоинству своему.

А нынѣ много есть, что тысячи двѣ-три имѣютъ, а ходитъ въ сѣромъ кафтанѣ; а у инаго и ста рублевъ нѣтъ, а онъ носитъ платье противъ тысячника; а по прямому, у кого пожитка большаго нѣтъ, тотъ бы не тщеславился, но всякъ бы свою мѣрность зналъ.

И аще у кого пожитку выше тысячи рублевъ, и онъ платье по своему достоинству противу своего клевретства носить не будетъ, и кто, вѣдая его пожитокъ, донесетъ о немъ, то всѣ его пожитки перепи-

сать, и аще явятся тысячи на двѣ или на три, то оставить ему ста на два или на три; потому что онъ самъ себѣ того возжелалъ, а излишнее все, аще и выше того будетъ, взять на Великаго Государя, а доносителю изъ взятаго пожитку выдать десятая доля.

А буде у кого по смѣтѣ явится ни съ большимъ на тысячу рублевъ, тому въ пеню не ставить; аще сто-другое или третіе явится излишняя, и кто доносилъ, нѣтъ ему ничего. А буде сотъ пять излишняя будетъ, то излишняя пять сотъ или и больше взять на Государя, а ему оставить тысячу рублевъ или сотъ пять-шесть.

А кто выше своей мѣры платье себѣ сдѣлаетъ, и по доношенію тое платье снять, и дать тому, кто на него о томъ непристойномъ платьѣ обличитъ его, и учинить ему наказаніе, чтобы впредъ такъ онъ и иные не дѣлали, и себя бы не убытчили.

И аще сіе дѣло не великое, а царственному обогащенію будетъ великая помога: никто излишняго тратить не будетъ.

И аще воля Великаго нашего Монарха на сіе дѣло произыдетъ, то надлежитъ закрѣпить штрафомъ великимъ и страхомъ немалымъ, дабы не токмо въ городѣхъ, но и въ путѣхъ ѣздили бы въ опредѣленномъ своемъ платьѣ.

А буде кто одѣнется не своего чина одеждою, то наказаніе чинить ему жестокое, а по людямъ смотря, надлежитъ и разыскать, а наипаче, аще крестьяне да уберутся людьми боярскими или самыми дворянами или солдатами, то уже явно, что хощетъ идти на легкую работу — на разбой.

Во одеждахъ такъ бы хорошо устроить, что не то, чтобъ по верхнему платью или по исподнему, но и по

*

рубашкамъ всѣ бы были знатны, кто какого званія есть.

И по такому расположенію всѣ чины будутъ явны, и никто волгатись во иной чинъ не можетъ; а мнѣ видится, отъ такого порядка и азарничества поубудетъ; нынѣ бо многіе поубравшись посолдатски, ходя по улицамъ, чинятъ, что хотятъ, а никто пристать къ нимъ не смѣетъ: мнятъ быть ихъ прямыхъ солдатовъ, наипаче кіи убираются подобіемъ Преображенскихъ или Семеновскихъ солдатъ, и тако творя, наносятъ слово на прямыхъ солдатъ недоброе. А если бы всѣ чины были расположены, то аще бы кто и поазарничалъ, то положилъ бы порокъ на своей чинъ, а и сыскивать бы скоро мочно было, кто азарничаетъ.

И не худо бы расположить какими знаками и полки всѣ яко солдатскіе, тако и драгунскіе, чтобы всякой солдатъ и драгунъ знатенъ былъ, коего онъ полку.

И аще всѣ чины повидится расположить трудно, то хотябъ то учинить, чтобы мочно было знать, кто идетъ или ѣдетъ, господинъ ли или рабъ; обаче о всемъ семъ како воля Божія и Его Императорскаго Величества произыдетъ, тако и можетъ быть.

И сіе вельми потребно, ежебы то учинить, чтобы никто выше мѣры своея одеждъ и всякихъ украшеній не строили.

А наипаче монахомъ шелковыя одежды носить неприлично; а сіе весьма непристойно, еже носятъ они рясы луданыя, атласныя и штофныя; они бо уже міра сего отреклися, и яже суть въ мірѣ, и міру подобаетъ отъ нихъ отреченну быть: они живые мертвецы, они токмо Богу живы, а міру мертвы суть; и того ради ни малаго убранія не подобаетъ имъ не токмо во одеждахъ имѣть, но и во всякихъ вещѣхъ украшати себя свѣтскими украшеньми не надлежитъ, но подобаетъ имъ

украшати себя святымъ житіемъ и всякими добродѣтельми, пачеже смиреніемъ и изъ монастыря неисхожденіемъ. Имъ по чину своему подобаетъ носить самое простотное одѣяніе, отъ волны сотканное, а и покрой рясамъ ихъ надлежитъ быть мѣшковатой, чтобы и въ томъ украшенія ни малаго какого не было.

А исподы носилибъ самые смиреные овечьи, а собольихъ, и куньихъ, ни лисьихъ, ни бѣльихъ, отнюдь бы не носили; ибо на худой конецъ, что они по всей Россіи на всякой годъ тысячъ десятка по двари въ томъ украшеніи истратятъ, и тая трата самая непотребная: ни она царству украшеніе, ни она міру увеселеніе, но токмо тщеславіе и къ б.... цамъ присвоеніе, и инаго ничего въ томъ украшеніи нѣсть кромѣ грѣха.

И азъ не вѣмъ, како у нихъ на сіе разсужденіе будетъ, а мое мнѣніе тако лежитъ, что отнюдь имъ не то что одеждъ, но и опушки шелковыя не подобаетъ имъ имѣть. Чернецъ — мертвецъ. И отъ пьянственнаго питья подобаетъ имъ весьма удаляться, и между мірскими людьми не шататься, и въ деревняхъ монастырскихъ управителями не подобаетъ имъ быть, но токмо знать имъ монастырь, да святую церковь, и келлій своихъ никаковымъ украшеніемъ не украшати, а не худо, чтобъ и стѣнъ не тесати, и въ келліяхъ своихъ не токмо хлопцевъ молодыхъ при себѣ держати, но и родныхъ своихъ дѣтей отнюдь при себѣ не надлежитъ имѣти.

У инока инако всякому дѣлу подобаетъ быть: у инока ни отца, ни матери, ни дѣтей, ни сродниковъ нѣтъ, кромѣ единаго Бога. Имъ пища сладимая и приправная и масломъ гораздно усмаженная не весьма подобаетъ ясти. А егда случится торжественный день, то и тогда ради разрѣшенія маслица положить самую малую

часть, дабы не весьма удъ усладило; такожде и на питіе разрѣшить отъ самыя жъ малыя части, чтобъ піянства въ себѣ не почуяти.

Чернецу непрестанно подобаетъ быть въ молитвѣ, да въ трудѣ и въ непрестанномъ богомысліи. Имъ такъ надобно жить, что онъ весь былъ въ Бозѣ, и Богъ бы въ немъ неизходно, и нетокмо ему сладостныя яствы ясти или по люторску мясу коснутися, но и рыбы кромѣ разрѣшенныхъ дней не подобаетъ вкушати. Вся бо та въ мірѣ суть, а не въ монастырѣ, и егда на рыбу разрѣшено, то и рыбу не весьма усмаживать масломъ и иными приправами, но варить ее просто и кромѣ соли никакой потравы въ нее класть не весьма потребно; въ монастырѣ токмо трудъ и алканіе, а не роскошь какая. Итого ради называется равно ангельское житіе ихъ, потому что непрестанно въ церковномъ пѣніи и въ келейномъ правилѣ и въ постѣхъ и въ молитвѣ пребываютъ и въ богомысліи.

И въ монастырѣхъ каковъ трудъ и воздержаніе всей братіи, таковъ и архимандриту, и пища какова всѣ соборнымъ и работнымъ инокомъ, такова и самому архимандриту. И въ такомъ бытіи самое будетъ братство, такожде и одежда у всѣхъ бы была безукрасная и ничѣмъ одежда отъ одежды не отмѣненная; и тако бы они въ монастырѣ трудились, чтобъ никто посторонній человѣкъ познать не могъ, кто какого чина есть.

Христосъ, дая намъ образъ будучи на землѣ, платья украшеннаго и измѣннаго не имѣлъ, и яко Самъ едину ризу имѣлъ, тако и прочимъ ученикамъ своимъ повелѣлъ единоризнымъ быти.

А и пищу Христосъ требовалъ простую безъ приправъ (Лук. гл. 1, зач. 54): егда бо пришедъ въ весь посѣтити Лазаревыхъ сестръ, и Марія сѣла при ногу

Іисусову слышаше словесъ Его, нача про Христа припасать ядь со учрежденіемъ. Господь же похвалилъ Марію, коя о пищѣ не пеклася, но сѣдше, слушаше словесъ его Господнихъ, а Марѳѣ рѣкъ: Марѳо, Марѳо, печешися о мнозѣ, едино же есть на потребу. Явѣ есть, яко повелѣлъ ей припасти то, чѣмъ мочно человѣку сыту быть. Тако и инокамъ токмо припасать, чѣмъ мочно человѣку сыту быть, и ѣсть надобно не чрезъ сытость, чтобы не отяготить себя, и имѣнія иноку никакого не подобаетъ имѣти.

И въ таковомъ житіи могутъ они слыть Евангеликами, понеже они никаковыя утѣхи себѣ, кромѣ Бога, не имѣютъ; всегда пребываютъ въ постѣ и въ молитвѣ, и мяса не вкушаютъ, и никакими сладкостями не услаждаютъ себя, и яко Христосъ жилъ, тако и они живутъ, и живутъ житіе безженное, а мнози въ нихъ обрѣтаются и дѣвственники; итого ради весьма имъ надлежитъ слыть Евангеликами.

А люторы, я невѣмъ, съ коего разума называются евангеликами: они живутъ.... а неевангельски: мясо ѣдятъ и пр. *.

И ради всенароднаго охраненія надлежитъ не однихъ иноковъ, но и купечество отъ лишняго піянства и отъ роскошнаго житія повоздержать; наипаче надлежитъ запретить отъ заморскихъ питей, чтобы сами не пили и въ гостинцы никому бы не носили; а чаю, не худо бы и приказнымъ людемъ и служивымъ и прочимъ всякаго чина людямъ призакрѣпить, чтобъ и они въ заморскихъ питьяхъ не касались, и денегъ бы напрасно нетеряли. Буде кто похочетъ прохладиться, то можетъ и Русскими питьи забавиться, а не тобъ что покупаючи пить, но и приноснаго никакого заморскаго питья не поваживались бы

* Опускаемъ нѣсколько строкъ.

пить. И буде кто учинитъ и пиршество, аще и про высокія персоны, а заморскихъ питей и духу бы не было, кромѣ табаку, (а табакъ не худо бы въ Русижъ завести сѣяти и строить его позаморски, какъ у нихъ водится, чтобы и на табакъ деньги изъ Руси напрасно не тратились), но чемъ Богъ нашу страну наполнилъ, тѣмъ надлежитъ и честноватись.

И иноземцамъ то прилично питье свое заморское въ домѣхъ своихъ держать, и кого не похотятъ поить имъ хотя Рейнскимъ иль алканомъ, но хотя Венгерскимъ безденежно; а на деньги буде продастъ много или мало, брать штрафъ сторичный—за копейку по рублю, а за рубль по сту рублевъ, а достальное питье, колико у него не сыщется, взять на Великаго Государя.

А буде кто и иноземцевъ позоветъ къ себѣ въ гости, то подчивалибъ своими питьи, а на заморскія питья отнюдь никакого числа денегъ не тратили бы, но токмо заморскія питья покупали бы одни сенаторы, да изъ Царскаго Сигклита, кои самые богатые люди, обаче съ разсужденіемъ же бы, чтобы деньгамъ не весьма истратно было.

Развѣ къ кому случится пришествіе Царскаго Величества, то уже тутъ нѣтъ предѣла: идеже Царское пришествіе, тутъ и законъ измѣняется.

Намъ отъ заморскихъ питей кромѣ тщеты и богатству нашему Россійскому препятія и здравію поврежденія инаго нѣсть ничего, и дадимъ мы изъ Россійскаго царства за него червонные, да ефимки и иныя потребности, безъ коихъ имъ пробыть не можно, и отъ чего они богатство себѣ пріобрѣтаютъ, а отъ нихъ иноземцевъ примемъ мы то, что выпити да ...... и на землю вылить, а иное и выблевать, и здравіе свое повредить, а и вѣку своему пресѣченіе учинить.

А насъ Россіянъ благословляя, благословилъ Богъ

хлѣбомъ и медомъ и всякихъ питей довольствомъ: водокъ у насъ такое довольство, что и числа имъ нѣтъ; пива у насъ предорогія и меды у насъ преславные вареные, самые чистые, что ничѣмъ не хуже Рейнскаго, а плохаго Рейнскаго и гораздо лучше. Есть же у насъ и красныя питья, каразинъ и меды красные жъ вишневые, малиновые, смородинные, костяничные и яблочные.

И аще заморскія питья оставить, а повелѣть строить меды разными виды, различными и скусы, и продавать ихъ изъ-австеріи; то такъ ихъ настроятъ, что больше заморскихъ питей ихъ будетъ.

А аще и табачные заводы завести въ Россіи, и ради добраго въ немъ управленія, чтобъ онъ былъ ничѣмъ не хуже заморскаго, добыти мастера добраго, чтобы научился строить позаморски, то такъ намъ мочно его напасти, что и кораблями за море мочно намъ его отпускать, и если въ Руси его строить, то выше копейки фунтъ его не станетъ, а заморскаго выше десяти алтынъ фунтъ покупаютъ, а сѣять его мѣста у насъ много. Намъ такъ мочно его размножить, что милліонная отъ него прибыль будетъ; а на какихъ земляхъ онъ родится, такихъ земель у насъ премножество, мочно намъ или его сѣять во всѣхъ понизовыхъ городѣхъ, а наипаче въ Симбирску, на Самарѣ, на Пензѣ, на Инсарѣ, на Ломовѣ, во Мченскѣ, на Саратовѣ, на Царицынѣ, и въ Астраханѣ, и на Воронежѣ и во всей Кіевской странѣ, и въ тѣхъ городѣхъ мочно его на каждый годъ по тысячѣ тысячъ пудъ наплодить его.

И аще онъ въ Руси заведется и размножится, то тѣ всѣ деньги, кои за него за море идутъ, всѣ останутся у насъ въ Руси. А если за море будутъ отпускать, то будутъ деньги и къ намъ отъ нихъ возвращаться.

И аще и табакъ въ Руси заведется, то кто сколько какихъ питей Русскихъ и табаку ни выпьетъ, всѣ тѣ деньги изъ царства вонъ не выйдутъ, а заморскія питья покупать ничѣмъ же лучше то, что деньги въ воду метать.

Обаче, по моему мнѣнію, лучше въ воду деньги метать, нежели за море за питье ихъ отдавать; изъ воды колико ни есть либо кто и добудетъ, а изъ-за моря данныя деньги за питье никогда къ намъ не возвратятся, но тѣ деньги изъ царства уже погибли.

А самаго ради лучшаго царственнаго пополненія надлежитъ и прочіе заморскіе товары съ разсмотрѣніемъ покупать, ибо тѣ токмо надлежитъ товары покупать, безъ которыхъ намъ пробыть не мочно, а иныя ихъ Нѣмецкія затейки и прихоти ихъ мочно и пріоставить, дабы, напрасно изъ Руси богатства не тащили; на ихъ мягкія лестныя басни и на всякія ихъ хвасти намъ смотрѣть не для чего. Намъ надлежить свой умъ держать, и что намъ къ пополненію царственному потребно и прибыльно, то надлежитъ у нихъ покупать, а кои вещи намъ не къ прибыли, или кои и непрочны, то тѣхъ отнюдь у нихъ не покупалибъ.

И аще мочно такъ учинить, еже бы въ Санктпетербургѣ и въ Ригѣ и въ Нарвѣ и у Архангельскаго города, пріѣзжіе иноземцы товаровъ своихъ продавали съ кораблей, аще большими статьями, аще и малыми, обаче съ кораблей бы продавали, а въ амбары и на дворы не сторговавъ и пошлинъ не заплатя не выгружали бы, а кои товары ихъ за непотребность или за высокость цѣны не проданы будутъ, то тѣ товары не вынимая изъ кораблей назадъ къ себѣ за море повезли бы, а у насъ бы отнюдь не оставляли ихъ.

И аще тако состоится, то иноземцы будутъ къ намъ ласковѣе, а прежнюю свою гордость всю отложатъ.

Пам҄ъ о томъ вельми крѣпко надобно стоять, чтобы прежнюю ихъ пыху въ конецъ сломить, и привести бы ихъ ихъ во смиреніе, и чтобы они за нами гонялись.

И аще въ семъ мы можемъ устояти, ежебы товаровъ незапроданныхъ въ амбары наши имъ не складывать, то станутъ они гораздо охотнѣе тѣ свои товары продавать, а пошлина уже будетъ со всего товара взята сполна, а на переводъ по прежнему уже переводить не станутъ.

И хорошо бы въ купечествѣ и то учинить, чтобы вси другъ другу помогали, и до нищеты никого не допускали. Аще своими деньгами не могутъ его оправить, то изъ Царскія бы сборныя казны изъ ратуши давали имъ изъ процента на промыслъ, смотря по промыслу его, дабы никто промышленной человѣкъ во убожество великое отъ какого своего упадка не входилъ.

И аще въ купечествѣ тако будетъ строиться, то никогда они не оскудѣютъ, но годъ отъ года въ промыслахъ своихъ будутъ разширяться, и Богъ ихъ за такое братолюбіе, благословляя благословитъ, и во всемъ имъ подастъ угобженіе и душевное спасеніе.

ГЛАВА V.

О ХУДОЖЕСТВѢ.

Въ художникахъ аще не будетъ добраго надзирателя и надлежащаго имъ управленія, то имъ ни коими дѣлы обогатитися не возможно, ниже славы себѣ доброй получити, но до скончанія вѣка будутъ жити въ скудости и безславіи. А если бы учиненъ былъ о нихъ гражданскій указъ, ежебы имъ изъ самаго начала учитися постоянно жить, давшись къ мастеру въ наученіе, жить до уреченнаго сроку, а не доживъ не то, что года, но и недѣли не доживъ, прочь не отходить, и не взявъ отпускнаго письма и послѣ сроку съ двора не сходить, тобы всѣ мастеры ни въ томъ бездѣльномъ порядкѣ были, но совершенными добрыми мастерами бы были. А прежде такой порядокъ въ нихъ былъ, что отдавшись въ наученіе лѣтъ на пять или на шесть, и годъ мѣста или другой поживъ, да мало-мало понаучась, и прочь отойдетъ, да и станетъ дѣлать собою, да и цѣну спуститъ, и мастера своего оголодитъ, а себя не накормитъ, да такъ и вѣкъ свой изволочитъ—ни онъ мастеръ, ни онъ работникъ.

А сказываютъ про иноземцевъ, что у нихъ учиненъ о семъ гражданской указъ такой твердый, что буде

кто не доживъ до сроку хотя единаго дня, да прочь отойдетъ, то уже тотъ человѣкъ не будетъ добрымъ человѣкомъ никогда, а буде и доживетъ до сроку, а письма отъ мастера своего не возьметъ отпускнаго, никто де его не приметъ въ наймиты, ни въ ученики, никто де его не возьметъ; и того ради у нихъ и мастеры добры и похвальны.

А у насъ такого запрещенія гражданскаго нѣтъ, чтобы не доживъ до сроку и совершенно не научась, отъ мастеровъ ученики не отходили; и того ради и быть мастерамъ добрымъ у насъ не возможно.

Такожде, аще кто что вымыслитъ вновь отъ своего разума или и научась отъ кого, да начнетъ дѣлать, а прежде такого мастерства не бывало, то таковому по иноземческимъ уставамъ надлежитъ и владѣть тѣмъ мастерствомъ до смерти своей, кто его вымыслилъ, а инымъ не попускаютъ того мастерства дѣлать до смерти его.

И аще тако устроено будетъ у насъ въ Руси, то такожде, что у иноземцевъ, много будетъ вымышленниковъ: многіе бы острые люди и нарочно стали тщатися, како бы что новое вымыслить, отъ чего ему поживитися.

А нынѣ у насъ за непорядочное гражданство гніетъ добра много. Истинно надлежитъ сему гражданской уставъ учинить, чтобы за вымыслъ новаго какого мастерства или промысла отнюдь инымъ не попускать, дондеже живъ тотъ вымышленникъ.

То, на таковой указъ зря, много охотниковъ будетъ; а нынѣ многіе не смѣютъ вымысловъ своихъ объявить; понеже вымышляя и дѣючи пробу, изубытчится, и егда достигнетъ и лишше начнетъ дѣлать, а другіе увидя у него, да и почнутъ дѣлать тояжъ дѣла

и цѣну спустятъ ниже; и тако сами не найдутъ, а у вымышленника кормъ отнимаютъ.

И тако есмь я: * а и у меня вымысловъ пять-шесть было пожиточныхъ, а покормиться мнѣ не дали, и всѣ мои вымыслы пропали ни за что. Вельми бо годствуетъ о вымышленникахъ опредѣленія учинить гражданское, твердое; то многіе вымышленники явятся.

Такожде и о художественныхъ дѣлахъ гражданской уставъ надлежитъ учинить, и ежебы надъ всякими мастерствы устроить надзирателей, а наипаче надъ иконописцами, и надъ всѣми ими главнаго правителя приставить, и за всѣми мастерами и надзирательми прилежно ему смотрѣть, и мѣсто ему дать, гдѣ тѣ дѣла ему управлять, дабы всѣ мастеры дѣла свои дѣлали самымъ тщательнымъ художествомъ безпорочно.

И во ученіи ихъ уставъ положить недвижимый: аще кто пойдетъ къ мастеру мастерства какого учитися, и аще и добрѣ научится, а безъ отпуску отъ мастера своего отойдетъ, то учинить ему наказаніе — отдать въ солдаты; а буде кто изъ офицеровъ или изъ иныхъ лицъ мочью своею и письмо отпускное у мастера возьметъ, а мастеръ шедъ къ коммандиру своему объявитъ, и то письмо по обличенію будетъ отставлено, а заступщика по указу оштрафовать, каковъ о такихъ людѣхъ указъ состоитъ.

А буде кой ученикъ и совершенно мастерства надлежащаго какого научится, а безъ отпуску отойдетъ, ни кому его не принимать ни къ каковымъ дѣламъ, но отослать его въ солдатство.

И за таковымъ укрѣпленіемъ не доживъ до сроку, и не взявъ у мастера отпускнаго письма отходить не будутъ, и мастерству уже учиться будутъ прилежнѣе, а и мастера будутъ учить ихъ охотнѣе;

* У Ст. *кто есьмъ я, а* и пр.

и за таковымъ уставомъ и по неволѣ будутъ учиться добрѣ, и совершенно выучась и взявъ у мастера отпускъ высшему художественныхъ дѣлъ коммандиру покажетъ свое мастерство и отпускъ, то какъ ему той коммандиръ опредѣлитъ, ещель ему доучиваться, или у иныхъ мастеровъ изъ найма работать, или уже и самому ему мочно быть мастеромъ, то такъ тому и быть.

И аще кой ученикъ уже совершенно научился и въ разумѣ уже совершенномъ, и освидѣтельствовать коммандиру съ товарищи и съ мастерами, и аще мастерство его чисто и честно, и порока никакого не имуще, то дать ему указъ полной, чтобы ему и дѣлать было свободно, и домъ мастерской имѣть, и учениковъ учить.

И кіи мастеры будутъ именитые, и домами мастерскими владѣть будутъ, то всѣмъ имъ, коемуждо имѣть у себя клеймо свое особливое, а и надзиратели такожде имѣли бы свои особливыяжъ клеймы.

И егда кой мастеръ сдѣлаетъ своего мастерства какую вещь, то мастеръ положилъ бы на той вещи свое мастерское клеймо. И буде кое мастерство будетъ въ свидѣтельствѣ предъ надзирателемъ, и буде оно добро, то бы на той вещи приклеймилъ и онъ своимъ надзирательскимъ клеймомъ.

И тѣ бы именитые мастера за учениками своими, за наимниками, смотрили накрѣпко, чтобы на мастерство его похулки какой не навели; потому что тѣ дѣла будутъ за его клеймомъ, и аще какая вина въ той вещи, въ матеріи или въ мастерствѣ явится, то оштрафованъ будетъ тотъ мастеръ, чье клеймо на немъ будетъ.

А штрафъ брать кромѣ оружейныхъ дѣлъ десятерично въ десять цѣнъ проданныя вещи. А буде кой мастеръ оружейный сдѣлаетъ какую либо пищаль изъ ломкаго желѣза или изъ мягкаго, да худо проваритъ, и въ стрѣльбѣ ее разорветъ, то на томъ масте-

рѣ, чье клеймо, взять штрафу во сто цѣнъ тоя пищали, да ему же учинить наказаніе. А аще пищаль тверда и мастерствомъ добра, а къ стрѣльбѣ не цѣльна, то взять штрафъ десятеричной — за рубль десять рублевъ.

А еще кто сдѣлаетъ замокъ пищальной плохъ и неогнистъ, или шпагу, или палашъ, или копіе, или какое ни есть ружье рукобитное безъ укладу, или желѣзо положитъ ломкое, то взять на немъ штрафъ двудесятный — за гривну два рубля.

А за прочія всякія желѣзныя мастерства, кои дѣлаются въ домовое строеніе, буде что сдѣлано будетъ изъ ломкаго желѣза, то за тѣ дѣла брать штрафъ десятеричной — за гривну по рублю.

А буде лавочникъ купитъ на продажу не разсмотря пороку, и будетъ продавать за доброс, то онъ заплатитъ штрафъ надлежащій купеческаго регула, каковъ положенъ будетъ за продажу худыхъ товаровъ.

И аще мастеровымъ людямъ безъ свидѣтельства и безъ гражданскаго управленія не повелѣно будетъ своевольно дѣлать, то всѣ художники добрые обогатятся и прославятся, якоже и иноземцы; иноземцы такіе же люди, что и мы, да они гражданскимъ уставомъ тверды и въ мастерствѣ добры, а егда и у насъ гражданской уставъ будетъ твердъ, то могутъ наши художники и превышити ихъ.

И тако годствуетъ учинить, чтобы безъ вѣдома художественныхъ правителей и пришлый никакой мастеръ Русской или иноземецъ никакого рукодѣлія не дѣлалъ бы; но егда его освидѣтельствуютъ коммандиры съ товарищи, и какъ ему опредѣлятъ, такъ и быть.

А буде кто иноземецъ пріѣдетъ въ Русь художникъ добрый, мастерства именитаго и у насъ въ Россіи небывалаго, и такому надлежитъ дать домъ, и отдать ему въ наученіе человѣкъ десятокъ-мѣста или и больше, и учинить съ нимъ договоръ крѣпкой, чтобы онъ тѣхъ учениковъ училъ прилежно и нескрытно.

И буде станетъ учить съ прилежаніемъ, и буде выучитъ противъ себя, то надлежитъ ему плата договорная дать и съ награжденіемъ за то, что онъ нескрытно училъ и скоро выучилъ, и отпустить его за море съ честію, чтобы на то воздаяніе зря и иные мастеровые люди выѣзжали, и всякія бы мастерства въ Руси размножали.

А буде кой иноземецъ, по древнему своему обыкновенію иноземческому, будетъ шмонить, о ученьѣ учениковъ нерадѣть, но чтобы деньги выманивъ за море уѣхать,—и то его лукавство и правду мочно и въ полугодѣ узнать,—то съ чѣмъ онъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и назадъ выслать его, нечестно, и чтобы онъ въ Руси у насъ не шатался, дабы на то зря впредъ для обману въ Русь къ намъ не пріѣзжали.

И кои ученики будутъ переимчивы, и мастерства какого совершенно научатся, еже противо заморскаго дѣлать, то учинить таковыхъ мастерами, и кормъ имъ учинить довольной, чтобъ могъ онъ обогатиться.

Въ Россійскихъ нашихъ правителяхъ есть разсужденіе на сіе дѣло самое нездравое; ибо Русскаго человѣка ни во что ставятъ, и накормить его не хощутъ, чтобы онъ доволенъ былъ безъ нужды, и тѣмъ стѣсненіемъ принуждаютъ ихъ къ кражѣ и ко всякой неправдѣ и въ мастерствѣ къ нерадѣнію, но токмо учинятъ ему корму, чтобъ онъ токмо душу свою пропиталъ—дадутъ ему на день по пяти копеекъ,—и таковымъ кормомъ и себя одного не прокормить, а жену

и дѣтей чѣмъ ему кормить, только что по міру ходить, заневолю научатъ воровать, и въ мастерствѣ своемъ неправду дѣлать.

И такимъ своимъ разсужденіемъ Великому Государю дѣлаютъ они великой убытокъ, а не прибытокъ; они мнятся тѣмъ учинить Великому Государю прибыль, что мастеровыхъ людей не кормятъ; а они тѣмъ великой убытокъ дѣлаютъ. А и во всякихъ дѣлахъ правители наши за кроху умираютъ, а гдѣ тысячи рублевъ пропадаютъ, то ни вочто поставляютъ, и неданіемъ полнаго кормленія у Русскихъ людей охоту и къ мастерству прилежаніе тѣмъ пресѣкаютъ, и размножатися доброму художеству не допускаютъ. А кои ученики не весьма научились, тѣхъ бы отдавать тому, кои всесовершенно научился, доучитися, дабы и тіи навыкали добрымъ мастерствомъ дѣла свои дѣлать.

А наипаче всѣхъ художествъ научитися надобно иконописцамъ иконнаго мастерства, чтобы имъ всесовершенную мѣру знать всякаго возраста человѣческаго и чинъ надлежащій.

А надзирателямъ надъ ними надлежитъ быть самымъ умнымъ и искуснымъ людямъ, и смотрить накрѣпко, чтобы не былъ въ нихъ ни единъ человѣкъ неумѣющій: и кіи иконописатели не весьма искусны, то работалибъ они на мастеровъ, что имъ повелятъ писать, тобы и писали, а егда навыкнутъ, тогда могутъ и они мастерами быть.

И мнится мнѣ, что надлежитъ и съ великимъ запрещеніемъ закрѣпить, чтобы несвидѣтельствованные иконники и неимѣющіе повелительнаго у себя указа, еже писать ему святыя иконы, отнюдь бы не писали.

Святое писаніе глаголетъ: яко проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ. А иконописное дѣ-

ло тому присутственно; понеже строятся онѣ ради Божія чести, и тая честь восходитъ на самого Бога.

А такъ небрежительно ихъ пишутъ, что иныя иконы страшно и видѣти: иные отъ недознанія своего пишутъ тако, что аще бы таковымъ размѣреніемъ былъ кто живой человѣкъ, тобы онъ былъ страшилищемъ.

Въ начертаніи образа Богоматерина пишутъ: носъ долгой и весьма тонкой, и шею тонкую и долгую, у рукъ персты долгіе и весьма тонкіе, а концы у перстовъ острые, какихъ не видено ни у какого человѣка, и ни въ коемъ человѣкѣ не обрящеши, чтобы было прямо противо сущаго человѣчества. И таковое начертаніе стало быть образу святому руганіе.

Обаче кто издревлѣ и писалъ отъ невѣденія своего неразмѣры человѣческіе, той не погрѣшилъ; и Богъ на немъ того не взыщетъ. И аще бо кой образъ написанъ по размѣру или не по размѣру, не тѣмъ онъ святъ, еже добрѣ написанъ или недобрѣ, но всякой образъ святится именемъ Господнимъ. Обаче намъ надлежитъ съ великимъ опаствомъ святыя иконы писати, дабы въ семъ не погрѣшити. И аще святаго коего либо образъ написанъ, то надлежитъ на немъ и Спасителевъ образъ написать, дабы отъ имени Іисусъ Христова той образъ святъ былъ.

И аще у насъ многіе люди знаютъ размѣреніе человѣческое, обаче надлежитъ сдѣлать азбуку Русскую, и написать ее Русскимъ манеромъ, а не Нѣмецкимъ, чтобы она всякому человѣку поемна была, и написать ее надлежитъ сицевымъ манеромъ: на первомъ листу написать человѣка въ совершенномъ возрастѣ, стояща прямо, и руки разпростерты пряможе, и длани и персты прямо ноги (?) суща, и отъ пяты положить линею до темени; другую линею, рещи, черту, положить по-

перегъ правыя руки отъ средняго перста до средняго же перста, и на тѣхъ чертахъ размѣръ положить вершками, или по мѣрѣ головы человѣческія, или какъ надлежитъ. И на прочихъ листахъ начать азбуку: на первомъ листу написать младенца новорожденнаго, на второмъ—однолѣтнаго, на третьемъ—двулѣтнаго, и тако погодно написать до двадцати лѣтъ, а отъ двадцати до тридцатаго года прибавлять по два года, а отъ тридцати до девятидесятъ лѣтъ прибавлять по пяти лѣтъ, и всю тое азбуку написать нагими тѣлесы, а потомъ другую азбуку написать въ платьѣ стоящихъ и сѣдящихъ, и всякими разными виды, и состроя ее вырѣзать на мѣдныхъ доскахъ, и напечатать ихъ тысячу-мѣста, и во всѣ городы разослать, и повелѣть всѣмъ иконникамъ писать противо тое азбуки, и сдѣлать ее во всю десть.

А деревенскимъ мужикамъ и безграмотнымъ съ великимъ запрещеніемъ надлежитъ запретить, дабы отъ нынѣшняго времени не токмо деревенскіе, но и градскіе не взявъ о себѣ повелительнаго письма, отнюдь бы не писали. И какъ у насъ въ Россіи въ деревняхъ такіе мастеры есть, что въ алтынъ и въ грошъ и въ копейку икону продаютъ, и такъ плохо пишутъ, что ни рукъ, ни ногъ, только станъ, да голова; а гдѣ надлежало голову, глаза, да уста написать, то тутъ однѣ точечки наткнуты, да то и образъ сталъ. И сего ради паче иныхъ художествъ надлежитъ надъ ними твердое смотрѣніе учинить.

О семъ же всячески надлежитъ потщиться, чтобы завести въ Руси дѣлати тѣ дѣла, кои дѣлаются изъ льну и изъ пеньки, то есть, трипы, бумазеи, рубки, миткали, камордки и порусиныя полотна и прочія дѣла, кои изъ Русскихъ матеріяловъ дѣлаются: сіе бо вельми нужно,

еже кои матеріялы гдѣ родятся, тамо бы они и въ дѣло происходили.

Аще бы ленъ и пеньку, за моря не возя, дѣлать тутъ, гдѣ что родилось, то тыя полотна заморскаго вдвое или второе дешевле ставиться станутъ, а люди бы Россійскіе богатились.

И ради размноженія таковыхъ дѣлъ учинить бы указъ, чтобъ нищихъ, по улицамъ скатающихся, и молодыхъ и средовыхъ хватать, и записавъ въ приказѣ имать къ тѣмъ дѣламъ, и молодыхъ робятъ мужескаго полу и женска научить прясть, а подрослыхъ—ткать, а иныхъ—бѣлить и лощить; тобы они научась были бы мастерами. Я чаю, что мочно тѣхъ гуляковъ набрать тысячъ десятокъ-другой, и построя домы мастерскіе, науча тѣхъ гуляковъ-тунеядцевъ мочно ими много дѣлъ управить. Чѣмъ къ намъ возить полотна изъ нашихъ матеріяловъ сдѣланныхъ, то лучше намъ къ нимъ возить готовыя полотна.

И аще первые годы повидится оно и неприбыльно, и заморскихъ аще и дороже ставиться будетъ, и того страшитися не для чего, но поступать въ дѣлѣ далѣе; и аще лѣтъ и пять-шесть совершенно не навыкнутъ дѣлать, то и о томъ сумнитися не надобно; потому что егда всѣхъ тѣхъ дѣлъ совершенно научатся, то годомъ-другимъ окупятся.

За моремъ хлѣбъ нашего дороже, а харчъ и наипаче дороже, а ленъ и пеньку отъ насъ покупаютъ цѣною высокою, да страхъ морской платятъ, да двои пошлины и провозы многіе даютъ; обаче не лѣнятся, дѣлаютъ изъ того льну и пеньки, аще и высокою цѣною тотъ ленъ и пеньку покупаютъ, и пищу себѣ отъ того рукодѣнія пріобрѣтаютъ, ибо сдѣлавъ полотна, паки къ намъ ихъ привозятъ и продаютъ цѣною высокою; за трипъ берутъ по двадцати алтынъ и

больше за аршинъ, рубки продаютъ алтынъ по сороку и по полтора рубли, а камордку — по двадцати алтынъ и по рублю аршинъ.

А у насъ въ Руси, я чаю, что рубокъ и въ двадцать алтынъ не станетъ, и камордка аршинъ, чаю, что выше десяти алтынъ не станетъ, и всякія дѣла, кои дѣлаются изо льну и изъ пеньки, ниже половой цѣны ставиться будутъ; потому что хлѣбъ и харчь у насъ тамошняго гораздо дешевле, а ленъ и пенька гораздо ниже половины тамошней ихъ цѣны купить мочно.

И егда тыи дѣла у насъ въ Руси уставятся, то чѣмъ имъ ленъ да пеньку продавать, лучше намъ продавать имъ готовыя полотна парусныя и канаты и камордки и рубки и миткали, и брать у нихъ за тѣ полотна ефимки и иныя потребныя намъ вещи.

Я чаю, что мочно намъ на всю Европу полотенъ наготовить, и предъ ихъ нынѣшнею цѣною гораздо уступнѣе продавать имъ мочно; и чѣмъ имъ отъ нашихъ матеріяловъ богатитися, то лучше намъ Росіяномъ отъ своихъ вещей питатися и богатитися.

Токмо трудно намъ тѣ заводы завести, да установити тѣ дѣла; а егда Русскіе научатся, и дѣла сіе установятся, то нельзя не вполы имъ ставиться.

И ради царственнаго обогащенія надлежитъ на такія дѣла въ началѣ состроитъ домы изъ Царскія казны на пространныхъ мѣстѣхъ въ тѣхъ городѣхъ, гдѣ хлѣбъ и харчъ дешевле, въ Заоцкихъ мѣстѣхъ, или гдѣ что пристойно дѣлать, и наложить на нихъ оброкъ, чтобы люди богатились, а Царская казна множилась. Такожде и въ прочихъ мастерствахъ, которыя царству пожиточны, а мастеры маломочны, и собою имъ великихъ заводовъ завести нечѣмъ, то и таковымъ надлежитъ на созиданіе мастерскихъ домовъ давать

деньги изъ ратуши, или откуды Его Императорское Величество повелитъ, дабы всякія дѣла расширялись; и не токмо на строеніе, но и на всякіе къ тѣмъ дѣламъ на надлежащіе инструменты и на всякіе припасы, чтобы въ удобное время всякихъ припасовъ припасали безъ оскуденія. И земскимъ бургомистрамъ за ними присматрить, чтобы напрасныя траты деньгамъ не чинили и не бражничалибъ, но употребляли бы въ сущее дѣло, и тѣ данныя деньги и прибыльныя по изложенію или по разсмотрѣнію исправленія ихъ погоднобъ брать. Також̃де надлежитъ достать и такихъ мастеровъ, кои могутъ дѣлать волоченное желѣзо мельницами, и жесть и кровельныя доски желѣзныя; и аще и съ трудомъ, а вельми ихъ надобно добыти, и отослать ихъ на Сибирскіе заводы, и чтобъ тому мастерству и нашихъ Русскихъ людей научили.

Такожде надлежитъ добыть мастеровъ, кои умѣютъ гладкіе и травчатые трипы дѣлать, такожде и бумазейныхъ мастеровъ, и завести бы и такіе дворы, и учениковъ имъ дать, чтобы къ тому мастерству научить человѣкъ десятокъ-другой.

А буде кто изъ своея охоты заведетъ какія дѣла, царству потребныя изъ своего иждивенія, и тѣмъ людямъ такожде указы бы дать, чтобы имъ повольно было гулящихъ робятъ мужеска пола и женска имать и учить, и науча, владѣти ими вѣчно, чьи бы они до поимки ни были, крестьяне или дворовые люди, быти имъ тутъ вѣчно.

И сицевымъ порядкомъ нищіе, бродяги и тунеядцы, всѣ изведутся, и вмѣсто уличнаго скитанія всѣ будутъ промышленники; и егда совершенно научатся и обогатятся, и будутъ сами мастерами, а царство отъ ихъ промыслу будетъ богатиться и славою расширятися.

Да хорошо бы добыть и красочныхъ мастеровъ,

кои умѣютъ дѣлать крутикъ и лавру, и киноварь и голубецъ, и баканъ Веницейской и простой, и ярь Веницейскую и простую, и шишгиль и прочія краски, иже дѣлаются отъ составленія матеріи изъ потошу, изъ малчуга, изъ мѣди, изъ олова, изъ свинцу, изъ сѣры, изъ мѣлу и изъ прочихъ и изъ иныхъ вещей, въ Руси обрѣтающихся.

А кои краски натуральныя, и тѣхъ надлежитъ съ великимъ прилежаніемъ искать Русскимъ охотникамъ и иноземцамъ, кои въ тамошнихъ своихъ краяхъ видали, въ каковыхъ мѣстахъ какія краски и потребныя матеріи, кои пригодны къ лекарственнымъ дѣламъ и къ красочнымъ и ко инымъ вещамъ, и обѣщать имъ плату хорошую за всякое обрѣтеніе.

И надлежитъ Его Императорскому Величеству призвать къ себѣ иноземцевъ, кои Ему Величеству Государю радѣтельные являются отъ военныхъ и отъ мастеровыхъ, наипаче же отъ докторовъ и аптекарей, кои выѣзжіе, то они о многихъ вещахъ знаютъ, а не худо и купецкихъ спросить, кои за моремъ бывали. Мнѣ сіе вельми дивно: земля наша Россійская, чаю, что будетъ пространствомъ не меньше Нѣмецкихъ, и мѣста всякія въ ней есть теплыя и холодныя, и гористыя, и моря разныя, морскаго берега колико подъ нами и смѣтить не возможно, — отъ Кольскаго острова если берегомъ ѣхать, то и годомъ всего его не изъѣхать, — а никакія вещи у насъ потребныя не сыскалося.

Я и не большое мѣсто поѣздилъ, и хотя я и незнаючи ѣздилъ, обаче не туне моя ѣзда: сыскалъ я самородную сѣру, самую чистую, что подобна каменю янтарю, и во всей вселенной толико ея нѣтъ, колико у насъ; лекарственную матерію сыскалъ я, нарицаемую Гумъ сфальтумъ, и не вѣмъ колико ея за моремъ, а у насъ хотя пудъ сто мочно добыти; и

нефти сыскалъ я многое число; вохры и червлени, хотя и по тысячѣ тутъ можно добывати; и пументъ есть же у меня въ пріискѣ; и я не знаю, чего бы у насъ въ Руси не сыскать; да мы не знаемъ, потому что за моремъ не бывали и въ таковыхъ мѣстахъ, что обрѣтается, не видали и не слыхали, а иноземцы, кои и знаютъ, да не хотятъ намъ объявить.

Я, истинно, отъ всего усердія своего радѣлъ, да нечего мнѣ стало дѣлать: за сѣрной пріискъ, истинно не лгу, обѣщалъ Князь Борисъ Алексѣевичъ такое великое учинить награжденіе: ни дѣтямъ де твоимъ, ни внучатамъ не прожить будетъ; а сошлось мнѣ жалованья только пятьдесятъ рублевъ.

А я истинно Его Императорскому Величеству тѣмъ объявленіемъ сѣры сдѣлалъ прибыль многотысячную, и въ военномъ дѣлѣ учинилъ помощь не малую. Если бы я годъ мѣста удержалъ ее за собою, тобы я рублевъ тысячу и другую ухватилъ. Вѣдаю я, что далъ бы мнѣ Князь Борисъ Алексѣевичъ по десяти рублевъ за пудъ, ежели бы порядкомъ мнѣ ставить: и если бы годы два-три поудержалъ ее за собою, то бы я великіе пожитки отъ нея нажилъ. И я оставя свою наживу, объявилъ ее того ради, что увидѣлъ я такую въ ней нужду, что уже по домамъ собирали не то, что фунтами, но гдѣ золотниковъ и пять-шесть сыщется, брали на пороховое дѣло. А егда я привезъ ее къ Москвѣ три бочки, и Князь Борису Алексѣевичу отдалъ, и иноземцы пріѣхавъ къ нему, взяли по куску, и послали въ свои земли, и тѣ иноземцы видя, что удержаніемъ сѣры военнаго дѣла не остановити, повезли по прежнему къ намъ. И за помощію Божіею аще я за такое дѣло великое и ни чѣмъ и не взысканъ, обаче, слава Богу, что военное дѣло управилось.

ГЛАВА VI.

О РАЗБОЙНИКАХЪ.

О истребленіи разбойниковъ много взысканія чинится изъ давнихъ лѣтъ, и многіе сыщики жестокіе посылаемы бывали: якоже Артемій Огибаловъ, Евсигней Нееловъ, и прочіе подобные тѣмъ. Обаче тѣмъ ничтоже успѣша; но всегда ихъ множество, и кромѣ Поморскихъ и Зоонежскихъ странъ во всѣхъ странахъ многіе разбои чинятъ, многія деревни и села великія разбиваютъ, и людей до смерти запытываютъ; и никогда тѣмъ разбойникамъ конца не будетъ, аще нынѣшняго судейскаго правленія не измѣнятъ, и отъ чего они родятся, если не пресѣчь.

Во всѣхъ государствахъ христіанскихъ и басурманскихъ разбоевъ нѣтъ такихъ, каковы у насъ въ Руси, а все отъ того, что тамъ потачки имъ ни малыя нѣтъ: въ тюрьмахъ долго не держатъ; когда кого поймаютъ, тогда ему и указъ учинятъ; и того ради тамъ не смѣютъ и воровать много.

А у насъ, поймавъ вора или разбойника, не могутъ съ нимъ разстатися: посадятъ въ тюрьму, да кормятъ его будто добраго человѣка, и держатъ въ тюрьмѣ

лѣтъ десять и двадцать, и въ такомъ долгомъ сидѣньѣ много ихъ уходятъ, а ушедъ, уже пуще стараго воровать станутъ; и такого ради порядка надежно уже и воруютъ.

И сыщикамъ, колико бы ихъ ни было, не истребить ихъ, аще не измѣнить о нихъ регула. Мое же мнѣніе объ истребленія всеконечномъ воровъ и разбойниковъ лежитъ сице: буде Великій нашъ Государь повелитъ во всю свою державу послать указы написавъ сицевымъ подобіемъ.

Ежебы во всѣхъ городѣхъ и во всѣхъ слободахъ дворянскихъ, и у приказныхъ людей, и въ солдатскихъ, и посадскихъ, и въ ямскихъ, и въ иноземскихъ слободахъ, и въ селѣхъ, и въ деревняхъ, великихъ и малыхъ, Государевыхъ, и архіерейскихъ, и мнонастырскихъ, и помѣщичьихъ, и прочихъ, всякаго званія людей, яко у самѣхъ ихъ, тако и у людей ихъ и у крестьянъ, учинить сотскихъ и пятидесятскихъ и десятскихъ, и чтобы тыи десятскіе за своими десятками смотрили накрѣпко, чтобъ никто и изъ высокихъ персонъ безъ вѣдома своихъ сотскихъ или пятидесятскихъ никуды не отъѣзжали, и куда кому случится ѣхать, тобы у сотскихъ или у пятидесятскихъ своихъ брали за ихъ печатьми отпускныя письма, и въ тѣхъ письмахъ описывали именно, куды кто поѣхалъ и за какимъ дѣломъ, и на коликое время поѣхалъ, и людей съ собою колико взялъ и кого имяны.

Такожде и у бояръ во всѣхъ домѣхъ учинить сотскихъ, десятскихъ же и пятидесятскихъ и сотскихъ, надъ людьми изъ людей боярскихъ, а надъ господами изъ господъ же. И не то, что десятскіе, но и сами бы господа и люди между собою другъ за другомъ смотрили бы накрѣпко, чтобы отнюдь безъ вѣдома своихъ пятидесятскихъ никуды никто не ѣздили, и ночною порою изъ домовъ своихъ не сходили бы. И аще и съ вѣдо-

ма куда поидутъ, или съ отпускомъ куда поѣдутъ, то тыи сотскіе и пятидесятскіе и десятскіе и рядовые крѣпко бы за ними смотрили, туды ли они поѣхали, куды просились; а буде поѣхали не туды, то надлежитъ ихъ вернуть назадъ и отослать къ суду; потому что аще кто явится на какомъ воровствѣ иль на разбоѣ, и какая казнь будетъ вору, такая жъ казнь будетъ и сосѣдямъ, кои вѣдали, да молчали. А буде изъ большаго дому изъ боярскаго кто своруетъ что, то того дому всѣмъ дворовымъ, кои вѣдали да молчали, такая жъ казнь, и кои и не вѣдали, а того жъ дому, и тѣхъ кнутомъ бить, колико указано будетъ.

А буде кой сотской или пятидесятской, увѣдавъ за кѣмъ воровство, да умолчитъ, то горше вора пріиметъ муку и казнь лютѣйшую; а буде десятчики, какого званія ни буди, сотскимъ и пятидесятскимъ и десятскимъ будутъ непослушны, и на таковыхъ подавать имъ вышнимъ судьямъ извѣстіе, что чинятся имъ сильны: ходятъ и ѣздятъ по прежнему самовольно безъ ихъ вѣдома и судьямъ по таковыхъ ослушниковъ посылать солдатъ и приведя допрашивать накрѣпко, чево ради они сильны чинятся. И буде по свидѣтельству ослушаніе ихъ явится и не ради какого воровства, обаче за ослушаніе Государева указа, чинить имъ наказаніе, какъ о томъ уложено будетъ, чтобъ впредъ такъ не дѣлали; а буде въ другой рядъ такожде учинятся ослушны, то уже разыскивать и въ застѣнкѣ. Изъ розыску аще явится, что они учинили не ради какого воровства, но отъ застарѣлаго своего своевольства или отъ гордости своей, ничтожа тѣхъ своихъ смотрителей, и за ту вину противо прежняго наказанія чинить сугубо, и для явнаго ихъ свидѣтельства по персту отсѣчь на рукѣ, или вмѣсто отсѣченія перстнаго наложить на рукѣ знакъ, чтобы значилъ сугубую ихъ вину. А буде кто явится въ таковой же

винѣ въ третіе, то уже по трегубомъ наказаніи казнить его рукосѣченіемъ или и вящше, какъ о томъ уложено будетъ.

А будеже ослушаніе чье явится ради какого воровства, то въ первой винѣ казнить его смертью, или какое жесточайшее наказаніе чинить, съ запятнаніемъ на лицѣ и на рукахъ, дабы на то смотря всѣ впредь были Великаго Государя указу страшны.

А буде сотскаго или пятидесятскаго или и десятскаго своего чѣмъ обругаетъ рукодерзіемъ или и словеснымъ руганіемъ непристойнымъ, то въ десять мѣръ безчестіе имъ да заплатятъ, увѣчье же въ двадцать мѣръ.

И таковые указы съ нарочными посыльщики разослать во всѣ городы, указовъ ста по два-три или больше или меньше, смотря по количеству селъ и деревень, чтобы всякому сотскому и пятидесятскому указъ былъ данъ печатный, и чтобы тѣ посыльные люди въ городѣхъ воеводамъ, или кому надлежитъ отдать (отдали?) тѣ указы именно съ росписками.

А городовымъ правителямъ тѣ присланные указы разослать немедленно во весь того города уѣздъ, чтобы тѣ посыльные люди всѣ села и деревни объѣхали подлинно, и пріѣхавъ въ село или деревню, изчислилибы мужескъ полъ по головамъ, и изо всякаго бы десятка мужеска пола выбралибъ по десятскому, а изъ пяти десятковъ — по пятидесятскому, а изъ десяти десятковъ — по сотскому, и выбирали бы тѣхъ сотскихъ и пятидесятскихъ не по дворовому числу, но по исчисленію головъ мужескаго пола. Аще и въ одномъ дворѣ будетъ мужеска пола десять человѣкъ, то выбирать изъ нихъ одного десятскаго; а буде въ коемъ дворѣ будетъ мужеска полу двадцать человѣкъ, то выбирать въ томъ дворѣ десятскихъ два человѣка; а въ коемъ дворѣ останется за десятниковъ человѣкъ

или два иль больше, то причислять ихъ къ другимъ десяткамъ, и набравъ десятскихъ, выбрать изъ нихъ, кои по просужѣе, двухъ человѣкъ въ пятидесятскіе, а одного изъ нихъ же записать въ сотскіе. И выбравъ тѣхъ сотскихъ и пятидесятскихъ и десятскихъ, и записавъ ихъ имена въ книгу, наказать имъ накрѣпко, чтобы по тѣмъ Великаго Государя указомъ чинили неизмѣнно и неоплошно, не опасаясь никого; и тотъ Великаго Государя указъ созвавъ всю сотню и всѣмъ имъ прочесть въ слухъ дважды или трижды; дабы всѣмъ онъ былъ вѣдомъ и памятенъ, и никто бы невѣденіемъ неотъимался, и при всѣхъ людѣхъ тѣ печатные указы отдать сотскому, а пятидесятскіе пятидесятскимъ обѣимъ по указу.

И отдавъ указы у старостъ тѣхъ жителей взять сказки съ великимъ подкрѣпленіемъ, что нѣтъ ли въ ихъ старощеньѣ какихъ воровъ или разбойниковъ или коневодовъ или татей или бѣглыхъ какихъ людей. А буде и небѣглые, да пришлецы зарубежскіе или вольные какіе люди, а нестаринные тутошніе жители, и аще изъ давнихъ лѣтъ живутъ, то всѣхъ бы тѣхъ объявляли и ни единаго бы не таили; потому за ложную сказку великое и жестокое наказаніе со штрафомъ учинено будутъ; также и во иныхъ старощеніяхъ, не вѣдаютъ ли таковыхъ людей, или не держитъ ли кто у себя на дворѣ разбойнича стана—о всемъ бы именно объявили безъ утайки. А буде кто вѣдая о разбойникахъ, да утаитъ, тому будетъ смертная казнь.

И того ради сказывали бы не опасаясь ихъ воровъ или помѣщиковъ ихъ. А буде кто кого прикроетъ, и послѣди увѣдомится чрезъ выборныхъ, сотскихъ и пятидесятскихъ и десятскихъ, что они вѣдали про ихъ воровство, а не сказали, то тѣ сами постраждутъ, и казнь имъ будетъ такая же, какова ворамъ. А буде

сотскіе съ товарыщи своими тѣхъ прежнихъ воровъ вѣдая не объявятъ, и объявитъ кто посторонній человѣкъ, и нововыборнымъ сотскимъ и пятидесятскимъ и десятскимъ, тожъ будетъ, что и старостамъ за утайку.

И о семъ съ великимъ притуженіемъ спрашивать ихъ, чтобы паче огня боялись таковыхъ прикрывать, каковыхъ указъ требуетъ. Буде и за помѣщикомъ своимъ и за прикащикомъ вѣдаютъ какое воровство, или кто потоенно у себя держитъ пришлыхъ какихъ людей, то и о таковыхъ отнюдь бы не таили и ихъ бы не опасались; потому что имъ уже конецъ будетъ, а свободы по прежнему уже не будетъ имъ, но что попалъ, то и пропалъ. И буде кто и потаитъ, и тому конецъ невозвратной же будетъ. И аще и свой братъ скажетъ про сосѣда своего, что онъ вѣдалъ, а не сказалъ, то тому, кто скажетъ, будетъ пожалованъ, а кто потаитъ, тому неотложная смерть. А буде кой староста или изъ рядовыхъ крестьянъ скажетъ про себя, что былъ съ помѣщикомъ своимъ или съ прикащикомъ на разбоѣ или на иномъ какомъ воровствѣ, то онъ въ винѣ той прощенъ будетъ; токмо на лице его пятно положить, чтобы онъ впредъ былъ знатенъ, а помѣщика или прикащика казнить смертію.

А буде на кого въ дву или въ трехъ деревняхъ скажутъ согласно, что разбои онъ держалъ, и выѣхавъ изъ тѣхъ деревень пріѣхавъ въ иныя деревни, такожде сперва спросить у старосты, нѣтъ ли какихъ причинныхъ людей? и окончивъ его допросъ о его вѣдомствѣ такожде спросить: не вѣдаетъ ли кого и во иныхъ старощеньяхъ; и буде скажетъ про кого или и не про кого не скажетъ, обаче спросить про того именно, котораго прежде его облиховали, и хотя чуть призначитъ, что слухъ есть про такаго человѣка, а подлинно не знаетъ, и то такъ и записать.

И пріѣхавъ въ городъ тѣ сказки объявить воеводѣ, и воеводамъ по облихованныхъ людей посылать посылка большая, и пріѣхавъ посыльщику у облихованныхъ людей въ домѣ ихъ обыскать накрѣпко: нѣтъ ли какого излишняго ружья или платья, кое имъ неприлично, такожде, и иной всякой борошень пересмотрить, и нѣтъ ли какого потаеннаго мѣста, и нѣтъ ли тамъ какой потаенной похоронки. И буде у кого сыщется какое неприличное, то и безъ розыску будетъ онъ явенъ, что онъ таковской. Обаче въ канцелярію приведъ распросить его съ великимъ истязаніемъ. И буде не запрется, то по винѣ смотря и рѣшеніе учинить немедленно.

А буде станетъ запираться, то пытать его жестоко, и спрашивать про товарищей его, и воруя, гдѣ онъ приставалъ, и гдѣ станъ имѣли, и кто про воровство его вѣдаетъ, сказалъ бы именно? Такожде и о иныхъ артеляхъ спрашивать. И буде вѣдаетъ, то сказали бы, гдѣ ихъ сыскать. И распрося, хотя кои во убійствѣ себя не оговоритъ, и разбойныя вины на себя не скажетъ, а окольные сосѣды съ подкрѣпленіемъ скажутъ, что онъ виненъ, то казнить ихъ по изложенію, чего будутъ достойны. А буде кто и самый вѣдомый и знатный разбойникъ, видя такой жестокой и твердый указъ, своею волею явитъ себя и принесетъ повинную, то аще и человѣкоубійца былъ и разбойничьи станы у себя держалъ, или и атаманомъ былъ, а обѣщается впредъ того не дѣлать, и товарищей своихъ всѣхъ скажетъ и укажетъ, то такого человѣка не пытать, и отъ наказанія учинить свободна, а товарищей его всѣхъ казнить по изложенію; а у него только на щекѣ или на рукѣ положить знаки, чтобы всякъ могъ его знать, еже былъ самый явный воръ и покаялся, и пустить его свободна. А буде станетъ онъ впредъ Ве-

ликому Государю радѣть и воровъ провѣдывать, и его радѣніемъ аще будутъ сысканы какіе разбойники и иныхъ артелей, то надлежитъ ему дать и жалованье.

А буде же тотъ воръ по показаніи своемъ да паки на тотъ же свой воровской промыслъ обратится, то уже ему жесточайшая казнь учинить колесованная или ребро повѣшаніемъ.

И приказать всѣмъ сотскимъ и пятидесятскимъ и десятскимъ и сосѣдямъ, чтобы всѣ смотрѣли, аще къ кому пріѣдутъ ночевать или и обѣдать, а возовъ съ ними торговыхъ нѣтъ, то сошедшися, спрашивать бы у нихъ, кто они таковые, и откуды, и куды ихъ путь? И буде скажутъ, откуды ихъ путь и куды, то спросить у нихъ отпуску отъ ихъ сотскихъ и пятидесятскихъ; и буде отпускъ безспорно покажутъ, и съ словами ихъ отпускъ будетъ сходенъ, то по та и дѣло ихъ; а буде отпускъ съ словами ихъ будетъ не сходенъ, или признаютъ что онъ не правой, а наипаче аще станутъ въ словахъ мяться или будутъ гордо говорить, то взявъ ихъ и связавъ отвозили къ суду; а буде не станутъ даваться, то и за боемъ ихъ имать, и аще на той поимкѣ и до смерти кого убьютъ, и за то поимщикамъ никаковы бѣды не будетъ.

А буде гораздо ихъ людно, и призначится, что они люди причинные, то повѣстить окольнымъ деревнямъ, чтобы пришли и помогли ихъ перехватать. А буде коя деревня по повѣсткѣ на поимку не поидетъ, и старосту того или сотскаго, кой на поимку не пошелъ, казнить по указу, а рядовыхъ всѣхъ бить кнутомъ. А буде староста и сотской и десятскіе наряжали, и рядовые не послушали ихъ, и на поимку не пошли, то староста съ товарищи свободны, а рядовыхъ за ослушаніе ихъ всѣхъ казнить неотложно, какъ о томъ уложено будетъ. А буде кои люди и добрые, и отпускъ у

нихъ есть правой за печатью сотскаго или пятидесятскаго, а ради своей гордости отпуску своего не покажутъ, и сошедшимся крестьяномъ будутъ противиться, и таковыхъ людей имать къ суду, и передъ судьею буде во упорствѣ своемъ повинятся, и скажутъ, что ничтожа крестьянъ, отпуску своего не явили, и за то скинувъ рубаху, высѣчь ихъ батоги, да на нихъ же доправить штрафу, почему уложено будетъ.

И ради таковыхъ упорныхъ людей указъ сказать сотскимъ, чтобы и окольныхъ мѣстъ сотскіе понедѣльно присылали изъ своихъ сотенъ человѣка по три или по четыре въ тѣ деревни, кои стоятъ на большихъ проѣзжихъ дорогахъ; и ради озарниковъ и въ малыхъ деревняхъ, кои на большихъ дорогахъ, держать изъ разныхъ сотенъ человѣкъ по десятку, а въ большихъ человѣкъ и по двадцати или больше, смотря по проѣзду, чтобъ свидѣтельми были на сильныхъ азарниковъ и на упорныхъ людей, а на разбойниковъ ради поимки.

И противо вышеявленнаго предложенія аще тако состоится, то, я чаю, разбои однимъ годомъ потухнутъ, а другимъ, чаю, что и слуху про нихъ не будетъ. Токмо надобно судьямъ положеніе то хранить, чтобъ ничего изъ него не изронить. А аще не нарушится тотъ указъ, то чаю, что во вѣки разбоевъ у насъ въ Руси не будетъ.

Воровъ и разбойниковъ и нынѣ не вельми бы много было, аще бы имъ отъ судей потачки не было: тіи бо егда увѣдаютъ, что пойманъ воръ или разбойникъ, то и спросятъ, чей онъ крестьянинъ? и егда услышатъ, что онъ сильнаго лица или несильнаго, да ябетоватаго или свойственнаго себѣ, или хлѣбосольца, то, догожая помѣщикамъ тѣмъ, отпускаютъ и безо мзды на волю; и тіи крестьяне или

дворовые люди, надѣючись на тѣхъ своихъ помѣщиковъ, смѣло воруютъ.

А у коихъ разбойниковъ денегъ довольно, то тѣ деньгами откупаются. Въ прошломъ 719 году былъ я въ приказѣ провинціальнаго суда: при сидѣньѣ Ивана Мякинина приведенъ былъ нѣкто дворянинъ Скрыплевъ, и собою онъ человѣкъ, а на шеѣ у него цѣпь, а на ногахъ желѣза, и я видя его спросилъ: въ какомъ дѣлѣ сидитъ? И сказали про него: дѣло де до него великое, и живу де ему не чаемъ быть. Ажно и ничего ему не доспѣлось, молитва денежная помогла ему. Господинъ судья сдѣлалъ его права и здрава. И ѣдучи я къ себѣ на заводъ на Держковѣ волоку спросилъ про того Скрыплева; и тамошніе жители сказали про него, что великой де азарникъ и губитель: человѣкъ де пять-шесть пошло отъ его рукъ; однако судьи милостивые помиловали его.

И сицевыя ради причины мнится мнѣ тако, еже бы паче воровъ и разбойниковъ дать страхъ судьямъ и подъячимъ; егда бо и подьячіе не станутъ ворамъ потакать и беречь ихъ не будутъ, то и судьѣ трудно будетъ содѣять безъ подьяческаго письма, достойнаго смерти на волю свободить. Мнѣ мнится: лучше ради всеконечнаго разбойнича истребленія древніе указы многоплодные всѣ отставить, и учинить указъ новый, краткостной. Прошлаго 719 году въ Юстицъ Коллегіи указъ о истребленіи разбойниковъ аще и съ новою поправою сочиненъ, и печатные листы напечатаны съ великимъ подкрѣпленіемъ, и по городамъ разосланы, обаче нѣсть въ немъ ни малыя пользы: ибо по старому вездѣ разбои чинятся, деревни разбиваютъ и сожигаютъ, и крестьянъ жгутъ; понеже въ томъ указѣ всѣ древніе указы собраны, и не весь онъ новый сочиненъ. А въ древнихъ указѣхъ уставлено

было, что поймавъ разбойника, пытать трижды, и на очныхъ ставкахъ съ товарищи паки пытать. И бываетъ инымъ ворамъ застѣнковъ по десяти и по двадцати; и въ таковыхъ многихъ пыткахъ держали ихъ многіе годы; и сидя въ тюрьмѣ, токмо пакости однѣ отъ нихъ чинятся.

А аще бы поимавъ вора и разбойника, приведъ въ приказъ, распросить его дробненько и умненько, то онъ и въ распросѣ означится, прямой ли онъ воръ или непрямой. И аще будетъ мяться и чистой правды не скажетъ, то мочно и страхъ ему задать, чтобы онъ допросъ свой очистилъ прямо; и егда повинится, то неторопясь надлежитъ его спросить: давно ли онъ воруетъ, и гдѣ воровалъ, и гдѣ приставалъ, и куды краденой животъ дѣвалъ, или на сбережъ къ кому положилъ, и до воровства чѣмъ кормился, и чего ради настоящій свой промыслъ покинулъ, и помѣщикъ его иль прикащикъ или сосѣды вѣдалиль про то его воровство, и староста и сотскіе съ товарищами своими вѣдалиль? Кто изъ нихъ и буде въ дробныхъ допросѣхъ будетъ запираться, а прямо очищать не будетъ, то аще и поздно, а до заутра отнюдь бы не откладывать, и тогожъ часу и пытать его, чтобы онъ ни съ кѣмъ съ прежними ворами не видался. И аще старыхъ сидѣльцовъ въ тюрьмѣ и не будетъ, единачѐ пытки до утра не отлагать, чтобы онъ не надумался. И аще изъ пытки ясно не скажетъ, то на иное утро паки пытать и огнемъ жечь. И буде и съ огня ясно про воровство свое не скажетъ, а доводъ на него будетъ явной, то не отлагая вдаль, отдалибъ вершить его, какъ о томъ изложеніе будетъ повелѣвати.

А буде кой воръ въ первомъ распросѣ безъ пытки повинится во всемъ своемъ воровствѣ ясно, и о всемъ своемъ бытіи противо вышеписаннаго скажетъ, то,

мнѣ мнится, таковаго не для чего и пытать, но готовить его къ рѣшенію. А буде помѣщикъ его или прикащикъ про воровство его, или и иной какой коммандиръ, вѣдалъ, то по розыску чинить имъ тоже, что и вору, или еще жесточайшую казнь, дабы на то смотря иные наказались, и никто бы впредъ, воровъ, вѣдая, не прикрывалъ; такожъ и сосѣды его буде вѣдали за нимъ такое воровство, а не объявляли, то и имъ чинить указъ по изложенію. А буде у кого въ дому воры приставали, и изъ его дому ѣздили разбивать, и съ нимъ дѣлились, то тотъ становщикъ съ ними жъ да осужденъ будетъ безъ всякаго отлагательства, казненъ по указу, а домъ его весь до снованія разорить, и нѣсколько лѣтъ тому мѣсту лежать пусту, дабы всѣмъ людямъ было явно и памятно, что въ томъ дому былъ ворамъ станъ, и по такой признакѣ и малые ребята будутъ памятовать.

Аще кой воръ съ розыску или безъ розыска скажетъ про своихъ товарищей, кои съ нимъ воровали, и домы ихъ объявитъ, то аще въ близости домы ихъ, послать по нихъ не медля, дондеже *» тотъ воръ не свершенъ, а буде верстахъ во стѣ или далѣе, то ево вершить, а по нихъ послать послѣ, дабы въ дальнихъ откладахъ дѣло не медлилось.

Слухъ есть про иноземцевъ, что они воровъ долго не держатъ, что лише сыщутъ вину ево, то тотъ часъ и казнятъ, и не токмо за разбой великой и душегубной, но и за кражу вѣшаютъ, и того ради и воровать не смѣютъ.

А у насъ древніе указы на воровъ вельми учинены милостиво ворамъ, а кого ограбятъ, тѣмъ уже весьма

* Слѣдующее между »—« добавлено изъ списка Стр.; въ моемъ пропускъ.

не милостиво: не точію за малую кражу повѣсить, но и за тысячу рублевъ не повѣсятъ, и того ради и поимки не весьма боятся.

А если бы и у насъ въ Русіи воровъ и разбойниковъ вскорѣ вершили, и по иноземски и за старыя вины смерти предавали безъ спуску и безъ отлагательства, то вельми бы страшно было воровать.

Нынѣ такъ дьяволъ ихъ умножилъ, аще кой крестьянинъ хотя десятковъ пять-шесть наживетъ, а воры ближніе то увѣдавъ, пришедъ на дворъ, да и совсѣмъ ево разорятъ, и допытываясь денегъ многихъ и до смерти замучиваютъ, а сосѣди все слышатъ и видятъ, а на выручку къ сосѣду своему нейдутъ, и ворамъ даютъ волю.

И ради охраненія отъ таковыя гибели всѣмъ крестьянамъ надлежитъ Великаго Государя указъ сказать новостный: буде съ нынѣшняго времени на дворъ къ кому какіе воровскіе люди придутъ, то не токмо тое деревни жители, и изъ окольныхъ селъ и деревень, и дворяне изъ своихъ усадьбъ, аще услышатъ шумъ или повѣстку, а на поимку воровъ не пойдутъ, то всѣхъ сусѣдей бить кнутомъ, дальнихъ полегче, а ближнихъ поболѣе, да на нихъ же всѣхъ доправить того грабленаго крестьянина убытокъ, колико тѣ воры взяли, сугубо, и отдать грабленному. И сіе новое о всеконечномъ * воровъ и разбойниковъ и бѣглыхъ людей изложеніе трудно токмо сперва будетъ, что безъ письменнаго отпуску изъ дому своего далѣе десяти верстъ отнюдь не ѣздить, и въ ночи и въ другую деревню, хотя въ верстѣ, не исходить, а въ городѣхъ ночьюбъ и въ другую слободу отнюдь неисходножъ. И аще сіе установленіе годъ мѣста и помнется, а егда обыкнутъ, тогда и легко бу-

* Существительное пропущено въ обоихъ спискахъ.

детъ. А письменными отпусками весьма разбои остановятся; потому что разбойники не изъ воды выходятъ, но изъ тѣхъ же селъ и деревень, и сосѣду про сосѣда никоими дѣлы не вѣдать не мочно, чѣмъ кто промышляетъ и куды кто ѣздитъ.

А и скопляются они не на воздухѣ, но въ тѣхъ же деревняхъ, и ни коими дѣлы не возможно имъ отъ сосѣдей своихъ весьма утаиться; того ради и сосѣдамъ тая жъ казнь чинить что и вору, понеже они всѣ вѣдаютъ, кто воруетъ иль кто торгуетъ, а не извѣщаютъ.

Аще бы сосѣды видя за сосѣдомъ своимъ худой промыслъ не молчали, то никакъ бы деревенскимъ мужикамъ на разбои ходить, а и дворяномъ трудно у крестьянъ своихъ утаиться; и за сицевымъ уставомъ никоими дѣлы разбойникамъ будетъ плодиться нельзя. И егда лѣтъ десятокъ мѣста въ таковой крѣпости побудутъ, то уже и безъ писемъ ходить и ѣздить будетъ мочно; только бы судьи въ дѣлѣхъ своихъ были бы крѣпки, и Его Императорскаго Величества новаго изложенія не нарушили; понеже всякое дѣло крѣпко постоянствомъ. Намъ нечего дивиться иноземцамъ, что у нихъ воровства мало; себо у насъ въ Россіи и самыя безхлѣбныя мѣста и Поморскія и Заонежье, и у тамошнихъ жителей ни разбоевъ, ни татей нѣтъ: буде кто въ лѣсъ пойдетъ, буде станетъ ему тепло, то онъ шубу или кафтанъ верхній снявъ съ себя повѣситъ на дерево, и назадъ идучи и возьметъ; паки лошадей молодыхъ спустятъ въ лѣсъ весною, а сыскиваютъ уже послѣ Покрова по заморозью. Чегожъ ради такъ тамъ дѣется? явѣ есть всѣмъ, что потаенія ворамъ нѣтъ. Буде кто въ воровствѣ явится, то вмѣсто тюрьмы посадятъ его въ воду; и того ради и крѣпко у нихъ, и никто чужаго ина лѣсу лежащаго взять не смѣетъ.

* Сотскимъ и пятидесятскимъ надлежитъ отпуски давать сице: аще кому ѣхать на иной городъ на долгое время, то давать имъ отпуски на цѣлыхъ листахъ или на полулистѣ, и въ тѣхъ отпускахъ писать именно, куда онъ поѣхалъ и за какимъ дѣломъ, и къ тѣмъ отпускамъ, буде сотскій отпускъ далъ одинъ, то и печать ево бы была; а буде пятидесятской отпуститъ, то и печать бы была пятидесятскаго; а буде оба вмѣстѣ отпустили, то и печати бы обоихъ были, которыя будутъ присланы имъ отъ воеводы; и прикладывать тѣ печати вмѣсто руки у всякаго отпуска при концѣ письма вмѣсто закрѣпы.

Всякому сотскому сдѣлать книга записная, и пятидесятскому такожде своюжъ, и тѣ отпуски записывать имъ въ тѣ книги именно, куда онъ отпущенъ. И егда съ тѣмъ отпускомъ прибудетъ въ уреченное мѣсто, то тогожъ числа явиться ему тутошнему сотскому или пятидесятскому, и чтобы сотской пріѣздъ его записалъ въ книгу, и на отпускѣ подписалъ коего числа объявился. **

А егда тотъ проѣзжій человѣкъ дѣло свое управитъ, то на томъ же его отпускѣ подписать тутошнему сотскому именно, колико дней или недѣль прожилъ, а оттуда, куда онъ поѣхалъ, и къ тое подпискѣ приложилъ бы свою печать, а сколько времени онъ тутъ былъ именно, записалъ бы бытіе его у себя въ книгу. И куды онъ съ тѣмъ паспортомъ ни пріѣдетъ, и колико дней гдѣ пребудетъ, всѣбъ тѣ сотскіе и пятидесятскіе бытіе его подписывали, хотя гдѣ и одинъ день пребудетъ, всебы по вышеписанному чинили, а безъ записки отнюдь бы не отпускали.

* У Стр. слѣдующее подъ заглавіемъ: о отпускныхъ писмахъ.

** У Стр. *одинъ явился.*

А которые люди поѣдутъ или пойдутъ на малое время только побывать за чѣмъ въ другую волость, то отпуски писать на четвертинкѣ листа или на осьмушкѣ, и написавъ такожде конецъ письма печать прикладывать, а тѣ малые отпуски, кто пойдетъ или поѣдетъ дня на три или начетыре, записывать въ записную книгу недля чего.

А буде кто поѣдетъ на недѣлю или на двѣ, то такихъ отпусковъ нельзя въ книгу не записать; потому что въ долгое время не явился бы въ какой причинѣ. А буде гдѣ кто явится безъ такого отпуску, то тѣхъ людей ловить и отсылать къ суду.

Такожде аще кто и отпускъ явитъ, да печать не того сотскаго, откуда онъ отпущенъ, или иная какая посторонняя печать, то такожде и тѣхъ имать и къ суду отсылать. А пріѣхавъ домой, тѣ паспорты отдавать сотскимъ назадъ, а дома ихъ не держать. И аще сперва повидится сіе дѣло и трудновато, а егда обыкнетъ, то и тягости никакой не будетъ.

И за такимъ укрѣпленіемъ, я невѣмъ, какъ бы разбойникамъ собиратися, и станы имѣть по деревнямъ, и на разбои по прежнему ѣздить? И аще и въ лѣсу соберутся, да въ деревнѣ нигдѣ явиться имъ безъ таковыхъ отпускныхъ писемъ не можно.

А бѣглымъ солдатомъ и крестьяномъ вельми будетъ трудно проходить и одною головою, а съ женами и съ дѣтьми и съ мѣста своего тронутися будетъ никакъ: всѣ пути имъ будутъ заперты.

Токмо надлежитъ указъ жестокой сотскимъ и пятидесятскимъ и десятскимъ предложить, чтобъ они ни рядовые крестьяне, ни по коему образу никакого человѣка, ни бѣльца, ни чернца, ни нищаго, безъ такого отпуску на дворѣ не токмо ночевать, но и погрѣть-

ся отнюдь не пускали; а кто понахалится, то тѣхъ бы хватали, да къ суду отсылали.

Такожде, буде какіе люди будутъ около деревни обходить, или по проселочнымъ дорогамъ прониматься, то такожде хватать и къ суду отсылать не мотчавъ.

И ради печатанія тѣхъ отпускныхъ писемъ всякой воевода изчислилъ бы, колико въ уѣздѣ его сотскихъ и пятидесятскихъ; и колико въ коемъ урочищѣ ихъ будетъ, велѣлъ бы *... добрымъ мастерамъ на всякаго сотскаго и пятидесятскаго по печати, чтобъ всякая печать значила, коего уѣзду и коего урочища, и чтобъ и печать съ печатью сходна не была.

И тѣ печати разослать къ тѣмъ сотскимъ и пятидесятскимъ. И егда кой сотской напишетъ отпускъ, то и печать свою, коя ему дана, въ концѣ того письма припечатать. А буде пятидесятской отпускъ напишетъ, то онъ бы и свою печать приложилъ. И егда признаются, то всѣ будутъ знать тѣ печати, и никто обманомъ пройти не можетъ; потому что хотя сотскіе погодно будутъ перемѣняться, а печати всегда однѣ будутъ.

* Глагола недостаетъ въобоихъ спискахъ.

ГЛАВА VII.

О КРЕСТЬЯНСТВѢ.

Крестьянское житіе скудостно ни отъ чего инаго, токмо отъ своея ихъ лѣности, а потомъ отъ неразсмотрѣнія правителей, и отъ помѣщичья насилія, и отъ небреженія ихъ.

Аще бы Царскаго Величества поборы были расположены по владѣнію земли ихъ, колико кой крестьянинъ на себя пашетъ, и поборы собирали бы съ нихъ въ удобное время, а помѣщики ихъ излишняго ничего съ нихъ неимали, и работы бы излишнія не накладывали, но токмо и подать свою и работу налагали по владѣнію земли ихъ, и смотрѣли бы за крестьянами своими, чтобъ они кромѣ недѣльныхъ и праздничныхъ дней не гуляли, но всегда бъ были въ работѣ, то никогда крестьянинъ весьма не оскудѣетъ. А буде кой крестьянинъ станетъ лежобочить, то бы таковыхъ жестоко наказывали, понеже кой крестьянинъ изгуляется, въ томъ уже пути не будетъ, но токмо уклонится въ разбой и во иныя воровства.

Крестьянину надлежитъ лѣтомъ землю управлять неоплошно, а зимою въ лѣсу работати что надле-

житъ про домашній обиходъ или на люди, отъ чего бы какой себѣ прибытокъ учинить.

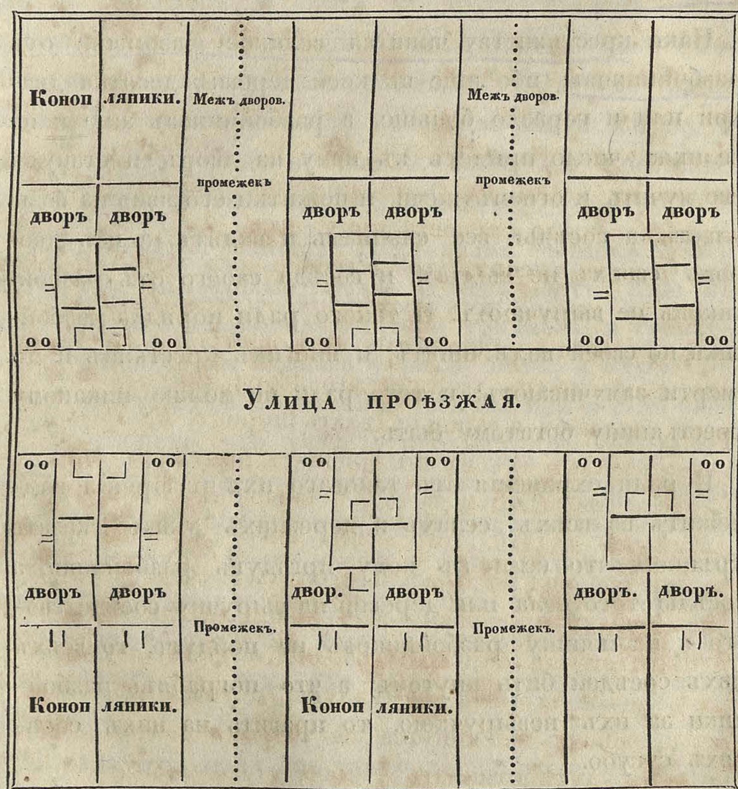
А буде при дворѣ своемъ ни какой работы пожиточной нѣтъ, то шелъ бы въ такія мѣста, гдѣ изъ найму люди работаютъ, дабы даромъ времени своего не теряли. И тако творя никакой крестьянинъ не оскудѣетъ.

И къ таковому крестьянскаго житія охраненію надлежитъ приложить и сіе, ежебы и дворы ихъ перестроити, дабы имъ свободнѣе и покойнѣе было жить; понеже отъ тѣсноты крестьянство вельми разоряется: потому въ тѣснотѣ аще у кого одного загорится дворъ, то вся деревня выгоритъ, и иногда и одного двора не останется. И такъ погараютъ, что у инаго ни хлѣба, ни скота, не останется. И отъ того во всеконечную скудость приходятъ. Аще бы селитьбою ихъ не тѣснили, тобы гибели имъ такой не было.

И отъ такого ихъ разоренія надлежитъ имъ учинить охраненіе: дворы ихъ велѣть строить пространнѣе, и не сплошь дворъ подлѣ двора, но съ переступкою, гнѣздами, и улицы сдѣлать широкія на пространныхъ мѣстахъ саженъ по тридцати шириною, а и гдѣ и тѣсно мѣсто, то и тутъ бы меньше двадцати саженъ улицъ не дѣлать: того ради, аще у кого загорится, то всѣ бы сосѣды бѣжали отнимать; егда межъ дворовъ будутъ промежки свободные, то со всѣхъ сторонъ отнимать будетъ свободно, и тѣмъ двумъ дворамъ вовсе сгорѣть не дадутъ; потому что сосѣды по прежнему не кинутся за уборомъ домовъ своихъ, но всѣ будутъ отнимать у того, у кого загорѣлось. И въ нынѣшнемъ селеніи никоими дѣлы во время запаленія сосѣдамъ помощи подать не можно; понеже всѣ мечутся за своими уборы; обаче не вся убратися могутъ, но у всѣхъ не безъ погибели бываетъ. И тако

вси погибаютъ, и отъ того въ самую нищету приходятъ.

И аще Великій нашъ Государь сожалѣя о крестьянствѣ повелитъ дворы крестьянскіе въ селѣхъ и въ деревняхъ построити гнѣздами, то надлежитъ всѣмъ помѣщикамъ указъ сказать, чтобы они какъ мочно, хотя не вдругъ, но помаленьку, а всѣ бы дворы перестроили, по два двора вмѣстѣ, да два промежка межъ дворами порозжіе сицевымъ манеромъ:



И аще тако построено будетъ, то отнимать во время пожара со всей стороны свободно будетъ, и ни какому двору вовсе сгорѣти не дадутъ.

А егда отправлены будутъ валовые писцы или межевщики, и тогда однимъ разомъ всѣ дворы перестроить, и землю имъ разверстать надлежитъ крестьянину на цѣлый дворъ, и колико на полдвора и на четверть двора, и по той землѣ расположить имъ подати, надлежащія въ казну Царскаго Величества, и прочіе поборы по расположенію, дабы всякому крестьянину сносно было, и обиды бы убогому передъ богатымъ не было, но всѣмъ бы уравненіе было опредѣленное по владѣнію ихъ.

Паки крестьянству чинится великое разореніе отъ разбойниковъ; ибо аще въ коей деревнѣ десятка дватри или и гораздо больше, а разбойниковъ аще и не великое число придетъ къ кому на дворъ, и станутъ его мучить, и огнемъ жечи, и пожитки его явно на возы класть, а сосѣды все слышатъ и видятъ, а изъ дворовъ своихъ не выдутъ, и сосѣда своего отъ разбойниковъ не выручаютъ. И такого ради порядка разбойники по своей волѣ чинятъ, и многихъ крестьянъ и до смерти замучиваютъ: и того ради не можно никакому крестьянину богатому быть.

И ради охраненія отъ таковаго ихъ разоренія надлежитъ во всѣхъ селахъ и деревняхъ указъ сказать крѣпкой, что если къ кому пріѣдутъ разбойники, а сосѣды того села или деревни на выручку сосѣда своего и на поимку разбойниковъ не пойдутъ, то всѣхъ тѣхъ сосѣдей бить кнутомъ; а что пограбятъ разбойники за ихъ невыручкою, то править на нихъ сосѣдяхъ сугубо.

А буде разбойниковъ пріѣдетъ много, и имъ своею деревнею не удержать ихъ, то тѣмъ сосѣдамъ добѣжать въ окольныя деревни, и повѣстить, чтобы всѣ шли поголовно мужики срослые съ ружьемъ и съ

крючьемъ и съ дубьемъ на поимку тѣхъ разбойниковъ. А буде изъ коей деревни не пойдутъ, то и тѣхъ бить кнутомъ, и пограбленный пожитокъ въ платежѣ той деревнѣ, въ коей разбой былъ, помогать.

А буде за ихъ невыручкою до смерти кого замучатъ, то за голову пятьдесятъ рублевъ, или и больше, колико уложено будетъ, доправить на всѣхъ тѣхъ, кои на выручку не пошли.

Аще бы крестьяне жили всѣ въ одну душу, другъ друга береглибъ, и другъ за друга стоялибъ, тобы разбойникамъ и помыслить на нихъ никакъ было, ежебы ихъ нагло прiѣхавъ разбивать и огнемъ жечь. И аще бы и между собою крестьяне жили союзно, и другъ другу обидъ не чинили, тобы всѣ крестьяне были сыты, и было житiе ихъ святое.

Паки немалая пакость крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ. Аще въ коей деревнѣ дворовъ двадцат и тридцать, а граматнаго человѣка ни единаго у нихъ нѣтъ, и какой къ нимъ не прiѣдетъ съ какимъ указомъ, или и безъ указу, да скажетъ, что указъ у него есть, то тому и вѣрятъ, и отъ того прiемлютъ себѣ излишнiе убытки; потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, ни разумѣютъ. И того ради многiе и безъ указу прiѣхавъ пакости имъ чинятъ великiя, а они оспорить не могутъ; а и въ поборѣхъ много съ нихъ излишнихъ денегъ емлютъ, и отъ того даровой прiемлютъ себѣ убытокъ.

И ради охраненiя отъ таковыхъ напрасныхъ убытковъ, видится, не худобъ крестьянъ и поневолить, чтобъ они дѣтей своихъ, кои десяти лѣтъ и ниже, отдавали дьячкамъ въ наученье грамоты, и науча грамотѣ и учили бы ихъ писать. Я чаю, не худобы было

такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безъ грамотнаго человѣка, и положить имъ крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ, и положить имъ срокъ годы на три или на четыре.

А буде въ четыре года дѣтей своихъ не научатъ, такожде кои робята и впредъ подростутъ, а учить ихъ не будутъ, то какое ни есть положить на нихъ и страхованіе.

А егда грамотѣ и писать научатся, то они удобнѣе будутъ не токмо помѣщиковъ своихъ дѣла править, но и Государевымъ дѣламъ угодны будутъ, наипаче въ сотскіе и въ пятидесятскіе вельми будутъ пригодны, и никто уже ихъ не изобидитъ, и ничего съ нихъ напрасно не возьметъ.

А чаю, не худо указъ послать и въ низовые городы, чтобы и у Мордвы дѣтей брать и грамотѣ учить отдавать, хотя бы и насильно. А егда научатся, то и самимъ имъ слюбится; потому что къ нимъ паче Русскихъ деревень, пріѣзжая солдаты и приставы и подъячіи, овогда съ указомъ, овогдажъ и безъ указу, и чинятъ, что хотятъ; потому что они люди безграмотные и беззаступные. И того ради всякой ихъ изобижаетъ, и чего никогда въ указѣ не бывало, того на нихъ спрашиваютъ, и правежемъ правятъ.

А егда дѣти ихъ научатся грамотѣ, то грамотные будутъ у нихъ владѣтельми, и по прежнему въ обиду ихъ уже не дадутъ, и будутъ свою братью отъ всякихъ напрасныхъ нападокъ оберегать.

А иные, выучась грамотѣ, познаютъ святую христіанскую вѣру, возжелаютъ и креститися, то тіи грамотники мало по малу иныхъ свою братью къ христіанской вѣрѣ приводить будутъ.

И кой Мордва иль Чувашъ или Черемиса крестится, то тѣхъ уже воеводомъ и всякимъ правителямъ и приказнымъ людемъ надлежитъ почитать, и всячески ихъ утѣшать, и беречь ихъ паче некрещеныхъ, и во всемъ отъ некрещеныхъ чинить имъ милостивую отмѣну, чтобы некрещенные крещенымъ завидывали.

Да крестьяномъ же и Мордвѣ указъ Великаго Государя сказать, чтобы между собою жили любовно, другъ друга ничѣмъ не обидѣли, и лѣсу бы, кой родится въ строеніе, на дрова отнюдь бы не рубили.

А и при степныхъ мѣстахъ молодаго лѣса на дрова и въ своихъ лѣсахъ отнюдь бы не рубили, а рубили то деревье, кое уросло, а въ строеніе хоромное непригодное, и кои деревье повалилось, то бы обирали, а молодой лѣсъ, когда подростетъ и будетъ толстиною въ заборину, то тогда бы рубили на всякія домовыя потребы.

А гдѣ въ степныхъ мѣстахъ засядетъ лѣсъ молодой, то осенью вышедъ тамошніе жители травы сажень на пять-шесть вкругъ того лѣса по всябъ годы окашивали, чтобъ вешнею порою степной пожаръ къ нему не дошелъ, и не выжегъ бы.

Видѣлъ я по степямъ много такихъ поростниковъ, иные въ человѣка вышиною, а иные сажени и въ двѣ были, да всѣ погорѣли и пропали. Ащебъ не пожаръ, то при степныхъ мѣстѣхъ лѣсабъ великіе были.

Паки былъ я на Черни и во Мценскѣ, и видѣлъ тамъ, что рубятъ на дрова самой молодой лѣсъ толстиною въ гороховую тычину, и въ одинъ возъ срубятъ деревъ сто и больше; а въ томъ же лѣсу видѣлъ и валежнику лежитъ и стоячія деревье есть такое, что изъ одного дерева будетъ возовъ 10 и больше. И пока старой лѣсъ былобъ подбирать, а тотъ бы

молодежникъ подросъ, и имъ же бы всѣмъ пригодился.

А кая степь гораздо гола, и лѣса удалѣли, то тамошніе жители всякой бы къ своей деревнѣ занялъ десятинъ десятокъ другой, и вспахавъ бы, осенью наметалъ бы сѣменъ—лѣснаго, березоваго, и липоваго, и кленоваго, и осиноваго, и дубоваго, и вязоваго, и орѣховъ спѣлыхъ сырыхъ четверикъ-другой тутъ же разметать. И какъ тотъ сѣяный лѣсъ взойдетъ, отъ пожару бы берегли. И первой годъ надобно его и пополоть, чтобы степная трава не заглушила его, и сѣянные орѣхи лѣтъ въ шесть иль въ семь съ плодомъ придутъ, и въ десять лѣтъ орѣхами обогатѣютъ; на добрыхъ земляхъ вельми они плодовиты будутъ.

И такобы всякъ у своей деревни такъ устроилъ, то бы и лѣсомъ и орѣхами всѣ довольны были; хотя сперва и скучно покажется завести, а послѣ самимъ слюбится.

И о орѣхахъ не худо бы учинить и заповѣдь, чтобъ никто прежде Семенова дни ихъ не щипалъ, но дали бы имъ созрѣть, чтобы ядра наполнились; и аще гдѣ на угревинѣ, и прежде Семена дня наполнятся ядромъ, обаче прежде Семенова дни никтобъ не дерзалъ ихъ щипать, но и щипали бы послѣди Семенова дни въ то время, егда они будутъ сыпаться, и щипали бы согласясь и съ совѣту своего сотскаго, что бы какъ семейнымъ, такъ и безсемейнымъ безобидно было.

И таковыхъ спѣлыхъ орѣховъ одинъ четверикъ лучше четверти недоспѣлыхъ. Нынѣ многіе щиплютъ ихъ взахватъ зеленые, а соспѣть отнюдь не дадутъ, и тѣмъ они прочихъ своихъ сосѣдей оголожаютъ, а себѣ хлѣба отъ нихъ не наживаютъ; потому что было взять

спѣлыхъ орѣховъ за четверикъ, а онъ и за четверть едва то возьметъ, и тѣмъ Царскаго Величества интересу чинятъ уронъ: понеже спѣлыхъ четверикъ гривны по четыре и выше продаютъ, а зеленыхъ и за четверть того не даютъ. И гдѣ было за спѣлые орѣхи пошлины взять рубль, а съ зеленыхъ и гривны не пріидетъ; а кто и скупитъ, не обрящетъ въ нихъ пользы, потому что ни въ нихъ ѣды, ни въ нихъ масла. Только купя орѣховники мѣшаютъ ихъ съ добрыми и людей обманываютъ; закрасятъ съ лица спѣлыми, и въ томъ себѣ грѣхъ пріемлютъ.

Въ спѣлыхъ же орѣхахъ есть и царственная прибыльца; понеже идутъ они во иныя земли, въ Персиду да въ Шведы и во иныя мѣста, а неспѣлые не за что гинутъ.

Того ради вельми надлежитъ отъ ранняго щипанія орѣхи блюсти, дабы никто ни гдѣ прежде Семена дни щипать ихъ не дерзалъ, а и послѣ Семена дни безъ воли сотской и безъ общаго совѣту отнюдь бы не начинали ихъ щипать. А буде кто учинится тому изложенію противенъ, и прежде Семена дни нащиплетъ хотя малое число, то взять штрафу 5 рублевъ, да его же высѣчь батогами.

А будетъ кто привезетъ орѣховъ на продажу сырыхъ или сухихъ, а щипаны будутъ недоспѣлые и ядромъ орѣхи будутъ неполные, то взять тѣ орѣхи на Государя; а кто ихъ привезъ, взять штрафу за всякой четверикъ по рублю, или какъ о томъ уложено будетъ.

А буде гораздо зелены, что и въ половину ядра нѣтъ, то взять на немъ штрафъ сугубый, а орѣхи высыпать лѣтомъ въ грязь, а зимнею порою въ прорубь.

А буде кто поймаетъ кого прежде Семена дни въ лѣсу или и на дорогѣ или и въ деревнѣ со свѣжими

щипаными орѣхи, то тѣ орѣхи отдать тому, кто поймалъ, а кто пойманъ, на томъ доправить штрафу за всякой четверикъ по рублю; а буде меньше четверика, то по количеству орѣховъ, да егожъ высѣчь батогами, дабы впредъ такъ не дѣлали.

А буде прикащикъ или староста или сотской понаровитъ тому, кто пойманъ, и штрафу съ него не возьметъ, или и возьметъ, а наказанія по указу не учинитъ, или того поимщика станетъ чѣмъ тѣснить хотя и послѣ того времени, то на томъ прикащикѣ или старостѣ или на сотскомъ взято будетъ за нарушеніе Его Императорскаго Величества указу штрафъ опредѣленной по новому изложенію, и наказаніе чинить великое, каково и прочимъ нарушителемъ учинено будетъ.

Подобнѣ и рыбной ловлѣ надлежитъ учинить, чтобъ крестьяна отъ неразумѣнія своего Царскому интересу тщеты не чинили; ибо въ коихъ озерахъ и рѣкахъ снятоваго рода нѣтъ, то въ тѣхъ водахъ отнюдь мѣлкія рыбы не годствуетъ ловить. А крестьяне не разумѣя снятоваго рода, вмѣсто снятковъ ловятъ молодую рыбу—щученокъ, язиковъ и плотичекъ, а наипаче ловятъ недорослыхъ окуньковъ, и не токмо дать ей годъ мѣста перегодовать, но и самые зародышки рыбныя ловятъ, еже меньше овсянаго зерна, и тѣмъ ловомъ въ рѣкахъ и въ озерахъ рыбу переводятъ.

Будучи я на Устрикѣ, зачерпнулъ на ложку тѣхъ рыбеночковъ и счелъ, ихъ было числомъ 88, а если бы зачерпнулъ погуще, то бы ста два-три зачерпнулъ.

Аще бы та маленькая рыба перегодовала, то изъ одной той ложки было бы 20 варь. Чтожъ бы отъ тѣхъ двулѣтнихъ рыбокъ въ два годы приплоду было? И тѣхъ рыбныхъ зародышковъ наловя и высуша, за четверикъ возьметъ гривны двѣ; а если бы вырос-

ла, въ два года было бы возовъ 10 или и больше изъ того четверика, и вмѣсто двух гривенъ взялъ бы 20 или и больше, а пошлины бы съ нея сошло больше рубля. И въ таковомъ несмысліи крестьянскомъ не токмо Царской интересъ пропадаетъ, но и у ловцовъ тѣхъ прямая покормка пропадаетъ.

И нынѣ многіе жалуются на рыбу, глаголя: плохъ де ловъ сталъ быть рыбѣ; а отъ чего плохъ сталъ, того невыразумѣютъ: ни отъ чего инаго плохъ сталъ быть ловъ токмо отъ того, что молодую рыбу выловятъ, то не съ чего и большой быть.

Если и въ скотѣ телятъ пріѣсть молодыхъ, то ни быковъ, ни коровъ не будетъ; такожде и у курицы аще цыплятъ всѣхъ поѣсть года два-три, то и куры всѣ переведутся. И рыба ни чемъ же отъ того разнствуетъ; всегда большая рыба выростаетъ изъ малыя. И аще и малую выловить, то большой не откуда взяться будетъ. И по моему мнѣнію, гдѣ и снятовой родъ есть, то и тамъ надлежитъ запретить, чтобъ самыхъ мѣлкихъ рыбныхъ и снятовыхъ зародышевъ не ловили, а ловили бъ перегодные, чтобы отъ той несмысленной ловли Великаго Государя интересу не пропадать напрасно, а и ловцы бы безпутною ловлею ни себя, ни людей не голодили.

И аще Его Императорскому Величеству порадѣть и запретить накрѣпко со штрафомъ и съ наказаніемъ, чтобы отнюдь никто кромѣ самородныхъ снятковъ недорослой рыбы не ловили, то вельми рыбы во озерахъ и въ рѣкахъ умножится. И мнится мнѣ, надлежитъ запретить сице: буде кто мѣлкихъ щученковъ или лещиковъ или плотичекъ и окуньковъ недорослыхъ, кромѣ самородныхъ снятовъ, привезъ на торгъ аще сырыхъ или и сушеныхъ, то ту рыбу взять на Го-

сударя и отдать солдатомъ или нищимъ по богадѣльнамъ; а кто привезъ, на томъ взять штрафъ за каждой четверикъ, по чему уложено будетъ; то однимъ годомъ сія статья утвердится, и ни кто недорослой рыбы ловить не будетъ. Обаче надлежитъ прежде во всѣ городы послать указы, чтобъ отнюдь недорослой рыбы не ловили и неводовъ частыхъ кромѣ снятовыхъ не дѣлали; а на другое лѣто всѣхъ штрафовать за презрѣніе того указа. А буде кто наловитъ недорослой рыбы про себя аще и малое число, и аще кто съ тою рыбою поймаетъ и приведетъ къ суду, то доправить на немъ, кто ее ловилъ, штрафъ надлежащій по изложенію; изъ того штрафа четвертую долю вынявъ, отдать тому, кто его привелъ къ суду, а рыбу ему жъ отдать: и за такимъ штрафомъ и про себя ловить не будутъ.

И въ таковомъ установленіи годы въ три или въ четыре такъ рыбы умножится, что весь народъ рыбою насытится. И аще тотъ уставъ и впредъ не нарушится, то во вѣки вѣковъ не оскудѣетъ.

И аще она при нынѣшней цѣнѣ вдвое или втрое дешевле будетъ, обаче въ пошлинномъ сборѣ будетъ десятерицею больше; потому что въ продажѣ рыбы будетъ великое множество.

А и сіе не весьма право зрится, еже помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена, неудобь носимая; ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, ежебы ему на себя что сработать. И тако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ; или что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излише-

ствомъ крестьянство въ нищету пригоняютъ; и который крестьянинъ станетъ мало мало посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатитися не можетъ, и многіе дворяне говорятъ: крестьянину де не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола. И тако творя, царство пустошатъ; понеже такъ ихъ обираютъ, что у инаго и козы не оставляютъ. Отъ таковыя нужды домы свои оставляютъ и бѣгутъ иные въ Понизовыя мѣста, иные жъ и во Украинныя, а иные — и въ зарубежныя; тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ. А чтобы до того помѣщикамъ дѣла, что крестьяне богаты, лишь бы онъ пашни не запустилъ; хотя бы у него и не одна тысяча рублевъ была, только бы не воровалъ, и безъявочно не торговалъ; что крестьяне богаты, тобы и честь помѣщику.

Крестьяномъ помѣщики невѣковые владѣльцы; того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямый ихъ Владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно.

И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, но надлежитъ ихъ Царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство—богатство Царственное.

И того ради мнится мнѣ: лучше и помѣщикамъ учинить расположеніе указное, по чему имъ съ крестьянъ оброку и инаго чего имать, и по колику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и инаго какого сдѣлья дѣлать, чтобы имъ сносно было Государеву подать и помѣщику заплатить, и себя прокормить безъ нужды. Того судьямъ вельми надлежитъ смот-

рить, чтобы помѣщики на крестьянъ излишняго сверхъ указу ничего не накладывали, и въ нищету бы ихъ не приводили.

И о семъ яко высокимъ господамъ, тако и мѣлкимъ дворяномъ, надлежитъ между собою посовѣтовать о всякихъ крестьянскихъ поборѣхъ помѣщичьихъ и о сдѣльѣ, какъ бы ихъ обложить съ общаго совѣта и съ докладу Его Императорскаго Величества, чтобы крестьянству было не тягостно, и расположить именно, по чему съ цѣлаго двора и почему съ полу-двора или съ четверти или съ осьмыя доли двора имать денегъ и столовыхъ запасовъ, и поколику съ цѣлаго и не съ цѣлаго двора пашни на помѣщика своего вспахать и хлѣбомъ засѣять и сжавъ обмолотить; также и подводы расположить по расположенію дворовому, чтобы всѣмъ по владѣнію земли было никому ни передъ кѣмъ необидно, и чтобъ и Государевы поборы сносно имъ было платить сполна безъ доимки. И како о семъ съ общаго совѣта изложится и указомъ Его Императорскаго Величества утвердится, и тако аще нерушимо будетъ стоять, то крестьянство всѣ будутъ сыти, а иные изъ нихъ и обогатятся.

Я, истинно, о семъ много размышлялъ, какобы право крестьянскіе поборы съ нихъ собирать, чтобы Его Императорскому Величеству было прибыльно, а имъ бы было нетягостно, и сего здравѣе не обрѣтохъ: что прежде расположить крестьянскіе дворы по владѣнію земли имъ данныя, чѣмъ кой владѣетъ, и колико онъ на той своей землѣ хлѣба высѣетъ про себя.

Я невѣмъ, чего господа дворяне смотрятъ: крестьянами владѣютъ, а что то именовать крестьянина не знаютъ, и почему числить дворъ крестьянской ничего того не разумѣютъ, но токмо ворота, да

городьбу числятъ; а иные дымъ избной считаютъ. И яко дымъ на воздухъ изчезаетъ, тако и исчисленіе ихъ ни во чтожность обращается. А и во счисленіи душевномъ нечаюжъ я проку быть; понеже душа вещь неосязаемая и умомъ непостижимая и цѣны неимущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя. Въ душевномъ слѣдованіи труда много подъято, а казны, чаю, тысячъ десятка дватри истощилось на него, обаче чаю я, что она вся туне пропала, и трудъ весь ни во что; ибо поборъ сей несостоятеленъ, а въ чесомъ надлежитъ прямо неподвижной прибыли искать, и о томъ во главѣ 9-й речется.

А о крестьянѣхъ, мнится мнѣ, лучше такъ учинить: егда кой крестьянинъ повытокъ свой сполна помѣщику своему заплатитъ, то уже бы никакой помѣщикъ сверхъ уреченнаго числа ни малаго чего не требовалъ съ него, и ни чѣмъ бы таковыхъ не тѣснилъ токмо смотрить за нимъ, чтобъ онъ даромъ не гулялъ, но какую мочно къ прокормленію своему работу бы работалъ. И отъ таковаго порядка, кои разумные крестьяне, могутъ себѣ и хорошіе пожитки нажить.

А буде кой крестьянинъ хлѣба напахавъ, да станетъ гулять, и впредъ ничего не станетъ запасать, и таковыхъ, не токмо помѣщикамъ иль прикащикамъ, но и сотскимъ надлежитъ за ними смотрить и жестоко наказывать, чтобы отъ лѣности своей въ скудость не приходили, и въ воровство бы, ни въ піянство, не уклонялись. Крестьяномъ и радѣтельнымъ разореніе чинится не малое и отъ того, что двороваго расположенія прямаго у нихъ нѣтъ: кои сильные помѣщики, тѣ пишутъ дворовъ по пяти и по шти и по десяти въ одинъ дворъ, то тѣмъ легко и жить; а кои средніе

могуты, тѣ дворы по два и по три вмѣстѣ сваливаютъ, а одними воротами ходятъ, а прочія ворота заборомъ забираютъ, то и тѣмъ крестьяномъ не весьма тягостно; а кои бѣдные и безпомощные помѣщики, то у тѣхъ крестьянъ всѣ дворы цѣлыми дворами писаны. И отъ таковаго порядка тѣи крестьяне отъ несносныхъ поборовъ во всеконечную нищету приходятъ; а богатые и сильные бояре своихъ токмо крестьянъ оберегаютъ отъ поборовъ а о прочихъ не пекутся.

И ради основанія правды надлежитъ первѣе уставить въ крестьянствѣ, что то именовать дворъ и что полдвора или четверть или осьмая доля двора.

Я сему вельми удивляюсь, что въ Россійскомъ царствѣ премногое множество помѣщиковъ богатыхъ и судействомъ владѣющихъ, а того не могутъ сдѣлать, чтобы собравшись посовѣтовать и уложить, что тотъ крестьянской дворъ именовать или полдвора или четверть двора, и почему бы разумѣть цѣлой дворъ или безъ четверти или съ четвертью дворъ?

Въ Москвѣ въ посадскихъ слободахъ аще и мужики живутъ, обаче у нихъ разумно учинено: кто на цѣломъ дворѣ живетъ, тотъ съ цѣлаго двора и платитъ, а кто на полудворѣ или на четверти, то съ того и тягло платитъ.

А у крестьянъ писцы и перепищики ворота числятъ дворомъ, хотя одна изба на дворѣ, хотя и съ пять-шесть или и съ десять, а пишутъ дворомъ же. И то стало быть не разумъ, но самое безумство и всесовершенная неправда, и убогимъ и маломочнымъ обида и разореніе.

По здравому разсужденію надлежитъ крестьянскому двору положить разсмотрѣніе не по воротамъ, не по

дымамъ избнымъ, но по владѣнію земли и по засѣву хлѣба на томъ его владѣніи.

По моему мнѣнію аще у коего крестьянина цѣлой дворъ, то надобно ему земли дать мѣрою толикою, чтобы ему мочно было на всякой годъ высѣять ржи четыре четверти, а яроваго осьмъ четвертей, а сѣна накосить ему про себя двадцать копенъ.

А буде коему крестьянину отведено земли, что и четверти ржи на ней не высѣетъ, то того двора не надлежитъ написать, но развѣ шестою долею двора; и тако всякому крестьянину числить дворы по количеству земли надлежитъ.

А будежъ кой крестьянинъ могутенъ, а земли ему отъ помѣщика отведено малое число, и онъ мочью своею найметъ земли у инаго помѣщика, и на той наемной землѣ высѣетъ хотя четвертей десять, или больше, и тоя земли къ дворовому числу не причитать, и Государевой подати никакой съ той наемной земли не платить; потому что съ тоя наемныя земли будетъ платить помѣщикъ, который тою землею владѣетъ; такожъ помѣщику своему ничегожъ съ тоя пашни не платить же, а платить тому помѣщику по договору деньгами или снопами, у коего ту землю нанялъ.

А буде кой помѣщикъ видя коего крестьянина семьяниста и лошадиста, дастъ ему земли со удовольствомъ что высѣвать, а онъ будетъ четвертей по десяти на лѣто ржи, а яроваго по двадцати, а сѣнокосу отведетъ ему на пятьдесятъ копенъ, то съ такого крестьянина мочно брать какъ Его Императорскаго Величества, такъ и помѣщику съ полутретья двора. И тако всѣ дворы расположить не по воротамъ, ни по дымамъ, но по владѣнію земли и по засѣву ихъ на отведенной имъ землѣ.

И аще тако во всей Россіи устроено будетъ, то ни богатому ни убогому обиды ни малыя не будетъ, но всякой по своей мочи, какъ Великому Государю, такъ и помѣщику своему будетъ платить.

И ради охраненія крестьянскаго отъ помѣщиковъ ихъ надлежитъ и въ помѣщичьяхъ поборахъ учинить по землѣ же, и чтобъ больше положеннаго оклада отнюдь на крестьянъ своихъ не накладывали. И тако яко въ Государевыхъ поборѣхъ, тако и въ помѣщичьихъ, будетъ имъ сносно. И по такому расположенію и помѣщикамъ дворовъ крестьянъ своихъ таить по прежнему будетъ не для чего; потому, буде кто дворы свои цѣлые полудворами или четвертьми или осьмушками напишетъ, то и самъ помѣщикъ не можетъ уже съ нихъ больше того взять; ибо всякой крестьянинъ на чемъ будетъ жить и чѣмъ будетъ владѣть, съ того будетъ и платить какъ Царю, такъ и помѣщикомъ своимъ. И буде кой помѣщикъ напишетъ дворы цѣлые полудворами или и меньше полудворовъ, и Царскіе поборы будетъ платить противъ письма, а себѣ станетъ съ нихъ имать съ цѣлыхъ дворовъ, и кто про то увѣдомится посторонній человѣкъ, и донесетъ о такой его неправдѣ судьямъ, то тѣ дворы и со крестьяны отдать тому, кто извѣстилъ. А буде крестьяна непохотя лишняго помѣщикамъ своимъ платить и донесутъ судьямъ, то того крестьянина, кой доведетъ, дать волю, да за доводъ—пятьдесятъ рублевъ денегъ. А которые крестьяна вѣдали, что помѣщикъ ихъ беретъ съ нихъ излишніе поборы, а умолчатъ, то тѣхъ крестьянъ бить кнутомъ, колико ударовъ уложено будетъ.

И аще кой помѣщикъ на цѣлый дворъ или на полдвора или на четверть двора посадитъ дворнаго че-

ловѣка или дѣловаго или бобыля или полонника, * то кто бы онъ ни былъ, а плату дворовую имать съ него по владѣнію земли неизмѣнно.

И тако какъ крестьяне, тамъ и дворовые люди, будутъ Великому Государю данники, и платежъ имъ тягостенъ не будетъ, потому что платежъ ихъ будетъ по владѣнію земли, опредѣленной при дворѣ. И такимъ порядкомъ интересъ Его Императорскаго Величества вельми будетъ множитися.

И аще по всей Россіи тако устроится, и поборы съ двороваго числа легкостнѣе будутъ; а по древнему порядку отъ побору иные въ конецъ разоряются, а иные даромъ живутъ.

По моему мнѣнію, Царю паче помѣщиковъ надлежитъ крестьянство беречи; понеже помѣщики владѣютъ ими временно, аЦарю они вѣковые, и крестьянское богаство — царственное, а нищета крестьянская оскудѣніе царственное.

И того ради Царю яко великородныхъ и военныхъ, тако и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто въ убожество не входилъ, но всѣ бы по своей мѣрности изобильны были.

И аще по вышеписанному крестьянскіе дворы управятся, то каково за сильными лицы будетъ крестьянамъ жить, таково и за самыми убогими быть, и къ прежнему бѣгать крестьянамъ будетъ уже не для чего, потому что вездѣ равно будетъ жить.

И у коего крестьянина дворъ цѣлой и меньше или больше двора, обаче въ селитьбѣ строили бы по два двора гнѣздами, и между ними по два огорода, якоже о томъ во осьмой главѣ изъявится. И аще тако устроены будутъ деревни, то во время огненнаго запаленія никая деревня вся не выгоритъ.

* У Стр. *полоненника.*

А буде кой помѣщикъ будетъ на крестьянъ своихъ налегать, и наложитъ сверхъ указаннаго числа, или излишнюю работу наложитъ, и аще тѣ крестьяне дойдутъ до суда, и у такого помѣщика тѣхъ крестьянъ отнять на Государя и землю; то на то смотря и самый ядовитый помѣщикъ сократитъ себя, и крестьянъ разорять не станетъ.

А буде кой судья по доношенію крестьянскому о винности помѣщиковой сыскивать не станетъ, и отошлетъ ихъ къ старому ихъ помѣщику, или и сыскивать станетъ, да будетъ во всемъ помѣщику наровить, а на крестьянина вину валить, и аще тѣ крестьяна дойдутъ до вышняго суда, и вину на помѣщика своего изъявятъ, и судейскую вину предложатъ, то тотъ судья не токмо пожитковъ, но и живота своего лишится.

И тако злый злѣ погибнетъ, а праведный судья за праведный свой судъ настоящихъ благъ насладится, и грядущихъ не лишится во вѣки вѣковъ. Аминь!

ГЛАВА VIII.

О ДВОРЯНѢХЪ, О КРЕСТЬЯНѢХЪ И О ЗЕМЛЯНЫХЪ ДѢЛАХЪ. *

Сіе мнится мнѣ не токмо правильно, но и безгрѣшно, еже дворяне послѣ умершихъ своихъ сродниковъ земли жилыя и пустыя дѣлятъ на дробныя части, ибо однѣ пустоши раздѣляютъ на многія разныя владѣнія. И по таковому раздѣлу бываютъ у одной пустоши владѣльцовъ по десяти и гораздо больше; и такая бездѣлица бываетъ, что иному владѣльцу достанется десять четвертей, инимъ же четверти по двѣ-три, а иному и по четверти и по осьминѣ и по четверику, и всякую пахотную полосу худу и добрую, все паютъ; и кто изъ нихъ самъ у себя, то тотъ всѣмъ жеребьемъ и владѣетъ, а кто безмоченъ, тотъ ничѣмъ владѣть не можетъ, и въ тѣхъ дробныхъ дѣлахъ кромѣ ссоры, да бѣды инаго нѣтъ ничего, и за ссорами общія земли многія и пустѣютъ и дернѣютъ и лѣсомъ поростаютъ. И въ томъ запустѣніи Царской интересъ малится, потому что отъ пустой земли ** никакого дохода не бываетъ.

А у кого земля собственная, то онъ ее разчищаетъ и распахиваетъ и навозомъ нанавоживаетъ; и годъ отъ года и худая земля добрѣетъ, такожде и сѣнные по-

* У Стр. заглавіе: *о земляныхъ дѣлѣхъ.* ** У Стр. *спуста.*

косы раскашиваютъ; и отъ того Царскаго Величества интересъ умножается.

И тыи дворяне не токмо пустыя земли тако дѣлятъ, но и жилыя села и деревни на многія доли дѣлятъ. Есть въ Новогородскомъ уѣздѣ погостъ, именуемый Устрика, и въ томъ селѣ дворовъ двадцать, а помѣщиковъ владѣютъ семеро разныхъ фамилій, а во иныхъ деревняхъ и больше того есть владѣльцовъ. И въ таковыхъ разновладѣльцахъ нельзя быть безъ вражды и другу отъ друга безъ обиды.

И мнѣ мнится: ради охраненія отъ обидъ и послѣ умершихъ лучше дробныя (?) оставить и дѣлить земля пустая и жилая цѣлыми пустошами и деревнями по урочищамъ.

А буде многихъ пайщиковъ раздѣлить цѣлыми не можно, то тѣ земли и деревни положить въ цѣну, и буде кто изъ тѣхъ же родственниковъ деньги въ дѣлъ положитъ, а землю жилую или и пустую возьметъ всю за себя, то и добро такъ. А буде всѣ родственники скудны, то продать ее и постороннему человѣку, и деньги по надлежащимъ жеребьямъ раздѣлить, то не то что уголовщинѣ быть, но и браниться будетъ не о чемъ; потому что на деньгахъ и малыя дробинки раздѣляютъ часто.

А и сіе весьма неправо дѣется: писцы и переписчики и дозорщики пустоши и жилыя деревни, какъ коя слыветъ именно, пишутъ, * и колико въ коемъ урочищѣ четверныя пашни и сѣнные покосы, пишутъ же, и пишучи, не тобъ, чтобъ ее смѣрять, но и глазами не видавъ, пишутъ все по крестьянскимъ сказкамъ, и въ иной пустоши напишутъ четвертей 50 въ полѣ, а въ дву потому жъ. И егда кто станетъ сѣять, ажно во всѣхъ трехъ поляхъ толико не высѣетъ.

* Такъ у Стр. а у меня, кажется, неправильно, *не пишутъ*.

А въ иной пустоши, видѣлъ я, написано 6 четвертей, а высѣвается ржи въ одномъ полѣ по 20 четвертей, а лѣсу будетъ больше трехъ верстъ. И въ такомъ расположеніи только одна смута. И всякой деревнѣ и пустошамъ мѣра, да прозваніе, а при какой признакѣ та земля, или съ какою землею смежна, ничего того не пишутъ, и раздѣленія межамъ совершеннаго не чинятъ. И отъ того многое множество ссоръ и убійства чинится. И иные, забывъ страхъ Божій, взявъ въ руки святую икону, и на голову свою положа дернину, да отводятъ землю, и въ таковомъ отводѣ смертне грѣшатъ; и много и того случается, еже отводя землю и неправдою межу полагая, и умирали на межѣ.

А по прямому разсужденію надлежитъ всѣмъ жилымъ землямъ и пустошамъ учинить межи недвижимыя, а буде съ кѣмъ нераздѣлила ни рѣка, ни ручей, ни иная какая недвижимая признака, то присмотрить какую ни есть признаку, коея бы нарушить нельзя было; а буде нѣтъ таковыя признаки, то и на чистомъ мѣстѣ мочно дѣлать недвижимая признака, либо выкопать яма глубокая аршина въ три или въ четыре, и широтою такожде, и навозити ее полну каменья большаго, и накласть бугромъ, чтобъ матерыя земли выше было, и на то каменье насыпать земли аршина на два или больше, и тотъ бугоръ вѣковый утиномъ и будетъ. И отъ того утину протянуть вверхъ по межѣ прямо до поворотки; и подъ ту вервь поставить мореходной компасъ, и куды укажетъ компасовая стрѣлка сѣверная, такъ именно и записать, и смѣрять по верви, колико отъ того утину до поворотки саженъ, то такъ и записать.

И буде у поворотки признаки никакой недвижимой

нѣтъ, то выкопать яма глубиною аршина въ полтора или въ два, и шириною такожде аршина въ два, и накласть въ нее каменья или уголья, и насыпать надъ нею холмъ аршина въ три, и утоптавъ, накласть дерномъ, и на томъ холму посадить деревецъ молодыхъ пять-шесть, кои бъ были годковъ трехъ или четырехъ. И колико около той земли не будетъ холмовъ, на всѣхъ садить одного рода деревцовъ; каково на первомъ холму, тако и на послѣднемъ.

А егда станутъ другую землю мѣрять, то по холмамъ другаго рода и деревье садить; около коей земли сажаны березки, то березыбъ тутъ и были, а около коей земли сосенки или елки или дубъ или вязы и осины, то около тоя земли одни бы они и были.

А съ коею землею та будетъ смежна, и приткнется* она къ обмежеванной землѣ, а на той межѣ по холмамъ сажено не того рода деревье, то тѣ готовые холмы именно записать, колько ихъ къ той землѣ пришло, и деревье, кое и на нихъ сажено, такъ и записать, а другаго рода къ тѣмъ деревьямъ не присаживать.

И егда тоя сумежныя земли межа отворотится, то, буде сгодится отъ холма, то такъ и записать; а буде отворотитъ она межъ холмовъ, то подлѣ старыя межи учинить холмъ не на самой межѣ, но сажень-мѣста уступя отъ межи, чтобъ старой межѣ поврежденія не было, и деревца посадить на немъ такое, какое около всея тоя земли начали садить.

И буде кое деревье посаженное подсохнетъ, то паки посадить такоежъ, и егда деревцы примутся, и годы два-три или пять-шесть перемешкавъ, паки всякому межеванію межевщику межъ своихъ всѣхъ осматривать, нѣтъ ли межамъ какого поврежденія. И буде гдѣ и мало осмотритъ межу попорчену, то сыскать

* У Стр. кажется неправильно *прикинется*.

того, кто попортилъ, и учинить ему наказанiе жестокое, какъ о томъ уложено будетъ; и деревья по холмамъ осмотрить, и кое изъ нихъ принялось, и бѣжко почало рости, то то деревье и оставить, а прочiя подсѣчь. А буде на коемъ холму дерева два или три бѣжко почали рости, по разсмотрѣнiю оставить и два и три деревца, только бы они одного рода. А излишнiя всѣ подсѣчь и приказать накрѣпко, чтобы тѣхъ деревецъ оставленыхъ берегли накрѣпко, и ни въ чемъ бы имъ не вредили. И буде на томъ же холму какое дерево и новаго роду собою израстетъ, и таковое подсѣкать, и рости имъ не давать, чтобъ они признаки не повредили.

И во время межеванiя въ какую сторону отъ утину вервь * натянется, то подъ ту вервь ставить вышепомянутой компасъ, и по компасу смотря писать именно, на какую сторону протянулася вервь, и коея четверти на который градусъ, и колико градусовъ поступило отъ востока къ полудни, или отъ полудни къ востоку, и прочая.

А межа отъ признаки до признаки, или отъ поворотки до поворотки, и колико коея прямизны будетъ мѣрою, сажени писать именно, и въ кую сторону она поворотила направо или налѣво, и на колико градусовъ она поворотилась, такъ именно и писать.

А буде гдѣ прiидетъ межа излучиною, и буде сосѣдъ сосѣду не уступитъ, то протянуть вервь отъ холма на холмъ прямо, и смѣрять по верви, колико мѣры межъ тѣми холмами будетъ, и отъ тоя верви смѣрять поперегъ, что тоя излучины будетъ, и записать именножъ. И гдѣ старая межа по рѣкѣжъ или къ ручью,

* У Стр. почти вездѣ *верфь;* въ моемъ спискѣ часто ошибкою *вѣтръ*, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ правильно *вервь*.

и та старая межею и да будетъ. Обаче вервь надлежитъ натянуть прямо и записать именно, колико тоя прямизны отъ холма до холма, и гдѣ старыя межи излучинами, такъ имъ и быть; а куды вервь была ради смѣтку земли, сохою тутъ не проѣзжать, но токмо то писать, на кой градусъ та вервь была протянута. А кромѣ излучинъ, куда вервь ни протянется, съ обѣ стороны проѣхать сохою раза по два-три, и свалить къ верви вмѣсто (?), и та межа, съ коими землями дѣлитъ межу, писать именно, чья она есть, и какъ она нарицается. И буде чрезъ межу случится какая рѣка иль ручей или вражекъ или сухой долъ или болото, все то писать именно, на коей верви случилась, и въ коликихъ саженяхъ отъ коего холма. И буде дорога чрезъ нее лежитъ, то откуду, куда, и при какой признакѣ та земля, при рѣкѣль великой, или при малой, или при озерѣ великомъ, или маломъ, или при болотѣ какомъ. И всякая межа писать съ подлинною очисткою, чтобъ она во вѣки неподвижна была, «и п̊року бы» (?) * въ ней ни малаго не было.

Аще и съ трудностію потрудиться о семъ, обаче въ роды родовъ безсорнобъ было житіе. И егда Богъ и сіе благо дѣло совершитъ, то мнится мнѣ, не худо бы и напечатать ихъ книгъ (?) сотницу другую и по городамъ разослать. И аще гдѣ пожаръ учинится, то въ другомъ мѣстѣ она будетъ, и межевальной трудъ не погибнетъ, и смятенія о землѣ нигдѣ и ни у кого не будетъ: она будто въ зеркалѣ всѣмъ зрима.

И обмежевывать кіюждо землю сице: отъ утину до того пошла межа прямо на востокъ или на полдень, или своротила на право иль на лѣво отъ коея четверти, и многоль градусовъ вправо иль влѣво

* Словъ между запятыми, впрочемъ непонятныхъ, въ моемъ спискѣ нѣтъ. Не ошибка ли вмѣсто *и пороку бы*.

поступило, и отъ утину до перваго холма земля того-то села или деревни или пустоши какой, съ правыя стороны а съ лѣвыя стороны також де такая то именуемая земля, и съ коликими землями та пустошь, кою межуетъ, ни сошлася, все писать именно. То уже той межѣ измѣниться не можно будетъ, ни въ какія лѣта она не смѣшается; ибо по недвижнымъ признакамъ, и по компасу, и по мѣрѣ отъ поворотки до поворотки, и отъ холма до холма, всякую межу разобрать будетъ мочно.

И когда кое урочище все вкругъ обмежуется, и послѣдняя вервь егда придетъ къ утину, съ коего утину началъ межу вести, написать именно по компасу, на которую четверть и на который градусъ той четверти утину пришла.

А буде о коей межѣ споръ будетъ, то тѣ земли вымѣрять первѣе по писцовымъ книгамъ, четвертную мѣру, и сѣнокосныя угодья також де, и около тоя земли межа повести вышеписаннымъ же порядкомъ, и межа положить около нея недвижимая.

И егда кою всю землю обмежуютъ, то посреди тоя земли вдоль протянуть вервь отъ писменны и недвижимыя признаки на недвижимую жъ признаку, и смѣрять по ней, что тоя земли длиннику будетъ; також де протянуть и поперегъ, взявъ начало отъ коего холму, и тянуть вервь на призначной же холмъ, или на недвижимую какую признаку, чрезъ длинную вервь, и на перехрестье подложить квадратъ, и куды то перекрестье покосилось, такъ именно и писать, и какъ длинникъ, такъ и поперечникъ смѣрять, что его будетъ, и на томъ же перекрестьѣ поставить компасъ, и куды того компаса сѣверная стрѣлка укажетъ, такъ и записать, и на чертежѣ стрѣлка означитъ.

И на цѣломъ листѣ сдѣлать той обмежеванной зем-

лѣ чертежъ по размѣру; какъ межа ведена, такъ именно и написать, и по колику отъ холма до холма, и отъ поворотки мѣры, такожде и отъ иныхъ признакъ до признакъ, цыфирными словами всякую мѣру особливо подписать; и около нея какія земли прилегли, все именно подписать, и коликою мѣрою коя земля приткнулась; и на срединѣ того чертежа означить длинникъ и поперечникъ точками на тѣжъ признаки, на которыя вервь была протянута, и подлѣ точекъ написать мѣра длиннику и поперечнику, колико саженъ. И егда чертежъ правильно написанъ будетъ, то по чертежу мочно будетъ всякому человѣку, кто въ размѣрѣ силу знаетъ, и не бывъ на землѣ, скажетъ, колико въ ней десятинъ и коликія четвертныя пашни.

И того ради всякой межевщикъ, колико какихъ земель не отмежуетъ, написалъ бы именно всякой земли особливые чертежи, и всякая пустошь обмежеванная написана бъ была на особливомъ листу; и на тѣхъ же чертежахъ надобно написать, колико по писцовымъ книгамъ написано въ ней четвертей въ полѣ и колико сѣна копенъ. И егда кой межевщикъ свою долю всю измежуетъ, то тѣ чертежи переплести въ книгу, и положить ее въ помѣстномъ приказѣ въ сохранное мѣсто впредь для утвержденія правды.

И аще тако вся Россійская земля размежуется, то упокоятся всѣ земляныя ссоры: нельзя будетъ ни сажень кому чужой земли присвоить, но всякой будетъ, аще убогъ, и аще кто и ябедоватъ и нахаловатъ, а будетъ своимъ владѣть; и сильнымъ безмочныхъ тѣснить по прежнему будетъ не мочно, развѣ отнять все; и то будетъ явно всѣмъ, что чужимъ завладѣлъ.

И буде кто и покусится межу заровнять, или

холмъ на чужую землю перенесть, то всякой человѣкъ будетъ вѣдать: потому что однимъ днемъ того не сдѣлать, а и сдѣлать не одному человѣку; и того ради будетъ славно и явно. И буде бы кто и сдѣлалъ, то и послѣди сыскать мочно, развѣ чертежи и книги всѣ пропадутъ, то тогда мочно обида чинить. Итого ради книги надлежитъ сдѣлать печатныя, а и чертежей по два-три мочно сдѣлать и положить ихъ одну книгу чертежную въ Москвѣ, а другу въ Санктпетербургѣ, а третью въ томъ городѣ, кому та земля присудна.

И такъ надобно твердо заказать подъ великимъ штрафомъ, чтобы той межи хотя у кого въ одномъ владѣнiи будетъ, а тѣхъ межъ отнюдь бы не перепахивали, и ни межи, ни холма, съ мѣста на мѣсто не переносили бы, но всякая межа была бы въ роды родовъ на своемъ мѣстѣ нерушима.

А и въ степныхъ мѣстѣхъ такожде надлежитъ учинить недвижимыяжъ межи, отмѣрить по дачѣ вымѣрявъ десятинами, и намѣривъ всю чью дачу вышеписаннымъ же образомъ, сдѣлать утинъ, и отъ утину протянуть вервь прямо, аще и верста мѣсто будетъ до поворотки или и больше, и пока прямизна идетъ, по та считать лишше сажени, а на повороткѣ сдѣлать холмъ по вышеписанномужъ, и поворотки писать по компасу, и чертежи дѣлать по вышеписанномужъ.

И буде близко лѣсъ есть, то по вышеписанному жъ садить на холмахъ деревцыжъ, а буде лѣсу молодаго добытъ гдѣ немочно, то набрать дубовыхъ желудей, и по десятку мѣста на холму посадить, а на иномъ урочищѣ наметать сѣмянъ вязовыхъ, и на иномъ березовыхъ или кленовыхъ или иныхъ какихъ. Токмо ка-

кія сѣмена на коихъ холмахъ пометаны будутъ, такъ и въ книги записать, и всю межу устроя по вышеписанному жъ протянуть вервь съ угла на уголъ, потому что въ степныхъ мѣстахъ будутъ многія земли межеваться четвероугольно, и, кромѣ угловыхъ, холмовъ не будетъ; и на чертежѣ на срединѣ написать стрѣлка сѣверная, и на томъ чертежѣ и мѣра, какъ межѣ, такъ и срединѣ, личба (?) написать.

И тако всѣхъ господъ, великихъ и мѣлкихъ дворянъ, дачи обмѣрить подлинною правдивою мѣрою, а не по прежнему глазомѣромъ, чтобы ни лишку и ни недомѣру противъ дачъ не было.

Вельми надлежитъ во всѣхъ межеваньяхъ мѣра четвертной пашнѣ полагать самая правдивая, да аще Его Императорское Величество повелитъ вмѣсто душевредства душевныхъ поборовъ брать съ земли, по чему съ четверти положено будетъ, то чтобы ни убогому, ни богатому, обиды не было.

А въ прежнихъ глазомѣрныхъ мѣрахъ у инаго написано пять четвертей, а владѣетъ на пятьдесятъ четвертей, а у инаго написано двадцать четвертей, и пять не высѣетъ; а егда мѣра прямая будетъ во всѣхъ земляхъ положена, то никому обиды не будетъ.

И межи учиня, такъ надлежитъ твердо блюсти, чтобы ни каковой обмежеванной земли, ни жилой, ни пустой пустоши, не токмо по прежнему на многія части, но и на двое не дѣлить бы, но кому случится продать, или заложить, или и кому и отдать, то отдавать бы и продать всю, какова коя земля есть по обмежеванію безъ раздѣлу.

И сицевое межеваніе аще и не скоро окончится, да уже прочно оно будетъ, и помѣщикомъ всѣмъ покой великой учинитъ. И того межеванья межи такъ надле-

житъ хранить, чтобы не то, что межа повредить, но и прозванія стараго отнюдь бы не измѣнять, но какъ кое урочище изстари названо, такъ бы оно и слыло до окончанія вѣка. И буде чье владѣніе случится по смерти или и по иному какому въ раздѣлъ или въ раздачу по указу, то дѣлить бы цѣлыми пустошами и урочищами по межевымъ книгамъ, а всѣхъ бы тѣхъ межъ ни прибавливали бы, ни убавливали.

А буде кто не токмо межу испортитъ, но аще и имя коей пустоши или урочищу какому измѣнитъ, то обложить его штрафомъ; а буде чрезъ кую землю лежитъ дорога, то объѣхать дорогу съ обѣ стороны сохою, такожде какъ и пограничную межу; и учинить ее шириною, буде проселочная тележная, то пустить ее трехъ саженъ, а буде проѣзжая дорога городовая, то пустить ее шести саженъ; а буде дорога Московская, то надлежитъ пустить двѣнадцати саженъ или больше.

И тѣ дороги въ десятины и въ четвертное число не числить, но изъ настоящія мѣры и изо владѣнія вычислить вонъ; понеже на чьей землѣ дорога ни бываетъ, слыветъ она Государева, а не помѣщичья; того ради тоя земли и въ окладъ ни кому не класть, и хлѣба на ней никакого не сѣять.

И аще Великій нашъ Императоръ въ сіе дѣло всесовершенно вступитъ, и Богъ свыше призритъ, и помощь свою святую низпошлетъ на ней, то мочно всему сему дѣлу состоятися и совершитися не весьма многими лѣты.

И измѣривъ помѣстныя и вотчинныя земли, обложитъ ихъ платежемъ съ земли, по чему онъ Великій нашъ Государь укажетъ имать съ четверти или съ десятины на годъ, со всѣхъ владѣтелей земли Россій-

скія, которая останется за раздачею къ крестьянскимъ дворамъ подъ пашню ихъ и подъ сѣнокосъ, въ помѣщичьихъ поляхъ и въ пустошахъ и въ лѣсахъ и въ болотахъ; потому что всякая земля, коя отдѣлена будетъ къ крестьянскимъ дворамъ, съ тоя земли будутъ платить крестьяне по дворовому своему окладу, яко же въ седьмой главѣ речеся; и того ради ту землю за помѣщиками и числить не надлежитъ.

И буде положить мѣра десятинѣ длиннику 80 саженъ, а поперечнику 40 саженъ, и съ такой десятины, мнится мнѣ, что мочно съ пахотныя земли по осьми копеекъ взять на годъ, а съ сѣнокосной по шти копеекъ, а съ лѣсныя по четыре копейки, а съ болотныя по двѣ копейки. И я чаю, что на каждой годъ денежнаго сбору тысячъ ста по два-три рублевъ будетъ приходитъ, или и гораздно больше, и тотъ земляной сборъ будетъ проченъ, и никогда онъ не умалится, токмо годъ отъ году прибывать будетъ.

Буде кто лѣса расчиститъ и пахотными полями устроитъ, то у того дачи прибудетъ, а буде кто лѣсъ вырубя, да хлѣбъ снявъ паки запуститъ, и на ту землю прибавливать дачи не для чего; потому что она паки подъ лѣснымъ угодьемъ будетъ.

И аще кто и болото обсушитъ и устроитъ сѣнокосъ, то и тамо прибудетъ же сбору. И того ради земскимъ коммисарамъ на всякой годъ надлежитъ осматривать, буде кто прибавитъ пашни или сѣнокосу, то и окладу на него надлежитъ прибавить.

И по такому расположенію никто даромъ землею владѣть не будетъ, но всѣ будутъ плательщики.

А нынѣ есть много таковыхъ, что за инымъ помѣщикомъ земли пустошей десятка два-три есть, и по окладу въ нихъ четвертей тысяча-мѣста будетъ, и тѣ

пустоши отдаютъ подъ пахоту и подъ сѣнокосъ изъ найма, и на кійждо годъ десятковъ по пяти-шти берутъ, а Великому Государю не даетъ онъ ни деньги. Кто есть я? и за мною съ полтораста четвертей есть, а платежу моего нѣтъ съ нихъ Великому Государю ни малаго. И буде въ Руси вся земля измѣрить прямо и исчислить десятинами, то, я чаю, десятинъ милліоновъ десятка два-три и больше будетъ; и аще обложить кругомъ алтына по два съ десятины, тысячъ сотъ пять шесть будетъ того сбору, и того платежа никому потаить или въ платежѣ похитрить будетъ не возможно; потому что ни единыя десятины утаить будетъ не возможно.

Землю сотвори Богъ недвижиму, и владѣніе земли аще и переходитъ изъ рукъ въ руки, обаче она стоитъ недвижимо; того ради и поборъ аще съ нея учинить, можетъ онъ недвижимымъ быть, и состоятеленъ онъ будетъ. И аще Богъ на ней призритъ и помощь свою низпошлетъ, то можетъ оно не весьма долгимъ временамъ состроитися. Трудно только первой годъ потрудиться; а егда навыкнутъ, какъ межевать по компасу, и какъ мѣру полагать, и чертежи скоро навыкнутъ по размѣру рисовать.

И первый годъ еще и по одному человѣку смышленному послать то дѣло управлять въ куюждо губернію, а на другой годъ мочно и по десяти послать, а на третій годъ хотя и по сту человѣкъ то мочно послать; потому что лихо сперва обстановить, какъ то межеванье отправлять, то и однимъ мѣсяцемъ многимъ мочно научиться.

Ибо поспѣшность сего дѣла въ руцѣ суть Царстей: аще онъ восхощетъ, то немногими лѣты можетъ тое дѣло управить, и того землянаго сбору, чаю, что бу-

детъ со всякія губерніи тысячъ по сту. Только чаю, сильныя лица будутъ всячески сіе дѣло препинать, понеже они обыкли по своей волѣ жить, и не такъ они любятъ дать, какъ себѣ взять.

Я чаю, что и дворовому расположенію какъ ни есть, а будутъ препятіе чинить, а если Великій Государь переломитъ ихъ древнее упрямство, то я чаю что вполы будутъ дворовые поборы; нынѣ съ двора сходитъ рублевъ по осьми или малымъ чѣмъ меньше, а тогда, чаю, что и по четыре рубли не сойдетъ. И аще по земленому владѣнію всѣ крестьянскіе платежи, такожде и съ дворянъ по владѣнію жъ землямому установить, то тверже онъ подушнаго сбору будетъ, и вельми онъ постояненъ и прибыленъ будетъ. Земля трудно токмо управити еже ее всю по вышеписанному размежевать, и измѣрявъ въ десятины положить право, то послѣди всѣмъ оно любезно и покойно будетъ.

И тако надлежитъ въ земленомъ дѣлѣ потрудиться, чтобъ не токмо едина земля пахотная и сѣнокосная и лѣсныя угодья измѣрять, но и болоты всѣ бы великія и малыя измѣряти, и описать ихъ именно, въ коихъ они урочищахъ, и къ чьимъ землямъ прилегли, и большимъ болотамъ чертежи нарисовать особливые; и спросить сумежныхъ помѣщиковъ, кому кое болото во владѣніе угодно, на немъ его и записать.

А буде сумежные помѣщики отъ болотъ откажутъ, то отписать ихъ за Государемъ, и отдавать ихъ изъ Приказу на оброкъ охочимъ людямъ; а кои болота малыя земли чьея (?) случатся, и тѣ болота писать за ними, въ чьей они землѣ прилучились. И отъ коего болота помѣщики откажутъ, то тѣ болота подобіемъ пустошнымъ вкругъ всего межею обвести, и на повороткахъ

ставить холмы такожде, какъ и кругомъ пустошей, и вкругъ всего болота объѣхать сохою, и сдѣлать валъ; а гдѣ придутъ иныхъ земель межи помѣщичьи, то такъ и записать. И кои люди отъ тѣхъ болотъ откажутся, то уже ни на какую потребу въ нихъ не ходилибъ, и скота своего не пущалибъ, но владѣлъ бы тотъ, кому оно отдано или продано будетъ.

Такожде и дворы всѣ яко крестьянскіе, тако и дворянскіе и всякихъ чиновъ у людей, и въ городѣхъ у купецкихъ людей, и прочихъ у градскихъ жителей, и у приказныхъ канцеляристовъ, и у прочихъ служителей приказныхъ, и у самыхъ судей, дворы измѣрять и платежомъ обложить; дабы на землѣ Его Императорскаго Величества никто даромъ не жилъ.

Я чаю подъ державою Его Императорскаго Величества подъ всѣми жительми, кромѣ дикихъ поль и глухихъ лѣсовъ, которые ни къ кому во владѣніе не отданы, будетъ добрыхъ верстъ милліона два-три и больше, и толикое величество земли и исчислить въ конецъ не возможно, а платежу съ нея Государю ея нейдетъ ни малаго числа: помѣщики, кои участками своими отдаютъ въ наймы, и берутъ за нее деньги многія, а Великому Государю не платятъ ни малаго числа.

А во всякой круглой верстѣ пятисотной будетъ сороковыхъ десятинъ 78 съ осьмою долею десятины.

И аще кругомъ съ пахатныя и съ сѣнокосныя и съ болотныя земли положить по грошу съ десятины имать на годъ, то того поземельнаго недвижимаго сбора будетъ милліонъ-мѣста другой во всякой годъ, и тотъ сборъ никогда не оскудѣетъ, но токмо мало по малу отъ расчистки лѣсовъ будетъ приполнятися.

И если сіе Богъ состроитъ, еже Великій нашъ Мо-

нархъ обложитъ со владѣнія имать платежъ, то никто по нынѣшнему тунежителемъ не будетъ, но всѣ будутъ платежники по количеству владѣнія своего.

И дворамъ крестьянскимъ надлежитъ положить мѣра подлинная, и неизмѣнная; аще на коемъ крестьнинѣ дворъ тяглый, то прямой бы уже и былъ дворъ.

И мнится мнѣ: надлежитъ крестьянскому двору быть мѣрою въ долготу и съ гуменникомъ пятьдесятъ саженъ или штидесять, а шириною цѣлому двору быть двѣнадцать саженъ, а полудвору восемь саженъ, а четверть двору шесть саженъ, а осьмушечному четыре сажени, а длина всѣмъ единоравная. Чтобы овины у всѣхъ въ далекости отъ двороваго строенія были.

И платежъ, мнится мнѣ, мочно положитъ съ цѣлаго крестьянскаго двора во всѣ поборы въ годъ рубля по три или по четыре, или какъ удобнѣе будетъ по прямому разсмотрѣнію, а съ полудвора вполъ, и съ четверти двора четвертая доля изъ платежа, и прочіе платежи по мѣрѣ дворовъ располагать; то никому будетъ не обидно и всѣмъ будетъ легко.

И на цѣлой дворъ надлежитъ, по моему мнѣнію, дать пахатной земли четыре четверти въ полѣ, а въ дву-потому же, а пол двора — двѣ четверти, а кто на четверти двора будетъ жить, тому одна четверть земли въ полѣ, а и въ другихъ поляхъ по толику же числу, чтобъ ему по вся годы по цѣлой четверти ржи высѣвать, а яроваго по двѣ четверти. И аще кто будетъ жить на шестой долѣ двора или на осьмой, то по тому и земли имъ отводить неизмѣнно. А буде кто похочетъ на себя тягла прибавить, толико и земли ему подъ пашню и сѣнокосу прибавить; и по таковому расположенію все чинить неизмѣнно.

Также и помѣщикамъ брать съ нихъ всякіе свои поборы по томужъ расчисленію, также и въ работѣ по землѣ расчисленіе чинить, то всякая и работа будетъ имъ сносна. И сверхъ бы того расположенія никакой помѣщикъ излишняго ничего бъ не накладывали, чтобъ отъ излишнихъ поборовъ крестьянство во оскудѣніе не приходило. И аще тако расположено и устроено будетъ, то помѣщики душѣвредить не станутъ, ежебы по три и по два двора въ мѣсто спаливати (?) И ради лучшаго отъ неправды помѣщичьей удаленія и ради отъ огненнаго запаленія охраненія надлежитъ во всѣхъ селахъ и деревняхъ дворы строить гнѣздами, а несплошъ по прежнему, но токмо по двѣ селитьбы крестьянскія, якоже въ седьмой главѣ назначено, семо же пространнѣе изъявится съ размѣреніемъ длинника и поперечника.

И аще тако устроено будетъ, то никоими дѣлы по прежнему спалить трехъ или четырехъ дворовъ въ одинъ дворъ не возможно будетъ, да и не для чего тако чинить.

И крестьянскіе дворы управя надлежитъ и градскіе дворы измѣряти, и также обложить платежемъ земли дворовые, колико подъ кѣмъ есть.

И мнится мнѣ: съ дворовыя земли яко съ купецкихъ, тако и съ приказныхъ людей, и съ бѣломѣсцовъ всякаго званія, съ сильныхъ и съ безсильныхъ лицъ, у коихъ въ городѣхъ и на посадѣхъ дворы есть, кромѣ духовнаго чина и причетниковъ церковныхъ, съ дробныя сажени кажется можно по полушкѣ на годъ имать или по полуполушкѣ.

А съ огородныя земли и съ подгородныя, на которыхъ земляхъ овощи садятъ и сѣютъ, и сады загородные разведены, также измѣрять въ дробныя сажени,

и мнится, съ тѣхъ загородныхъ огородовъ съ десяти саженъ по копейкѣ можно имать.

И съ тѣхъ огородныхъ овощей на одногородномъ торгу пошлина имать, кажется, не надлежитъ; токмо развѣ куда на иной городъ повезутъ, то отвозная пошлина надлежитъ взять; а егда состоится новая пошлина, то тогда такъ будетъ и управлятися.

И ради таковаго великаго землянаго дѣла надлежитъ, чаю, особная и канцелярія учинить, понеже всѣмъ дѣла много будетъ, и сборъ въ ней будетъ милліонный и самой основательный. И сей земляный сборъ трудно токмо его основати, а егда основется и утвердится, то онъ яко рѣка имать пищи неизмѣнпо. Земля сотворена отъ Бога недвижима, тако и сборъ земляный аще Богъ его совершитъ и утвердитъ, то будетъ онъ неподвиженъ во вѣки. Аминь.

ГЛАВА IX.

О ЦАРСКОМЪ ИНТЕРЕСѢ.

Въ собраніи Царскаго сокровища надлежитъ прямо и здраво собирати, чтобъ никаковыя обиды ни на кого не навести; казна бы Царская собирати, а Царства бы его не разоряти. Худой тотъ сборъ аще кто казну Царю собираетъ, а людей разоряетъ; ибо аще кто Государю своему тщится служити, то паче собранія надлежитъ ему людей отъ разоренія соблюдать, то то собраніе и споро и прочно будетъ; къ сему же и собраннаго надобно блюсти, дабы даромъ ничто нигдѣ не гинуло. Охраненіе доброй товарищъ собранія: аще бо охраненія гдѣ не будетъ, трудно тутъ собирателю собирати.

Якобо утлаго сосуда не можно наполнити, тако и собранія казны: аще собраннаго не будутъ блюсти, неспоръ тотъ сборъ будетъ.

Азъ бо въ 710 году будучи въ Новгородѣ, видѣлъ: на гостинномъ дворѣ двѣ палаты накладены были конской сбруи и иныхъ полковыхъ припасовъ, и что тамъ ни было, все то сгнило и пропало, и весь тотъ припасъ вырыли изъ палатъ лопатами, и на колико сотъ рублевъ того было, Богъ вѣсть.

И по таковому небреженію чаять, что и во всѣхъ городѣхъ и во арміяхъ отъ такого жъ коммиссарскаго недозрѣнія въ припасѣхъ и въ хлѣбныхъ запасѣхъ казны много съ сего свѣта погибаетъ.

На что сего ближе и страшнѣе, еже въ Санктпетербургѣ на корабельныя дѣла готовятъ лѣса дубовые, да и тутъ пакости великія чинятся. Въ прошломъ 717 году ѣхалъ я Ладожскимъ озеромъ, и видѣлъ по берегамъ и по островамъ лежитъ дубовыхъ лѣсовъ множество, и въ томъ числѣ есть такое брусье великое, что, чаю, иной брусъ рублевъ по сту и сталъ, и иное брусье уже и замыло пескомъ, иное чуть и видѣть изъ песка.

И чаять то и по инымъ берегамъ и островамъ не безъ того, и аще оно до-днесь лежитъ, то много чаять и погнило, и по такому небреженію Богъ вѣсть колико отъ такого небреженія казны погибаетъ напрасно.

И тое небреженіе, аще зрится, и велико, обаче не таково яко отъ лѣсныхъ припасателей шкоды содѣвается; ибо лѣсные припасатели великую и неизчислимую гибель чинятъ кораблямъ, понеже лѣса готовятъ трапореховатые; и аще и одинъ брусъ въ коемъ караблѣ въ причинномъ мѣстѣ изгодится трапореховатый, то корабль весь погубитъ; а если въ коемъ кораблѣ брусовъ десятокъ - другой трапорехихъ случится, то такого корабля и почитать кораблемъ нельзя. Корабль добрый и здоровый подобенъ городу, а изъ тропореховатаго лѣсу состроенный хуже хворостиннаго плетня. Плетень аще собою и некрѣпокъ, обаче егда военные люди будутъ въ немъ сидѣть, то непріятель его даромъ не возьметъ, а корабль, изъ дряблаго дуба сдѣланный, и безъ бою отъ трясенія воднаго пропадетъ, и людей въ себѣ и безъ непріятеля всѣхъ погубитъ.

На такое великое и нужное корабельное дѣло надобно бы выбирать лѣсъ самой добрый и здоровый зеленецъ, а кое дерево, видится аще и здорово, а отъ древности оно покраснѣло, и такого дерева отнюдь въ корабельное строеніе не надлежитъ класть того ради что и оно непрочно; а которое дерево почало уже трапорешить, то такое, кромѣ дровъ, никуда негодно.

А видѣлъ я въ Санктпетербургѣ такіе лѣса, привезенные къ корабельному дѣлу, что и расколоть прямо неумѣть, но ломится кусьемъ, а и тесать станешь, то и щепы не отщепишь, чтобъ ей не разломаться на двое или и трое; и такого деревья ни близко къ корабельному дѣлу не потребно привозить.

И по моему мнѣнію: въ корабельномъ дѣлѣ паче огня трапореховатаго того дерева подобаетъ бояться; потому что корабль со всѣмъ уборомъ станетъ, чаю, тысячъ въ сотницу, а отъ небольшихъ трапорѣховатыхъ деревъ пропадетъ, и коя казна въ немъ и будетъ, вся погибнетъ, къ томужъ еще и людей въ себѣ множество погубитъ.

Въ корабельное дѣло дубъ надлежитъ выбирать самый добрый зеленецъ за добрымъ свидѣтельствомъ, и видомъ бы онъ просинь а не красенъ былъ. И аще изъ такого дуба корабль будетъ сдѣланъ, то онъ уподобится желѣзному: ибо и пуля фузейная не весьма его возьметъ; егда бо такой дубъ засохнетъ, то пуля и полувершка не проѣстъ; а въ красной дубъ пуля далече уйдетъ, а трапореховой и того глубочае пробьетъ.

И того ради который корабль изъ такого здороваго дуба сдѣланъ будетъ, то онъ трапореховатыхъ лучше двадцати кораблей; понеже онъ, первое, что пули не весьма боится; второе, что отъ трясенія

волнъ не трутится, третье, что онъ не гніетъ, но паче отъ воды жесточаетъ, и можетъ онъ жить лѣтъ пятьдесятъ или больше, а изъ трапореховатаго дерева сдѣланный корабль не переживетъ и пяти лѣтъ; и работа и казна вся въ немъ посоренная даромъ пропадетъ.

И мнѣ ся мнитъ, лучше корабли дѣлать изъ здороваго сосноваго лѣса, нежели изъ дряблаго дуба: дряблый дубъ въ сыромъ мѣстѣ и пяти лѣтъ не переживетъ, но весь изотлѣетъ и пропадетъ.

Я, на денежномъ дворѣ будучи, ставилъ станы денежные, въ коихъ деньги и монеты печатаются въ большихъ стулахъ дубовыхъ, и были они только по половинѣ стула вкопаны въ землю, и тѣ стулы въ три годы всѣ пропали, и я по двѣ дубины здоровыя сплотилъ, и станы въ нихъ поставилъ, то и донынѣ стоятъ не вредны.

И вышеобъявленная въ дубовыхъ припасѣхъ дѣется пакость и отъ недознанія лѣсныхъ управителей; а иноземцы аще и видятъ, что лѣсъ худой, да они о томъ не пекутся, но токмо о томъ пекутся, чтобы имъ дѣлать, мастерскія деньги взять за работу со удовольствомъ; а добрый человѣкъ не сталъ бы изъ худаго лѣса и дѣлать.

Они какъ художники, такъ и служивые, ничимъ же разнствуютъ и торговые, паче пекутся о своеземцахъ, нежели объ насъ. Я чаю, что и всѣ Европскіе жители нерады нашимъ кораблямъ: имъ то надобно, чтобъ они одни славились и богатѣли бъ, а мы бъ отъ нихъ изъ рукъ глядѣли.

И о семъ моемъ изъявленіи, чаю, что будутъ на меня гнѣваться, и если увѣдаютъ о мнѣ, что не на похвальбу имъ написалъ, всячески будутъ тщатися, како бы меня опроврещи.

Я ихъ множицею видалъ, что они самолюбы, а намъ во всякомъ дѣлѣ лестятъ, деньги манятъ, а насъ всякими вымыслы пригоняютъ къ скудости и безславію.

Егда Царскаго Величества состоялся указъ, еже дѣлать круглыя деньги мѣдныя, то никто ни изъ Русскихъ людей, ни изъ иноземцевъ, не сыскался такой человѣкъ, чтобы тѣ инструменты къ такому дѣлу состроить; только иноземецъ Юрья Фробусъ имался, что добыть таковыхъ мастеровъ изъ за моря.

И я, видя въ томъ дѣлѣ протяжность великую, вступилъ въ то дикое время, и все то денежное дѣло установилъ, и я имъ иноземцамъ въ томъ аще и учинилъ пакость, обаче мнѣ шкоды никакой не было, а нынѣ нельзя ихъ не опасаться, понеже ихъ множество, и за поносное на нихъ слово не учинили бы мнѣ какой пакости.

И о непотребномъ лѣсу, къ корабельнымъ дѣламъ привозимомъ, исправить невозможно, аще нынѣшняго порядка въ припасеніи лѣсномъ неизмѣнити, и штрафа на припасателей и на отправителей не наложити.

И по моему мнѣнію видится, надлежитъ учинить, аще которые люди готовятъ тотъ припасъ въ лѣсу, то повелѣть бы сѣкачамъ, вошедъ въ лѣсъ, первое осмотрѣть дерево, на корнѣ стоящее, здорово ли оно есть, и буде стоитъ оно весело, и признаки въ немъ къ хворости и къ старости никакой нѣтъ, то отъ земли саженяхъ въ двухъ или выше вырубить иверень, и тотъ иверень высуша, освидѣтельствовать; и буде дерево здорово и зелено, и къ рубленью жестоко, и къ тесанью вязко, то свалить его съ корня и тесать по образцу, и вытесавъ, осмотрить его, все ли оно здорово, и буде нѣтъ въ немъ ни зяблины, ни иной никакой признаки хворостной, то заклеймить его тому

сѣкачу. А кто у него приметъ, тому такожде осмотрить его накрѣпко, нѣтъ ли въ немъ какого пороку; и буде во всемъ оно здорово, то и тому пріемщику положить на немъ свое клеймо, а безъ клейма никакого дерева, ни доски, къ кораблямъ не отпускать.

А буде кое дерево съ корня свалятъ, и станутъ его тесать, и тогда аще означится въ немъ зяблина, или дряблина, или къ тесанію будетъ кропко, и такія дерева отдавать на бочки и на иныя потребы, кромѣ корабельнаго дѣла, или тѣ лѣса жечь на смальчугу. А буде на какую потребу такой выметной лѣсъ къ корабельному украшенію, кромѣ основательныхъ дѣлъ, годенъ будетъ, то тотъ лѣсъ отпускать безъ клейма.

Подкрѣпленіе же о отправленіи корабельныхъ лѣсовъ учинить бы сице: буде кое дерево корабельное великое или малое явится у корабельнаго дѣла въ привозѣ нездоровое, и то дерево бросить не въ чотку, а чье на немъ клеймо, тому такое жъ дерево одно, или два за одно, у корабельнаго дѣла на своихъ проторяхъ поставить, а сѣкачей, кои тесали и заклеймя отдали пріемщику негодное, высѣчь батоги или и кнутомъ, дабы впредъ такихъ негодныхъ деревъ не рубили и не тесали.

И за такимъ штрафомъ впредъ уже такихъ негодныхъ ни рубить и ни тесать не будутъ, и къ корабельнымъ дѣламъ отпускать не станутъ. А буде зеленаго дуба на корабельное дѣло набрать будетъ невозможно, то, мнѣ мнится, не почто и тратить казна въ дубовые лѣса; потому что плохой дубъ ни малымъ чѣмъ не лучше сосны, а казны въ нихъ преизлищше идетъ много. Я чаю, что тою казною, колико изойдетъ на корабль дубу, сосновыхъ мочно три или четыре сдѣлать, а служить лише бы онъ не лучше дубоваго сталъ. Дубъ трапореховой егда напьется воды, то онъ подобенъ

будетъ глинѣ, и на ходу вельми будетъ онъ тягостенъ; а сосновый и еловый гораздо будетъ легче, а и отъ трясенія волнъ лучше дряблаго дуба устоитъ.

Я чаю, что многіе люди будутъ о семъ спорить глаголя: никогда де соснѣ не быть крѣпостію противъ дуба, то и я того не пререкую, что добрый и здоровый дубъ зеленецъ пятья и десятья лучше сосны, а красный едва будетъ ли лучше, а которой истрапорешилъ, то тотъ хуже и ели.

Страшенъ ми сей глаголъ, что дерзнулъ о такомъ дѣлѣ великомъ писати, но презельная моя горячесть понудила мя на сіе дѣло: Богъ бо ми свидѣтель, что не ради какого поисканія, или прибытка желая себѣ, но токмо самыя ради любви, юже имѣю къ Его Императорскаго Величества самодержавію. * Ибо я отъ юности своея бѣхъ таковъ, и лучше ми каковую либо пакость на себя понести, нежели видя что не полезно, умолчати. И что во изъявленіи моемъ явится неимовѣрно, то можетъ свидѣтельствомъ или пробою разрѣшиться во всѣхъ девяти главахъ; паче же всѣхъ свидѣтельствъ правдолюбивое сердце да разсудитъ вся.

Еще же будучи въ Новѣгородѣ въ 710 году видѣлъ я: къ тѣмъ кораблямъ вьютъ канаты, и вьютъ ихъ изъ такой скаредной пеньки, что коя уже никуды не годится, и свивъ, смолою засмолятъ, возятъ въ Санктпетербургъ, и отдаютъ на корабли, и въ таковыхъ канатѣхъ вящшая погибель, а не надежда.

И ради таковыя пакости, мнится мнѣ: лучше во адмиралтейство принимать канаты несмоленые, то несмоленаго осмотрѣть, какова въ немъ пенька, и колико въ ней кострики, и здороваяль она или гнилая, развить все то, что мочно познать, а въ смоленомъ ничего того

* Въ моемъ спискѣ этого слова нѣтъ.

не знать, и смолить бы ихъ уже освидѣтельствовавъ; то такіе канаты будутъ надежны.

Канаты корабельные, становые, дѣло великое и страшное: дѣлать ихъ надлежитъ изъ самой доброй и здоровой пеньки, потому аще канатъ надеженъ, то кораблю спасеніе; а аще канатъ худъ, то кораблю и людемъ въ немъ сущимъ явная погибель.

И буде нынѣ канаты изъ такой же плохой пеньки дѣлаютъ, то не по что якорей и метать въ воду, но лучше пускаться по вѣтру.

Еще же надлежитъ ми донести и изъявити о посошной работѣ: которые присылаются съ городовъ въ Санктпетербургъ на тримѣсячную работу, такожде и во иныя мѣста пришедъ, работаютъ по три мѣсяца, а работы ихъ видѣть нечего, и смотрѣть ихъ на ту работу маркотно: потому что гонять день къ вечеру, а не работу къ отдѣлкѣ.

И аще бы и то исправить и сицевымъ порядкомъ: выбрать къ тѣмъ дѣламъ правителей добрыхъ, кои бы не алтынники были, и приказать имъ осмотрѣть разумно, и смѣтить колико на коей работѣ тримѣсячные работники въ бытность свою сдѣлали, и новопришедшимъ работникамъ ту работу изъявить, и неколикую часть къ тому приложить по дѣлу смотря, и сказать имъ такъ: аще толикое число сдѣлаете хотя въ одинъ мѣсяцъ, то и отпущены съ тримѣсячныя работы будете. И сдѣлавъ урокъ хотя на Государеву же работу наймутся, хотя по мірскимъ работамъ будутъ наниматься, а буде не похотятъ наниматься, то шли бы въ домы свои.

И тѣмъ управителемъ сказать указъ за жестокимъ штрафомъ и съ наказаніемъ, чтобы аще и въ одинъ мѣсяцъ ту трехмѣсячную работу отработаютъ, то ничего бы съ нихъ не брали, и не волоча ихъ ни дня,

и отпускѣ бы имъ чинили. И аще такъ уставится, то крѣпко можно надѣятися, что многіе будутъ трехмѣсячную работу въ одинъ мѣсяцъ обработывать.

И кои работники урокъ свой обработаютъ хотя скоряя мѣсяца, а отпуски давать имъ тримѣсячные, потому что они трехмѣсячную свою работу сработали. А если въ отпускѣ трехмѣсячныя работы не написать, то откуда они посланы, станутъ на нихъ данныхъ денегъ спрашивать назадъ.

И буде и не всѣ коего города работники, но отберутся артелью трехмѣсячную уреченную имъ работу отдѣлаютъ, то тое артель и отпустили бы безъ задержанія; и на то смотря будутъ и другіе работники поспѣшать. А кои не похотятъ уроками дѣлать, и тѣ пусть всѣ три мѣсяцы работаютъ; и аще тако устроится, всякія дѣла поспѣшнѣе будутъ отправляться.

И буде впроки тако устоитъ, то всѣмъ работникамъ охотнѣе будетъ на работу ходить, и дѣла будутъ отправлятися поспѣшнѣе; потому что отдѣлавъ свой урокъ, будутъ хотя на той же работѣ изъ найму работать.

И не токмо въ однихъ черныхъ работахъ надлежитъ учинить, но и въ художныхъ дѣлахъ, какъ въ Русскихъ, такъ и въ иноземцахъ, такожде надобно учинить, чтобы всякая работа давать имъ уроками же.

А мѣсячное имъ жалованье надлежитъ отставить, и давать по задѣлію коегождо ихъ, то всякія дѣла скоряе будутъ дѣлатися.

Видѣлъ я въ оружейной палатѣ при сидѣньѣ Алексѣя Александровича Курбатова: иноземецъ принесъ фузею, къ которой онъ дѣлалъ деревянное ложе гладкое, ни рѣзей, ни костей въ него не сажено, а дѣлалъ онъ тое ложе четыре мѣсяца, и на всякой мѣсяцъ шло тому иноземцу едва не выше ли десяти рублевъ на мѣсяцъ. А если-

бы отдать тое ложе съ договоромъ, взяли бы отъ него рубля полтора или бы сорокъ алтынъ, и сдѣлали бы дня въ два или въ три, а не въ четыре мѣсяца; и Алексѣй Александровичъ вельми на него кричалъ и говорилъ: ложе де больше двухъ рублевъ не стоитъ, а пришло де оно близъ шти-десяти рублевъ.

Иноземцы всѣ не пекутся, чтобъ ему по скоряе сдѣлать, но паче о томъ пекутся, како бы имъ по доле протянуть. Иноземцы всѣ ни о чемъ такъ не пекутся, какъ о мѣсячныхъ деньгахъ.

А и въ сборѣ царскаго интереса не весьма право дѣется: ибо покушаются съ одного вола по двѣ и по три кожи сдирать, а по истинней правдѣ не могутъ и единыя кожи цѣлыя содрати, и елико ни нудятся, токмо лоскутье содираютъ, и въ томъ Царскаго Величества интересу поврежденіе чинится великое; понеже хощутъ излишнюю пошлину взять, да въ томъ и истинную свою истеряли.

Ибо по торговому уставу въ которомъ городѣ товаръ какой собирается, то повелѣно съ крестьянъ пошлинъ брать по пяти копеекъ съ рубля; а кто собираетъ, то съ тѣхъ велѣно явочныхъ денегъ по пяти денегъ съ рубля, да отвозныхъ по пяти денегъ съ рубля; итого станетъ по гривнѣ съ рубля; и куды тотъ товаръ отвезутъ и продадутъ, то паки съ продажи берутъ по пяти копеекъ съ рубля; итого станетъ по пятнадцати копеекъ съ рубля. Нынѣ вмѣсто тѣхъ пятнадцати копѣекъ съ иныхъ товаровъ ни по деньгѣ съ рубля не сойдется; потому что многіе покупаютъ у себя на дому, а иные покупаютъ отъѣхавъ.

И тако первая пять копеекъ, кое было надлежало взять съ крестьянина, и пропадаетъ, а тотъ купецъ продаетъ тайно же, то и другая пять копеекъ пропадаетъ, и тотъ вторый купецъ привезщи въ свой

городъ тайно, въ свою лавку или и по инымъ раскладетъ. Итако въ мѣлкую продажу онъ изойдетъ, то и третья пять копеекъ пропадетъ.

А буде кто какого товара не можетъ тако тайно учинить, то онъ возьметъ выпись на свое имя, и кто у него купитъ, и тотъ по той чужой выписи повезетъ, и буде удастся продать безпошлинно, то тое выпись назадъ отвозитъ, и какъ ни есть съ тѣмъ бурмистромъ сладятся, да и выпись о земь. И того ради многіе отпускныхъ выписей и въ книги не записываютъ.

А буде кто тайно товару своего продати не можетъ, то токмо одну пошлину заплатитъ по пяти копеекъ съ продажи, а та вся пропала; а буде кто и тайно избудетъ, а откуду тотъ товаръ поднятъ нельзя платежной выписи не явивъ, то возьметъ платежную выпись гдѣ въ маломъ городѣ или въ селѣ, гдѣ тотъ товаръ никогда не бывалъ, и цѣну напишетъ малую, и съ той малой цѣны возьмутъ у него по договору съ рубля по двѣ копейки, а съ правдивыя продажи едва и по копейки съ рубля сойдется ли.

И тако вмѣсто многихъ разныхъ пошлинъ пятикопеечныхъ никому одной пятикопеечной пошлины не сойдется; и вмѣсто пятиалтынныхъ едва сойдется ли и по копейкѣ съ рубля. Итого ради нельзя и быть сборамъ пошлиннымъ великимъ потому, что вся пошлина на переводъ идетъ.

И нынѣ многіе вымышленники, хотя сборы пополнить, вымыслили поземельныя, подушныя, хомутейныя, прикольныя, съ судовъ водяныхъ, посаженныя, мостовыя, пчельныя, банныя, кожныя, покосовшинныя и съ подводчиковъ десятыя, и называютъ то собраніе мелочными сборы: «обаче ни тѣми поторжными сборы» *

* У Стр. слова между запятыми пропущены.

наполниться казна можетъ, токмо людемъ трубацыя великая: мѣлочной сборъ мѣлокъ онъ и есть.

Еще же къ тѣмъ мѣлочнымъ сборамъ приложимъ и иной сборъ иже Царскому Величеству весьма неприличный: такому Великому Монарху, и на весь свѣтъ славному, и Великому Императору, собираютъ ему на нужные расходы со всякаго сбора по деньгѣ на рубль, и сей сборъ паче всѣхъ сборовъ моему мнѣнію противенъ; понеже Царь нашъ всесовершенный самодержецъ, и не токмо отъ своихъ рабовъ, но и отъ иныхъ своихъ сосѣдей зазрѣнъ быти не можетъ. Онъ нашъ Государь подобенъ Богу, еже восхощетъ можетъ сотворити, и казну свою можетъ со излишествомъ наполнити, и никакая нужда денежная коснутися его не можетъ.

По моему мнѣнію вышепомянутые древняго устава пошлинные многоплодные сборы и нововымышленные мѣлочные сборы отставить, да уставить единъ самый Государственный правдивый сборъ, иже съ Христова воплощенія уставленный, т. е. десятинныя еже имать пошлины по гривнѣ съ рубля, а не по пяти алтынъ.

И учинить бы тотъ сборъ постоянный и недвижимый и никогда ненарушимый, чтобъ со всякаго товару взять пошлины единожды по гривнѣ съ рубля, и уже бы съ того товара въ другой рядъ или въ третій отнюдь бы ничего никогда нигдѣ не имать.

Аще кой товаръ того года и не продастся, но продастся въ другой годъ и въ третій, то уже съ того товара другаго платежа съ той цѣны, съ коея прежде заплачено, никогда бы ничего не имати.

И аще такъ Богъ устроитъ, то людямъ будетъ покойно, а Царскому Величеству собранія пошлиннаго, не могу надежно рещи втрое, а вдвое гораздо настоящаго сбору будетъ больше.

Нынѣ отъ такихъ многихъ сборовъ люди приходятъ во оскудѣніе; потому что колико разныхъ сборовъ есть, толико и бурмистровъ, а у всякаго бурмистра цѣловальники и ходоки особливые; и кои люди въ службу выбраны, тѣ уже отъ промысловъ своихъ отбыли, и кормятся тѣми жъ Государевыми деньгами. И того ради никакіе сборы и не споры, а люди всѣ тонѣютъ: ово отъ множества службъ, ово же за преступленіе крестнаго цѣлованія и чрезъ присягу дѣлаютъ нетвердо, деньги сборныя крадутъ, тѣмъ себя и питаютъ, и ради клятвопреступленія не спорится имъ.

А егда службу свою отслужатъ, то приказные люди станутъ ихъ считать, да щипать, а въ томъ отчетѣ годъ или два проволочатъ, и тою волокитою и до конца разоряютъ ихъ.

И мнѣ мнится: лучше всякимъ служителемъ учинить указное опредѣленіе, чѣмъ имъ питаться, дабы имъ въ клятву не впадати, и питатися бы благословеннымъ кусомъ; такожде и приказнымъ людемъ надлежитъ указъ учинить, почему съ какого служителя имать, дабы всякой человѣкъ своимъ благословеннымъ кусомъ питался.

Сіе моему мнѣнію вельми прикро (?) что бурмистровъ и цѣловальниковъ выбрать въ службу, да ко кресту принуждаютъ и клятвами великими заклинаютъ, чтобъ не малому чему Государеву не коснулся, а выбираютъ въ цѣловальники самыхъ бѣдняковъ, * то какъ ему правда дѣлать, что если ему не украсть, то и хлѣба добыть ему негдѣ. И тако вси въ грѣхъ впадаютъ, тѣ служители отъ нужды касаются кражѣ, а другіе вѣдаютъ, что и перваго дня безъ кражи не пробудутъ, а ко кресту принуждаютъ. А егда увидятъ чье похищеніе,

* У Стр. *ябедниковъ*.

то пытаютъ и кнутомъ бьютъ, и домы ихъ разоряютъ, и за преступленіе клятвы и на томъ свѣтѣ будетъ мучиться.

По моему мнѣнію: буде за всѣми служителями смотрить и наказаніе чинить имъ, то лучше клятва оставить, а буде клятвы оставить не мочно, то наказаніе оставить, и дать его на Божій судъ.

И буде крестнаго цѣлованія не отставить, то надлежитъ у крестнаго цѣлованія спросить его съ запискою, чѣмъ онъ у того дѣла будучи будетъ питаться, можетъ ли онъ своимъ прокормитися. И буде скажетъ. что прокормитися ему нечѣмъ; то опредѣлить его кормомъ, чтобы ему было чѣмъ питатися. И буде кто за опредѣленнымъ питаніемъ сборнымъ деньгамъ коснется, то уже жестоко надлежитъ его наказать. И того ради весьма потребнѣе крестное цѣлованіе и всю клятву уставленную оставить, и учинить яко бурмистрамъ тако и цѣловальникамъ указное хлѣбопитаніе.

И по всему сему лучше мнится крестное цѣлованіе и клятву всю оставить и учинить одно наказаніе; ибо полно ему и того, что за вину свою на семъ свѣтѣ отлучится, а на ономъ свѣтѣ будетъ уже отъ тамошняго мученія свободенъ.

А въ пошлинныхъ,* видится, вельми пристойнѣе съ продаемаго товара имать единожды, ибо и съ вола едина кожа содирается; подобне и наказаніе человѣку за вину надлежитъ учинить единожъ, либо человѣче, либо Божіе.

А и о соляной продажѣ мнится мнѣ быти не весьма дѣльно учинено, еже быти ей въ продажѣ Царскаго Величества, но вельми пристойнѣе быть ей въ свободномъ торгу, а вмѣсто продажныя прибыли поло-

* У Стр. *Въ пошлиныхъ.*

жить на всякой пудъ, коя пойдетъ въ продажу, пошлины по гривнѣ на пудъ, а не съ денегъ, и гдѣ въ какову цѣну ни купится, хотя гдѣ въ алтынъ или въ грошъ пудъ, обаче имать съ нее по гривнѣ съ пуда или больше или меньше, по колику Его Императорское Величество поволитъ имать съ пуда. И брать бы ту пошлина на кормлю,* откуда она въ развозку пойдетъ. То со всякія ладьи (?) сойдетъ пошлины по десяти тысячь рублевъ или больше, такожде и съ бузуну и съ поморки. И гдѣ бы былъ ея пудъ по копейкѣ, а пошлину единаче имать съ пуда по опредѣленію уставленному, и всякому купцу давать изъ таможни ярлыки свободные, чтобъ ему не токмо въ городѣхъ, но и въ деревняхъ Рускихъ, и иноземскихъ, и въ зарубежныхъ, продавать свободно, и пошлины съ нея нигдѣ никакой не имать. Тотъ сборъ всегда будетъ цѣлъ: ни вода его не потопитъ, ни огнь пакости тому сбору не учинитъ; и буде гдѣ соль потонетъ или сгоритъ, а Царской казнѣ ни малаго помѣшательства не учинитъ.

И аще соли свободный торгъ будетъ, то многія тысячи людей будутъ отъ нея кормитися благословеннымъ кусомъ, а не проклятымъ; понеже безъ кражи будутъ прямымъ своимъ трудомъ питатися. И аще соль нынѣшняго и дешевле будетъ; обаче многіе люди и разбогатѣютъ отъ нея; люди отъ безсолицы цынжать и безвременно умирать не будутъ.

А нынѣ въ деревняхъ такую нужду подъемлютъ, что многіе безъ соли ѣдятъ, и оцынжаютъ и умираютъ; и отъ задержанія соли во иныхъ мѣстѣхъ выше рубля пудъ покупаютъ, да и то не всегда, и отъ такой безсолицы напрасно люди помираютъ.

* У Стр. вмѣсто этого слова пробѣлъ. Я думаю надо *на коренію*.

Аще бы она не заперта была, и былъ бы торгъ ей свободный, то нигдѣ бы безъ соли не было, а въ казну бы Его Императорскаго Величества деньги бы шли чистыя съ тысячи пудъ по сту рублевъ, а ни бурмистровъ, ни цѣловальниковъ, ни надзирателей къ той соли не надобныбъ были, ни водяные суды, ни кладовые анбары, ни работники, ни проводники, ни канаты, ни якори, ни иные какіе припасы, «и подводы подъ нее ненадобны бы были, но одна бы таможня управила, и то токмо въ тѣхъ городѣхъ, гдѣ тое соль, купцы рознимать будутъ.

А гдѣ ее купцы въ рознавѣску продавать будутъ, то тамъ нималаго збору не надлежитъ съ нее имать и записки уже никакой еи ненадобно кромѣ тое, откуду она поднята и въ розвозъ повезена.

А наипаче тамъ ее надлежитъ записывать на коренію, гдѣ она сварена; тамо надлежитъ двѣ записки имѣть, едина выварная а другая развозная — и о самосадкѣ тожъ чинить.

И торговые промышленики, купя ее, куды похотятъ, туды и повезутъ, и хотя гдѣ какая и шкода ей будетъ, то все ихъ, а Государевъ зборъ всегда будетъ цѣлъ. А люди по нынѣшнему отъ безсолицы цынжать и безвремянно умирать не будутъ, потому что торговые люди по деревнямъ сами возятъ, и не токмо на деньги продаютъ, но и на хлѣбъ и на скотину и на всячину мѣняютъ, и въ долгъ отдаютъ.

А Государевы купчины и бурмистры безъ денегъ ни на одну копейку недадутъ, а се не вездѣ ее и продаютъ, и кому купить ее ѣхать верстъ сто иль другое иль и больши, и того ради крестьяня, кои маломочны всѣ пропадаютъ, и аще и многіе отъ безсолицы помираютъ, да никто о томъ Великому Государю не доноситъ,

а судьи хотя и вѣдаютъ, да о томъ они не пекутся, чтобъ люди всѣ цѣлы и здоровы были.

И въ тѣхъ соляныхъ зборѣхъ въ бурмистрахъ и въ цѣловальникахъ, и въ управителяхъ, и въ работникахъ, и въ надзирателяхъ, тысячъ пять шесть или больше есть, а вси они будто черви точатъ тое жъ соль, и пищу себѣ пріобрѣтаютъ отъ тояжъ соли.

А если бъ та соль въ свободномъ торгу была, тобъ всѣ тѣ люди были промышлинниками, и питались бы отъ своихъ трудовъ.

И о семъ мочно и сличиться, колико отъ соляной продажи приходитъ прибыли, и колико на всякія расходы расходится, и за всѣми расходы, колико чистыхъ денегъ прибыльныхъ останется, и колико пудъ вѣсомъ въ годъ ее въ продажу исходитъ; и если со всей продажи обложить» * по гривнѣ съ пуда имать пошлины, то по исчисленію пудовъ явно будетъ, колико тѣхъ гривенныхъ денегъ будетъ. Я чаю, что не меньше продажныя прибыли будетъ, а встани гораздо меньше будетъ, а люди сытѣе будутъ.

И вышеявленной съ соли пошлинный сборъ и съ прочихъ товаровъ по вышепредложенному регулу надлежитъ уставить уже неподвижнымъ.

Ежебы брать пошлина всякая по вышеписанному на коренію, то всѣ тѣ сборы управитъ одна таможня. И откуда какой товаръ кто ни станетъ поднимать, и по чему онъ будетъ тутъ на торгу купленъ, или на дому у себя, или въ деревню отъѣхавъ, обаче по прежнему уже пошлины утаить нельзя будетъ; почему онъ ни купитъ, а пошлину дастъ полную по гривнѣ съ рубля; и уже ни коими дѣлы и отбыть отъ платежа не возможно будетъ; потому что безъ платежныя выписи нельзя ему никогда того

* Все мѣсто между «—» въ моемъ спискѣ пропущено.

товару повезти. Того ради что аще безъ платежныя выписи куды ни поѣдетъ, то взять будетъ тотъ товаръ на Великаго Государя безповоротно. А буде кто и кромѣ таможенныхъ бурмистровъ и цѣловальниковъ кой не есть человѣкъ увѣдаетъ, что везетъ кто товаръ какой безъ пошлинныя выписи, и поимаетъ его, то ему изъ того товару за поимку надлежитъ десятая доля. И такого ради страхованія никто, не объявя своего товара, ни куды не повезетъ.

И егда кто товаръ будетъ ладить ко отпуску, то гдѣбъ онъ ни былъ купленъ, то объявить его тутошнему бурмистру, и бурмистру тотъ товаръ осмотрить именно; и весь тотъ товаръ вѣсомъ и счетомъ и съ цѣною написать въ выпись подлинно, такожде и у себя въ закрѣпленную тетрадь записать подлинножъ, колько коего товару, и на сколько цѣною, и колико числомъ денегъ пошлинныхъ съ него взято. Такожде и въ выписи писать именножъ, колико пошлинныхъ денегъ взято. А по прежнему отнюдь не писать, что взято по указу, но не токмо рубли и деньга взятая писать именно, чтобъ всякому взятью прямое извѣстіе было.

А буде у коего купца въ то время пошлины заплатить нечѣмъ, то въ платежѣ взять порука добрая и знатная, и вмѣсто записи руки поручикамъ прикладывать въ закрѣпленной книгѣ. И кто выпись возьметъ подъ запискою, расписывались бы иманцы именно, а безъ записки и безъ росписки отнюдь бы не давали выписей.

И буде кой купецъ у подъему своего товару пошлинныхъ товаровъ и не заплатитъ, обаче въ выписяхъ того долгу недоимокъ не писать, но писать, что пошлина, толико то числомъ, взята, а долги и доимки и поручиковъ въ платежѣ писать у себя имъ въ таможенныхъ книгахъ; или и закладъ брать для того

чтобъ по прежнему пошлинныхъ денегъ на переводъ не переводили.

И отпуская товаръ, кой можно пятнать, то весь тотъ товаръ перепятнать таможеннымъ пятномъ. А буде кто соберетъ скота быковъ или коровъ, то на всякой скотинѣ на правой бедрѣ выжигать цыфирными словами число рублямъ, колико за кую скотину дано рублевъ, а колико за рублями копеекъ лишку, то тѣмижъ цыфирными словами выжигать на правой лопаткѣ, а коя скотина куплена ниже рубля, то личить копейками, и выжигать такожде на правой лопаткѣ.

И у лошадей такожде цѣну выжигать рубли на правой бедрѣ, а копейки на правой лопаткѣ.

И за такимъ порядкомъ нельзя будетъ ни единыя скотины, ни лошади, не заплатя пошлины и не запятнанной, ни продать, ни купить; и отпуская ту скотину бурмистрамъ писать въ книги, и именно колько какой скотины, и коей что цѣна, а лошадямъ и годы писать и примѣты.

А буде кто накупя скота, погонитъ не запятнавъ, то аще и съ выписью погонитъ, взять всю та скотина на Государя. И гдѣ тое скотину запятнанную на городѣ или въ деревнѣ продастъ, и что возьметъ сверхъ помянутой покупной цѣны, и съ того перекупу взять пошлины съ рубля по гривнѣ, а съ покупной цѣны отнюдь не имать ничего. И буде кто и купитъ, и купя продастъ иному, хотя вскорѣ или годъ два-три спустя, то брать пошлина съ перекупки жъ, а съ первыя плаченыя цѣны отнюдь никогда не брать ничего.

И съ тѣмъ товаромъ или скотомъ въ кой городъ приѣдутъ, и платежную выпись объявятъ, и тѣмъ бурмистрамъ ту выпись вписать въ закрѣпленную книгу подлинникомъ, и товаръ осмотрить, и буде сходенъ

велѣть продавать, и что возьметъ сверхъ покупной цѣны лишку, и съ того перекупу брать пошлины по гривнѣ съ рубля; и буде по той же цѣнѣ продастъ, по чему онъ самъ купилъ, или меньше покупной цѣны продастъ, то не имать съ него ничего, токмо подъячему отъ записки дать копейку.

А буде явится у вѣсчаго товару у ста пудъ лишка пуда два-три, то съ того излишняго товара взять пошлина по указу гривенная. Такожде и въ мѣрѣ, буде у ста мѣръ явится примѣру мѣры двѣ или три или меньше, и съ того товара излишняго взять по гривнѣжъ съ рубля.

А буде привѣсу или примѣру или причету явится больше тѣхъ мѣръ, то взять на Государя. А буде кто купитъ что тайнымъ обычаемъ безпошлинно, то у купца товаръ, у продавца деньги, кои онъ взялъ за неявственной товаръ, взять на Государя, да скиня рубаху, бить ихъ обоихъ батоги нещадно, и вину ихъ, за что биты, записать въ книгу. А буде кто изъ нихъ въ другой рядъ явится въ такой же винѣ, то взять у купца товаръ, да штрафу толикоежъ число, колико за товаръ дано, а у продавца сугубо взять, да обоихъ кнутомъ бить, по скольку ударовъ уложено будетъ.

А буде продавецъ, продавъ безпошлинно да принесетъ свою вину, и объявитъ, что купецъ купилъ у него безпошлинно вѣдая, то продавецъ свободенъ будетъ отъ вины, а у купца взять тотъ товаръ на Великаго Государя со штрафомъ.

А буде же купецъ о такомъ дѣлѣ на продавца извѣститъ, то у продавца взять взятыя деньги со штрафомъ, а купецъ свободенъ.

А буде ни купецъ, ни продавецъ, не объявятъ, что у нихъ торгъ состоялся тайно, а со стороны кто доведетъ на нихъ, то потомужъ взять деньги и товаръ

со штрафомъ, а доводчику дать изъ того товару десятая дола, а продавцу и купцу наказанье чинить выше объявленное, да на нихъ же доправить тѣ деньги, что доводчику даны будутъ.

А буде кто накупя товаръ, или и свой домашній повезетъ на продажу не записавъ въ таможнѣ, и выписи не взявъ, и пошлины не заплатя, или пошлину заплатилъ и выпись взята, а товаръ не запятнаной, или и запятнаной, да не весь, то запятнанный продавать, а незапятнанный взять весь на Государя.

И гдѣ на городѣ или въ селѣ таможенные цѣловальники спросятъ выписи, а у него выписи нѣтъ, или и есть, да товаръ или скотъ не запятнаны, то тотъ товаръ кой не записанъ, или не запятнанъ, взять на Великаго Государя безповоротно, и колико его будетъ, записавъ, продать охочимъ людямъ, а деньги записать въ таможенный сборъ.

А буде кои бурмистры или цѣловальники, видя товаръ какой или хлѣбъ какой везутъ безъ выписи или незапятнанный, а онъ не возьметъ того товара на Государя, то на тѣхъ бурмистрахъ или на цѣловальникахъ взять штрафъ сугубый, и наказаніе чинить сугубое жъ.

А которые товары собираются къ отпуску за море и въ Китай и во иныя зарубежныя страны, то и съ тѣхъ товаровъ такожде пошлина брать по гривнѣ съ рубля, на кореню жъ, откуду тому товару отпускъ будетъ, и та пошлина брать вся же сполна, а выписи давать имъ платежныя жъ, чтобъ и на порубежныхъ торгахъ съ той цѣны, съ каковыя платилъ на кореню, не брать бы ничего жъ.

А егда кой товаръ сторгуютъ иноземцы въ отвозъ за море или не за море, да за рубежъ, то вмѣсто всякихъ поборовъ взять пошлина отпускная съ кора-

бельныхъ мачтъ по прежнему городскому окладу: по десяти рублевъ съ дерева, съ пеньки трепаной и со льну съ берковца по три рубли, смолы и сала по четыре рубля, съ юхоти съ берковца жъ по пяти рублевъ, или по чему мочно положить, а съ хлѣба по рублю или по полтинѣ съ берковца жъ. Такожде и на прочіе товары, что ни будетъ разныхъ матеріаловъ, по разсмотрѣнію наложить за всякіе мѣлочные поборы особливая отпускная пошлина, кромѣ той, что при подъемѣ того товару на кореню платили съ покупныя цѣны, а съ желѣза связнаго, кромѣ настоящія пошлины, накладныя не накладывать.

И по чему съ какого товара обложено будетъ накладныя пошлины имать, то надлежитъ всѣмъ купецкимъ людемъ объявить, чтобы они про ту накладную пошлину вѣдали, и торгуясь со иноземцы прикладывалибъ ту накладную пошлину къ истинной своей цѣнѣ, чтобы имъ въ томъ пошлинномъ платежѣ изъяну не было. А буде кто продастъ товаръ свой безъ приставки тоя накладныя пошлины, то та пошлина доправлена будетъ на продавцѣ сполна.

Такожде кои товары прежде сего иноземцы покупали въ городѣхъ, или токмо съ тамошними жители о цѣнѣ смолвились, и съ тѣхъ товаровъ по уставу брать настоящая пошлина — съ рубля по гривнѣ при отпускѣ жъ на кореню сполна.

А съ отпуску за море и за прочіе рубежи накладная пошлина имать со всѣхъ товаровъ сполна жъ по окладу безъ уятія неизмѣнно жъ. А буде кто Русской человѣкъ или иноземецъ какимъ вымысломъ привезетъ изъ Русскихъ городовъ какой нибудь товаръ безъ платежныя выписи, то тотъ товаръ безъ всякія отговорки взять на него Великаго Государя безповоротно, и продать охочимъ людямъ, а на немъ за вину

взять протаможное на толикое жъ число, чего тотъ товаръ стоитъ, или какъ о томъ уложено будетъ.

А буде у кого отъ зарубежныя продажи останется какого товара, и похочетъ онъ тотъ товаръ продать Русскимъ людемъ, то взять съ того товару токмо съ перекупу, а накладныя пошлины уже не брать. А буде кто купивъ про себя, продастъ иноземцамъ въ отпускъ за рубежи, то неотложно взять накладная пошлина по указу сполна сверхъ настоящія гривенныя пошлины съ продавца того, кой купя, продалъ за рубежъ.

А буде кои и Русскіе люди похотятъ какой-либо товаръ везти за рубежъ сами, то и съ тѣхъ товаровъ такожде брать пошлина накладная неизмѣнно сполна.

А и питейный сборъ, по моему мнѣнію, весьма неисправно дѣется, и отъ того Царскаго интересу много тратится: первое, что бурмистры живутъ въ тѣхъ службахъ непрочные, но на каждый годъ перемѣнные; другое, что уборъ питейныхъ покоевъ плохъ, и питья держатъ самыя плохія; третіе, что цѣна питью одному обрѣтается разная: вину—имя одно, а цѣною продаютъ разною, и каждый городъ особливую цѣну имѣетъ; обаче и та цѣна непостоянная, но на каждый годъ измѣняютъ, а иное и дважды въ году измѣняютъ, и то стало быть непостоянство.

Нашъ Царь не купецъ, но Самодержавный Повелитель: какъ чему повелитъ быть, тако и подобаетъ тому быть неизмѣнно, и нимало ни на право, ни на лѣво неподвижно; яко Богъ всѣмъ свѣтомъ владѣетъ, такъ и Царь въ своей державѣ имѣетъ власть, и по Его Царской власти надлежитъ всякой власти вящше быть постоянной и похвальной, и чтобы, яко мѣры вездѣ равныя, и цѣнѣ подобаетъ быти равной, никогда

неизмѣнной; како въ хлѣбородномъ году, тако и въ недородномъ; и какова цѣна въ безхлѣбномъ мѣстѣ, тако подобаетъ продавать и въ самомъ въ хлѣбномъ мѣстѣ; ни питья не измѣнять, ни мѣры, ни цѣны не нарушивать, но имѣть все невредно.

А бурмистры перемѣнные весьма неправо потому, аще коему бурмистру прилучится и не впервые на кабакѣ быть, то онъ буде извѣдаетъ, что ему надобно, обаче исправитися прямо не можетъ.

А кой бурмистръ впервые сядетъ, то вездѣ потеряетъ: не знаетъ колько чего ему надобно припасти, и купитъ все въ передачу; и гдѣ было найтить, а онъ тутъ потеряетъ.

И аще бы бурмистры были вѣковые, тобы ни гдѣ онъ не потерялъ, и лишку бы ни у какой покупки не передалъ, всякіе бъ припасы покупалъ во время дешевости; а медъ кой годъ случится дешевле, то могъ бы онъ и на другой годъ или и на третій запасти; такожде и посуду, какая къ тому дѣлу потребна, припасъ бы ее въ удобное время, и ни у какихъ бы припасовъ лишку не передалъ бы; зналъ бы онъ, что куды ему надобно.

А для такого исправленія надлежитъ въ бурмистры выбирать людей не весьма богатыхъ, но среднія статьи, токмо разумныхъ и правдолюбивыхъ, и въ дѣлахъ праведныхъ, кои бы были не пьяницы, и чтобы всѣмъ городомъ положили на нихъ свидѣтельство, что они люди добрые и радѣтельные и правдивые, и со управленіе такова дѣла ихъ будетъ.

А выбравъ таковыхъ людей учинить имъ жалованье годовое, и буде сверхъ настоящаго сбора неусыпнымъ своимъ радѣніемъ приберетъ излишнее, то за тотъ приборъ дать ему сверхъ его окладу со всякаго приборнаго рубля по гривнѣ, и тѣ деньги за из-

лишніе приборы по гривнѣ съ рубля вычитать имъ изъ своихъ сборовъ, и тотъ свой сборъ именно записывать бы въ книгу; и что кому выидетъ гривенныхъ денегъ, записывать бы прямо. Такожде буде и цѣловальникъ кой у отмѣряннаго ему на продажу питья сверхъ продажныя цѣны принесетъ излишнее, и изъ того лишняго числа давать имъ за ихъ радѣніе половина, и тѣ излишнія примѣрныя деньги въ настоящей книгѣ записывать подлинно, и что изъ нихъ дано цѣловальникамъ, тутъ же подъ статьею записывать неотложно.

И бурмистрамъ настоящее свое жалованье, кому каково обложено будетъ, имать бы имъ по вся годы самимъ изъ своихъ сборовъ, и записывать въ расходную книгу именно.

А буде имъ за жалованьемъ своимъ ходить за судьями и за расходчиками по нынѣшнему, то уже правдѣ быть нельзя: для излишнихъ расходовъ будутъ лгать.

И въ таковомъ управленіи вельми питейные сборы будутъ споры, потому что и ни у чего передачи не будетъ, и истери излишнія никакой не будетъ же, и ничего онъ не прямо дѣлать не будетъ. И что имъ въ жалованье дастся возвратится съ лихвою; я чаю, что изъ одного припѣну выберутъ свое жалованье, а настоящія питейныя деньги всѣ будутъ цѣлы, и всякое дѣло будетъ у нихъ споро и прочно.

Паки и отъ сего интереса Царскаго Величества гніетъ много, что помѣщики сбору казны Его Императорскаго Величества не помогаютъ, но еще и препятіе чинятъ: въ коихъ пристойныхъ мѣстѣхъ по Его Императорскаго Величества указу повелѣно кабаки построить, и собирать бурмистрамъ и цѣловальникамъ питейную прибыль, и гдѣ уже построены были, помѣ-

щики разорили и сборы остановили. Василій Дмитріевич Корчминъ, аще добрый человѣкъ и Великому Государю вѣрный слуга, обаче и онъ въ сіемъ вельми погрѣшилъ: ибо въ Болонецкомъ погостѣ до его владѣнія была питейная стойка построена, и рублевъ по сту и больше на каждой годъ на ней собиралось, а нынѣ приказной его человѣкъ съ питьемъ въ ту стойку не пускаетъ, и въ Государевѣ погребѣ ставитъ свое питье. И отъ того у Великаго Государя рублевъ по сту и больше пропадаетъ. А нынѣ помѣщики и такіе есть, что и цѣловальниковъ бьютъ, и питья отымаютъ, и посуду разбиваютъ, и по такому ихъ озарничеству стали они быть Государю своему противники, а не слуги. Чѣмъ было имъ Государю своему радѣть, и въ собраніи казны чинить вспоможеніе, а не остановку, то они бѣдные (?) забыли, что самая истинная земля, коя и подъ нимъ самимъ, не его, но Великаго Государя, а и самъ онъ не свой, а его жъ Величества, а страха на себѣ ни малаго не имѣютъ. И такое препятствіе чинится въ мѣлкихъ помѣщикахъ, а о сильныхъ лицахъ и спрашивать нечего! Тѣ и ногою на ту землю, коя подъ временнымъ его владѣніемъ, съ питьемъ Государевымъ не пускаютъ. И въ большихъ своихъ вотчинахъ построены у нихъ свои кабаки, и называютъ ихъ кваснями, а подъ именемъ квасня продаютъ явно пиво, а вино потаенно. А питейная прибыль самый древній интересъ Царскаго Величества, а не помѣщичій. И аще все совершенно у всѣхъ помѣщиковъ самовольство ихъ отнять, и во всѣхъ вотчинахъ по пристойнымъ мѣстамъ построить кабаки, то прибыли питейныя тысячъ по сотницѣ или больше въ годъ прибудетъ.

А буде же по прежнему Его Императорскаго Величества указу вино дворянамъ курить запретить, и клейменые кубы и котлы оставить, то, чаю, что по

двѣсти или по триста тысячъ рублевъ на каждый годъ прибудетъ у питейной продажи.

А буде кто самый сильный человѣкъ просить будетъ, чтобы квасни ихъ не разорять, и торговать бы по прежнему пивомъ имъ на себя, то повелѣть года на два-три посадить за питьемъ вѣрныхъ цѣловальниковъ или бурмистровъ. И что они соберутъ, то впредь мочно изъ наддачи и имъ на откупъ отдать, и брать съ нихъ откупныя деньги по договору съ торгу, а чтобы по прежнему самовольствомъ имъ своимъ владѣть отнюдь не давать; понеже подъ всѣми ими земля вѣковая Царева, а помѣщикамъ дается ради пропитанія на время. Того ради Царю и воля въ ней большая и вѣковая, а имъ меньшая и временная, и не токмо имъ питейной продажею самовольно владѣть, но и землею безъ платы не можно имъ владѣть. А буде кто похочетъ питьемъ владѣть, то тотъ да даетъ съ питейныя продажи окупъ съ вольнаго торгу, понеже прибыли суть Царскаго интереса, и того ради никому вступатись въ нее не надлежитъ. А дворяне и мѣлкія статьи многія накуря вина, въ деревняхъ своихъ продаютъ, а иные и въ городы привозятъ, продаютъ, и тѣмъ питейный сборъ вельми повреждаютъ. А если клейменье оставлено будетъ, то и продажи дворянъ винной не будетъ.

А чаю, что не худо бы и таможенныхъ бурмистровъ жалованныхъ же учинить, то чаю, что и у нихъ прибыльнѣе сборы будутъ; и всякое попеченіе положить уже на нихъ, да на магистратовъ и на земскихъ бурмистровъ; и чтобъ земскіе бурмистры надъ тѣми сборы надзирали, по окончаніи года оныхъ таможенныхъ и питейныхъ бурмистровъ, цѣловальниковъ, и считали, и расходы бы ихъ всѣ сличали, чтобы тѣмъ вѣко-

вымъ бурмистрамъ по нынѣшнему отъ приказныхъ людей и излишнія трубаціи не было.

А цѣловальниковъ земскіе бурмистры ко всякимъ сборамъ бы выбирали бъ погодно, а буде кой цѣловальникъ радѣтеленъ явится, и въ дѣлѣ своемъ правовѣренъ будетъ, то и цѣловальника того мочно жалованьемъ опредѣлить.

И аще годы три-четыре въ цѣловальникахъ послужитъ, то уже можетъ и бурмистрскую службу служить.

И какъ что тѣмъ бурмистрамъ управлять, дать пункты съ полнымъ наставленіемъ; и о вѣдомостяхъ опредѣленіе учинить имъ прямое, безъ чего быти имъ не мочно, писать въ вѣдомостяхъ надобно, колико въ коемъ мѣсяцѣ собрано казны какой, и колико въ расходѣ, и сколько на лицо.

А колико отъ мѣсяца въ мѣсяцъ осталаго питья, и что тому осталому питью истинная или продажная цѣна, то самая излишная турбацыя бурмистрамъ, и прямому дѣлу помѣшательство. И нынѣ и о недѣлѣ въ недѣлю пишутъ остатки, и отъ того инаго ничего нѣтъ, токмо питью въ перемѣрянъѣ истрата и писцамъ лишняя плата; а все идетъ отъ Государевы жъ казны.

По моему мнѣнію, въ вѣдомостяхъ надлежитъ писать мѣсячные одни перечни коммисарамъ, чтобъ имъ извѣстно было, колико въ коемъ опредѣленіи казны собрано, и колико въ расходѣ, и колико на лице, и таковыми вѣдомостями мочно управиться на трехъ строкахъ, а не на трехъ листахъ.

А камерирамъ надлежитъ тѣ перечни собравъ отсылать въ вѣденіе въ камеръ-коллегію, и вмѣсто ста вѣдомостей послать только одну вѣдомость на одномъ листу, и въ таковыхъ вѣдомостяхъ яснѣе будетъ зрѣтися, колико гдѣ собрано, и колико въ расходѣ, и

колико на лице; только три статьи нужно въ вѣдомостяхъ писать.

И въ нынѣшнихъ вѣдомостяхъ бурмистры паче сбору пекутся о вѣдомостяхъ, да и нельзя имъ не такъ дѣлать; потому что приказные люди приступленіемъ на нихъ съ того спрашиваютъ, чтобы въ вѣдомостяхъ писали именно, колико въ недѣлю какого питья продано, и колико какого питья въ другую недѣлю осталось, и на сколько цѣною? А егда мѣсяцъ пройдетъ, то паки всѣ водки сличаютъ, и въ таковыхъ вѣдомостяхъ бурмистры оставя дѣло, да за вѣдомостьми трудятся. Такія вѣдомости надлежитъ писать годовыя, ради подлиннаго извѣстія счету послѣ года, а не по недѣльно. Надобно то писать, въ чемъ Ему Великому Государю прибыль умножалась, а собранная казна даромъ бы не тратилась.

А буде кой бурмистръ не противъ данныя ему инструкціи учинитъ что, и то учинити ему штрафованіе великое и съ наказаніемъ и съ запятнаніемъ, какъ о томъ уложено будетъ.

Буде же учинитъ похищеніе Государевы казны, то аще и не смерть, а по наказанію положить ему на лице клеймо, еже быть ему при арміи вѣчно въ черной работѣ.

А и земскимъ бурмистрамъ нельзя быть безъ штрафа, дабы впредъ таковыхъ не выбирали.

А кои люди въ купечествѣ богатые, тѣхъ бы къ сборамъ въ бурмистры отнюдь не выбирали бы; но надлежитъ имъ торговать, и съ торговъ своихъ пошлины платить.

А буде у коихъ людей есть промыслы большіе, а деньгами недовольны, и ради расширенія того своего промысла востребуютъ денегъ взять изъ прибыли, то

смотря по промыслу давать сотъ по пяти-шти и по тысячѣ и больше, чтобъ промыслы купецкихъ людей разширялись, и промышленники богатились.

И о таковыхъ дачахъ послать во всѣ городы указы, чтобы торговымъ людямъ, у коихъ заводы промышленные есть, земскіе бурмистры изъ ратушъ своегородныхъ людямъ на промыслъ давали бы деньги, по промыслу ихъ, смотря ста по два-три.

А буде у коихъ людей заведены заводы большіе суконные или полотняные или бумажные или стеклянные или желѣзные или иные, подобные симъ, то таковымъ, буде они люди добрые, а не замоты, и промышленники прямые усердные, то для разширенія промысловъ давать и по тысячѣ рублевъ и больше.

И въ тѣхъ дачахъ крѣпостей у крѣпостныхъ дѣлъ не писалибъ, но записывалибъ въ закрѣпленную книгу, чтобъ никакогобъ излишняго расходу емлющимъ деньги не было, потому что онъ на деньги дастъ на всякой годъ процентъ по опредѣленію уставленному; и въ тѣхъ деньгахъ иманецъ бы росписался, и подъ его рукою подписались бы поручики.

А буде дадутъ безъ разсмотрѣнія того иманца, и взятыя деньги онъ изгубитъ, то гибель тѣхъ денегъ взыщется не токмо на поручикахъ, но и на всемъ городѣ.

И мнится, съ большихъ промысловъ больше шести рублевъ на годъ не надлежитъ имать; потому что у большаго промыслу множество людей питатися будетъ, и то станетъ быти пополненіе царственное.

А буде кто похочетъ взять на перехватку для покупки товара на мѣсяцъ или на два или на три, то надлежитъ имать со ста рублевъ и по рублю на мѣсяцъ.

И тѣхъ прибыльныхъ денегъ ни куды бы не отсылать, только отсылать вѣдомости, въ коемъ году въ

которомъ городѣ колико тѣхъ денегъ собрано будетъ, и тѣхъ прибыльныхъ денегъ безъ подлиннаго указу изъ камеръ коллегіи присланнаго, никуды не отдавать, но токмо отдавать ихъ на перехватку на малые мѣсяцы.

И аще изволеніе Царскаго Величества произыдетъ, что бурмистромъ быть жалованнымъ, то надлежитъ выбирать ихъ изъ среднія статьи; богатому аще дать на годъ и пять сотъ рублевъ, то онъ такъ не услужитъ, какъ молотчій и изо ста рублевъ. Богатый аще и у сбору какого будетъ, то онъ больше попеченія будетъ имѣть о своихъ собственныхъ промыслахъ А у кого большихъ промысловъ нѣтъ, то онъ весь тутъ будетъ, и о иномъ не будетъ много мыслить, но токмо то у него и на умѣ будетъ, како бы ему управить врученное ему дѣло.

А о снисканіи питейныя прибыли мое мнѣніе тако жъ, ежебы во всѣхъ порядкахъ новостно учинить. Подрядчикамъ велѣть вино ставить во всѣ городы неизмѣнно самое доброе, чтобы изъ трехъ золотниковъ выгоралъ цѣлый золотникъ, а просто молвить, чтобъ въ отвѣсѣ третья доля выгорала а двѣ долибъ въ вѣскѣ оставались; а жечь однимъ запаломъ изъ вѣсовой чашки не выливая; и чтобы то вино было самое чистое, чтобъ въ хрустальномъ сосудѣ свѣтлости не замутило, и запаху бъ пригарнаго въ немъ не было.

А и винное ведро лучше поправить и сдѣлать его пространнѣе, чтобъ вина добраго входило въ него тридцат фунтовъ. И егда подрядчики къ отдачѣ вино привезутъ, и коя бочка по пробѣ будетъ годна, то прикинуть ее на вѣсъ, и послѣ порозжую бочку вывѣсить, и за вывѣскою явно будетъ, колико въ коей бочкѣ вина было, и въ таковомъ порядкѣ у отдачи

не будетъ вину никакой расточки, и принимать будетъ поспѣшно и неработно: однимъ днемъ мочно бочекъ сто принять, и отдатчику будетъ спорѣе; потому что ни чановъ, ни ушатовъ, ни ковшей мазать виномъ не станетъ, и никакой расточки не будетъ.

А и продажная вину цѣна положить бы не по подрядной цѣнѣ смотря, но по самому изволенію Царскаго Величества. Древній обычай былъ вельми неправиленъ, что буде подрядчики дорогую цѣну вину поставятъ, то дороже продавали; а буде подрядчики возьмутъ дешевле, то дешевле и продавали. И по такому уставу стали быти уставщики цѣны мужики, а не судьи; а по здравому разсужденію надлежитъ вину цѣну уставить Царскимъ указомъ, а не мужичьимъ уставомъ.

И ради такого порядка во всѣхъ городѣхъ цѣна несогласная, и тотъ уставъ, по моему мнѣнію, былъ вельми противенъ Царскаго Величества самовластію.

Вину надлежитъ въ продажѣ цѣнѣ быть единоравной и неизмѣнной, чтобъ она была во всѣхъ городѣхъ равна; и аще во всѣхъ городѣхъ цѣна вину будетъ едина, и вино вездѣ будетъ равное, то и сборъ питейный весьма будетъ прибыленъ; потому что изъ города въ городъ вина по прежнему возить не станутъ; но куда пріѣдетъ, тутъ и купить будетъ.

А по самодержавной власти Его Императорскаго Величества надлежитъ во всѣхъ Россійскихъ городѣхъ и въ селѣхъ и деревняхъ, кромѣ Сибири, цѣна имѣть продажѣ неизмѣнная, яко какова въ Санктпетербургѣ, такова и въ Москвѣ, такъ и во всѣхъ городѣхъ и урочищахъ. А буде у Черкасъ цѣны поднять немочно, то надлежитъ укрѣпить накрѣпко, чтобы тамъ никто не токмо изъ купецкихъ людей, но и изъ дво-

рянъ и офицеровъ отнюдь, купя у нихъ вина и табаку, безъ указу въ Великороссійскіе городы, ни въ села, ни въ деревни не провозили; и буде кто повезетъ вина больше ведра съ собою, то тѣхъ штрафовать великимъ штрафомъ и съ наказаніемъ.

А буде какой бурмистръ или цѣловальникъ испортитъ продажное вино, и учинитъ его ниже уставленныя пробы, или у подрядчика ниже пробы приметъ, то оштрафовать его великимъ штрафомъ и жестокимъ наказаніемъ.

И аще тако уставится, и нерушимо будетъ стояти, то никто ни куда вина возить съ собою не будутъ, потому что вездѣ будетъ вино равно и цѣна одна; и того ради и сборы питейные во всѣхъ городѣхъ вельми угобзятся, и людемъ провознаго расхода будетъ меньше.

А о продажной цѣнѣ вину какъ воля Его Императорскаго Величества произыдетъ, тому никто не извѣстенъ; а мнится, простаго вина ведру цѣну мочно положить, ежебы въ продажѣ быть ему по три рубля, а въ разницу по четыре алтына фунтъ; и аще гдѣ будетъ подрядъ и по полтинѣ ведро, а въ продажѣ отнюдь цѣны не сбавливать.

А для совершенныя вѣрности въ винѣ, чтобы воды не примѣшивали, у самыхъ бурмистровъ и цѣловальниковъ во всѣхъ городѣхъ и въ селѣхъ и деревняхъ во всѣхъ стойкахъ учинить маленькіе вѣсочки на желѣзныхъ цѣпочкахъ, чтобъ мочно было въ нихъ вина или водки, одинъ золотникъ отвѣся, выжечь, да у нихъ же бы были Ямбургскаго дѣлу хрустальныя фунтовыя или полуфунтовыя сткляночки, самыя чистыя, одна съ пробою за камерскою печатью, а другая такая жъ простая. И буде коему купцу повидится вино или водка плоха, то влить спорное вино въ по-

рожнюю стклянку, и поставить ихъ съ тою запечатаною стклянкою, и къ свѣту посмотрить. И буде съ тою пробною стклянкою будетъ сходно, то нѣтъ въ ней примѣсу; а буде свѣтъ съ пробною стклянкою не сходенъ, то примѣсь есть.

И буде тою пробою невѣрно купцу или цѣловальнику явится, то для совершеннаго вѣроятія въ вышепомянутые вѣсочки влить того спорнаго питья вѣсомъ противъ трехъ пробъ, и буде у вина выгоритъ одна проба, то нѣтъ примѣсу; а у водки буде выгоритъ двѣ пробы, а отъ выгару останется одна проба, то въ водкѣ той примѣсу нѣтъ же; а буде вѣсъ такъ не придетъ, то есть въ немъ порча.

И тако освидѣтельствованное вино или водку запечатавъ, отнести къ камериру, и за тотъ примѣсъ чинить наказаніе жестокое, какое о томъ уложено будетъ. И за такимъ порядкомъ никакими дѣлы ни въ вино, ни водку воды или чего инаго будетъ не возможно примѣсить.

И аще тако устроено будетъ, то, я чаю, что тысячь ста по два-три и больше въ годъ при нынѣшнихъ сборахъ излишнія прибыли будетъ, и тоя прибыль и въ первомъ году означится, а впредь, чаю, что и гораздо больше будетъ. А люди трезвѣе будутъ.

Я знаю, * что многіе судьи стараются о томъ, чтобъ питье было дешевле, и чтобъ пили больше, а того не разсудятъ, что у трезвыхъ людей во всѣхъ чинѣхъ и во всякихъ дѣлахъ всякаго исправленія больше, а у промышленныхъ промыслы гораздо будутъ больше, а пьяныхъ людей и у при казныхъ все неспоро, а у мастеровыхъ людей и спрашивать нечего: токмо отъ питья люди, а наипаче отъ заморскаго, въ великое оскудѣніе приходятъ, и Цар-

* У Стр. *я не знаю*, т. е. я непонимаю, для чего и проч.

скому интересу препятіе немалое отъ излишняго питья чинится.

А что сдѣлали дворяне, еже бы имъ котлы клеймить и пошлина съ нихъ брать съ четыреведернаго котла по рублю на годъ, и донесли Его Царскому Величеству, будто отъ того приходу будетъ сбору пополненіе въ казнѣ, и тѣмъ они Государя своего оболгали. Сіе мочно и всякому разумѣть, что тутъ будетъ прибыли больше, если имъ вина некурить, и судовъ винокурныхъ не было бы у нихъ и слѣду.

И тѣмъ клейменьемъ оные дворяне вмѣсто прибыли сдѣлали Ему Великому Государю убытку тысячъ по десятку въ годъ и больше, а себѣ къ свободному винному куренію ворота отворили; ибо кто изъ нихъ заклеймивъ котелъ дастъ съ него въ годъ рубль, а годомъ выкуритъ вина ведръ ста три или четыре, и буде продастъ, то возьметъ за него четыре ста рублевъ, и тою продажею Великому Государю учинитъ за тотъ данный съ котла рубль убытку въ питейной продажѣ рублевъ сто или больше въ годъ.

И за тѣмъ клейменіемъ свободно стало быть и не заклейменными котлами курить вино. Въ Устрицкомъ стану дворянъ сотня-мѣсто, чаю, есть; а слышалъ я отъ Устрицкаго коммиссара, что въ вѣдомствѣ его клейменыхъ только три котла, а вино всѣ рядомъ курятъ по лѣсамъ, да по доламъ; а иные и по домамъ за именемъ клейменыхъ котловъ курятъ, ничего опасаясь; и отъ тоя свободности питейные сборы весьма стали быть плохи.

А если клейменье отставить, и всякому воеводѣ послать изъ города подьячаго съ солдаты и расходчика съ деньгами, и велѣть у всѣхъ дворянъ котлы и трубы обрать на Государя, и по настоящей цѣнѣ за мѣдь деньги заплатить, а олово и свинецъ и всякую грязь

на огнѣ выжечь, чтобъ Великому Государю въ томъ изъяну напраснаго не было.

И взять у всѣхъ дворянъ сказки съ подкрѣпленіемъ, чтобы имъ впредъ посуды винокуренной у себя отнюдь не имѣть, и созвавъ людей и крестьянъ сказать имъ явно, чтобъ люди ихъ и крестьяне всѣ вѣдали. А еже аще послѣ отбору у кого явится винокуренный кубъ или труба, то та посуда взята будетъ на Государя, да на немъ же доправлено будетъ штрафу двадцать пять рублевъ или что уложено будетъ, а на дворовыхъ его людяхъ, колико въ домѣ его ни есть, за неизвѣтъ взято будетъ по пяти рублевъ на человѣка, а на крестьянѣхъ по два рубля съ полтиною на каждомъ человѣкѣ.

А буде коего дворянина дворовый человѣкъ или крестьянинъ, увидя у помѣщика своего винокурную посуду или трубу винокурную, да шедъ извѣститъ, то дано ему будетъ дворовому человѣку пять рублевъ, а крестьянину полтретья рубля, да отъ помѣщика—свобода.

А для нуждъ ихъ дворянскихъ надлежитъ имъ учинить указъ, ежебы имъ брать вина ведра по два иль по три на годъ, смотря по пожиткамъ или по чинамъ, по подрядной цѣнѣ, а для утечки и усышки приложить на ведро къ подрядной цѣнѣ по гривнѣ или какъ о томъ уложено будетъ.

Аще бо у дворянъ вина своего не будетъ, то и пить будутъ меньше, и по городамъ и по корчмамъ развозить не станутъ, и приказнымъ людямъ или мастеровымъ за работу виномъ давать не будутъ.

Я не знаю, что въ томъ благодати или что добра, что много пить или до пьяна и людей поить? По моему мнѣнію, ради здравія тѣлеснаго полно человѣку чарки по три или по четыре на день пить, то онъ

будетъ добръ и здравъ, а буде ради веселія, мочно и еще толикое жъ число приложить.

А безмѣрное питіе ничего добраго не приноситъ, но токмо приноситъ ума порущеніе и здравія поврежденіе, пожитковъ лишеніе и безвременную смерть. А аще кто непремолчно будетъ пить безвоздержанно, то всего себя погубитъ; и того ради всячески надобно потщатися, како бы піянства изъ народа поубавить.

И аще Великаго Государя изволеніе будетъ, что дворянамъ городовымъ брать вино съ кабаковъ по подрядной цѣнѣ, то надлежитъ сдѣлать имъ окладъ, по колику ведръ коимъ чинамъ въ годъ вина брать по подрядной цѣнѣ, и тотъ окладъ написавъ, разослать по гродамъ, описавъ именно, коего города въ уѣздѣ кои дворяне живутъ, и въ тѣхъ городѣхъ и по тѣмъ окладнымъ книгамъ винобы имъ по всягодъ отпускали по подрядной цѣнѣ; и буде кто похощетъ сверхъ того указнаго числа, то уже брать ему по подрядной цѣнѣ.

И ради раздачи дворянамъ вина учинить во всѣхъ городѣхъ на большихъ кабакахъ бурмистрамъ особыя записныя книги, и тое дачу записывать именно съ распискою, и со свидѣтельствомъ другихъ дворянъ, и тѣ свидѣтели къ той запискѣ во свидѣтельствѣ рукибъ прикладывали того ради, чтобы одинъ человѣкъ дважды не взялъ. И по окончаніи года въ концѣ тоя книги написать всѣхъ и прозванія по чину азбучному, чтобъ всякаго дворянина сыскать мочно было безъ замедленія, колико кой дворянинъ вина взялъ, и кто у кого были свидѣтели. И тѣ подлинныя книги отсылать въ Камеръ-Колегію. И буде явится кой дворянинъ сверхъ указнаго числа вино излишнее, * то взять на немъ штрафъ—за всякое

* Недостаетъ глагола въ обоихъ спискахъ.

ведро излишнее по двадцати по пяти рублевъ, а съ свидѣтелей по пяти рублевъ на человѣкѣ, или какъ о томъ уложено будетъ.

А буде кой дворянинъ или и офицеръ, взявъ указное вино и нелишнее, да кому продастъ, то взять съ него штрафъ надлежащій, а кто купилъ, и на томъ такой же штрафъ имать неотмѣнно.

А буде кто купя вино, да донесетъ вышнему того дѣла коммандиру, то взять штрафъ на продавцѣ, а купивый отъ штрафа свободенъ, и вино за доношеніе ему жъ отдать.

А буде подрядчикъ винный дворянинъ или купецкой человѣкъ продастъ кому вина, или въ почесть дастъ хотя приказнымъ людямъ, или въ займы ссудитъ кого, или приметъ у кого хлѣбъ, да высидитъ ему вина, то за всякое ведро взять штрафу на немъ по двадцати по пяти рублевъ, да ему жъ учинить наказаніе, какъ о томъ опредѣлено будетъ.

А водки продавать самыя низкія цѣны по шти рублевъ ведро, а фунтъ по двѣ гривны, а среднія по полуполтинѣ фунтъ, а крѣпкія аптекарскія водки, цефаликовой и апоплетиковой, коя строится въ двадцать пробъ, по полтинѣ фунтъ, а съ сахарною приправою рессолисъ спиртъ минли елексиръ ветерегисъ (?) и крѣпительная мастехинная (?) по двадцати алтынъ фунтъ, которая строится въ шестнадцать пробъ.

А меды вареные, чистые, кои подобны Рейнскому, продавать ведро по тридцати алтынъ фунтъ, а фунтъ по алтыну.

А малиновые меды и смородинные и прочіе, кои строятся изъ ягодъ безъ вина, продавать ведро по сороку алтынъ а фунтъ по четыре копѣйки.

А кои съ виномъ строены такіе жъ ягодные меды,

продавать по штидесять алтынъ, а фунтъ по два алтына.

А ставленныхъ бѣлыхъ медовъ продавать ведро по двадцати алтынъ, а фунтъ по двѣ копѣйки.

А пива самаго добраго и густаго продавать ведро по двадцати алтынъ а фунтъ по грошу.

А расхожаго пива ведро по пятнадцати алтынъ, а фунтъ по три деньги.

А явку пивную и медовую и бражную, мню я, что ее отставить для того, что брать ее мотошливо, а варельщикамъ не безъ грѣха; потому что сваритъ кто четверть, и объявитъ только одну осьмину, а кто сваритъ осьмину, а явитъ полуосьмину. И то, стало быть, неправда и грѣхъ, и всякой человѣкъ колико ни явитъ, а варитъ вдвое или втрое, а явится развѣ половина; а иные и не знаютъ, чтобъ ему когда явиться.

А въ явочной запискѣ только однимъ подъячимъ покормка, а Великому Государю вельми не великъ доходъ.

А если явку отставить, то всѣ чины пиво варить и меды ставить будутъ безпечно, потому что вынимать у нихъ того питья никто не станетъ, и сваривъ, не станутъ торопиться, чтобъ скоряе выпить, но будутъ прочнѣе держать, и ради своего здравія станутъ по малому числу пить, и грѣхъ тотъ минется, что лгать будетъ уже не для чего, и клятвы въ неправдѣ не будутъ чинить.

А вмѣсто тѣхъ поторжныхъ явокъ и пивныхъ пошлинъ наложить пошлину на хмѣль, на пудъ хмѣля по четыре рубля, а на фунтъ по гривнѣ; то уже ни богатый, ни убогій, ни самый Сенатъ не избудетъ того платежа: захочетъ пива, купитъ и хмѣль.

И за такимъ поведеніемъ всякаго званія человѣцы

будутъ Великому Государю плательщики, и домашняго своего варенья даромъ не будутъ пить.

И аще тако уставлено будетъ, то сторичный прибытокъ при явочныхъ пошлинахъ будетъ; потому что хотя кто четверикъ сваритъ, а платежъ по варенію своему положитъ.

И во всѣ городы послать Его Императорскаго Величества указы, чтобы въ городѣхъ и въ деревняхъ бурмистры таможенные и цѣловальники указъ Его Величества вѣдали: буде кто везетъ хмѣль хотя и боярской безъ выписи, то тотъ взять на Государя безповоротно.

А буде кто привезъ хмѣль къ запискѣ, то записать его въ книгу именно, чей онъ есть, и буде продажный, то осмотрить его накрѣпко, нѣтъ ли въ немъ песку и инаго какого примѣсу, потаеннаго или худаго хмѣля нѣтъ ли внутри, и не сыръ ли онъ; и буде есть какая винность, то взять его на Великаго Государя безденежно.

А буде пороку никакого въ немъ нѣтъ, то взять съ него пошлину торговую съ цѣны по гривнѣ съ рубля, да накладныхъ почетыре рубля съ пуда. А буде не продажный, но везутъ его на обиходъ барской, и съ того хмѣля взять только одну пошлину накладную по четыре рубля съ пуда; а хмѣля, добръ ли или плохъ, не досматривать, но каковъ онъ есть, таковъ и отпустить; только на вѣсъ привѣсить сколько его будетъ, и записавъ въ книгу дать ему для проѣзду выпись, и въ выписи писать именно, что тотъ хмѣль непродажной, а и накладная пошлина взята сполна. И будекой хмѣль у нихъ за обиходомъ, будетъ и похотятъ его продать, тогда взять съ него одну торговую пошлину съ настоящія цѣны по гривнѣ съ рубля, кромѣ накладныхъ пошлинъ; и колико у кого бурмистра тѣхъ

накладныхъ пошлинъ соберется, записать особою статьею.

А который порочной хмѣль взять будетъ на Государя, и то взятье записывать въ закрѣпленную книгу именно, и отдавать тѣ хмѣли на кабаки по настоящей цѣнѣ безъ накладныхъ пошлинъ.

Также и съ меда продажнаго брать пошлина торговая съ настоящія цѣны погривнѣ съ рубля; а да накладныхъ пошлинъ по сороку алтынъ съ пуда, кто везетъ про себя или про боярской обиходъ, а не на продажу, и съ того меда брать пошлина одна накладная по сороку алтынъ съ пуда, и записывать также въ закрѣпленную книгу, и та книга имѣть отъ купецкихъ особливая. И колико съ хмѣля и съ меда непродажнаго накладныхъ пошлинъ у коего бурмистра ни соберется, писать особливо статьею, и что соберется тѣхъ же накладныхъ пошлинъ съ купечества, и тѣ писать особливожъ статьею, чтобъ было извѣстно, колико въ годъ тѣхъ накладныхъ пошлинъ съ хмѣля и съ меда соберется. И весь тотъ сборъ десятинный и накладный управлять будутъ одни таможенные бурмистры.

А буде кой господинъ не похочетъ накладныхъ пошлинъ съ хмѣля или съ меда платить, то тотъ хмѣль и медъ имать на Государя, и имъ изъ сборныхъ денегъ тѣмъ же бурмистрамъ выдать имъ деньги по настоящей цѣнѣ, по чему въ запискѣ; у купечества только вычитать изъ тѣхъ денегъ за торговую пошлину гривенную. А буде подрядится подъ хмѣль или подъ медъ еже поставить ему про Государской обиходъ на дворецъ или и на кабаки, то тѣмъ подрядчикамъ дворцовымъ брать указы изъ дворца, а кабацкимъ отъ камерировъ.

И гдѣ что купятъ они, тамошнимъ бурмистрамъ о-

смотрить тотъ хмѣль, не сыръ ли онъ, и нѣтъ ли въ немъ подмѣси какой или стебелья и листу; и буде нѣтъ никакого порока, то привѣсить его, и съ покупной цѣны взять торговая пошлина гривенную, а накладной пошлины не брать и давать ему выпись. Такожде и медъ осматривать, нѣтъ ли въ немъ худаго подмѣсу или мерлины; и буде добръ, то по тому же взять съ цѣны по гривнѣ съ рубля, а накладной пошлины не имать же, и привѣся и справяся, отпустить съ выписью; а въ выписяхъ писать именно, что оно куплено не на продажу, но на обиходъ дворцовой или кабацкой. А буде кой хмѣль или медъ съ подмѣсомъ, и тотъ хмѣль или медъ имать на Государя безповоротно; да на немъ же доправить штрафу толикое число, чего тотъ товаръ стоитъ. А буде кой хмѣль или медъ въ таможнѣ былъ, и бурмистръ выпись далъ, а послѣ осмотрятъ лавочникъ или кто ни есть, что есть подмѣсъ, то взять штрафъ, кто выпись далъ за то, что тому продавцу помирволилъ.

Въ Россіи изъначала при Великихъ Князѣхъ и при первомъ Россійскомъ Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ были дѣланы деньги изъ самаго чистаго серебра, на кости плавленнаго; чему явное свидѣтельство тыи старыя деньги, и нынѣ въ мірѣ обрѣтающіяся.

А при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ начали дѣлать изъ ефимочнаго серебра на кости не переплавливая. А нынѣ иноземцы приглашаютъ, чтобы и въ ефимочное серебро на дробныя деньги прилагать мѣди большую часть.

И я, аще и самый мизирный человѣкъ, усмотря то начинаніе, не могъ утерпѣть, ежебъ не объявить объ оныхъ что въ нихъ проку будетъ. Въ 718 году написалъ я доношеніе Его Императорскому Величеству о тѣхъ новоначинающихся деньгахъ, изъявивъ, что

такія деньги вельми къ воровству способны, и самое денежнымъ ворамъ предводительство будетъ, и для поданія приходилъ къ Господину Алексѣю Васильевичу Макарову, и за жестокими караульщики не могъ получить, ежебы то доношеніе его милости вручить, и поѣхалъ онъ къ лекарственнымъ водамъ. И тако то доношеніе мое и осталось у меня, и я послѣди того времени отдалъ кучеру Куріеву * Егору Сергѣеву, который въ домѣ его Алексѣя Васильевича пребываетъ, и просилъ его, дабы по времени вручилъ ему. И вручилъ ли онъ то мое доношеніе ему Алексѣю Васильевичу, или нѣтъ, про то не вѣмъ, ** «или самъ прочелъ, не вѣмъ.» И того ради въ сей главѣ Царскаго интереса умыслихъ изъяснити и предъявихъ о той самой Царской прибыли, которая не изъ чего родится, токмо отъ изволенія Царскаго.

И о семъ мнѣніе мое тако лежитъ, еже бы о денежномъ дѣлѣ тщаніе великое приложить, отъ чего Царская сокровища могутъ наполнитися, и народъ пользу не малу воспріиметъ.

И управить его годствуетъ твердымъ разумомъ, дабы пороку въ нихъ во вѣки не было, и чтобы никто воровски сдѣлать ихъ не могъ, и во уставленіи о томъ ни малыя бъ измѣны не чинить, но яко столпу быть неподвижиму. И о семъ не единымъ умомъ, но острыми и твердыми умы, а не вѣтренными, помыслить о нихъ, како бы ихъ устроити, дабы онѣ прочны и непорочны и похвальны были.

И по моему мнѣнію зрится: лучше, еже бы серебреныя деньги привести серебромъ въ древнюю чистоту, или паче, чтоб денежнаго серебра ни въ каковыхъ вещахъ лучше не было.

* У Стр. только *курчеру* вѣрно *курьеру*.

** Словъ въ скобкахъ у Стр. нѣтъ.

Яко у насъ въ Россіи вѣра содержится Христіанская самая чистая, никакого примѣса еретическаго неимущая, тако требѣ и деньгамъ Россійскимъ быть самымъ чистымъ безъ всякаго примѣса, и еже бы имъ ото всѣхъ иностранныхъ отмѣннымъ и отъ всѣхъ похвальнымъ быть, яко въ мастерствѣ, тако и въ чистотѣ серебра.

И аще Великій нашъ Монархъ Всероссійскій Императоръ изволитъ противо древнихъ нашихъ Россійскихъ денегъ чистотою или и чище дѣлать, то паки въ вѣчные роды онѣ будутъ похвальны.

Иноземцы въ своихъ иноземскихъ деньгахъ сличаютъ цѣну по положенію въ нихъ матеріялу, а не по власти королевской: они паче почитаютъ серебро и мѣдь. Мы же Монарха своего почитаемъ яко Бога, и честь его опасно хранимъ, и волю его всеусердно исполняемъ. И того ради, идѣже узримъ имя Его Царскаго Величества назначено, то мы честно и опасно хранимъ. И подъ именемъ Его Императорскаго Величества аще мѣдь, то и мѣдь подобаетъ полагати самую чистую безъ всякаго примѣса; буде же серебро, то и сребро самое жъ чистое и безпорочное и было бъ; буде золото, то уже бы золото оно и было самое чистое и честное, чтобъ оно всѣхъ земель превозвышало. Мое желаніе къ сему тако лежитъ, чтобъ такъ въ червонцы золото учредить, что выше солтанеи его поставить, дабы на весь свѣтъ не токмо при животѣ сего, но и по смерти нашего Монарха имя славилося; то бы добро во всѣхъ земляхъ паче салтаніи за нихъ хватались, понеже червонцы не ради торгу или пріобрѣтенія богатства, но ради самыя сильныя и прочныя славы Его Величества.

Видѣлъ я: Россійскіе червонцы состроены маниромъ и мастерствомъ самые честные, а существомъ уронены; ибо въ иныхъ золото плохо и въ запарку нейдетъ, а

надобно, чтобъ и въ сусальное золото годны были безъ прожиганія.

А и серебреныя деньги аще и не надлежитъ во иныя земли отпускать, обаче лучше ихъ изъ самого жъ чистаго серебра, чтобъ они противо Царе-Ивановскихъ денежекъ чистотою были и лучше, дабы въ роды родовъ имя его и межъ поселяны славилося чистотою сребра въ деньгахъ.

И таковыя деньги надлежитъ въ торгахъ Русскихъ имѣть, за рубежи жъ отнюдь ихъ не отпускать: за рубежъ токмо одни червонцы отпускать.

Подобнѣ и мѣдныя деньги надлежитъ дѣлать изъ чистыя мѣди безъ примѣсу серебра и безъ закрасы временной, еже бы ей снова являтися яко серебряной, послѣдижъ яко мѣдной; но надобно ихъ устроить, якова коя изъ дѣла выдетъ, такова бъ и во вѣки вѣковъ была неизмѣнна.

А дѣлать бы не по иноземчески по цѣнѣ мѣди, но по изволенію Императорскаго Величества. Мнѣ мнится, что мѣдныя деньги мочно дѣлать гривенники вѣсомъ по золотнику, алтынники по полузолотнику. а копейки по четверти золотника.

И аще кто речетъ ми: для чего въ добрыхъ копейкахъ золотникъ къ мѣди пойдетъ по четыре копейки, а въ алтынникахъ по шти копеекъ, а въ гривенникахъ по десяти копѣекъ?

Отвѣтствую: мы не иноземцы, не мѣди цѣну исчисляемъ, но имя Царя своего величаемъ; намъ не мѣдь дорога, но дорого Его Царское именованіе. Того ради мы не вѣсъ въ нихъ числимъ, но считаемъ начертаніе на ней.

Есть перваго выхода денежки вѣсомъ по полтора золотника; то она аще вѣсомъ и тяжела, обаче и за копейку никогда не пойдетъ. А на коей цатѣ золотниковой начертаніе будетъ гривенное, то она и за

гривну ходить будетъ. И по сему разумѣй, еже у насъ не вѣсъ имѣетъ силу, но Царская воля.

У иноземцовъ короли такой власти не имѣютъ яко народъ; и того ради короли ихъ не могутъ по своей волѣ что сотворити, но самовластны у нихъ подданные ихъ, а паче купецкіе люди. И тыи купцы по купечеству своему товары въ деньгахъ числять, а королевскую персону полагаютъ на нихъ вмѣсто свидѣтеля, что та цата имѣетъ въ себѣ толико товару, за что она идетъ. А по нашему простому разумѣнію, то стало быть королю безчестье, а не честь, что не по имени его деньги въ себѣ силу имѣютъ, но по купеческой цѣнѣ.

И тыи иноземцы хощутъ то учинить, чтобъ и у насъ въ Россіи деньги были по цѣнѣ въ нихъ положеннаго товара, того ради прилагаютъ въ мѣдныя деньги часть серебра, дабы стоила матеріяломъ своимъ того, за колико ей ходить. И мнѣ ся мнитъ, той ихъ совѣтъ вельми намъ непріятенъ, непристоенъ; понеже у насъ самый властительный и всецѣлый Монархъ, и не аристократъ, ниже демократъ. И того ради мы не серебро почитаемъ ниже мѣдь цѣнимъ, но намъ честно и сильно именованіе Его Императорскаго Величества; у насъ толь сильно Его Пресвѣтлаго Величества слово, ащебъ повелѣлъ на мѣдной золотниковой цатѣ положить рублевое начертаніе, тобы она за рубль и въ торгахъ ходить стала во вѣки вѣковъ неизмѣнно.

А въ тѣхъ сумѣсныхъ деньгахъ первый главный и несносный намъ вѣрнымъ Его Императорскаго Величества рабомъ порокъ, еже по цѣнѣ въ деньгахъ товару снизить Его Величества именованіе.

Другой въ нихъ будетъ, еже вложенное въ нихъ серебро ни за что погибнетъ.

Третій порокъ, что воровскимъ деньгамъ будетъ великое предводительство, еже уже и явилося.

Въ деньгахъ такъ надобно ухитрить, чтобъ онѣ не токмо Царскому Величеству, но и всему бъ народу полезны были, и чтобъ никто воровски сдѣлать ихъ не могъ. Намъ всѣмъ надобно вымышлять и старатися о томъ, како бы воровство и всякія неправды изъ народу истребити, и правда насадить, и всякое пореченіе отъ Россійскаго народа отлучить.

И тѣ вышепомянутыя деньги съ примѣсомъ серебра не успѣли начатися, ажно и воровскія появилися. И я * ихъ въ томъ году двѣ копейки, да алтынникъ воровской, увидѣлъ, и, взявъ ихъ къ себѣ, доношеніе о нихъ написалъ, и по два дня ходилъ я къ Господину Алексѣю Васильевичу Макарову и получить не могъ, еже бы то доношеніе вручить ему; понеже въ то время походъ былъ Царскаго Величества въ Заонежье къ лекарственнымъ водамъ. И я видя то, съѣхалъ въ Новгородъ, и за тѣмъ то доношеніе замотчалось.

И аще тѣ съ примѣсомъ серебра деньги неизмѣнятся, то весьма воровства много въ народѣ будетъ; а если отъ воровства убѣжать и прибыли въ деньгахъ поискать, то мочно дѣлать изъ самыя чистыя мѣди легкія.

И аще Его Императорскаго Величества изволеніе расицевое будетъ, ежебъ ради пополненія казны и ради всенародныя пользы дѣлать изъ золотника мѣди по 4 копейки, то изъ фунта будетъ ихъ три рубля 28 алтынъ, а изъ пуда 153 рубля 20 алтынъ; а алтынниковъ по два изъ золотника дѣлать, то изъ фунта ихъ будетъ 5 рублевъ 25 алтынъ съ копейкой, а изъ пуда выйдетъ ихъ 230 рублей 4 гривны; а гривенниковъ по одному изъ золотника, то изъ фун-

* У Стр. *присмотря.*

та будетъ ихъ 9 рублевъ 20 алтынъ, а изъ пуда будетъ ихъ 384 рубля.

И потому развѣсу аще пудъ мѣди передѣлать въ копейки, то прибыли у пуда будетъ 140 рублевъ.

А алтынниковъ у пуда будетъ прибыли 220 рублевъ, а у пуда же гривенниковъ прибыли будетъ 370 рублевъ; и въ годъ если мѣди передѣлать 15000 пудъ и въ томъ числѣ 5000 пудъ передѣлать въ копейки, то прибыли у нихъ въ годъ будетъ 70000 рублевъ.

А алтынники если передѣлать 3000 пудъ, то прибыли будетъ 66000 пудъ.

А въ гривинники если передѣлать 2000 пудъ, то будетъ у нихъ прибыли 37000 рублевъ, и всего у 10000 пудъ мѣди за всѣми расходы будетъ прибыли 184000 рублевъ.

И ради истребленія воровства прежнія мѣдныя деньги надлежитъ всѣ передѣлать въ такіяжъ деньги, то сверхъ прежнія прибыли будетъ и отъ нихъ приплоду милліона три-четыре или больше. А если старыхъ не передѣлать, то и воровства изъ нихъ не искоренить; понеже много явилось въ нихъ отливныхъ.

И буде ихъ не окончить, то и впредъ отливать ихъ будутъ, а сихъ новыхъ денегъ ни отлить, ни запечатать воровски будетъ невозможно.

Къ сему же аще и сребреныя всѣ старыя дробныя копейки переплавить на костяхъ на сухо, и передѣлать ихъ въ полтины и рублевыя монеты, то и у нихъ прибыли будетъ не малое число.

И мое мнѣніе лежитъ не о однѣхъ токмо деньгахъ, но всякая вещь коя носитъ на себѣ Царя нашего имя, то надлежитъ ей быть самой чистой и честной.

Того бо ради и о винѣ предъявить, еже бы держать и продавать на кружечныхъ дворѣхъ самое чи-

стое и честное вино, чтобы въ домѣхъ мало такого обрѣталось. Такожде и прочія питья, кои подъ именемъ Царскимъ, были бъ самыя добрыя, несравненно съ домовыми питьи вкусомъ и чистотою, и свѣтлицы бы питейныя были свѣтлыя и уборныя, и ни малыя бы гнусности въ нихъ бы не было; потому что всѣ питейныя продажи носятъ на себѣ имя Царское. И по такому наименованію надлежитъ ему быть честну, а не безчестну, и людямъ упившимся было бы въ нихъ охраненіе, а грабленія при нихъ не было бы. А у насъ все сіе противно дѣется. И при кабакахъ зернщиковъ отнюдь не надобно, кромѣ караульщиковъ и охранителей. И посуда бы была добрая и чистая. А буде кой офицеръ или солдатъ, выпивъ питье, да сосудъ броситъ о землю и разобьетъ, то таковыхъ надлежитъ штрафовать съ нескуднымъ наказаніемъ, чтобъ такого дому питейному руганія и обиды не чинили.

Такъ надобно кабаки устроить: буде кто путемъ идучи днемъ или ночью, что до кабака дошелъ, то уже бы безпечаленъ былъ.

И аще и товаръ какой случится Царской, то и товару тому надлежитъ быть лучше прочихъ товаровъ; и аще кой товаръ лучше простолюдиннаго не будетъ, то не надобно его и нарицать Царскимъ, но такіе товары держать имъ купецкимъ людемъ, а не Царю.

Царь-судья и подобенъ онъ Богу. Того бо ради и всякой вещи за имя Царское отъ мірскихъ нельзя быть неотмѣннѣе; ибо и въ судѣ у Царя, яко у Бога, нѣтъ лица ни богату, ни убогу, ни сильну, ни маломочну— всѣмъ судъ единъ; и то сталъ быть судъ Божій.

И аще денежное дѣло серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ обновится, ктомужъ и таможенные сборы и питейная продажа измѣнится, то, я чаю, что на самую малую мѣру милліона по три и по четыре на годъ

сверхъ нынѣшнихъ настоящихъ сборовъ приходить будетъ.

А аще вся вышесказанная дѣла исправятся, и утвердятся, то я крѣпко на Божію милость надеженъ, что Его Императорскому Величеству на каждой годъ милліоновъ по пяти-шти и больше сверхъ нынѣшнихъ сборовъ приходить будетъ.

И аще Его Царскаго Величества изволеніе будетъ, еже вся предложенная сія моя мнѣнія въ дѣло произвести, елико предрекохъ о духовныхъ дѣлахъ, и о воинскихъ, и о судейскихъ, и о купеческихъ, и о художныхъ, и о истребленіи разбойниковъ, и о удержаніи бѣглыхъ людей, и о земляныхъ дѣлѣхъ, и о крестьянствѣ, и о не трудномъ умноженіи и собраніи казны Его Царскаго Величества, то я, за помощію Божіею, безъ сумнѣнія могу рещи, еже вся наша великая Россія обновится какъ въ духовности, тако и въ гражданствѣ; и не токмо Царская сокровища наполнятся, но и вси жители Россійстіи обогатятся и прославятся; и аще и военное дѣло возобновится, то не токмо единою славою прославятся, но и страшны всѣмъ окрестнымъ государствомъ будутъ. Аминь.

И сія мнѣнія моего изъявительная писанія о истребленіи всякія великія и малыя неправды, и неисправностей, и о насажденіи прямыя правды и правостей, елико ми Богъ помощи своей ниспослалъ, вся написахъ не обинуяся, и предлагаю на разсужденіе единаго высокопарнаго бѣлаго орла, явнаго правдолюбца, Императора Всероссійскаго, Петра Великаго, истиннаго Самодержца, и столпа незыблемаго. О семъ же свидѣтель

ми есть Богъ, еже азъ не себя ради сіе писахъ, но токмо ревность моя понудила мя на сіе дѣло. И тако пламень любви къ Его Царскому Величеству воспалися во мнѣ, еже никая нужда пресѣщи не могла. Ибо аще и невелика сія книжица, обаче едва отъ многосуетій своихъ въ три лѣта ю совершихъ; аще и многократно переписывалъ ю, обаче ни отъ кого не видѣна бысть, всячески бо сокрывахся, дабы въ народѣ не произнеслося сіе мое предложеніе.

И нынѣ всеусердно твоего милосердія прошу, дабы имя мое сокровенно отъ сильныхъ лицъ было, паче же отъ нелюбящихъ правды; понеже писахъ, не слагая имъ.

Паче же да будетъ воля Божія и твоя превысокая Царская воля во мнѣ. Аминь.

Яко аще кто восхощетъ Богу угодить, тотъ не можетъ мамонѣ услужить. Ничимъ же разнствуетъ, аще кто и Царю вѣрно потщится услужить, то всему міру имать ненавистенъ быть.

Всенижайшій и мизирнѣйшій рабичищъ, правды же всеусердный желатель, **Иванъ Посошковъ**, *утаенно отъ зрѣнія людскаго трилѣтнымъ трудомъ вописавъ Твоему Царскому Величеству предлагаю. Аминь.*

Февраля 24.
1724.

ни сей [illegible], [illegible] не всей [illegible] сіе [illegible], но
точно ревность моя побудила на сіе дѣло. И тако
пламень любви къ Его Царскому Величеству [illegible]-
ся на дѣло сіе, понеже иныя причины не могла. Ибо
вижу я [illegible] объявляется отъ многихъ
[illegible] своихъ [illegible] сходныхъ, что и мно-
кратно [illegible], то, самое ни отъ кого не вѣдѣ-
ла бывшихъ, [illegible] бо [illegible], дабы къ народу
не произносился сіе мое предложеніе.

И нынѣ всеусердно такого [illegible] прiиму, да-
бы [illegible] отъ [illegible] [illegible]
[illegible] отъ [illegible] правдахъ [illegible], не
[illegible].

[illegible] будетъ [illegible] Божіи [illegible] прсловна
[illegible].

[illegible] Богу [illegible], [illegible] не мо-
[illegible] Божіи же [illegible] яже
[illegible] и Царю [illegible] Бога
[illegible].

[illegible] и [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

О РАТНОМЪ ПОВЕДЕНІИ.

ДОНЕСЕНІЕ

БОЯРИНУ ѲЕДОРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ

ГОЛОВИНУ.

ПОДАЛЪ ИВАНЪ ПОСОШКОВЪ.

1701 ГОДА.

Это сочиненіе Посошкова напечатано было г. Розановымъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

«*Россіянинъ прошедшаго вѣка*, или *предложеніе Ивана Посошкова*, поданное боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину. 1701 года, съ присовокупленіемъ Отеческаго завѣщательнаго поученія посланному для ученія въ дальнія страны, юному сыну, писанное въ 1708 году. Иждивеніемъ Ѳ. Розанова. Въ Москвѣ, 1793» въ 16 лю, 123 стр.

Съ слѣдующимъ предувѣдомленіемъ:

«Сіе старинное сочиненіе найдено мною между бумагами, подаренными мнѣ отъ одного изъ моихъ знакомыхъ. Оно любопытно: ибо показываетъ образъ мыслей, какой имѣли Русскіе минувшаго столѣтія о новыхъ въ Государствѣ нашемъ Европейскихъ заведеніяхъ Петра Великаго, и чрезъ то обнаруживаетъ затрудненія, встрѣчавшіяся преобразователю Россіи при каждомъ шагѣ отъ укоренившихся между подданными его предразсудковъ. Нѣкоторыя примѣчанія Посошкова, до тактики касающіяся, несмотря на странность его заключеній, заслуживаютъ вниманіе военнослужащихъ. Расчисленія его также для многихъ могутъ быть интересны, въ разсужденіи тогдашней цѣны хлѣбу, всякимъ припасамъ и военнымъ снарядамъ. Въ похвалу сочинителя служитъ то, что онъ писалъ отъ добраго

*

сердца и изъ любви къ отечеству, а отнюдь не для того, чтобъ снискать себѣ какія выгоды. Онъ ощущалъ пользу, отъ Государевыхъ предначинаній происходившую, но не въ силахъ былъ, по непросвѣщенію своему, проникать далѣе.»

«Родительское наставленіе отправленному въ Голландію юному сыну открываетъ главныя правила въ воспитаніи соотчичей нашихъ прошедшаго вѣка; оно наполнено ученіемъ никогда не старѣющейся истины.»

Въ Тройцѣ славимаго Бога прошу о подаяніи вразумленія; твоюжъ милость, Государь Бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичь, прошу о прощеніи въ моихъ погрѣшеніяхъ, яже отъ дерзновенія написахъ о дѣлѣхъ вѣдомыхъ и невѣдомыхъ; елико ми Богъ въ мысль вложилъ, не восхотѣхъ умолчати. Писаніе возвѣщаетъ тако, что Богъ изводитъ честное и отъ недостойнаго, * якоже и древле бысть: отъ челюсти скверные извелъ Богъ Сампсону въ жажду его источникъ чистые воды. И сему примѣняющися, аще и хуждши ослія челюсти, обаче на волю Божію надѣющися, ** дерзнухъ и азъ нѣчто изнести о воинскомъ дѣлѣ, понеже есть жажда Великому Государю о воинскомъ дѣлѣ. И якоже Сампсону Богъ утолилъ жажду чрезъ ослю челюсть, и нынѣ той же Богъ, яко чрезъ сухую кость, негли и чрезъ мое непристоинство и сухомысліе учинитъ ему Великому Государю нѣчто полезное и прохладительное; аще и младенчески вѣщаю, но Богъ можетъ.

Амалики *** копіями, и бердышами, и ножами, славы себе доступили, а огненнымъ ружьемъ и не хвалились, понеже владѣть имъ не умѣли. А нынѣшняя пѣхота наипаче прежней пѣхоты тщаніемъ и раченіемъ Великаго Государя многократно лутши изученна суть всякому шеренежному строю и скорообращательному бою. И та вышереченная прежніе пѣхоты похвала, по нашему простому разумѣнію, малая похвала; но тобѣ самая добрая похвала, ежебѣ

* Такъ въ моемъ спискѣ; у Роз. неправильно: *и не отъ недостойнаго.*

** У Роз. *надѣющійся.*

** Въ моемъ спискѣ ошибка: *и малянін.*

непріятеля не допуская до рукъ своихъ поразить. И естли бы, Государь, научить * хотя одинъ полкъ Преображенской, или Семеновской, или новой какой охотниковъ изъ стариковъ и изъ новиковъ выбрать изволилъ, тысячь пять-шесть или десятокъ собрать, и научить ихъ такимъ твердымъ стрѣляніемъ, чтобъ ни одинъ пули даромъ не потерялъ, но почемубъ ни похотѣлъ стрѣлить, потому бъ и попалъ.

А напорнаго ради непріятеля, нужда есть и до копей, а потомъ и до бердышей, или до обоюдниковъ, а потомъ нужда надлежитъ и до ножей.

И естли воля Великаго Государя на сицовое дѣло по тщанію твоему произыдетъ, то ружье ужъ надобно доброе, чтобы въ немъ оборона была; порохъ надобно доброй же; пищали бъ цѣльныя были, чтобъ трудъ воинской не тунѣ погибалъ; и чтобъ пуля въ послушаніи у нихъ была, куды бъ похотѣлъ воинъ послать ее, туды бъ она дошла; такожде и копіи были бъ острыя, яко ножи, чтобъ никакое густое платье не одержало ихъ; и древки бъ у нихъ были твердыя; и присадка бъ у нихъ была твердаяжъ, чтобъ въ присадѣ копьи съ древокъ не ломались; такожде и бердыши и обоюдники были бъ острые, а не якожъ прежде бывшіе, что и одного кафтана просѣчь не могли; такожде и ножи были бъ самые острые, и концы самые жъ у нихъ острые были, и въ черенахъ бы они были твердые, и черенье бы у нихъ было толстое съ костылями или съ какимъ инымъ препятіемъ, чтобъ во время нужды руки у себя не обрѣзать.

Худъ тотъ холопъ, кой воли господа своего не творитъ; такожде худо то и ружье, въ коемъ обороны нѣтъ. По нашему зрится въ воинскомъ дѣлѣ то и первое дѣло, чтобъ ружье было доброе, а къ ружью ужъ надоб-

* У Роз. *естли бы Государь научилъ.*

но и воинъ доброй; а если ружье недѣйствительно, то воину нечего храбростію своею безъ ружья дѣлать.

Сіе, Государь, всѣмъ зримо, что въ нынѣшнею Ругодѣвскую * войну, сказываютъ, Преображенскіе и Семеновскіе солдаты что выстрялили зарядовъ по 20 и больши, а убитыхъ Шведовъ мало явилось. Хотя бъ они въ 50 выстрѣлахъ по одному человѣку убили, тобъ славна побѣда была; а то, Богъ вѣсть, работы людцкой и истраты казнѣ много было, а дѣла мало.

А если бы и по одному заряду выстрѣлили, да всякой бы убилъ, то бы и всѣхъ на голову побили; а мнѣ, Государь Ѳедоръ Алексѣевичь, въ разумъ вмѣстить немочно, что въ томъ за польза, что много огня, а убою ничего нѣтъ, лише свинцу и пороху истеря даровая, а солдатамъ лишняя работа.

По моему, Государь, мнѣнію, дружная стрѣльба только что красиво смотрѣть, ** а непріятелю нестрашна она; а цѣльная стрѣльба хотя некрасива стрѣльбою, только непріятелю страшна будетъ, и казна Великаго Государя спорабъ была, а солдатомъ покойно.

И естли сіе мое изреченіе Великому Государю будетъ угодно, и быть сему поволитъ, то мнится мнѣ, что и жалованье умѣющимъ солдатамъ учинить разное. Кои умѣть будутъ съ руки стрѣлять по шапкѣ стоящей и никогда не грѣшить, и такому, чаю, что мочно бъ по рублю, или по два, при прежнемъ жалованьѣ прибавить. А кой по шапкѣ жъ будетъ бить, не на одномъ мѣстѣ стоящей, но подвижимой, и никогда жъ не грѣшитъ, и таковому и передъ тѣмъ прибавка жъ бы учинить: а кой по малой цѣли, якобъ по яйцу, будетъ бить безоблыжно, и тому наипаче вящшее жалованье учинить; а кой удалецъ будетъ такой, что въ малую

* Въ Роз. сп. не правильно: *Ругодѣльскую*.

** Въ моемъ сп. кажется неправильно: *смотритъ*.

цѣль въ подвижную будетъ бить безъизмѣнно, и таковому и гораздо доведется лишнее дать, чтобъ на то зря, другъ предъ другомъ ревновали и въ наученіи подвизались.

И естли Великій Государь изволитъ сицевымъ подобіемъ жалованье расположить, то многіе будутъ учиться стрѣлять и своимъ порохомъ; и начальнымъ людемъ по дружбѣ нельзя никого въ большой окладъ справить; всякому будетъ достойное жалованье по его умѣнію; и естли довольное жалованье добрымъ мастерамъ учинено будетъ, то, чаю, что и съ воли многіе, кои ружьемъ владѣютъ, въ солдатской чинъ и изъ добрыхъ домовъ пойдутъ.

И естли такихъ удалыхъ стрѣльцовъ тысячь десятокъ человѣкъ собрать, и научить ихъ скорообращательному строю, то чаю, что та 10 тысячь лучше 50 тысячь у дѣла будутъ: тобъ нашему Великому Государю самая достохвальная слава и радостная война была, что малыми людьми многолюднаго непріятеля побѣждалъ.

Дружное, Государь, стрѣляніе хотя и красиво зритца, а какъ строй непріятель сомнетъ, то и умѣніе дружные стрѣльбы бросить; а цѣльнаго стрѣлянія никогда непріятель отнять не можетъ, потому, хотя человѣкъ пять-шесть гдѣ захватятъ, и тѣхъ даромъ взять не возмогутъ.

А кои стрѣлять въ цѣль не умѣютъ, и тѣмъ лучши владѣть копьями и инымъ студенымъ ружьемъ: кто чему гораздъ, тому тѣмъ хорошо и владѣть.

Такожде естли бы Великій Государь изволилъ и конницу учинить огнестрѣльную такую, чтобъ скачучи на кони прыткостію, по цѣли били изъ длинного ружья саженяхъ въ 20, а изъ пистолей въ 5 саженяхъ. И естли Великій Государь наградитъ довольнымъ жало-

ваньемъ, по разсмотрѣнію коегождо умѣнія, то многіе изъ домовъ боярскихъ и сытые люди пойдутъ въ конской строй, и изъ иныхъ изо всякихъ чиновъ тщатися въ такіе драгуны будутъ. И естли такихъ удальцовъ собрать хотя одна тысяча, чтобъ ни единъ изъ длинного ружья и изъ пистолей никогда не грѣшилъ, и такаябъ тысяча замѣнила паче 10 тысячь.

А у насъ, Государь, въ Руси обрѣтаются такіе стрѣльцы въ Низовыхъ городѣхъ и въ Сибирскихъ странахъ, что скачючи на кони, изъ длинного ружья въ цѣль бьютъ и заряжаютъ; только пистольного стрѣлянія не знаютъ. И естли такихъ стрѣльцовъ конныхъ научить и пистольной стрѣльбѣ и шереношному строенію, то комубъ такая конница нестрашна была!

И естли бы Богъ изволилъ и Великій Государь съ сицевымъ умѣніемъ пѣхотные и конные полки построилъ, то Богъ вѣсть, ктобъ могъ противъ его Великого Государя стоять.

Да къ тому если бы еще научились и изъ пушекъ стрѣлять въ цѣль же, чтобъ почему захотѣли, потому бъ и били безъ погрѣшенія, тобъ страшны Русскіе люди всѣмъ окрестнымъ Государствамъ были. А буде Государь, въ Руси такова человѣка не изыщется, кой бы могъ пушечную стрѣльбу устроить, чтобъ даромъ пули не пропадали, инъ хотябъ великою цѣною изъ тѣхъ земель мастеровъ добыть, въ коихъ таковые обрѣтаются, что по одному человѣку умѣютъ убить, и пушкѣ въ дуло вбиваютъ. (?)

Да къ тому, естли бъ Великій Государь изволилъ рогатки подѣлать на колесахъ съ огненнымъ боемъ, чтобъ мочно съ ними наступать и отводомъ итти безъ трудности. И естли рогаточную стрѣльбу управить по намѣренію моему, то чаялъ бы я, за помощію Божіею, защитѣ въ нихъ отъ непріятелей великой быть, пото-

му, естли по слову Великаго Государя, якожъ ми прошлаго году въ Преображенскомъ на сержантскомъ дворѣ изъ своихъ Царскихъ устъ изрекъ, чтобъ здѣлать рогатки огнестрѣльныя въ три ряда, а на нихъ устроить по затинной пищалѣ, обращающейся на всѣ стороны, самыя цѣльныя съ замками, чтобъ непріятеля встрѣтить мочно было сажень за сто и больши, или въ погоню заними стрѣлить. И потому его Государскому словеси нынѣ для примѣру маленькую деревянную рогатку я сдѣлалъ. И буде поволишь тотъ образчикъ Великому Государю объявить, и если тѣмъ образцомъ Великій Государь укажетъ рогатки двѣ-три сдѣлать совершенные, какъ имъ доведется быть, и на тѣ рогатки, зря, мочно всю силу въ нихъ познать, коль онѣ скоропоспѣшны къ стрѣльбѣ, и коль тяжелы на походѣ, и что за ними дѣла, то всѣмъ будетъ явно.

Дѣложъ въ тѣхъ рогаткахъ сіе есть заправить стволы пулями или желѣзными жеребьями, и поставить ихъ на причинныхъ мѣстѣхъ и устроить ихъ, чтобъ стояли стволы въ груди человѣку, и запалить верхней рядъ въ то время, какъ непріятель будетъ въ 30 или въ 40 саженяхъ отъ рогатокъ, чтобъ ружью мочно взять, * и пулибъ даромъ не пропадали.

И буде непріятель будетъ напоренъ, и черезъ побитыхъ передовыхъ людей станетъ выправливаться, и въ то время запалить другой запасъ.

И буде заупрямятся и начнутъ еще справливаться, и тогда запалить изъ третьяго ряду; а въ то время поспѣютъ первой рядъ паки заправить, и къ стрѣльбѣ уготовить.

И буде и еще непріятель будетъ нартитца, то хотя до десяти разовъ, или и больше, то мочно од-

* Въ моемъ сп: *чтобъ ружье мочно взяло.*

ною рогаточною стрѣльбою непріятеля отъ обозу отбивать.

А буде непріятелю рогаточная стрѣльба не понравится и поворотитъ прочь, и того ради доведетцэ изъ затинныхъ пищалей въ погоню за ними стрѣлять: и како я мышлю, и естли бы тако и на дѣлѣ было, тобъ отъ однихъ рогатокъ велико на непріятеля пораженіе было.

И естли бы вся сія тако устроишася, да къ томужъ естли бы Богъ способъ далъ доброй, тобъ дивная война была, и на весь свѣтъ славна бъ Русь была.

Еще же и сіе изреку, егда лучитца на приступѣ градскомъ быть и изъ шанцовъ стрѣлять, то что поможетъ дружное стрѣляніе? Съ тѣмъ множествомъ стрѣлянія ни чесо же вредитъ; но въ шанцахъ нужда мнитца быти до самаго умѣнія стрѣляльнаго. Такіе надобно умѣльцы, чтобъ человѣкъ лишь бы въ окошко глянулъ, или межъ зубцовъ мельконулъ, анъ его надобно и убить, и какъ кто въ цѣль стрѣлять не умѣетъ, тому въ шанцы и ходить не для чего.

Зачто въ шанцахъ вылазные непріятели много побиваютъ? Явѣ за то, что стрѣлять въ цѣль ошанцовавшіеся не умѣютъ; и хотя и много стрѣляютъ, да не попадаютъ и лише себѣ трудъ чинятъ, а непріятель сѣчетъ и рубитъ даромъ.

А естли бы такіе были умѣльцы, чтобъ всякая пуля въ человѣка посажена была, а мимобъ ни кто никогда не могъ стрѣлять, то чтобъ вылазка шкоды сидящимъ въ шанцахъ починила! Только бъ сами пропали, чтобъ и назадъ ихъ не упустили.

Такожде и на отводныхъ караулѣхъ что пользуетъ пищаль, аще не умѣетъ цѣльно въ человѣка изъ нее попасть? Развѣ только вѣсть полку подастъ, а самъ пропадетъ даромъ, а умѣющій стрѣлецъ и на отвод-

номъ карауль хотящаго его скрасть убьетъ, и даромъ не пропадетъ, но голову на голову смѣняетъ.

Еще же и сего нужнѣе умѣніе стрѣляльное на водяномъ бою: по тому корабль на морѣ покойно стоять никогда не можетъ, но всегда онъ шатается; такожде и мѣлкія суды за колебаніе морское стояти неподвижно не могутъ; и въ морскомъ воеваніи что успѣетъ дружная, а не цѣльная стрѣльба? Мнѣ, Государь, сіе тако размышляется, что на морѣ надобно самые удалые стрѣльцы, чтобъ могли съ руки въ подвижную цѣль бить безъ облышки; а естли не такъ, то некакъ на морѣ воевать. Я истинно, Государь, не помалу дивлюся и недоумѣваюся, что сказываются Нѣмцы люди мудры и правдивы, а учатъ все насъ неправдою.

Мнѣ, Государь, вельми сумнительно въ иноземцахъ; * а праведноль я сумняюся или блазнюся, про то Богъ вѣсть, только то я совершенно знаю, что они всѣхъ земель торгуютъ торгами и всякими промыслами промышляютъ компанствами единодушно, и во всякихъ дѣлѣхъ себя они и свою братію хранятъ, и возносятъ, а насъ ни вочто вмѣняютъ.

И тому ихъ торговому содружію примѣняяся, мнѣніе ми приходитъ такое, что диво тако, да не компанствамилижъ они и войну чинятъ, будто намъ помогаютъ, а все блазнятъ насъ; а самою истинною, чаю, ради тому, чтобъ ихъ однихъ рука высока была, а наши всегдабъ въ поношеніи были, и всегдабъ ихъ за господъ себѣ имѣли.

И естли, Государь, война правится компанствамижъ ихъ, то вельми надобно ихъ боятися, дабы горши прошлогодняго вреду впредь сего не починили. Вѣ-

* Въ моемъ сп. *о иноземцахъ.*

рить имъ вельми опасно: не прямые они намъ доброхоты, того ради и ученью ихъ не вельми надобно вѣрить. Мню, что во всякомъ дѣлѣ насъ обманываютъ и ставятъ насъ въ совершенные дураки.

А за благодатію Божіею у Великаго Государя есть всякихъ людей разумныхъ. Много Нѣмцы насъ умнѣе * науками, а наши остротою, по благодати Божіей, не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно.

Да пожаловали они прорубили изъ нашего государства во всѣ свои земли диру, что вся наша государственная и промышленная дѣла ясно зрятъ. Диражъ есть сія: здѣлали почту, а что въ ней Великому Государю прибыли, про то Богъ вѣсть. а колько гибели отъ той почты во все царство чинитца, того и исчислить не возможно. Что въ нашемъ государствѣ ни здѣлается, то во всѣ земли рознесетца; однѣ иноземцы отъ нее богатятся, а Руские люди нищаютъ. Потому товары, кои у насъ въ Руси готовятца къ городу, а здѣшніе иноземцы въ свои земли непрестанно пишутъ, почему кои товары купятца, и каковы товары, добры или плохи, и коихъ много, и коихъ мало. ** Такожде пишутъ и о своихъ товарахъ, кои здѣсь подобрались и коихъ залишкомъ. И кои ихъ товары подобрались, тѣхъ они и вывезутъ; а коихъ слишкомъ, тѣхъ и не везутъ, и цѣну какову похотятъ, такову и поставятъ.

А наши бѣдные къ городу пріѣдутъ съ товарами, и пріѣзжіе иноземцы цѣну ихъ и знаютъ, по чему кои товары куплены и коихъ колько есть; и станетъ у него торговать самою цѣною малою, потому что про цѣну подлинно знаютъ, и многоль коихъ товаровъ пасено, знаютъ же.

* Въ моемъ сп. *ушлѣе*. ** У Роз. *ниже*.

И почты ради иноземцы торгуютъ издѣваючись, а Русскіе люди жилы изъ себя изрываючи.

А естли бы почты иноземской не было, тобъ и торгъ ровной былъ: какъ наши Русскіе люди о ихъ товарѣхъ не знаютъ, такожде бы и они о нашихъ товарѣхъ не зналижъ бы, и торгъ бы былъ безъ обиды

Идетъ на годъ отъ почты въ казну по сту рублевъ, и то почитаютъ Великому Государю въ прибыль, а въ то мѣсто изъяну чинятъ на многія тысячи.

Наипачежъ того, что, чаю, всякія вѣсти выносятся на весь свѣтъ, и естли совершенно вѣсти всякія, кромѣ торговыхъ статей, во всѣ земли разносятца, то не то что по сту рублевъ, ни по сту тысячь не доведетца за почту брать.

Мнѣ, Государь, мнитца, что лучшибъ та дира загородить накрѣпко; а крѣпче того не льзя, что почта, буде мочно, то отставить ее вовсе, а не худо, чаю, чтобъ и ѣздакомъ заповѣдь положить крѣпкая, чтобъ грамотокъ въ иныя земли безъ приказнаго свидѣтельства отнюдь не возили. Такъ бы вѣсти никакія не разносились.

Еще, Государь, предлагаю предъ очи твои примѣръ о ратныхъ дѣлахъ на пополненіе вышеписанныхъ рѣчей, со исчисленіемъ жалованья денежнаго и хлѣбного и оружейного расходу.

Простой, Государь, пѣхотѣ денежного жалованья, напримѣръ, положить хотя по 10 рублевъ на годъ, хлѣба по 10 четвертей на человѣка, подъемныхъ по 3 рубли; если собрать той статьи пѣхоты 50 тысячь, то надобно имъ денегъ на жалованье 500 тысячъ рублевъ; хлѣбъ, если положить по полтинѣ четверть, и того будетъ 250 тысячь рублевъ; подъемныхъ 150 тысячь рублевъ.

И всего имется имъ денежного и хлѣбного жалованья годового 750 тысячь рублевъ, да подъемныхъ 150 тысячь рублевъ; обоего 900 тысячь рублевъ.

Имъ же ружья надобно всякому солдату: по пищалѣ — и если всякая пищаль положить по два рубли, и того будетъ 100 тысячь рублевъ; богинеты хотя по полтинѣ, и того 25 тысячь рублевъ; пороху по 5 фунтовъ на человѣка, а фунтъ если положить по гривнѣ, и того 25 тысячь рублевъ; пулекъ по 5 же фунтовъ на человѣка, а фунтъ если положить по алтыну, и того будетъ 7500 рублевъ, всего на ружья и на порохъ надобно 157,500 рублевъ.

Ихъ же естли кормить на службѣ Государевымъ кормомъ, и если на мѣсяцѣ положить корму по рублю на человѣка, и на 3 мѣсяца на кормъ изойдетъ казны 150 тысячь рублевъ.

И всего 50 тысячь человѣкомъ жалованья и ружья и пороху и на 3 мѣсяца корму имется 1,207,500 рублевъ.

А естли, Государь, собрать самыхъ умѣтельныхъ стрѣльцовъ, чтобъ ни одинъ и въ самомъ скоростномъ стрѣляніи пули даромъ не бросилъ, и по моему, Государь, мнѣнію такихъ умѣющихъ стрѣльцовъ полно и 10 тысячь человѣкъ, нежели вышеписанныхъ 50 тысячь человѣкъ; и жалованья хотя по 30 рублевъ будетъ имъ учинено на годъ, и хлѣба хотя по 20 четвертей на человѣка, подъемныхъ хотя по 5 рублевъ, то Великому Государю валовыхъ вышеписанныхъ 50-ти тысячь человѣкъ гораздо бъ они прибыльнѣе были: потому изойдетъ имъ на годовое жалованье только 300 тысячь рублевъ, на хлѣбъ 100 тысячь рублевъ, на подъемъ 50 тысячь рублевъ, и всего жалованья годового-денежного и хлѣбнаго и подъемныхъ противъ сего примѣру бу-

детъ 450 тысячь рублевъ. Ружье надобно имъ доброе и цѣльное; и хотя купить пищаль по 6 рублевъ, и того будетъ 60 тысячь рублевъ. Бердыши добрые или обоюдники, или по прежнему богинеты, положить по 20 алтынъ, и того 6 тысячь рублевъ. Ножи добрые купить хотя по 2 гривны, и того будетъ 2 тысячи рублевъ; пороху добраго фунта по 3 на человѣка, и купить хотя по 2 гривны фунтъ и того будетъ 6 тысячь рублевъ; пулей хотя по 3 фунта на человѣка, и того будетъ 900 рублевъ.

И того всего будетъ 74,900 рублевъ, а на службѣ для ради ихъ удальства и для отмѣны отъ рядовыхъ солдатъ, хотя по полтора рубли на мѣсяцъ корму имъ учинить, и того на 3 мѣсяца имѣется 45 тысячь рублевъ.

И всего жалованья, и ружья, и пороху, и на 3 мѣсяца корму, иметца 569,900 руб.

И какая казна довелась была дать 50 тыс. прежде бывшимъ солдатомъ, и тою казною новыхъ солдатъ, самыхъ удалыхъ, кои въ подвижную двувершковую цѣль безъ погрѣшенія будутъ бить, мочно пожаловать 20 тысячь человѣкъ и слишкомъ. И тѣ, Государь, 20 тысячь замѣнилибъ у дѣла за 100 тысячь неумѣющихъ, или и за 200 тысячь.

И естьли, Государь, подлинно такихъ добрыхъ стрѣльныхъ мастеровъ 50 тысячь собрать, да естлибъ къ нимъ прибрать самыхъ смѣлыхъ и зарывныхъ молодцовъ тысячь съ 10 и 20, по размотрѣнію полководца хъ копейной службѣ, да конныхъ огнестрѣльныхъ бойцовъ естлибы набралось тысячь съ 10, лучныхъ и копейныхъ добрыхъ наѣздниковъ тысячь съ 10 же бы, то хотя числомъ при прежнихъ наря-

дахъ и не многобъ ихъ было, а надежнѣебъ прежнихъ 300 тысячь было съ ними воевать.

Я чаялъ бы, что за помощію Божіею Великій Государь могъ бы многія государства подъ руку свою толикимъ числомъ подклонить; только надобно къ такимъ удальцамъ удалые и полководцы и въ воинскомъ дѣлѣ искусные, чтобъ умѣли ихъ вести, и отъ лукавства непріятельскаго зналибъ ихъ блюсти, чтобъ какихъ обманомъ ихъ не погубили, и за недознаніемъ * «полководца умѣніе ихъ стрѣльное даромъ бы не пропало.

А кои прежніе солдаты не годятся ни къ огненной стрѣльбѣ, ни къ копейной войнѣ, и тѣмъ бы хорошо быть въ черной работѣ и у рогаточнаго наряду; а буде такихъ работныхъ солдатъ будетъ мало, то доведется, чаю, для земляной работы нарочныхъ даточныхъ изъ крестьянства взять, по работѣ смотря, на время, по коихъ мѣстъ будетъ служба.

А какъ служба минется и тѣхъ крестьянъ отослать на прежніе ихъ жеребьи; а умѣющіе солдаты всегдабъ у ружья своего управлялись: чтобъ они никогда въ земляной работѣ не утрудилися и томныбъ не были, но всегдабъ они были бодры и опасны, и къ бою готовы на всякой часъ.

А если утомится въ черной работѣ, то онъ день другой будетъ не воинъ; а стрѣляльному, Государь, мастеру надобно на всякой недѣлѣ разъ другой всякому изъ пищали своей по цѣли выстрѣлить, чтобъ рука у него къ стрѣльбѣ всегда тверда была, и ружьебъ не залеживалось;» а если, Государь, и доброй мастеръ, да утрудится въ земляной работѣ, или и безъ работы, да долго не будетъ изъ ружья своего стрѣ-

* Въ моемъ спискѣ недостаетъ осьмушки съ словами, означенными «—».

лять, то рука у него въ стрѣльбѣ дрогнетъ, и съ руки ужъ не таково цѣльно стрѣлять будетъ

И естли бы всему сему Господь Богъ изволилъ быть, и Великій Государь приказалъ такихъ прямыхъ воиновъ себѣ избрать и научить якожъ выше реклось, то хотябъ ихъ на полѣ и не казисто было, обачежъ непріятелю страшныбъ были паче прежнихъ многочисленныхъ полковъ.

Я истинно, Государь, сего не могу разумѣть, что въ томъ силы или что похвалы, что многочисленны наши полки на брань изходятъ, а непріятель малыми людьми побиваетъ и въ полонъ беретъ. И сіе, Государь, не бесчестіель наше, что во множествѣ нашемъ отъ малыхъ людей стоять не можемъ

И аще кто речетъ: нынѣшняя де Ругодевская служба учинилась злощастна отъ воли Божіей да отъ измѣны, а не отъ плохости какой; и сіе всѣ мы разумѣемъ, что безъ воли Божіей и маленькой птички убить никому не возможно: однакожъ всегда надобно человѣку опасну и осторожну и къ ратоборству готову быть, и уборъ ополчительной надобно всегда доброй имѣть. Естли же мы обороны себѣ не умѣемъ держать, то нѣчего намъ на Бога и пѣнять. Егда и самъ Богъ полководствовалъ Израильскому люду, обачежъ и тогда тьи Израильтяне оружія не отлагали, но острыхъ мечей на непріятеля своего употребляли, и на защищеніе отъ непріятеля щиты себѣ имѣли; кольмижъ нынѣ намъ подобаетъ пещися о добромъ ружьѣ, и о добромъ умѣньѣ полководномъ и ратоборномъ и о всякомъ ратномъ управленьи, потому что самъ Богъ не снидетъ намъ тако помогать, яко же древлѣ помогалъ Іисусу Навину Іерихонъ градъ разрушить ношеніемъ кіота Господня и множествомъ

трубнаго гласа, или Гедеону едиными трубами, да огненными лучами, Мадіама устрашить; а на пораженіе Мадіамлянъ и Іерихонитянъ единаче употребилижъ оружіе, кое тогда въ ратномъ дѣлѣ обрѣталось.

И по сему разумѣнію никогда безъ оружія воевать не возможно.

Къ семужъ и Псаломникъ вопіетъ: препояши оружіе твое по бедрѣ твоей сильне; и не просто сіе пророческое слово речено, еже препояши по бедрѣ твоей сильне: бедра значитъ осторожность, а сила значитъ умѣніе. И по сему явно, что воину всегда достоитъ оруженосну * и умѣтельну быть, таможде и ружье доброе и острое имѣть; и во многихъ мѣстахъ воспоминаются въ писаніи мечи обоюдные и изощренные, а не тупые: тупаго оружія ни въ каковыхъ писаніяхъ не обрѣтается, якоже прежде у насъ обрѣтались бердыши, остріемъ подобны косарю тупому, и кованы изъ простаго желѣза безъ укладу, сабли желѣзныяжъ и тупыя, что ни бердышемъ, ни саблею и платья прорубить не возможно было. А ружье, Государь, тупое непріятелю не страшно, потому что если по голому тѣлу, то обранитъ; обачежъ и рана отъ тупого ружья невелика бываетъ; а если по платью ударитъ имъ, то лише зашибетъ, а и обранить сквозь платье невозможно. А острое ружье вельми страшитъ всякого человѣка, потому что рана отъ него тяжела, и платье не защититъ отъ раны. Также и пищаль цѣльная страшна непріятелю. И по сему, Государь, о ружьѣ первое попеченіе надобно имѣть, чтобъ оно было добро и остро, и къ оборонѣ надежно; а за тѣмъ уже и безъ умѣнія нельзя быть.

И кузнецамъ указъ сказать крѣпкой, чтобъ отнюдь изъ худого желѣза ружья никакого не ковали, а на

* У Роз. *вооруженному*.

остріе клалибъ сталь или укладъ самой доброй, и остріебъ ставили на бердышахъ и на обоюдникахъ, и на копьяхъ, противъ добраго ножеваго острія; и всякой бы мастеръ сдѣлалъ по имяни своему и по прозванію клеймо, и тѣмъ бы клеймомъ всякой мастеръ свою работу и клеймилъ впредь для вѣдома, чтобъ мочно было разобрать кое коего мастера ружье, и буде кое ружье будетъ огненное ковано не изъ самаго мягкаго желѣза, и худо проваритъ, * или худыя мѣста мѣдью запояетъ, и отъ стрѣльбы ее разорветъ, и по клейму, хотя въ 10 лѣтъ, сыскать будетъ мочно виноватаго мастера.

А чаю, Государь, доведетца того мастера жестоко наказать, чьей работы ружье разорветъ, потому что онъ будетъ человѣкоубійца. Также кой кузнецъ скуетъ саблю, или бердышъ, или обоюдникъ, или копье, или богинетъ, или ножъ безъ укладку, или и съ укладомъ, да желѣзо положитъ не мягкое, и отъ того онъ переломитца, или въ присадѣ не твердо будетъ, и съ ратовища сломитца, или изъ черена выломитца, и тому доведется запрещеніе какое положить, чтобъ всѣ того опасны были.

А принимать бы всякое ружье съ опыту и за вѣрнымъ свидѣтельствомъ. И кой дозорщикъ кое ружье будетъ досматривать, и на томъ бы ружьѣ положилъ онъ свое дозорное клеймо, чтобъ знать было, коего ружья кой дозорщикъ достовѣривалъ. И если въ чьемъ дозорѣ явится какая винность, и за то и дозорщику запрещеніежъ бы какое положить.

Намъ, Государь, не то что нынѣшняя Ругодевская служба не полезна, но и предками своими похвалитися намъ не возможно: и всѣмъ сіе вѣдомо, какъ Князь

* У Роз. *пропаритъ*.

Василей Васильевичь Голицынъ подъ Перекопъ ходилъ, и съ нимъ, сказываютъ, было больши 300 тыс. служилаго люду, а Татаръ выѣхало тысячь всего съ пятнадцать; а наши отъ великаго своего множества, бою съ такими малыми людьми не смѣли длить. И сіе, Государь, не явноель наше безчестіе, что тѣ Татары одною конницею и однимъ лучнымъ боемъ полкъ Думнаго дьяка Емельяна Украинцова порубили, и пушекъ, сказываютъ, съ 20 отбили, и въ полонъ взяли; а наши изъ большаго и изъ меньшихъ полковъ и изъ обозу вытти и выручить ихъ не смѣли, всѣ устрашились отъ малыя горсти. Истинно право слово Божіе: еже страшливому на брань изходити не подобаетъ, подобнѣ и неумѣющему не почто на бой ходить; потому страшливой или неумѣющій смѣлому и умѣющему мѣшать и страхъ наводить будетъ. Страшливому и неумѣющему лучши дома сидѣть; а на бой надобно забитыя * головы — какъ полководцы, такъ и полчане.

И сіе, Государь, мнози вѣдаютъ, что Татары, пріѣзжая къ рогаткамъ, хватаютъ крюками за рогатки и разволакиваютъ, а иные и саблями ихъ рубятъ, а наши изъ ружья стучатъ да гремятъ, ** а Татары и не глядятъ; потому что всѣ стрѣляютъ мимо, а ихъ убить не могутъ.

А естли бы, Государь, да такіе были наши стрѣльцы, чтобъ ни одинъ даромъ не стрѣлялъ, иль бы огнестрѣльные рогатки были, то нѣкогда бъ къ обозу близко подъѣжать и за рогатки хватать: а естли бы кои и понартачились, инъ бы прочь не отъѣхали. Плохо намъ воевать, когда не умѣемъ мы въ нихъ стрѣлять.

* Въ моемъ сп. *забытыя*. ** У Роз. *звѣнятъ*

У нашихъ, Государь, Русскихъ людей руки есть такія жъ, что и у иноземцовъ, и отъ непріятелей мочно бъ оборонь держать, лише бы ружье было доброе, да и умѣніе твердое. И иноземцы не отъ небеси пришли, но такіе жъ люди, яко и мы: всему тому навычка, да добрая расправа. Сіе, Государь, многимъ извѣстно, что Низовые люди Татаръ и Калмыковъ всегда отъ жилищъ своихъ отгоняютъ и побиваютъ.

Наипаче жъ Сибирскіе жители малыми людьми многихъ Татаръ прогоняютъ и побиваютъ и въ полонъ берутъ; и никогда Татары и многимъ числомъ противъ тамошнихъ нашихъ малыхъ людей стоять не могутъ. И за что не могутъ стоять? Явѣ за то, что тамошніе жители изъ ружья стрѣлять горазды — и пулей даромъ не теряютъ, а къ тому смѣло поступаютъ; и за то наши и страшны Татарамъ бываютъ. Такожде, я чаю, и съ Нѣмцами, если наши будутъ Московскіе солдаты изъ ружья всѣ цѣльно стрѣлять, и пулей не станутъ даромъ терять, то будутъ имъ, якоже и Татарамъ, Русскіе люди страшны.

Истинно, Государь, надобно намъ Бога призвать въ помощь, и о ратномъ дѣлѣ самое истинное и прилежное ко всему ратному убору радѣніе и разсмотреніе приложить.

Аще бо Великій Государь и великое прилежаніе о ратныхъ дѣлахъ имѣетъ, обаче безъ извѣстія примѣрныхъ статей трудно въ тонкость все познать, понеже человѣкъ есть, и сего ради потребно ему Государю помощь подавать, елико кто можетъ, и всякіе примѣры на разсудокъ предъ очи его Государскіе предлагать, и о всякомъ дѣлѣ самую истинну доносить; а безъ вѣрныхъ помощниковъ трудно ратное дѣло управить.

Истинно, Государь, мочно на Бога надежду имѣть, что возвыситца рука Великаго Государя; только нужда надлежитъ до добраго оружейнаго убору и до ратнаго умѣнія въ стрѣляніи и во управленіи. Того ради я тебѣ Государю и докучаю съ великимъ прошеніемъ, Господа ради не возгнушайся моего неразумія и многословія, и разсмотри вся моя изреченія съ прилежаніемъ, и коя дѣла полезна узриши, то пожалуй о тѣхъ дѣлѣхъ, какъ тебя Богъ наставитъ, расположи, и Великому Государю доложи.

Истинно, Государь, отъ самыя ревности о семъ я подвизаюся, а не ради какихъ своихъ прихотей, или поисканія какова. Мое, Государь, намѣреніе то, чтобы мнѣ тунеядцу у Великаго Государя не быть, и за тобъ мнѣ отвѣту Богу не дать.

Еще жъ, Государь, доношу милости твоей, и сіе видѣлъ я, далъ Инженеръ мѣру лить на заводѣ Боярина Льва Кириловича девяти-пудныя бомбы, и тѣ, Государь, бомбы, Богъ вѣсть, годятся ли къ дѣлу; потому пущены онѣ вельми стѣнисты. И по тому его размѣру льются иныя бомбы и по 10 пудъ, и больши, и по моему, Государь, мнѣнію развѣ ихъ набивать добрымъ порохомъ; а если плохимъ порохомъ, или и среднимъ, да къ тому еще отсырѣлымъ ихъ набивать, то не чаю я всѣмъ имъ разрываться, потому что онѣ стѣнисты.

И сіе, Государь, вельми нужно, чтобъ ихъ искусити такимъ порохомъ отсырѣлымъ, каковъ бываетъ на службѣ; и если ихъ разрывать не станетъ, то лучше ихъ на службу не возить и здѣсь ихъ бросить.

И если, Государь, изволишь тѣ бомбы опытать, то пожалуй не прогнѣвайся на меня о словеси моемъ, еже реку; истинно вѣмъ, еже стократнѣе моея рѣчи вся разумѣеши совершенно, но забвеніе надъ всякимъ

человѣкомъ хвалитца, или какое многодѣліе и многомысліе препинаніе творитъ: и того ради припомянуя пишу, ежебъ спросить пороху средняго не для бомбнаго наряду, но для каковыя ни есть иныя потребы, чтобъ взять его сплоха кой полежалой, и чтобъ его не подсушивая принесли. А естли, Государь, увѣдаютъ то, что набивати имъ бомбы, то либо изъ лучшаго пороху возьмутъ, либо подсушатъ.

А сіе, Государь, всѣмъ извѣстно, что на службѣ всегда порохъ сыръ бываетъ отъ дождей, и отъ подмочки, и отъ росы, и отъ воздушныя сырости.

И въ семъ, Государь, вельми нужно поостерещися, нѣтъ ли какой прозяби отъ того Инженера. Ей, Государь! надобно отъ нихъ опасатися; потому что свой своему по неволѣ другъ, и никогда иноземецъ не сверстаетъ съ собою Русскаго человѣка. Хотя они и разныхъ земель, только не надежно имъ во все * ввѣриватися: всегда онъ своеплеменнымъ лучши порадѣетъ, и того ради надобно за ними гораздо смотрѣть. И буде кой скажетъ, что отъ недознанія худо учинилъ, а не отъ хитрости, а то ему самое безчестіе, на что онъ въ то дѣло и вступаетъ, въ чемъ силы не знаетъ, а жалованье великое беретъ. По моему, Государь, расположенію, надобно у пороховыя казны и у бомбнаго наряду быть изъ Русскихъ людей самому доброму и вѣрному человѣку, и въ пороху ему доведетца сила знать. И такое дѣло великое и закрытое вельми опасно въ иноземскія руки ввѣривать.

Еще, Государь, видѣлъ я и другую прозябь: инженеръ ли или полковникъ, кой далъ образцы киркамъ, каковы ковать для земляныя работы, и въ тѣхъ, Государь, киркахъ великая и явная понаровка учинена

* Въ моемъ сп. *о все.*

непріятелю. Гдѣ было копать Русскую киркою день, а тою Нѣмецкою киркою прокопаетца два дни, а естли зимнею порою, то и три дни тою киркою противъ нашея прокопаетъ. И естли бъ, Государь, зимнею порою, то мочно бъ ихъ здѣсь и опытать, и по свидѣтельству опытному мочно бъ иноземца и спросить, для чего онъ такія негожія кирки велѣлъ дѣлать.

Кирка, Государь, надобно такъ сдѣлать, чтобъ она въ черену была крѣпка: то хорошо, чтобъ насадя на черенъ, годъ мѣсто мочно было ею работать; а Нѣмецкой образецъ данъ такой, что и сутокъ на черену не устоитъ. Другая сила въ киркахъ то, чтобъ она въ землю льнула, а не скользывала, и въ глазабъ работнику не брызгало: а Нѣмецкія, Государь, кирки здѣланы такъ, что какъ лучитца зимнею порою ею копать, то работнику и глаза всѣ выбьетъ; и нивѣсь ему копать, нивѣсь глаза продирать, и черенья на нихъ на службѣ не напастися; гдѣ было копать, ажно въ то время за насадкою ходи. А на службѣ, Государь, бываетъ и часъ нужнѣе сутокъ.

И естли, Государь, онъ иноземецъ сіе учинилъ отъ вымыслу, то доведетца ему и указъ учинить.

А естли же отъ неразумія, то доведетца, чаю, отъ того дѣла его отставить и жалованья убавить, чтобъ на то зря, иные такъ не дѣлали: и буде чего онъ совершенно не знаетъ, почто онъ въ то дѣло и вступаетца.

Буде жъ тебѣ Государю и сіе мое расположеніе о уборѣ ратнаго дѣла изнесено; аще и вся многократнѣе тебѣ Государю извѣстна суть, обаче да зришь и мое предложеніе. Мнѣ, Государь, тако ся мнить, что въ началѣ за помощію Божіею надобно ружье огнестрѣльное доброе и ковано изъ мягкова желѣза, якоже и вы-

ше рекохъ, и чтобъ они были нутромъ чисты и цѣльны; такожде и пушки нутромъ прямы и чисты, то будутъ онѣ и къ стрѣльбѣ цѣльны; и ядра бъ были круглы и гладки, и въ пушку бъ съ понужденіемъ ихъ забивать, а не на закатъ пускать; порохъ бы пороховщики дѣлали доброй и яркой, и селитру бъ въ него клали литрованную, чтобъ онъ на службѣ не отсыривалъ и гущею не становился; и солдаты бъ были смѣлые, изъ ружья стрѣлять умѣлые; и пушкари бъ могли хотя по аршинной цѣли убивать; и весь служивой людъ пищею и одеждою и всякимъ довольствомъ былъ бы награжденъ, чтобъ онъ съ радостію за Великаго Государя готовъ былъ умереть; и никогда бъ они своихъ Рускихъ людей не грабили и не обижали; чтобъ всякъ за нихъ Богу молилъ, а не клялъ; чтобъ они были по Евангельски, своими оброки довольны, чѣмъ пожалованы.

Такожде и у конницы надобно, чтобъ были въ началѣ кони добрые и кормомъ довольные, и ружье бъ у нихъ было доброежъ и цѣльное; и скачучи на кони заряжать и въ цѣль стрѣлять умѣли бъ; сабли были бъ стальныя, а не изъ простаго желѣза кованы; чтобъ онѣ были остріемъ противъ добраго ножа; копья бъ были подобно бритвѣ, а древки бъ твердыя; и присадка бъ была твердая жъ; и кто съ нимъ ѣздитъ, владѣть бы имъ умѣлъ; и сами бъ они пищею и одеждою и всякими потребы довольны; и полководцыбъ у пѣшихъ и у конныхъ были самые добрые и свидѣтельствованные люди, и къ смерти нестрашливые.

А естли, Государь, прежнія службы воспомянуть, и тѣ службы, Богъ вѣсть, какъ они и управлялися: людей на службу нагонятъ множество, а если посмот-

ришь на нихъ внимательнымъ окомъ, то ей кромѣ зазору, ничего не узришь. У пѣхоты ружье было плохо и владѣть имъ не умѣли; только боронились ручнымъ боемъ, копіями и бердышами, и то тупыми, и на бояхъ мѣняли своихъ головъ на непріятельскую голову по 3 и 4, и гораздо больши; а хорошо бъ то, чтобъ свою голову хотя головы на три непріятельскія мѣнять. А естли на конницу посмотрѣть, то не то, что иностраннымъ, но и самимъ намъ на нихъ смотрѣть зазорно; въ началѣ у нихъ клячи худыя, сабли тупыя, сами нужны и безодежны, и ружьемъ владѣть ни какимъ неумѣлые. Истинно, Государь, я видалъ, что иной дворянинъ и зарядить пищали не умѣетъ, а не то, что ему стрѣлить по цѣли хорошенько. И такіе, Государь, многочисленные полки къ чему примѣнить? Истинно, Государь, аще и страшно мнѣ рещи, а инако нельзя примѣнить, что не къ скоту; и егда бывало убьютъ Татариновъ дву или трехъ, то всѣ смотрятъ на нихъ, дивуютца и ставятъ себѣ то въ удачу; а своихъ хотя человѣкъ сотню положили, то ни вочто не вмѣняютъ.

Истинно, Государь, слыхалъ я отъ достовѣрныхъ и не отъ голыхъ дворянъ, что попеченія о томъ не имѣютъ, чтобъ непріятеля убить; о томъ лишь печетца, какъ бы домой быть; а о томъ еще молятца и Богу, чтобъ и рана нажить легкая, чтобъ не гораздо отъ нее поболѣть, а отъ Великаго Государя пожалovану бъ за нее быть; и на службѣ того и смотрятъ, чтобъ гдѣ во время бою за кустомъ притулиться; а иные такіе прокураты живутъ, что и цѣлыми ротами притуляются въ лѣсъ или въ долу, да того и смотрятъ, какъ пойдутъ ратные люди съ бою, и они такожде будто съ бою въ таборъ пріѣдутъ. А то я у многихъ дворянъ слыхалъ: «дай де Богъ Великому Государю

служить, а сабли бъ изъ ноженъ не вынимать»; и по такимъ ихъ словамъ и по всѣмъ ихъ поступкамъ, не воины они! Лучши имъ дома сидѣть, а то нѣчего и славы чинить, что на службу ходить.

А естли, Государь, по твоему радѣнію Великій Государь изберетъ себѣ прямыхъ воиновъ бранныхъ, и научитъ, якожъ я въ примѣрномъ своемъ письмѣ выше изрекохъ, или и вящше того, какъ о томъ Господь Богъ его наставитъ, то весь прежде бывшей зазоръ отыметца отъ насъ, и будутъ и насъ въ люди почитать, и на войнахъ станутъ нашихъ страшитися.

Какъ, Государь, воинство бранное изберетца и всякому дѣлу служивому изучитца, то хорошобъ, Государь, и главному ихъ дѣлу научить, чтобъ они всегда въ сердцахъ своихъ страхъ Божій имѣли; понеже и Писаніе повелѣваетъ воину быти святу и житіе имѣть чистое, паче иноковъ, потому что всегда воинъ готовитца къ смерти и предъ нелицепріятнаго Судію стать.

А въ Кормчей книгѣ, въ законѣ Царя Константина написано: воину исходящу на брань подобаетъ хранится и отъ всѣхъ непріязненныхъ словесъ и вещей, мысль же свою къ Богу имѣти и молитву творити, и обѣтъ * творити о брани, а не то что всячески сквернословить и неправда чинить.

И естли, Государь, къ доброму ружью, и къ доброму убору, и доброму воинскому ученію, и духовное сицевое устроеніе будетъ, то явѣ, что Богъ призритъ нань наипаче милостивымъ своимъ окомъ; а за призрѣніемъ и вспоможеніемъ Божіимъ наши Русскіе вои-

* У Роз. *совѣтъ*.

ны прославятся паче окрестныхъ Государствъ, и малыми людьми прожепутъ враговъ своихъ многихъ.

Исчисленіе казны, что иметца противъ вышеписаннаго расположенія.

Естли Великій Государь укажетъ самымъ удалымъ солдатамъ огнестрѣльнымъ на годъ жалованья учинить противъ вышеписанной росписи, и двтацати тысячамъ иметца 1,049,800 рублевъ.

А если годоваго жалованья имъ по 25 рублевъ, подъемныхъ по 4 рубли, и того будетъ 929,800 рублевъ.

Копейныхъ солдатъ естли учинить 20 тысячь, и естли имъ въ прежнемъ жалованьѣ быть въ 16 рубляхъ, и того будетъ 320 тыс. рублевъ; хлѣба по 16 четв. на человѣка, и естли положить по полтинѣ четверть, и того 160 тыс. рублевъ; подъемныхъ по 3 рубли, и того 60 тыс. рублевъ; копьи съ древками и съ бердышами и съ ножами хотя положить по рублю на человѣка, и того будетъ 20 тыс. рублевъ и всего имъ иметца жалованья и ружья на 20 тыс. человѣкъ, 560 тысячь рублевъ.

Работнымъ людямъ естли положить годоваго жалованья по 8 рублевъ на человѣка, хлѣба по 8 четв. подъемныхъ по 2 рубля, и того будетъ на 20 тыс. человѣкъ жалованья 280 тыс.; имъ же на кирки и на топоры и на иныя снасти естли положить по полтинѣ на человѣка, и того будетъ 10 тыс. рублевъ; имъ же дать для нужной обороны хотя по рогатинѣ, и рогатина положить по 10 алтынъ, и того будетъ 6 тыс. рублевъ, и всего чернымъ работникамъ 20 тысячамъ иметца жалованья и снастей 296 тыс. рублевъ.

Конницы естли наберетца самыхъ удалыхъ огнестрѣльныхъ бойцовъ тысячь десять, и имъ если Великій Государь учинитъ жалованья годоваго хотя по 60 рублевъ, хлѣба ему и коню по 40 чет. на коня по 10 рублевъ, и того 100 тысячь рублевъ; ружья длиннаго купить, добрая пищаль хотя по 8 рублевъ, пистолей пару по 4 рубли, на острь по рублю, и того будетъ 130 тысячь рублевъ; пороху добраго по 5 фунтовъ на человѣка, и того 30 тыс рублевъ; пулекъ по пятижъ фунтовъ, и того 1500 рублевъ; и всего имъ иметца жалованья и ружья 1,141,500 рублевъ.

А копейщиковъ и лучныхъ стрѣльцовъ естлибъ набрать 10 тыс., и жалованья имъ естли учинено будетъ годоваго по 40 рублевъ, хлѣба по 40 четвертей, на коня по 8 рублевъ, на подъемъ по 8 же рублевъ, и того 760 тыс. рублевъ; имъ же на ружье, и на сайдаки, и на стрѣлы, и на копьи, естли дать имъ по 5 рублевъ на человѣка, и того 50 тысячь рублевъ; и всего будетъ 810 тыс. рублевъ.

И по сей, Государь, примѣрной росписи боеваго люду будетъ 60 тыс. человѣкъ; и естли имъ по вышеписанной выкладкѣ положить жалованья противъ большей статьи, и всѣмъ имъ иметца денежнаго и хлѣбнаго жалованья и ружья 3,561,300 рублевъ.

И въ томъ числѣ естли хлѣбное жалованье положить въ цѣну по полтинѣ за четверть, и того хлѣбнаго жалованья будетъ деньгами 800 тыс. рублевъ.

А естли хлѣбнаго жалованья въ цѣну не класть, по тому что хлѣбъ собирается со крестьянъ безъ купли, и кромѣ хлѣба, денежнаго расходу иметца 2,761,300 рублей.

И естли положить на службѣ тѣмъ вышеписаннымъ 60 тыс. человѣкомъ корму на мѣсяцъ, по полтора рубли на человѣка, и того на мѣсяцъ иметца 90 тыс.

рублевъ, и по сему положенію на 3 мѣсяца корму будетъ 270 тыс. рублевъ. Всего штидесятъ тысячамъ годоваго, и оружейнаго, и съ полковымъ трехъ-мѣсяцовъ кормомъ, иметца 3,051,300 рублевъ.

И естли бы Великій Государь указалъ денежному дѣлу быть противъ прежняго моего письма, то чаялъ бы я у Бога милости, что одною денежною прибылью вышеписанное число исполнилось бы.

И буде Великій Государь совершенно укажетъ денежное дѣло управить съ мѣлкою дробью, якожъ прежде явихъ въ денежномъ письмѣ, то доведетца и пошлинной зборъ поправить. «А естли пошлинной зборъ поправитца,» * то за помощію Божіею и въ пошлинномъ зборѣ, чаю, что не меньше денежнаго числа доходовъ собрать на каждой годъ мочно будетъ. И тѣ, Государь, доходы міру будутъ не тягостны, а Великому Государю были бъ прибыльны и прочны, и уставились бы они въ вѣчные доходы; а десятые деньги и поворотныхъ денегъ гораздо они легчебъ были. А что подлинно тѣхъ пошлинныхъ сборовъ будетъ, и того, не взявъ изъ ратуши вѣдомости, по чему съ какихъ товаровъ собираетца пошлинъ, написать и расположить имянно не возможно.

Паки прошу твою преблагую и всещедрую милость, Государь Ѳеодоръ Алексѣевичь, Господа ради благоволи сіе мое писаніе прочесть и разсмотрѣть, и буде что узришь угодно, то пожалуй Великому Государю объяви отъ своего лица; о мнѣ жъ пожалуй умолчи. А что написахъ отъ недознанія своего, и въ чемъ погрѣшихъ, пожалуй отставь. Истинно не лгу, что отъ самаго желанія сердечнаго писахъ сіе, а не отъ достовѣрства, понеже земледѣлецъ есьмъ, а не воинъ, и

* Словъ между запятыми у Роз. нѣтъ.

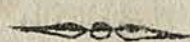
сего ради елико могохъ, толико и написахъ. Ещежъ прошу милость твою и о семъ, да не всякъ зритъ сего моего письма трудъ, но да будетъ оно въ сохраненіи для потребныхъ статей.

Писавый Ивашко Посошковъ, главу свою подъ ноги твоя подноситъ.

И. о всѣхъ погрѣшеніяхъ недознанныхъ и сумнителеныхъ, прощенія проситъ.

И желаетъ подъ кровомъ твоимъ благоприкровеннымъ жити.

И за то вѣрне предъ всѣми людьми достойнѣ тя блажити.



ОТЕЧЕСКОЕ

ЗАВѢЩАТЕЛЬНОЕ

ПОУЧЕНІЕ

ПОСЛАННОМУ ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ВЪ ДАЛЬНІЕ СТРАНЫ ЮНОМУ СЫНУ.

20

Въ прошедшемъ 1708 году высокою державною властію Великаго нашего Россійскаго Государя Монарха посланъ ты, любезный и точію мой едине сыне и наслѣдниче, во Уропскія страны, ради обученія; въ какихъ дѣлѣхъ и наукахъ, о томъ повелѣніемъ Самодержца и милостивѣйшаго нашего Великаго Государя еще прежде твоего отпуску тебѣ сказано. Обаче азъ яко союзомъ естественнаго родительскаго сожалѣнія зря тя, яко суща плоть отъ плоти и кровь отъ крови моея, еще въ лѣтѣхъ юныхъ, кромѣ обученія приличныхъ наукъ, и яко бы еще браздины бумаги, на ней же ни что не писано, хощу отъ могущихъ случиться тебѣ лукавыхъ прелестей и подлоговъ непристойныхъ тя предварити, яко да всякое зло отвратиши, и во благихъ поучатися потщишися. Ты, мой возжделенно любезный сыне и чадо! на время вижу я отъ очей моихъ тя отлучна, о спасеніи жъ твоемъ времянномъ, пачежъ вѣчномъ имѣя попеченіе, сія послѣдующія поучительныя главизны въ пользу души твоея, тоже и для времянныя твоея славы написахъ, и посылаю тебѣ, яко да такою же любовію, ею же тя единаго чада возлюбихъ, отца и матерь свою покорною сыновнею любовію насъ учествуеши. И, сыне мой! егда отъ сердца произшедшія вѣрныя завѣщанія почасту будеши прочитати, подщишися по нихъ ходи-

*

ти, да тѣмъ своимъ благочестивымъ теченіемъ шествуеши ко Владыцѣ и Создателю своему Господу Богу; потомъ и Державнѣйшему нашему премилостивому Царю и Государю, таже и намъ родителемъ твоимъ угодная сотвориши, себѣ же сокровища паче всѣхъ тлѣнныхъ и привременныхъ богатствъ пріобрящеши.

Представляю ти должность твою, юже долженствуеши поминати вся дни времянныя твоея жизни, како и на что Господь Богъ тя изъ ничтожества въ человѣкахъ бытна сотвори, украси тя по душѣ твоей умна, словесна, безсмертна. Подобіе Божіе въ человѣческой душѣ се суть, правда, любовь, милосердіе, незлобіе, кротость, чистота, душевныя добродѣтели. Аще ли же сего подобна человѣкъ не будетъ имѣти, пріиметъ подобіе врага Божія.

Азъ родитель твой тебѣ дахъ точію тѣло а не душу, ея же сотворитель есть Господь иже отецъ духовъ нарицается; сотворенна же есть на небесѣхъ, идѣже и отечество наше, отнюду же по безсмертію души вси человѣцы начало имѣютъ; на земли же есьмы странницы и временные пришельцы: тѣло бо землено есть, а человѣкъ несть тѣло, но душа въ тѣлѣ.

По семъ слѣдовали многіе тексты изъ Священнаго писанія, зля утвержденія въ православной вѣрѣ, и для убѣжденія юнаго странствователя въ временныхъ и вѣчныхъ выгодахъ, которыя сопряжены съ послѣдованіемъ добродѣтели, и въ несчастіяхъ, неразлучныхъ съ безпорочною жизнію *.

* Жаль, что г. Розановъ заблагоразсудилъ ихъ исключить.

Представляю ти, о сыне мой любезный! путь жизни и благодати, таже и путь смерти, исполненный всякихъ золъ; но завѣщая, повелѣваю ти избрати путь благій, и бѣгати пути погибели.

Къ сему долженъ еси вину въ памяти блюсти, какое ти подобаетъ имѣти почитаніе къ милостивѣйшему нашему Великому Государю, Царю и Монарху, его же прирожденный еси рабъ; и его Государскою повелительною властію нынѣшняя посылка тебѣ сотворится не во оскорбленіе или какую тебѣ тягость, но да обучишися въ такихъ наукахъ обученіямъ, въ которыхъ тебѣ упражнятися довлѣетъ, да во грядущія лѣта, аще воля Божія восхощетъ, и благодатію жизнь его продлится, достойна себя сотвориши ему Великому Государю нашему, въ какихъ себѣ услугахъ тя изволитъ употребити. Понеже великая есть и трудная преграда между вѣденіемъ и невѣденіемъ; сего ради дражайшее время твоихъ юныхъ лѣтъ попеченіемъ родительскимъ ти совѣтую ни единаго часа во тщетныхъ и непотребныхъ дѣлахъ или играхъ туне погубляти, разсуждая, яко ни что же драгоцѣннѣе есть времени, его же часть, день или часъ, къ тому во вѣки не возвратится, и тѣмъ временемъ не точію вся красная мира сего получимъ, но и грядущую блаженнѣйшую вѣчность вѣрою и благими дѣлы достигаемъ. Того ради всякій день и часъ, не съ надсаднымъ утружденіемъ, но, по возможности, чинно и благоговѣйно въ наукахъ провождати да потщишися. Скорѣйшаго же ради и удобнаго полученія наукъ, совѣтую ти Нѣмецкой, или наипаче чистой Французской языкъ учити, и въ началѣ въ томъ языкѣ, его же изберешь, учити ариѳметику, яже всѣмъ математическимъ наукамъ дверь и основаніе есть; потомъ сокращенную Матема-

тику яже въ себѣ содержитъ Геометрію, Архитектуру, и Фортификацыю, еже вѣдѣніе земнаго глобуса, таже искуство земныхъ и морскихъ чертежей, компаса, теченіе солнца и знамяныхъ звѣздъ, не ради того, дабы тя сотворити инженеромъ, или корабельникомъ; но егда изволеніемъ Самодержавнѣйшаго Монарха нашего по случаю къ такимъ дѣламъ будешь приставленъ, егда по нуждѣ тебѣ востребуется то; инъ иноземецъ Инженеръ въ случаѣ укрѣпленія коего града или мѣста, или во облежаніи непріятельской крѣпости тотъ дѣла свои учнетъ исправлять, или въ вѣденіе науки, или недостатка ради твердаго искуства, или какого ради пристрастія, не право учнетъ къ шкодѣ или поврежденію цѣлости Великаго Государя градовъ или дѣлъ творить; тогда ты самъ, вѣденіемъ тѣхъ наукъ исполненъ, и окомъ ума своего и наукъ искуствомъ возможешь познати правду, или лукаво тотъ иноземецъ поступаетъ, и тѣмъ пріимешь отъ Великаго Государя и Монарха своего похвалу, отъ братіижъ своихъ честь, а такіе иноземцы, не право учиня, къ тебѣ будутъ имѣти страхъ.

Не возбраняюжъ тебя между упражненіемъ въ наукахъ, ради обновленія жизненныхъ въ тебѣ духовъ и честныя рекреацiи имѣти въ бесѣдахъ своихъ товарищей отъ лицъ благоцѣнныхъ, честныхъ; овогда же въ комедіяхъ, операхъ, кавалерскихъ обученіяхъ, какъ со шпагою и пистолетомъ владати, на конѣ благочинно и твердо сидѣть, съ коня различнымъ ружьемъ владѣть, и въ протчихъ подобныхъ тѣмъ честнымъ и похвальныхъ обученіяхъ забаву имѣть.

Да будутъ же тебѣ въ текущемъ времени всѣ 24 часа на различныя послѣдующія потребы сице раздѣ-

лены; употребляй оные часы каждаго дня отъ утра и до вечера по сему предписанію.

Во утріе отъ сна пробудяся, ознамени лице свое святымъ крестомъ, и абіе возставъ, облачися, умой руце и лице свое. На се тебѣ 1 часъ.

Ставъ на молитву, во еже тебѣ бесѣдовати съ Царемъ небеснымъ и Господемъ Богомъ, отъ него же всякія благодати Духомъ Святымъ изливаются, со вниманіемъ глаголи обычныя утренніа молитвы. На семъ тебѣ повелѣваю изнурятися 1 часъ.

Языку, его же избереши учитися, и граматическія его правила, на се 2 часа.

Въ наукахъ другихъ обучатись даже до полудни, 3 часа.

Ожидая стола, погуляй, и на прочія честныя забавы 1 часъ.

Ясти не больши 1 часъ.

Потомъ паки погуляй, да не отяготятся духи чрезмѣрными ученія трудами, 2 часа.

Паки по полудни въ языкѣ или въ наукѣ учитись 3 часа.

Въ вечеру паки ясти, за столомъ сидѣть не больши 1 часъ.

На вечернія молитвы 1 часъ.

Спати, мню, довлѣетъ, аще не 7, то небольши часовъ 8.

Всего имѣется всѣхъ часовъ 24.

Но во дни воскресные и торжествъ, по уставу православныя Церкви, егда наукъ ученія не бываетъ, повелѣваю въ тѣ дни, яко господу Богу посвященные, въ вечеру вечерню, поутру воставъ, по обычныхъ утреннихъ молитвахъ, слушати полунощницу и прочую церковную службу; потомъ часъ обучатися во чтеніи святаго письма и кафиземъ, дабы ти твердо основатись въ артикулѣхъ святыя Восточныя вѣры, воеже непріяти тебѣ иностранныхъ тамо много различныхъ вѣръ. Некако вредительныя признанныя, но зело полезныя прочитай нравоучительныя книги, приличествующія юнымъ отрокамъ, Царя и Пророка Соломона книги притчей, премудрости, Еклезіаста, таже и книги Іисуса Сирахова. Паче же внимай писанное въ третей тоя книги главизнѣ, и въ тѣхъ всѣхъ многую пользу, наставляющу тя на истинный и правый путь Христіанскаго жительства, обрящешь. Еще же обучатися и прочитати полезныя и нравоучительныя Восточныя Церкви святыхъ учителей сладостныя словеса. Прочія же тщетныя глумительныя упражненія, наипаче піянства тебѣ удалятися твердо завѣщаю, и сію страсть, яко врага, ведуща на путь широкій пагубы, весьма бѣгай: ибо сіе пристрастіе яко душевная смерть есть, и въ коего человѣка сія страсть внидетъ, въ томъ никакимъ наукамъ, ниже ученію благому вселиться не можно. Еще долженъ еси, наипаче въ тѣ праздничные дни, памятовати о нищихъ, имъ же въ нарочной ковчезецъ нѣчто отложи, и по времени какова плѣнника, или инаго убогаго, гладомъ или наготою страждуща, не взирая, какова той породы и вѣры, произволеніемъ благимъ милостину подождь, и всяко потщися тѣ освященные дни въ дѣлѣхъ благихъ, Господу Богу угодныхъ проводити. Къ тому храни себе, воеже какими непристойными или грѣховными забавы

оные святые дни не осквернити, и за то гнѣвъ Божій на ся навести.

Не забывай благодати къ себѣ Божіей. Воззри вспять и размысли, какое великое пространство морскихъ путей, разбіенія, запаленія и отъ разбойникъ невредна и цѣла тя Господь ангелы своими святыми сохрани, въ Голандію приведе, и паки коликой его всеможной сохранительной благодати еще себѣ и впредь требуеши, дондеже по многихъ дняхъ возвращенія твоего возможеши во отчину свою притти, и насъ родителей и сродниковъ своихъ видѣти. И сей благодати, развѣ единаго точію Всесильнаго Господа Бога, его же недреманное око непрестанно зритъ на человѣческія дѣла и начинанія, ни кто отъ смертныхъ человѣкъ тебѣ подати никакоже можетъ. Во вседневномъ же твоемъ обхожденіи съ людьми повелѣваю ко всѣмъ быть учтиву, ласкову и уклонну, смотря по человѣку, смотря обаче да ни малыхъ знаковъ киченія, ниже неприличныхъ высокостей покажешъ.

Егда въ службу себѣ случится тебѣ принять какова человѣка ради ученія языка, гораздо оберегайся и острегайся, чтобъ тебя чѣмъ прельстивъ и подмѣтя, не обокрали, и того для, кромѣ при тебѣ Рускихъ сущихъ, кои съ тобою отпущены, ни какой бы иноземецъ о деньгахъ, при тебѣ обрѣтавшихся, не вѣдалъ. И тѣмъ деньгамъ приходъ и расходъ у себя вели записывать.

Въ денежной раздачѣ поступай такъ посредственно, чтобъ не была чрезмѣрная. И непотребная издержка, дабы въ случаѣ замѣшканія отъ меня, или какимъ препинаніемъ до тебе не дойдутъ деньги, не постиглабъ

тебя, будучи въ чужихъ дальнихъ странахъ, кая денежная нужда. А хотя изобильство денежное у тебя явится, держи расходъ свой такимъ поведеніемъ, дабы не въ жестокую скупость тебѣ склонитися; но аще можно, и съ людми на мѣсяцъ въ одномъ мѣстѣ живучи, тебѣ пробыть по 100 ефимковъ, или гулденъ по 150 Голландскихъ; и тѣмъ бы по нынѣшнимъ дорогимъ векселямъ мнѣ было сносно и благопріемно, для того что сто ефимковъ нашими Русскими деньгами 90 рублевъ, и того въ годъ будетъ больше 1000 рублевъ.

А тѣ 100 ефимковъ въ мѣсяцъ расположить въ сицевой расходъ:

На пищу общей честной столъ въ полдень за 3 человѣка по 15, а въ вечеру по 10 стиверовъ; и того имѣется въ день 75 стиверовъ, въ мѣсяцъ 2287.

На питье для гостей, иногда случающихся, въ мѣсяцъ стиверовъ 390.

На одежды, шляпы, перуки, чулки, башмаки, рукавицы, бѣлье и прочія мелочи всѣмъ на мѣсяцъ по 50 гульденъ, всѣмъ 600.

За Іюнныя различныя при рекреаціи честныя забавы имѣется всего стиверовъ 5000, или гульденовъ 150, то есть 100 ефимковъ добрыхъ.

И въ семъ усмотря повремени, можно въ иномъ убавить, а въ иномъ прибавить, на иные расходы нужные: на покупку книгъ, инструментовъ и иныя потребы держать оставляется, что по сей смѣтѣ удоволится. Тремъ человѣкомъ тѣми 100 ефимками на мѣсяцъ, а на весь годъ 1200 ефимками жити мочно.

Сей же предѣлъ азъ полагаю не ради обрѣзаннаго твоего расходу, но да научишися посреди преизобильства имѣти правила честнаго удержанія, еже тебѣ будучи господиномъ, дома научитися како въ семъ поступати. Да приходъ твой всегда больше расходу съ остаткомъ, безъ трудныхъ и безчестныхъ долговъ, какъ многимъ случается, будетъ сравненъ; аще же и прилучится приходу въ высшее состояніе, и честно и всѣмъ удивительно прострешься. Паче же внемли, аще ти можно, отъ преизлишняго расходу твоего и ненужнаго сберечись: тогда ти подастся способъ нѣчто убогимъ подати; тогда просвѣтится свѣтъ твой и дивенъ будеши иноземцамъ, и великую милость Господню къ себѣ привлечеши, еже тя не точію во временномъ житіи, но во грядущей вѣчности неизреченнымъ воздаяніемъ нескончаемыхъ благъ срящетъ.

И аще въ сехъ, много тебѣ предписанныхъ, правилахъ каждое съ достойнымъ вниманіемъ, при житіи воздержномъ и чистомъ, честію вся исправляти потщишься, тогда великое себѣ сокровище, его же ни кто отъ смертныхъ человѣкъ, ниже кая стихія отъ тебѣ отлучити возможетъ, но присно даже до самыя кончины твоея вѣрно и неотлучно съ тобою пребудетъ.

Сія собранныя сокровища ти будутъ твердыя оружія ими же можешь себѣ отъ всѣхъ лукавыхъ видимыхъ и невидимыхъ стрѣлъ невредна сохранити.

Сими благими науками всю естественну грубость отлучиши; ибо натуральный человѣкъ, произшедшій отъ отца и матери, въ міръ сей ничто же имать. И къ тому да подастъ Господь Богъ тебѣ моему прелюбезному чаду духъ премудрости, духъ разума, духъ со-

вѣта, духъ вѣденія и страха Божія, еже азъ отецъ твой и мати и вси сродники твои тебѣ отъ всего сердца своего пріяти желаемъ, и Господа Бога молимъ, да въ пріобрѣтенныхъ ти вболишися наукахъ и правахъ благочестивыхъ, въ радость и веселіе наше, яко древле въ чистотѣ преславный отрокъ Іосифъ, во старости отца своего Іакова зря, возвеселися, сего же и мы да сподобимся. Аминь.

ДОНОШЕНІЕ

ИВАНА ПОСОШКОВА

МИТРОПОЛИТУ

СТЕФАНУ ЯВОРСКОМУ.

К. Ѳ. Калайдовичь напечаталъ сіе донесеніе въ Русскихъ Достопамятностяхъ съ слѣдующимъ предувѣдомленіемъ:

«Подлинникъ, писанный на столбцѣ скорописью, рукою самаго сочинителя, найденъ между рукописями типографской Синодальной библіотеки въ Москвѣ. Безъ сомнѣнія, Доношеніе сіе писано къ извѣстному въ ученомъ свѣтѣ Стефану Яворскому, славному тогдашнему Іерарху и Блюстителю Патріаршаго престола, ибо сочинитель ясно говоритъ объ извѣстной его книгѣ: Знаменія пришествія Антихристова; справедливо также и то, что оно относится къ началу прошедшаго вѣка, потому что о помянутой книгѣ Посошковъ упоминаетъ какъ уже объ извѣстной, а она появилась не прежде 1703 года. Имя Посошкова нѣкоторые изъ читателей, можетъ быть, знаютъ по одному его предложенію, поданному Боярину Ѳедору Алексѣевичу Головину, относящемуся къ военной наукѣ. Должно дивиться изяществу мыслей, не весьма обыкновенныхъ, а особливо въ тогдашнее время, и чистотѣ слога, потому болѣе, что сочинитель былъ простой крестьянинъ, не имѣвшій случая образовать своихъ врожденныхъ способностей.»

Великій Архипастырю восточные Христовы церкве и нашъ великій свѣтильниче Всероссійскій! благоволи сіе писаніе пріяти, и изъявленному въ немъ нужную

нуждоу всенародную разсмотрити. Вѣмъ бо, яко не вся наша Христіанская нужда суть ти извѣстна; того бо ради и дерзноухъ ти тоу нашоу доуховную нуждоу чрезъ сіе писаніе изъявити. О семъ ты, Государь! извѣстно вѣси, что мы люди малоученые, а отъ настоятелей нашихъ ни о какомъ исправленіи доуховномъ ученія на доуховности не бываетъ; потому что и самъ онъ ничего не разоумѣетъ, да и разоумѣть емоу непочему; и самъ онъ отъ отца своего доуховнаго тому не наученъ есть, а въ книгахъ нашихъ Славенскихъ многихъ нашихъ Христіанскихъ нуждъ не напечатано, и всеконечно знать имъ непочемоу. Толь мы просты, что не токмо бъ кто ученой иновѣрецъ, но хотя бъ самой послѣдней земледѣлецъ иновѣрной о чесомъ вопросилъ насъ Москвичь, то не знаемъ какъ имъ отповѣди дать; и не до того ста, но аще и отъ бесурманъ кто вопроситъ насъ, то и имъ отвѣтоу дать не умѣемъ, а что и станемъ говорить, лише самимъ себѣ намъ на стыдъ и всему православію на пороуганіе; и за то имя наше Христіанское вельми во иновѣрныхъ хоулится. А наипаче мы, Россіане, носимъ на себѣ зазоръ, понеже ни вѣры своея какова она есть, ни благочинія доуховнаго, ниже естественнаго добронравія, ни гражданства добраго, какъ надлѣжитъ жить, не разоумѣемъ же, но живемъ чоуть не подобны безсловеснымъ.

И того ради вельми нуждно вашей святости о семъ потщатися, дабы намъ дать знать, какъ намъ доуховное и естественное и гражданское благочиніе управлять, наипаче жъ того, какъ намъ Бога знать, и какъ честныя иконы почитать, и какъ доушеполѣзно жить.

Я мню, что и на Москвѣ развѣ сотой человѣкъ знаетъ, что то есть православная Христіанская вѣра, или кто Богъ, или что есть воля его, или какъ ему моли-

тися, и какъ молитва приносить, и какъ воля его творить? или какъ Пресвятую Богородицоу почитать, и какъ Ангеловъ и угодниковъ Божіихъ чтить, и какъ ихъ въ помощь себѣ призывать, или о ходатайствѣ молить, и какъ Ангела хранителя, такожде и тезоименнаго святаго, какъ чтить, и какъ на помощь себѣ призывать, или какъ честныя иконы почитать? А естьли въ посѣлянехъ посмотрить, то истинно не чаю изъ десяти тысящь обрѣсти человѣка, еже бъ хотя малое что о сицѣвыхъ вещехъ что зналъ. И того ради вельми, вельми надлежитъ о семъ дать знать чрезъ нововыданное вашемъ благоразоуміемъ изъявленіе и разпосланіемъ во вся концы Россійскіе.

Нынѣ Государь видѣлъ я на печатномъ дворѣ строящіяся новые требники, и зря ихъ возбудилась ми мысль, еже донести святости твоей о сіихъ статьяхъ, и дабы твоимъ Архипастырскимъ раченіемъ и многотроуднымъ тщаніемъ вмѣстить, о изъявленіи сіихъ здѣ означенныхъ статьяхъ, въ послѣдованіе ко исповѣди, аще же уже въ самую исповѣдь вмѣстить невозможно, то хотябъ на концѣ требника; и положить бы такое всѣмъ презвитерамъ повелѣніе, дабы вначалѣ исповѣди уготовляя хотящаго исповѣдатися ко исповѣди, сперва вопросилъ его, какъ онъ въ вѣре благочестивой пребываетъ, и нѣтъ ли у него о вѣре какова блазнѣнія? И буде въ вѣре колеблетца, тобъ его направилъ на истинное благовѣріе и о вѣре утвердя вопросилъ бы, како онъ почитаетъ Бога, и како Богородицоу, и како Ангеловъ Господнихъ и святыхъ Божіихъ угодниковъ? и како почитаетъ святыя иконы, и не называетъ ли написаннаго или изваяннаго образа Христова Богомъ? и с каковымъ намѣреніемъ предъ иконами молится, мысль свою ко образоуль имѣетъ, или къ самому Богу? подобнѣ и предъ

иными образы, и какъ моленіе свое простираетъ? такожде с каковымъ намѣреніемъ і свѣщи предъ иконы поставляетъ, иконе ль той честь творя, или самому изоображенному на той иконѣ, предъ нею же свѣщоу поставляетъ? И буде въ чемъ неправо управляетъ, о томъ бы ему далъ знать, и научилъ какъ что чинить, и научилъ бы его и тому съ каковымъ намѣреніемъ въ церковь входить и въ ней стоять, и о всемъ доуховномъ управленіи наказавъ и утвердя, начать по обычаю исправлять исповѣдь. По окончаніи же исповѣди приложить нравоученіе житейское о любви доуховной и о естественныхъ добродѣтелехъ и о гражданствѣ, чтобъ былъ во всякомъ дѣлѣ постояненъ и въ словѣ своемъ неизмѣненъ, и чего себѣ не хощетъ, тогобъ людемъ отнюдъ не чинилъ; и никого бъ, ни стараго, ни малаго, а наипаче же простоумныхъ и малосмысленныхъ и клосныхъ не пересмѣхалъ, ни осоуждалъ, и устъ своихъ бранными и кощоуннымъ сквернословіемъ не сквернилъ бы. Аще убогъ, богатыхъ бы не поносилъ, но почиталъ бы ихъ яко отъ Бога почтенныхъ, такождебъ и великочестныхъ почиталъ же бы, и вездѣ бъ имъ давалъ мѣсто честнѣйшее, понеже всякая честь и начальство дается отъ Бога; а кіи соуть убози или малочинни, и тѣми бъ не гнушался, и принималъ бы ихъ во всякихъ порядкахъ яко братію, и противъ ихъ поклона отдавалъ бы поклонъ удобныи, дабы той убогій о поклонѣ гордостномъ не оскорбился; и во всемъ бы ихъ утѣшалъ, а того бъ вельми остерегался, дабы убогаго или и богатаго какимъ дѣломъ или словомъ не оскорбить. Къ сему же еще приложилъ бы и сіе, какъ мужу з женою жить и какъ женѣ с моужемъ, чтобъ любовь междоу ими была заимная. И о прочіихъ Христіанскихъ добродѣтелехъ

всякаго сына доуховнаго, богатаго и убогаго, наказывалъ бы с великимъ прилѣжанiемъ, не торопясь. Да и о семъ всѣмъ священникамъ заповѣдать, чтобъ дѣтямъ своимъ доуховнымъ крѣпко заказывали, дабы всякой человѣкъ въ домѣхъ своихъ дѣтей своихъ, и прiимышевъ, и племянниковъ и рабовъ со младенчества учили всякому благочинiю, и чтобъ отнюдъ по улицамъ играть и сквернословить и буесловить и въ празности быть не попускали, и ко святѣй церкви ходить понуждали бъ. Подобнѣ егда станетъ презвитеръ и своего брата презвитера жъ исповѣдывать, то в началѣ о сiихже бы статьяхъ вопросилъ его, всяль управляетъ тако, якоже ему повелѣно, и не прикрываетъ ли онъ раскольниковъ? и кiи отъ святыя церкви отщепились, и ни на исповѣдь, ни к тѣлу Христовоу не приступаютъ, не называетъ ли таковыхъ дѣтьми своими доуховными? И буде въ чемъ явится неисправенъ, то бъ отложа иные всякiе нужды, и церковные слоужбы, тогобъ исправилъ, и на вся правыя стези направилъ; и о всемъ его утвердя и о вышеписанномъ нравоученiи искуся, запрѣтилъ бы запрѣщенiемъ великимъ, дабы онъ о сiихъ предложенныхъ статьяхъ на исповѣди о дѣтяхъ своихъ доуховныхъ неоплошное попеченiе имѣлъ, и на путь спасенiя всю свою паствоу наставлялъ, временно и безвременно, не токмо в годъ или въ два или въ три сына своего доуховнаго видѣлъ у себя на исповѣди, но ко всякомубъ своему сыноу доуховному и кромѣ исповѣди въ домы ихъ приходилъ, и житiя его смотрилъ, и на всякое бъ благонравiе наставлялъ; то и малое бъ дѣло что на годъ трикраты, а коего видя неисправна въ чемъ, то надобно и многократно приходить и на всякое дѣло благое его наставлять. А егда станетъ во время поста презвитеръ дѣтей своихъ доуховныхъ

исповѣдывать, то ради совершеннаго управленія не во единъ бы день всѣхъ исповѣдывалъ, яко прежніи обычай имѣли, но хотя бъ токмо по десяти человѣкъ на день исповѣдывалъ, токмо бъ со всякимъ испытаніемъ; и того бъ ради хотя с понедѣльника начиналъ, и тако бъ во всю недѣлю исповѣдывалъ, дабы совершенно ихъ могъ управить. И егда коему сыноу доуховному, наипаче же священнику, естли какой на исповѣди приказаніе скажетъ, и тобъ приказаніе записывалъ въ особую, на то учиненную книгу; и егда въ предгрядоущее время той ко исповѣди придетъ, и о томъ приказаніи своемъ спрашивали бъ имянно, управилъ ли то, еже ему было приказано?

И сицѣвымъ образомъ, естли ты, великій Архіерею Божій! благоволишь потроудитися, и издаси со исполненіемъ твоего благоразоумія полная расположенія, чаю я, что мочно намъ не въ большіе годы всякаго благонравія научатися. А аще же не сицѣвымъ образомъ, то Богъ вѣсть, мочноль намъ научитися. Естли намъ токмо въ школахъ учитися всякаго вышеозначеннаго благоразоумія, то чаю, что ни во сто лѣтъ намъ не научитися будетъ. А сицѣвымъ порядкомъ не въ долзѣ научимъся; развѣ у коего священника сицѣваго требника, или и кромѣ требника особаго вашего святительскаго повелѣнія не будетъ, той токмо дѣтей своихъ доуховныхъ учить не станетъ, и самъ знать не будетъ. И мнится, Государь, мнѣ, что надлежитъ и великимъ клятвеннымъ запрещеніемъ презвитерамъ запрѣтить, чтобъ они отнюдъ не искуся и не утвердя въ новоположенныхъ отъ высокоразоумія твоего статьяхъ дѣтей своихъ духовныхъ не исповѣдывали.

Ей, Государь! вамъ непочесому знать, какое въ народѣ нашемъ обыклое и застарѣлое безумство содѣвается. Я аще и не бывалъ во иныхъ окрестныхъ

Государьствахъ, обаче не чаю нигдѣ таковому безумъству обрѣстися. Не скаредное ль сiе есть дѣло, яко еще младенецъ не научится какъ и хлѣба назвать, или чего иного нарещи, или попросить до чего ему нужда какая есть, а родителiе въ началѣ научаютъ его сквернословить и грѣхотворить? чемъ было въ началѣ младенца учить какъ Бога назвать и указывать на небо съ рѣченiемъ, что тамъ Богъ. И тако младенецъ бы отъ самыхъ пеленъ научился Бога знать, а родителiе вмѣсто такова ученiя отецъ учитъ матерь бранить сицѣ; мама кака, мама бля бля; а мать учитъ отца бранить подобнѣ: тятя бля бля; и какъ младенецъ станетъ блякать, то отецъ и мать тому радоуются и понуждаютъ младенца, дабы онъ непрестанно ихъ и постороннихъ людей блякалъ. Къ сему же злоу и еще злоу поущаютъ младенца: отецъ учитъ матку по щекамъ бить, а мать такожде учитъ отца бить, а иные и такiе отцы есть, что и сами себя поущаютъ бить и за бороды драть; и егда младенецъ за бородоу приметца, и тому отецъ вельми радуется. А когда мало повозмужаетъ младенецъ, и говорить станетъ яснѣе, то уже учатъ ево и совершенному сквернословiю и всякому неистовствоу. И естли кто зря младенца неистовящаго речетъ отцу или матери, чтобъ ево отъ таковаго безчинiя унимали, и они отрицаютъ, что де на него смотрить, онъ де еще малъ, а егда возмужаетъ, и самъ де онъ того творить не станетъ; что де ево учить, онъ де ничего не смыслитъ. И тако родителiе токмо плоть смертную раждаютъ, а безсмертную душоу погоубляютъ: и за самую свою хоудоую и маловременную утѣхоу дѣтей своихъ вѣчно смерти придаютъ; понеже егда кой отрочищь изъ младенчества своего чесому навыкнетъ, то съ тѣмъ нравомъ и до смерти пребудетъ. Слышелъ я, что Крымскiе Татаро-

ве дѣтей своихъ ни за какіе вины не бьютъ, дабы они были буявы и безстрашны; и сему вѣрить мочно, что сіе есть правда. Буде кой младенецъ въ грозѣ возрастетъ, той будетъ и до старости боязливъ, понеже страхъ въ немъ заростетъ и не изыдетъ, изъ него даже и до старости, и тако чесого ни навыкнетъ изъ младенчества, съ тѣмъ и пребудетъ. И по сему явно, что отъ сего въ насъ всякое безстрашіе и безуміе раждается, что изъ младенчества намъ ученія доушеполѣзнаго не бываетъ. Гдѣ то слыхано, что у насъ на путехъ, и на торжищахъ и при трапезахъ, наипаче же того бываетъ и во церквахъ, всякая сквернословія и кощоунства и всякая непотребная разглагольствованія? дроугъ дроуга роугаетъ, дроугъ дроуга осоуждаетъ и просмѣхаетъ; и не обрѣтается въ насъ ни знака Христіанскаго, кромѣ того, что токмо мы имянемъ словемъ Христіанъ; а чего ради и Христіанами нарицаемся, и что въ томъ рицаніи сила, того отнюдъ не знаемъ же. Откудоу же вся сія прозябоша, явѣ яко отъ ненаученія младенческаго. Всему же тому начало, еже священники у насъ въ Роуси не ученые: естли бы они были всѣ ученые, или и не ученые, да вся бъ сія разоумѣли, то всячески бъ дѣтей своихъ доуховныхъ на всякое благо наставляли, а о непотребствахъ бы запрещали; а то ни сами разоумѣютъ, ни насъ учатъ. А се и знать имъ и самимъ непочему, понеже въ книгахъ о семъ изъясненія полнаго и явнаго нѣтъ. И сего ради вельми, вельми надобно о семъ потщатися, дабы отъ неразоумія люди Божіи напрасно не погибали. И аще воля ваша святительская къ сему моему доношенію низходительна будетъ, то молю, да благоразоуміемъ своимъ даси намъ разоумѣть, какъ Бога знать, и какъ его чтить, и какъ его молить, и какъ Пресвятую Богородицу, и

какъ Ангеловъ Господьнихъ, и прочіихъ святыхъ чтить и молить, и какъ образы ихъ почитать, и свѣщи съ каковымъ намѣреніемъ предъ кои иконы поставлять, и кои свѣщи идутъ въ честь самому Богоу, и кои токмо единому изообра   женію. Мнѣ, Государь! сіе зритца вельми неправо, что во церквахъ свѣщи поставляютъ всякой человѣкъ предъ свою собину, кои у него иконы принесены изъ дому, а предъ церковные иконы и двадцатые доли свѣчь не поставляютъ; а кои свѣчи и подаютъ предъ церковные иконы, и тѣ наипаче поставляютъ предъ образъ святаго Николая и прочихъ святыхъ, кто коего паче чтитъ, а предъ Спасителевою и предъ Богородичною иконами вельми мало свѣчь является, а въ иное время и безъ свѣчь бываютъ. И сіе зритца вельми есть безмѣстно, а сіе и того безмѣстнѣйши, и вельми ми заболько, что въ праздничные дни свѣщами церковь предъ мѣлкими иконы домовными наполняютъ, отъ части и предъ мѣстные поставляютъ, и отъ множества свѣчь во церкви и въ трапезѣ возженныхъ свѣтъ велій возсіеваетъ, а во алтарѣ яко въ темницѣ темность великая бываетъ, и не токмо бъ свѣща какая горѣла предъ престоломъ, но и предъ самымъ животворящимъ тѣломъ Христовымъ никакіе свѣчки не бываетъ. И естли, Государь, сіе мое изрѣченіе добро, что у престола Божія быть свѣщамъ и предъ ковчегомъ, идѣже тѣло Христово лежитъ, то мнѣ ся мнитъ, что тѣ свѣщи пріятнѣе бъ Богу были. И естли сія тако, то не хоудо бы туже ко исповѣди приписать и о семъ, дабы отцы доуховные на исповѣди дѣтямъ своимъ доуховнымъ и о семъ имянно наказывали, дабы паче тщалися свѣщи подавать во алтарь, а потомъ уже въ церковь предъ иконы. А на праздники и воскресные дни всякой бы человѣкъ могоутно подалъ во алтарь свѣщоу

алтынную, или грошовоую, или копѣечную, а маломочно денежную, или и полоуденежную, а безъ того бъ никто не былъ, еже по силѣ своей свѣчки во алтарь не подать.

И отъ всея своея души святость твою молю, Господа ради невѣжество мое презри, а на усердіе мое призри, и сіе назнаменанное древо въ нынѣ совершающіяся требники водроузи. Вѣмъ бо, вѣмъ, яко Богъ не обидникъ, не изобидитъ тя во троудѣхъ твоихъ воздающе, но воздастъ и со излишествомъ за насажденіе сего малаго лѣторасльнаго древа; сподобитъ тя отъ многолѣтнаго и многоплоднаго древа жизни посредѣ рая насажденнаго прекраснаго и пресладкаго овощія вкусити, и въ некончаемые вѣки насладитися! Аминь, аминь, аминь.

Молю же тя великаго Архіерея Божія паки, Господа ради не отрини сего моего доношенія, за необычное мое дерзновеніе, или за несложность письма. Ей неученый есмъ человѣкъ, къ сему же еще и земледѣлецъ есмь, токмо отъ вложенные ми отъ Бога ревности возжелахъ о сіихъ статьяхъ донести; понеже вижоу, что отвсюдоу погибаемъ, а помощи и спасенія ни откудоу не знаемъ. Хорошо бъ по имянованію нашемоу и житіе наше было, и чтобъ имя Христово въ насъ не хоулилось, но всячески бъ прославлялось; тобы наша полѣзная честь, еже бы намъ всѣхъ окрестныхъ государствъ всякими добродѣтельми и добронравіемъ превзыти. И надеждоу о семъ имѣю на Бога несоумнѣнную, аще той водроузитъ во твое святительское сердце о сіемъ предложеніи прилѣжное тщаніе, то будетъ тако, яко надлежитъ быть. О Антихристѣ и вельми многотроудно въ изъявленіе учинить, обаче егда

потъщался еси, и Богъ помогъ ти объяснить явно яко въ зерцалѣ. И естли, Государь! изволишь ради всенародные пользы означенные статьи по благоразоумію своему состроити, то многіе люди спасутся, вси бо яко отъ сна тробудятся.

Писавый убогій мирянинъ села Покровскаго крестьянинъ } Иванъ Посошковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Къ сочиненiямъ Посошкова приложены три страницы снимковъ.

2020159038